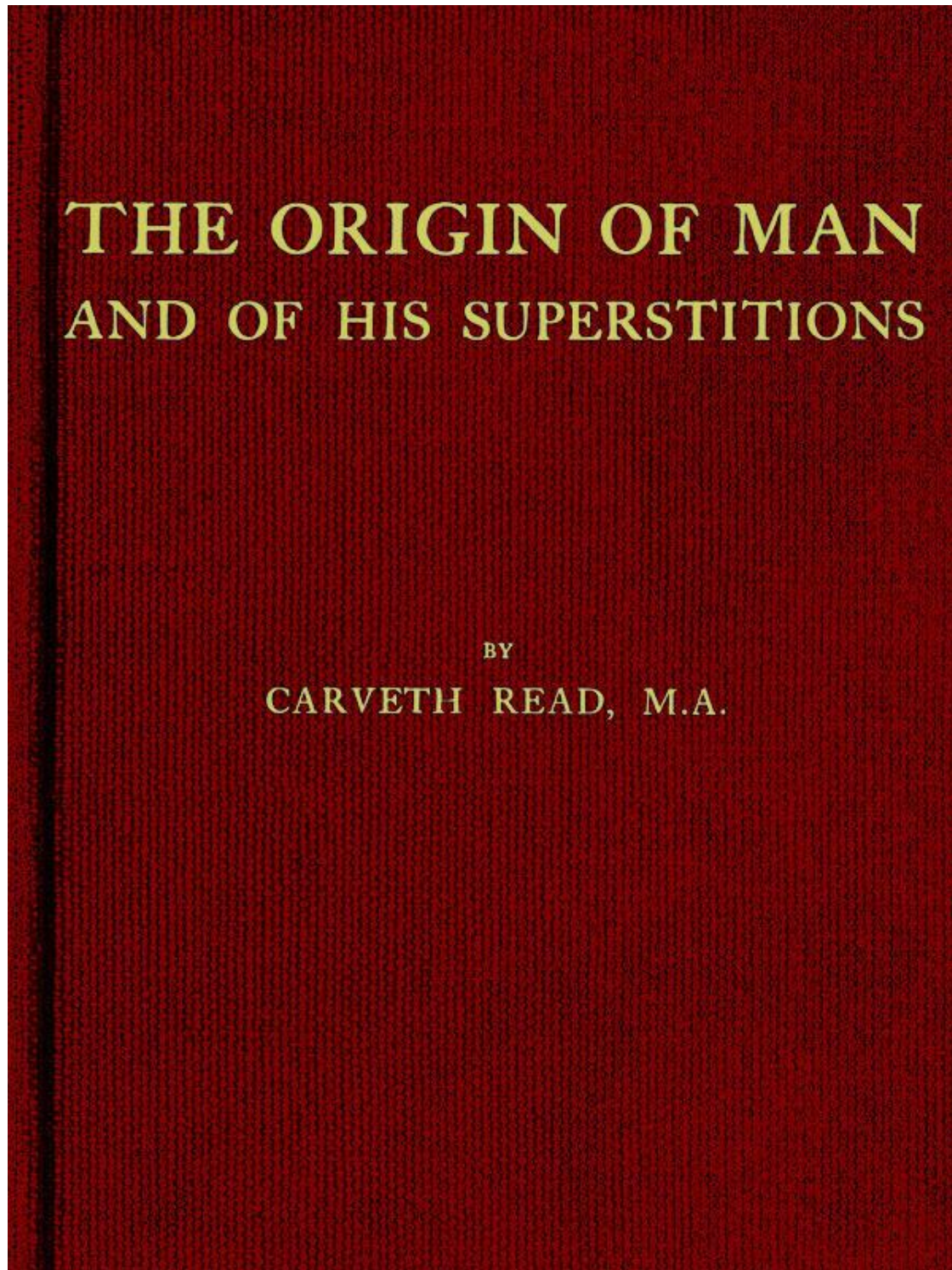

Происхождение человека и его суеверий

Карвет Рид

Электронная книга проекта "Гутенберг" о происхождении человека и его суевериях

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Происхождение человека и его суеверий

Автор: Карвет Рид

Дата выхода: 17 сентября 2014 г. [Электронная книга № 46884]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Керну, eagkw и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СУЕВЕРИЙ" ***

Обложка этой книги создана автором и находится в общественном достоянии. Более подробное [примечание переписчика](#) можно найти в конце этой книги.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СУЕВЕРИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

К. Ф. КЛЕЙ, менеджер

ЛОНДОН: ФЕТТЕР-ЛЕЙН, Е.С. 4

НЬЮ-ЙОРК: КОМПАНИЯ MACMILLAN CO.

БОМБЕЙ } MACMILLAN AND CO., Ltd.

КАЛЬКУТТА

МАДРАС

ТОРОНТО: THE MACMILLAN CO.
OF CANADA, Ltd.
ТОКИО: МАРУЗЕН-КАБУСИКИ-КАЙША

Все права защищены

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СУЕВЕРИЙ

АВТОР: КАРВЕТ РИД, магистр медицины

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (РАНЕЕ ПРОФЕССОР ФИЛОСОФИИ ГРОТЕ)
) В УНИВЕРСИТЕТСКОМ КОЛЛЕДЖЕ ЛОНДОНА

КЕМБРИДЖ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ UNIVERSITY PRESS
1920

Напечатано в Великобритании фирмами
Richard Clay & Sons, Limited,
BRUNSWICK ST., STAMFORD ST., S. E. 1,
И BUNGAY, САФФОЛК.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первой части публикуемого сейчас тома излагается гипотеза о том, что человеческая раса произошла от некоего обезьяноподобного вида в результате ряда изменений, которые начались и до недавнего времени поддерживались практикой охоты стаями в поисках животной пищи, вместо того чтобы довольствоваться фруктами и другими питательными продуктами тропического леса. Эта гипотеза пришла мне в голову много лет назад и была впервые опубликована (вкратце) в "Метафизике природы" (1805), глава I. XIII., и снова в "Естественной и социальной морали" (1909); но все, что это подразумевало, не становилось ясным до тех пор, пока во время чтения лекций по сравнительной психологии мне не навязали необходимость осуществить понятный переход от животного разума к человеческому и не удовлетворились повторением год за годом, что руки и мозги явно настолько полезны, что они, должно быть, были развиты естественным отбором. Затем в один прекрасный день обнаружились необходимые идеи; и краткое изложение гипотезы было зачитано на собрании Британской ассоциации (Секция Н) в Бирмингеме в 1913 году и напечатано в журнале *Man* за ноябрь 1914 года. Совет Антропологического института любезно согласился на то, чтобы я использовал содержание этой статьи в следующей первой главе.

Статья в "Человеке" касалась главным образом физических изменений, которым подверглась наша раса. Соответствующие психические изменения были объяснены в Британском журнале психологии в статье, которая легла в основу второй главы этой книги.

Таким образом, охотничья стая была первой формой человеческого общества; и при чтении лекций по этнопсихологии меня особенно интересовали два вопроса: (1) При каких психических условиях произошел переход от организации охотничьей стаи (когда она ослабла) к оседлой жизни племени или группы? и (2) Почему человеческий разум повсюду затуманен идеями Магии и анимизма? Казалось, наконец-то у них был один и тот же ответ: эти суеверия были полезны и (по-видимому) даже необходимы для придания старейшинам достаточного авторитета для сохранения традиций и обычаев, когда руководитель охоты больше не выделялся своей властью. Работающая с магией геронтократия была второй формой общества; а третьей формой управлял король-волшебник или король-жрец, или король, поддерживаемый волшебниками или священниками. Следовательно, необходимо понять возможность существования этих верований в Магию и анимизм, а также то, как они возникли и получили влияние на все племена и нации; и отсюда вторая часть этого тома — о суевериях.

Некоторые результаты исследования этих вопросов были также опубликованы в British Journal of Psychology (а именно, большая часть содержания Chaps. III., IV., V., VI. и VIII.) и воспроизводятся здесь с согласия редактора, увеличены и, по большей части, переписаны: наименее измененными являются главы VI. и VIII. Главы VII, IX и X. до сих пор не были напечатаны, но часть главы X. была зачитана на собрании Британской ассоциации в Борнмуте в прошлом году.

Господа. Уильямс и Норгейт разрешили использовать диаграмму, приведенную в сноске к стр. 3, на основе одной из работ профессора. Кит в своей "Древности человека".

Широко использовались, конечно, работы Дарвина, Герберта Спенсера и Э. Б. Тайлора, а также (среди ныне живущих авторов) тома сэра Дж. Г. Фрейзера и проф. Эда Вестермарка. Я благодарен моим друзьям и коллегам, проф. Спирмену, проф. Дж.П. Хиллу и проф. Артуру Кейту за помощь различными способами. Мистер Пайкрафт из Музея естественной истории также дал мне важную информацию; и мой старый друг, мистер Томас Уиттейкер, помог мне, как обычно, когда я больше всего в этом нуждался.

Прочитал Карвет.

Университетский колледж, Лондон.

Июль 1920 г.

Содержание

ГЛАВА I,

Об отличии Человека от антропоидов

СТРАНИЦА

1

§ 1. *Гипотеза.*—Что Человек выделился из группы антропоидов, став охотником; возможно, в период олигоцена

1-3

§ 2. <i>Что объясняет гипотеза.</i> — Распространение по всему миру; почему самые ранние известные люди были охотниками; прямая походка; специализация рук; уменьшение размеров рук; а также зубов и челюстей; модификация черепа; социальное сотрудничество; зачатки речи; интеллект; контроль над огнем	4-13
§ 3. <i>Второстепенные последствия.</i> В—Пищеварительный тракт; потеря сезонных браков; обнаженная кожа; каннибализм; разделение на расы; Нордическая подраса	13-21
§ 4. <i>Добыча и конкуренты.</i> -Климат и ландшафт в олигоцене и миоцене; животные, травоядные; антропоиды и их рост в позднем олигоцене; современники— плотоядные.	21-8
§ 5. <i>Заключение.</i> Краткое содержание	28-9
ГЛАВА II	
,,, О дифференциации человека от антропоидного разума	30
§ 1. <i>Наследственность, адаптация, Аккомодация</i>	30-31
§ 2. <i>Первоначальная группа и условия дифференциации.</i> —Разум высших обезьян - лучший ключ к пониманию первоначальной группы. Условия дифференциации: охотничья жизнь; географическое распространение; социальная жизнь; представления о магии и анимизме	31-5
§ 3. <i>Первобытное общество.</i> — Формы стадности среди млекопитающих; охотничья стая, наиболее вероятно, изначальная для человеческого общества. Другие гипотезы	35-40
§ 4. <i>Психология охотничьей стаи.</i> Интерес к охоте и убийству; стадность; различные формы симпатии; агрессивность; претензии на территорию; признание лидеров, подчинение стае, соперничество, превосходство; стратегия и настойчивость; борьба за дележ добычи; интеллект. Иной менталитет травоядного стада	40-49
§ 5. <i>Тип человека-Волка, установленный естественным отбором.</i> —Гипотеза Кейта относительно эпохи дифференциации. Медленный прогресс культуры; полная адаптация к охотничьей жизни до неолитической культуры	49-52
§ 6. <i>Некоторые дальнейшие последствия охотничьей жизни.</i> -Рост созидательности; язык; обычаи —брак; собственность; война; спорт и игрища; смех и причитания	52—61
§ 7. <i>Морализация охотников.</i> ВХарактер антропоидов; человеческая доброжелательность; моральное чувство; влияние трудолюбия; растущий интеллект	61—6
§ 8. <i>Влияние воображаемого окружения.</i> —Вера в магию и духов часто вредна; но в целом выгодна; особенно при установлении правительства	66-70
ГЛАВА III	
Вера и суеверия	71
§ 1. “Суеверие.....—Здесь используется просто для включения Магии и анимизма в качестве верований в воображение	71-2

§ 2. <i>Воображение</i> .— Различные варианты использования слова; ментальные "образы"; в связи с рассуждениями; и с художественной литературой. Здесь имеется в виду непроверяемое представление	72-6
§ 3. <i>Вера</i> .—Природа веры; степени вероятности; проверяется действием; игровая вера	76-9
§ 4. <i>Причины и обоснования веры</i> .—Полученные из восприятия. Доказательные причины или основания, повышающие некоторую вероятность; и неосновательные причины, которые не являются основаниями. Память, свидетельство, умозаключение, поскольку они непроверяемы, являются воображением. Влияние апперцептивных масс и методологии. Недоказательные причины имеют свои собственныеапперцептивные массы - вытекающие из плохой наблюдательности, памяти, свидетельских показаний; подверженные влиянию эмоций, желаний и добровольных действий; симпатии и антипатии, а также внушаемости	79—85
§ 5. <i>Верования Незрелых Умов</i> .—Неоказательные причины более влиятельны, чем у нас; образное мышление более яркое; отсутствие общего стандарта истины; слабая способность к сравнению, возможно, из-за незрелости мозга	85-92
§ 6. <i>Рассуждения Незрелых Умов</i> .—Ошибки индукции; незнание второстепенной посылки дедукции; рассуждение по аналогии	92-8
§ 7. <i>Общие идеи на уровне дикарей</i> .—У дикарей есть общие идеи, хотя часто они не признаются или не называются; сила; отношения причинности и равенства	99-103
§ 8. <i>Слабость воображения-убеждения</i> .—Поверхностное сходство с восприятием-верованиями; больше похоже на игру-веру	103-7
ГЛАВА IV	
Магии	108
§ 1. <i>Древность магии</i>	108-9
§ 2. <i>Что такое магия?</i> — Определение магии; воображаемая безличная сила противопоставляется силе духов; ее действие единообразно, как законы природы. Виды магии	109-12
§ 3. <i>Зачатки магии</i> . - Вопрос спекуляций. Самые ранние были, вероятно, самыми простыми и наиболее широко распространились в силу традиций и наследственной предрасположенности. Главным источником веры в Магию является принятие совпадения за причинно-следственную связь	112-19
§ 4. <i>Магическая сила и примитивные представления о причинно-следственной связи</i> .—Представление о магической силе, производной от физической силы (эмпатия, аниматизм, невидимое действие на расстоянии, мана). Как анимизм и Магия искажают идеи причинности	119-24
§ 5. <i>Магия и мистерия</i>	124-6
§ 6. <i>Волевая магия</i> .— Относительно поздняя идея	126-8
§ 7. <i>Эволюция магии</i> — <i>Прямая магия</i> .—Рост и дифференциация; четыре стадии; заклинания и чары; табу	128-34
§ 8. <i>Непрямая или "Симпатическая" магия</i> .—Принципы Симпатической магии—	134-42

мимесис и участие; связь с анимизмом. Образцовая магия	
§ 9. <i>Исчезновение магии</i>	143-4
ГЛАВА V	
Анимизм	145
§ 1. <i>Что такое анимизм?</i> —Гиперфизический и психологический анимизм. Не все дикари думают, что у каждого человека есть отдельная душа	145-7
§ 2. <i>Психологический анимизм.</i> — Что все одушевлено, а не универсальная или примитивная иллюзия. Аниматизм. Причины обращения с некоторыми неодушевленными предметами как с живыми или разумными	147-53
§ 3. <i>Теория привидений.</i> — Возникла главным образом из сновидений; которые рассматриваются как объективный опыт	153-7
§ 4. <i>Распространение теории привидений на животных.</i> —Влияние теней и отражений. Как правило, призраки есть только у вещей, интересных по отдельности. Примеры	157-60
§ 5. <i>Призраки и вещество Души.</i> —Отделенным духам нужны тела и пища, то есть вещество души. Абстрактные идеи “духа”, “силы” и т.д.	161-4
§ 6. <i>Привидения и духи.</i> —Призраки сначала представлялись, а другие духи - по их образцу. Некоторые духи, бывшие призраками, теперь объявлены несуществующими; другие никогда не воплощались	164-9
§ 7. <i>Как представляют призраков и духов.</i> —Имеют те же атрибуты, и поначалу не являются нематериальными; путают с трупом. Различные концепции. Количество душ в каждом теле. Внешние души	169-73
§ 8. <i>Происхождение и судьба душ.</i> —Реинкарнация—Переселение душ — Подвержен второй смерти. Место усопших. Важность следующей жизни, похожей на настоящую	174-7
§ 9. <i>Обращение с призраками.</i> —Частично вызвано страхом, частично привязанностью. Погребальные обряды — экстравагантность и экономия. Простота призраков. Непоследовательное поведение по отношению к ним	178-82
§ 10. <i>Эволюция и распад анимизма.</i> —Народный и жреческий анимизм. Различные эмоции, вызываемые призраками и богами	182-6
ГЛАВА VI	
Отношения между магией и анимизмом	187
§ 1. <i>Вопрос о приоритете.</i> —Теория анимизма Вундта и производной от нее Магии. Причины для несогласия. Независимые истоки магии и анимизма	187-93
§ 2. <i>Магия и религия.</i> —Гипотеза Фрейзера о замене магии религией. Причины несогласия. Альтернативная гипотеза. Каприз духов - существенное различие анимизма	193-7
§ 3. <i>Идеи и практики магии, принятые анимизмом.</i> —Невидимая сила. Сила чар, приписываемых духам. Предзнаменования сначала магические, затем духовные предупреждения. Заклинания становятся молитвами. Магические обряды становятся религиозными церемониями	197-203

§ 4. <i>Ретроградация</i> .—Теория Вундта объясняет потерю во многих случаях анимистических идей; Фетишей; Предзнаменований; Молитв; религиозных церемоний	203-7
§ 5. <i>Духи знают Магию, обучают ей и вдохновляют магов</i> .—Примеры духов, знающих Магию и обучающих ее. Вдохновение и одержимость	207-12
§ 6. <i>Духи действуют с помощью магии</i> .—Одержимость; нанесение ударов; метаморфоза; чары и заклинания	212-16
§ 7. <i>Духами управляют с помощью магии</i> . — Биологическая необходимость контролировать духов — страхом — или Магией. Аналогия с политикой. Высшие варварские религии. Магико-правовой контроль над богами. Идея судьбы. Свобода воли и единообразие	216-24
ГЛАВА VII	
Знаменания	225
§ 1. <i>Распространенность Предзнаменований</i> везде, во все века. Примеры	225-6
§ 2. <i>Приметы и природные приметы</i> .Естественные знаки, имеющие первостепенное значение для охотников; а предзнаменования — это воображаемые знаки	226-7
§ 3. <i>Некоторые знаки, воспринимаемые как магические</i> .—По стечению обстоятельств одни события становятся знаками других благодаря таинственной и безошибочной связи. Приподнятое настроение или депрессия способствуют вере в приметы; их достоверность может зависеть от принятия. Древность субъективных предзнаменований. Все, что вызывает восторг или депрессию, является зловещим. Совпадение и аналогия	227-32
§ 4. <i>Отличие предзнаменований от общей магии</i> .—Предзнаменования приравниваются к чарам, обрядам и заклинаниям, но отличаются тем, что являются только знаками, а не причинами. Другие различия	232-4
§ 5. <i>Предзнаменования, интерпретируемые анимизмом</i> .—Предзнаменования напоминают предупреждения — сначала исходящие от дружелюбных животных, затем от духов, следовательно, связанные с оракулами и снами	234-8
§ 6. <i>Естественные и искусственные предзнаменования</i> поскольку естественные предзнаменования не всегда под рукой, в любое время можно найти способы их получения; например, игральные кости, гепатомантия, астрология	238-40
§ 7. <i>В Гадания и оракулы</i> .—Прорицатели и искусство прорицания. Сила прорицателей и оракулов. Способы получения оракулов и получения вдохновения произошли от низкой дикости	240-45
§ 8. <i>Очевидный провал предзнаменований</i> — приписывается ошибочному наблюдению или интерпретации; разочарованию духами или высшей Магией; или символическому исполнению	245-7
§ 9. <i>Извинения за предзнаменования</i> .—Прорицатель или прорицательница старается быть хорошо информированной. Стоики и гадание. Предзнаменования, связанные с судьбой. Условные и безусловные приметы	247-61

ГЛАВА VIII

Разум Волшебника	252
§ 1. <i>Взлет и падение волшебства.</i> —Поначалу профессионалов не было. Ранним профессионалам платили; за исключением влияния; что позволяло им поддерживать порядок. Анимизм порождает колдунов и священников. Священники подавляют колдовство и черную магию и поглощают белую магию в религиозных обрядах. Общества волшебников	252-7
§ 2. <i>Притязания Волшебника.</i> — Контроль над природой; изменение формы и полеты; вызывание и излечение болезней; Гадание; контроль над призраками и духами. Общее доверие к ним	257-9
§ 3. <i>Характеристики Волшебника</i> — Интеллект и знания; сила воли и отвага (инициация); мотивы — притягательность тайны, репутации, власти; характерный костюм и манера поведения “сверхчеловека”; ревность к соперникам; театральный темперамент; истерический диатез. Внушаемость его клиентов	259-76
§ 4. <i>Волшебник и Скептик.</i> — Социальное заблуждение и самозванство. Скептицизм часто встречается среди вождей и высших социальных слоев, а также среди простых людей из-за здравого смысла. Волшебникам еще труднее поддерживать самообман	276-83
,§ 5. <i>Убеждение волшебника.</i> —Честность и мошенничество. Волшебник по призванию. Очарование черного волшебства. Изобретения, необходимые в профессиональном плане, кажутся оправданными социальной полезностью. Его вера укреплялась естественными причинами, вызванными им самим или его клиентами, а также совпадениями	284-92
ГЛАВА IX	
Тотемизм	293
§ 1. <i>Значение и сфера применения тотемизма.</i> В—Определения Фрейзера. Тотем клана и связанные с ним обряды	293-6
§ 2. <i>О происхождении тотемизма.</i> —Тотемизм не универсален. Тотемические имена, иногда недавние, обычно древние. Тотемизм не имеет психологической необходимости в Магии и анимизме. Берет свое начало от имен отдельных людей или групп?	296-9
§ 3. <i>Концептуальная гипотеза Фрейзера.</i> —Вера в тотемы проистекает из женских фантазий о причине беременности. Критические замечания	299-304
§ 4. <i>Гипотеза Ланга.</i> — Названия животных или растений, данные группам, вероятно, другими группами. Обстоятельства происхождения были забыты, и были изобретены объяснительные мифы с соответствующими обрядами. Комментарии	304-7
,§ 5. <i>Тотемизм и брак.</i> —Классы экзогамии, тотемизма и брака. Гипотеза Вестермарка относительно экзогамии	307-11
§ 6. <i>Член клана и его тотем</i> — возможно, считается, что у него одна и та же душа	312-14
§ 7. <i>Тотемизм и магия.</i> —Магические свойства имен. Трансформация. Штрафы за нарушение обрядов. Контроль над тотемами	314-19
§ 8. <i>Тотемизм и анимизм.</i> — Тотемы в Австралии предупреждают; иногда их призывают на помощь; Воллункуа. Слияние тотема с духом героя на Фиджи; в	319-25

Полинезии. Умилостивление духов-хранителей, “старших братьев”, биологических богов в Северной и Южной Америке. Зоолатрия в Африке; в Египте

ГЛАВА X

Магия и наука	326
§ 1. <i>Их общая позиция.</i> —Оба предполагают единообразие действий. Дифференцированный в противоположных направлениях от здравого смысла	326-8
§ 2. <i>Дифференциация.</i> —Волшебник—врач -подлинные и магические лекарства; хирург с некоторыми знаниями анатомии—эффективные средства и сосание-излечение; психологии и внушения; его физиологической психологии. Знание природных знаков; Природных приметов; Астрономии и астрологии. Обряды дождя и метеорология	328-37
§ 3. <i>Почему Магия кажется Источником Науки.</i> —Проводится веками одними и теми же людьми и развивается быстрее	337-340
§ 4. <i>Анимизм и наука.</i> — Естественно, как каприз противопоставляется единообразию; но косвенно анимизм является великой кормилицей науки и искусства. Анимизм и философия. Заключение	340-42
Указатель	345

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СУЕВЕРИЙ

ГЛАВА I

ОБ ОТЛИЧИИ ЧЕЛОВЕКА ОТ АНТРОПОИДОВ

§ 1. Гипотеза

С тем, что человеческий вид, каким мы его видим сейчас, с его несколькими расами, монгольской, негритянской, средиземноморской и т.д., представляет семейство приматов, согласны все; и есть свидетельства того, что в это Семейство ранее входили другие виды, которые вымерли. Нашими ближайшими сохранившимися зоологическими родственниками являются горилла, шимпанзе и орангутанг, а также (еще дальше) сиаманг и гиббоны; и, несмотря на фундаментальное анатомическое сходство между этими обезьянами и нами, разница настолько велика, что очень желательно какое-то объяснение того, как она возникла.

Различия между Человеком и его ближайшими родственниками неисчислимы; но если взять главное из них и предположить, что второстепенные детали коррелируют с ними, то гипотеза этого эссе заключается в том, что все они могут быть отнесены к влиянию одной вариации, действующей среди исходных антропоидных состояний. Эта вариация заключалась в принятии мясной диеты и привычек охотника для ее добычи. Без перехода на мясную диету не было бы охоты; но мясная диета, полученная без охоты (если предположить, что это возможно), ничего не смогла бы сделать для эволюции нашего вида. Таким образом, принятие образа жизни охотника является существенным изменением, от которого зависит все остальное. Нам не

нужно предполагать, что таким образом изменялся целый предковый вид: достаточно, чтобы так поступали несколько или даже один представитель общей антропоидной группы, и чтобы вариация была выгодной и передавалась по наследству.

Такое изменение *должно* произойти в какое-то время, поскольку человек повсюду более или менее плотояден; самые ранние известные люди были охотниками; оружие - один из самых ранних известных артефактов. И не исключено, что изменение началось на уровне антропоидов; потому что, хотя существующие антропоиды в основном плодоядны, все же они иногда едят птичьи яйца и птенцов; говорят, что горилла питается мелкими млекопитающими; и другие приматы (себиды, макаки и павианы) едят насекомых, паукообразных, крабов, червей, лягушек, ящериц, птиц; а макака, питающаяся крабами, собирает большую часть своей пищи на малайском побережье. Почему же тогда ни одна обезьяна не могла заняться охотой?

Нам не нужно предполагать, что наши предки когда-либо были исключительно плотоядными: это очень маловероятно. Смешанная диета является правилом даже среди охотничьих племен, и повсюду женщины собирают и употребляют фрукты и корни. Но если поначалу наш предок был почти всеяден, то вскоре (предполагается) предпочел нападать на млекопитающих и в отдаленные времена продвинулся до убийства самой крупной дичи, найденной в его среде обитания. Сейчас дикие охотники делают это повсюду: маленький семанг убивает тигра, носорога, слона и буйвола; а много тысяч лет назад в Европе люди убивали северного оленя и мамонта, лошадь и бизона, гиену и пещерного медведя. Это правда, что у них было оружие и силки, в то время как у первого охотника были только руки и зубы.

Переход от фруктоедения к охотничьему образу жизни принес огромную пользу открытию свежих запасов пищи; и, возможно, перебои в нормальном снабжении старой привычной пищей были прямой причиной появления новой привычки. Если бы наша обезьяна жила вблизи северных границ тропического леса и там произошло понижение температуры, например, уменьшившее (особенно зимой) урожай фруктов и другой питательной растительности, которой она питалась, голод, возможно, заставил ее нападать на других животных;[1] в то время как более южные антропоиды, не страдающие от изменения климата, продолжали жить своим древним образом о жизни. Крупный антропоид (*дриопитек*) населял Центральную Европу в миоцене, поскольку были найдены его кости; возможно, были и другие; и в течение этого периода климат изменился с субтропического на умеренный, с соответствующими изменениями в фауне и флоре. Поэтому мне раньше приходило в голову, что, возможно, решающая перемена в жизни нашей Семьи произошла именно тогда. Похоже, однако, что знающие люди указывают вероятную дату великой дифференциации гораздо раньше, в олигоцене;[2] и поскольку я не могу обнаружить, что в течение этого периода, как известно, произошло какое-либо значительное изменение климата, представляется необходимым вернуться к “спонтанным” изменениям (как и должно быть во многих других случаях); то есть к причинам, которые в настоящее время находятся за пределами нашего видения, роковая обезьяна действительно настолько решительно предпочитала животную пищу, что начала за ней охоту. Учитывая это, остальная часть истории была неизбежна. Новое занятие по своей природе поглощало все внимание животного и координировало все его способности; и чтобы поддерживать и усиливать его, можно разумно предположить, что структура его тела и разума претерпела быструю модификацию в результате естественного отбора; потому что те особи, у которых какой-либо орган или способность были наиболее приспособлены к новой жизни, имели преимущество, которое передавалось по наследству и постепенно усиливалось.[3]

§ 2. Что объясняет гипотеза

Позвольте мне быстро пробежаться по основным различиям между Человеком и его ближайшими сородичами: некоторые из них очевидны и могут быть изложены очень кратко; к другим я вернусь в следующей главе. Мы увидим, что все они естественным образом вытекают из приведенной выше гипотезы.

(1) Антропоиды никогда не встречаются вне тропических лесов Африки и Малайи (включая Борнео и Суматру). Они питаются в основном фруктами и другими высокопитательными растительными продуктами, которые круглый год можно достать только там. Хотя они часто спускаются на землю, особенно шимпанзе и гориллы, они приспособлены к жизни на деревьях: это их дом. В отличие от их привычек, Человек чувствует себя на земле как дома, имея неограниченный ареал по всей планете от Северного полярного круга до Тасмании и Огненной Земли; потому что на земле (главным образом) он повсюду находит себе пищу в других животных, на которых он охотится и убивает. Таким образом, это условие его освобождения от тропического леса. Действительно, возможно, что плодоядное животное, родом из леса, получило бы более широкий ареал обитания, перейдя на более грубую пищу из корней и травы, такой, какой достаточно для копытных, которые щиплют, пасутся или роют землю рылом; но это не привело бы к прямохождению, или большому мозгу, или каким-либо другим признакам, отличающим Человека. За такой переменной, должно быть, последовал не прогресс, а регресс.

(2) То, что первые люди, об условиях жизни которых мы имеем какие-либо сведения, были охотниками, согласуется с этой гипотезой. Любой другой взгляд на происхождение Человека должен объяснять, как и когда он стал охотником. Кажется, нет причин относить изменение привычек (которое, несомненно, произошло в какое-то время) к чему-либо более близкому, чем начало нашей дифференциации. Чем дальше мы возвращаем это на место, тем лучше это объясняет другие модификации.

(3) Прямохождение было достигнуто человекообразными обезьянами в ходе адаптации к древесному образу жизни;^[4] но прямохождение как нормальный способ передвижения (если мы пренебрегаем несовершенными способностями гиббонов) присуще только нам; и такая походка была достигнута потому, что наиболее успешные охотники следовали за своей добычей пешком по земле. Слабое, безрезультатное шарканье антропоидов по земле, поддерживающих себя руками там, где нет нависающих ветвей, за которые можно было бы раскачаться и помочь себе продвигаться, не могло бы принести пользы охотнику, особенно если бы ему предстояло покинуть лес. Мы можем, действительно, предположить, что поначалу на добычу иногда нападали, прыгая на нее с ветки дерева, как иногда делают леопарды; но чем меньше наш предок в своей новой жизни доверял деревьям, тем лучше для него. Такая простая стратегия не могла сделать его доминирующим животным во всем мире; ничто не могло сделать этого, кроме постепенного обретения прямой походки, приспособленной к преследованию своей добычи. Следовательно, многочисленные модификации строения, необходимые для нее, когда бы время от времени они ни происходили, сохранялись и накапливались естественным отбором, а именно: изгиб позвоночного столба, балансирование головы на относительно тонкой шее, изменения в суставах, костях и мышцах ног, удлинение голени и специализация стопы (у которой пятка развита больше, чем у гориллы, а большой палец удлиннен и лежит параллельно другим пальцам).

(4) Специализация ног по мере развития сделала возможной специализацию рук: постепенно избавившись от задачи содействия передвижению, будь то по деревьям или по земле, они использовались в схватке с добычей, подкрепленные массивными челюстями и мощными клыками. Со временем они приносили в бой дубинки и камни, а по прошествии многих веков начали превращать такие средства нападения в оружие, которое можно было бы назвать артефактами. Эти простые начинания, вероятно, заняли огромное время, возможно, более половины всего периода вплоть до настоящего времени. Полезность и, как следствие, выбор рук были велики повсюду; но их окончательное развитие можно отнести к изготовлению и использованию оружия, созданного в соответствии с ментальным шаблоном. Те, у кого были лучшие руки, были выбраны потому, что они делали лучшее оружие и лучше всего им пользовались; но по остаткам нескольких палеолитических стадий искусства изготовления орудий труда мы знаем, как медленно совершенствовалось это искусство.

(5) Наряду со специализацией рук происходило уменьшение длины и массивности рук; и это, должно быть, было невыгодно при непосредственном схватывании с добычей. Но бегуну это было необходимо для того, чтобы уменьшить вес и громоздкость верхней части тела, а также улучшить свое равновесие и ловкость. Изменение, возможно, также было полезным, поскольку обеспечивало физиологическую компенсацию за удлинение и укрепление ног. И как только в обиход вошли необработанные камни и дубинки, появилась механическая компенсация за укорочение рук. Результатом является адаптивная координация всей структуры с жизнью двуногого охотника.

(6) Дарвин говорит: “Ранние предки человека мужского пола, как указывалось ранее, вероятно, были снабжены большими клыками; но по мере того, как они постепенно приобретали привычку использовать камни, дубинки или другое оружие для борьбы со своими врагами или соперниками, они все реже и реже использовали свои челюсти и зубы. В этом случае челюсти вместе с зубами уменьшились бы в размерах, в чем мы можем быть почти уверены на основании многочисленных аналогичных случаев”.

(7) Следовательно, профиль начал приближаться к ортогнатному типу; и он продвинулся дальше в этом направлении из-за сопутствующих изменений в черепе. Череп стал менее толстым и грубым, (а) потому что по мере того, как руки (использующие оружие) вытесняли зубы в бою, челюсти и шея становились менее массивными, а их мышцы больше не нуждались в таких прочных креплениях; (б) потому что голова была менее подвержена травмам, когда ее больше не использовали в качестве главного органа в бою. В то же время череп постепенно увеличивался в объеме и стал сводчатым, освобождая место для мозга животного, которое (как мы увидим) приобрело много знаний (теменная ассоциативная область) и жило, применяя свои знания для координации все более сложных и непрерывных действий (передняя ассоциативная область).[5]

(8) Обезьяны большинства видов, как в Новом, так и в Старом Свете, общительны, живут стаями от десяти до пятидесяти и более человек и могут время от времени сотрудничать во взаимной защите или в несении вахты. Павианы, действительно, встречаются стадами в несколько сотен особей; и, по достоверным сообщениям, они сотрудничают в набегах на плантации и в защите от леопардов, других павианов и даже охотников на людей.[6] Гиббоны, опять же, социальные животные, собирающиеся в группы числом до пятидесяти. Но крупные антропоиды живут только семьями — самец оранга даже ведет несколько уединенный образ жизни; три или

четыре семейства шимпанзе могут какое-то время держаться вместе. Человек, однако, повсюду — за несколькими сомнительными исключениями, вероятно, дегенеративными — как социальный, так и склонный к сотрудничеству; и цель его сотрудничества на уровне австралийца или семанга поучительна. Члены племени работают вместе, как мы могли бы предположить, не в промышленности, а на охоте, войне или племенных церемониях — последние, без сомнения, сравнительно недавнего происхождения: так что несколько тысяч лет назад не было никакого сотрудничества, кроме охоты и войны (которые сводятся к одному и тому же).

То, что крупные антропоиды не являются ни стадными, ни склонными к сотрудничеству, следует из того, что у них нет задачи, в которой сотрудничество было бы полезным, нет общей цели: они способны в одиночку защитить себя и свои семьи; а когда семьи расходятся по лесам, у них больше запасов пищи. Но предок Человека нашел объект для общения и кооперации в охоте. Спенсер, действительно, говорит, что крупное хищное животное, способное убить свою добычу, извлекает выгоду из одиночества; и это может быть правдой там, где дичи мало: в олигоценовый и миоценовый периоды дичи не было в дефиците. Более того, когда наша обезьяна впервые преследовала дичь, особенно крупную (не будучи в силу древней адаптации по строению и инстинкту плотоядным животным), она, возможно, была неспособна убить достаточное количество добычи в одиночку; и, если это так, она выиграет, став одновременно социальной и сотрудничающей как охотник, подобно волкам и собакам - короче говоря, разнообразностью обезьяны-волка (*Lycopithecus*). Стая была средством увеличения количества пищи на единицу, а стадность увеличивалась естественным отбором до предела, установленного полезностью. Следовательно (как будет подробно показано в следующей главе), человек по характеру больше похож на собаку или волка, чем на любое другое животное.

(9) Некоторое развитие зачатков речи можно с уверенностью отнести к социальному сотрудничеству. Гиббон, наиболее общительный, также является самым крикливым из антропоидов; но, не имея общей задачи, в которой необходимы совместные действия, он использует свою замечательную силу голоса (по-видимому) просто для выражения своих чувств и поддержания единства стаи. Шимпанзе и горилла, вероятно, наслаждаются тесной и любящей семейной жизнью, но такой, которая практически не требует согласованных усилий. Следовательно, их вокализация очень рудиментарна. Согласно Р. Л. Гарнеру, это истинная речь: шимпанзе (по его словам) знает значение издаваемых им звуков и намеревается передать это какому-то определенному индивидууму, на которого он смотрит. Но в его распоряжении очень мало звуков, и те в основном выражают естественные потребности.^[7] Если настаивать на том, что антропоиды не разговаривают, потому что их нижняя челюсть и язык не имеют специальной адаптации к речи, присущей Человеку, следует учитывать (а), что если бы такая структура была им полезна, она была бы приобретена, как, должно быть, когда-то было самим Человеком; и (b) что даже без каких-либо изменений они не могут говорить. могли бы тараторить достаточно хорошо, чтобы передать множество различных, объективных значений, если бы им понадобилось это сделать: ибо Человек, должно быть, начинал именно так; он не мог ждать развития физической структуры, прежде чем пытаться говорить. Шимпанзе не испытывают недостатка в достаточном интеллекте, поскольку в неволе они учатся понимать многое из того, что им говорят. То, чего они хотели, было достаточным мотивом для настойчивых попыток общения, таким, чтобы те, кто добился какого-либо прогресса в этом искусстве, имели

жизненное преимущество перед другими. У человека был такой мотив, потому что сотрудничество было ему необходимо не (как мы видели) в промышленности, а на охоте. На охоте, при планировании охоты и руководстве ею речь явно полезна; и это лучше, чем жестикация, которая, вероятно, предшествовала ей и обычно сопровождала ее; потому что, поскольку речь стала независимой от жестов, она могла продолжаться, пока руки и тело были заняты другим делом или когда товарищи не могли видеть друг друга, — передавая, благодаря очень выгодному разделению труда, весь процесс выражения органам, которые иначе не требовались. Возможно, это не намного больше, чем очень простые зачатки членораздельной речи, которые можно отнести к ранней совместной охоте; но вся трудность заключается в самом начале. И ситуация была особенно благоприятной для зарождения языка с помощью звукоподражания, имитирующего характерные звуки различных животных, а также оружие и действия, используемые для их преследования и убийства.

(10) Интеллект и обширные знания (по сравнению с антропоидами), которые отличают Человека в его наихудшем известном состоянии, явно объясняются его пристрастием к охотничьему образу жизни. Уже будучи (как мы можем предположить) самым умным из ныне живущих животных, обладая большими знаниями о лесу, он имел все, чтобы узнать о мире за пределами леса, как только отважился войти в него, и все, чтобы научиться искусству охоты. Полагаясь главным образом на зрение и слух, он должен был учиться путем наблюдения, запоминать и применять все и даже больше, чем все, что плотоядное животное знает и делает инстинктивно или учится, следуя за своей матерью. Он, должно быть, научился различать все виды животных, многие из которых были новичками в незнакомой стране; их реакцию на себя, манеру бегства, нападения или защиты; след каждого и его звуки; его привычки и места обитания, где он отдыхал или ходил пить, где расставлял силки или подстерегал его. Переходя к использованию оружия, он, должно быть, приспособил его к своей добыче; он, должно быть, нашел лучшие материалы — дерево, камень или кость - для изготовления оружия, лучшие материалы для ловушек и где найти такие вещи. Он, должно быть, зафиксировал в своем сознании эту серию: дичь, оружие, их изготовление, материалы, где нашел; и, должно быть, научился обращаться с предметами серии в необходимом порядке без нетерпения или замешательства: задача, далеко выходящая за рамки возможностей любого другого животного.

Далее, охотничья жизнь давала стимул, которого раньше не хватало нашей обезьяне. Существует некоторая трудность в понимании того, почему антропоид должен быть таким разумным, как он есть; и точно так же Уоллесу казалось, что интеллект дикаря выше его потребностей — “в его большом и хорошо развитом мозге он обладает органом, совершенно непропорциональным его реальным потребностям”.^[8] Эта иллюзия возникает из-за того, что мы не осознаем, что первой задачей повышения интеллекта является надлежащее рассмотрение деталей во все большем количестве и разнообразии, и что детали их жизни, как у дикарей, так и у антропоидов, - это как раз то, чего мы не можем оценить. Тем не менее, антропоид, по-видимому, проводит это время довольно лениво: особенно похоже, что у него почти нет повода следовать цели, для достижения которой требуется некоторое время. Этот мощный стимул охотничьей жизни применим к плотоядным животным, прежде всего к собакам и волкам; и точно так же он воздействовал на нашу обезьяну: заставлял ее на значительный период времени совмещать многие виды деятельности вместе со своими собратьями и направлять их к одной цели на самой охоте, а (позже) заниматься еще более длительной деятельностью по приготовлению оружия и силков, чтобы сделать охоту более эффективной. Добавьте к этим соображениям развитие жестов и зачатков речи, требование интеллекта для их

приобретения и повышение интеллекта за счет их достижения, и превосходство низшего дикаря над антропоидом будет достаточно объяснено. Суровым, должно быть, был отбор тех, кто был способен к такому прогрессу, и соответственно быстрым было продвижение и дифференциация вида.

(11) Используя камни в качестве оружия и обнаруживая, что осколки камней наносят наибольший урон, и разбивая их для этой цели, прогрессивный охотник обязательно заставляет вылететь несколько искр; и если они упадут на сухие листья или траву, он может разжечь костер. “При изготовлении кремневых орудий производились бы искры; при их полировке нельзя было бы не заметить, что они нагрелись; и таким образом легко увидеть, как могли возникнуть два метода добывания огня”.^[9] Но если бы добывание огня трением было предложено путем полировки кремней, это вряд ли могло быть обнаружено до стадии неолита; тогда как очаги известны гораздо раньше. И, возможно, это произошло раньше, когда кто-то полировал стрелу или копье другим куском дерева: предположение, которое избавляет от длинного умозаключения от нагретого кремня к пылающей палке. Любопытный факт, что и по сей день в Австралии огонь иногда добывают трением копьемета о щит;^[10] но я не придаю этому особого значения, как будто такая практика должна быть традиционной с самого раннего открытия метода. Либо при обтесывании кремней, либо при полировке копий гораздо легче и более вероятным способом научиться искусству добывания огня, чем наблюдая, как сухие ветви или бамбук, гонимые ветром, иногда загораются; потому что эти процессы включают в себя те самые действия, которые использует искусство: имитация природы не требуется. Это правда, что туземцы Нукуфетана в Южных морях объясняют обнаружение огня тем, что они видели дым, поднимающийся от двух перекрещенных ветвей дерева, колеблемого ветром;^[11] но это, вероятно, всего лишь предположение какого-нибудь полинезийского философа. Вулканы также указывались как возможный источник возгорания; и в мифе говорится, что Деметра зажгла свои факелы в кратере Этны — действие, подобающее богине. Но если бы такое происхождение огня было возможно у дикарей, это не показывало бы, как они научились добывать его сами. Огонь поначалу, должно быть, вызывал ужас. До тех пор, пока не было известно применение огня, никто не отважился бы добыть его из вулкана или добыть, имитируя трение сучьев на ветру. Пожары случайно разжигались человеком снова и снова, и причинялся большой ущерб, прежде чем он мог научиться (а) взаимосвязи событий, (b) использованию огня, (c) намеренному его добыванию, (d) тому, как им управлять. Второй и четвертый из этих уроков гораздо сложнее, чем простое добывание огня; они важны, но обычно ими пренебрегают. Представляется необходимым предположить серию случайностей на каждом этапе, чтобы показать влияние огня на закалку древесины, выдалбливание дров, приготовление дичи, обжиг и (позже) глазировку глины и так далее. Возможно, лесной пожар раскрыл преимущества приготовления дичи, и впоследствии с этой целью было сожжено много прерий, прежде чем был изобретен более экономичный план. Что касается воздействия огня на глину, лорд Эйвбери отмечает, что глиняные сосуды, возможно, были изобретены путем (1) обмазывания глиной тыквенных или кокосовых орехов, чтобы они не поддавались воздействию огня при кипячении в них воды; (2) наблюдения за воздействием огня на глину; (3) исключения растительной части.^[12] Это, должно быть, было сравнительно недавнее открытие; хотя есть некоторые свидетельства того, что керамика была изготовлена человеком эпохи палеолита. Невозможно сказать, когда был открыт огонь; но он определенно был известен мустьерской культуре — скажем, 50 000 лет назад: возможно, намного раньше; и его добывали охотники.

§ 3. Незначительные и второстепенные последствия

(1) Можно было бы ожидать, что широкое внедрение Человеком мясной диеты много сотен тысяч лет назад привело к сокращению его пищеварительного тракта по сравнению с таковым у антропоидов; но доказательств этого не так много. Топинард, давая пропорциональную оценку, говорит, что у человека она примерно в шесть раз превышает длину тела, у гиббона - примерно в восемь раз. Доктор Артур Кейт в частной беседе, с которой он оказал мне любезность, говорит, что кишечник взрослого шимпанзе немного длиннее, чем у взрослого человека, но что измерения по определенным причинам неудовлетворительны и что было проведено недостаточно измерений взрослых шимпанзе. Мы должны помнить, что, с одной стороны, шимпанзе не являются исключительно плодоядными, и что, с другой стороны, маловероятно, что Человек когда-либо был исключительно плотоядным; хотя возвращение больших популяций к вегетарианской диете с помощью сельского хозяйства произошло недавно.

(2) Человек утратил ограниченность сезонных браков, обычную для антропоидов с другими животными, что определяется запасом пищи и другими условиями младенческого благополучия; хотя, по словам проф. Вестермарк, следы этого все еще можно найти у нескольких племен.^[13] То, что наши домашние плотоядные животные также утратили эту полезную сдержанность страсти и указывает популяции, вероятно, на какое-то условие более стабильного снабжения пищей, определяющее или разрешающее перемены между нами. Однако никакой рост осмотрительности или привычка откладывать запасы не могут объяснить более стабильного снабжения продовольствием, поскольку у низших дикарей нет ни осмотрительности, ни запасов. В целом, это изменение можно отнести (а) к тому, что привычка к всеядности удовлетворялась более устойчиво, чем привычка к полностью плодоядному или плотоядному животному; (b) к тому, что наши предки кочевали в поисках дичи из страны в страну, где менялись времена года, так что первоначальное соответствие времени рождения благоприятным условиям благосостояния было утрачено. Возможно, также были причины, которые снижали нормальную численность стаи, чтобы в скудные сезоны она была эквивалентна более обильной пище: жизнь охотника, в то время как он обеспечивал себе более богатую нормальную диету, сопровождалась множеством разрушительных инцидентов. И это (кстати) благоприятствовало быстрому отбору и адаптации; хотя, если бы разрушения были достаточно велики, чтобы уравновесить преимущества животной пищи, это, должно быть, сорвало бы весь эксперимент.

(3) Есть одно характерное отличие Человека от антропоидов, которое неясно объясняют его охотничьи привычки, — его относительно голая кожа. Дарвин объяснял это состояние половым отбором.^[14] Он утверждал, что, с одной стороны, поскольку мужчина обладал способностью выбора, женщин выбирали за их красоту; и что, с другой стороны, женщины обладали большей способностью выбора, даже в диком состоянии, чем обычно предполагается, и “обычно выбирали не просто самых красивых мужчин, в соответствии со своими стандартами вкуса, но и тех, кто был лучше других”. в то же время лучше всего способный защищать и поддерживать их”. Следовательно, если бы частичная потеря волос считалась декоративным явлением у наших обезьяноподобных предков, половой отбор, действующий век за веком, мог бы привести к относительной нагоде. “Лица нескольких видов обезьян и большие поверхности на заднем конце тела были лишены волос; и это мы можем смело приписать половому отбору”. Борода самцов и большая длина волосяного покрова на голове у некоторых рас, по-видимому, особенно обусловлены этой причиной. Большая волосатость европейцев, по сравнению с

другими расами, может быть случаем возврата к отдаленным условиям обитания предков. Но поскольку все расы почти голые, общий признак, вероятно, был приобретен до того, как несколько рас отделились от общей массы.

Виды обезьян, потерявших шерсть на различных частях своего тела, и бороду у самцов (вместе с более длинными волосами на голове у женщин) нашей собственной расы, являются примерами, убедительно подтверждающими приписывание таких вторичных половых признаков половому отбору. И все же, возвращаясь ко времени, предшествовавшему разделению современного Человека на расы (скажем, 600 000 лет назад), кажется невероятным, что какие-либо женщины тогда оставались незамужними, с волосами или без волос, если они были здоровы (а нездоровые вскоре перестали существовать); или что какой-либо мужчина оставался неженатым, если он мог внести свою лепту в охоту (а если нет, то он также вскоре прекратил свое существование). Никакие факты, наблюдаемые среди сохранившихся дикарей, — ни выбор, осуществляемый женщинами, ни полигамия вождей — не проливают много света на это древнее положение дел. Тогда не было вождей: охотничий вождь стаи или клана не имел никакой власти, кроме своей личной доблести, никаких традиций предков или религии, ни, вероятно, престижа магии, которые давали бы ему возможность командовать женщинами. Если только в то время относительная нагота не была тесно связана с личной доблестью мужчины и эффективностью женщины, трудно понять, как она могла быть сохранена и увеличена половым отбором. Простите меня за грубое замечание: если отбор женщин по их красоте продолжался сотни тысяч лет и оказал кумулятивное влияние на расу, разве результат не разочаровывает? Выйди на улицу и посмотри. То, что “по общему мнению, женщины стали красивее мужчин”, не является объективным, истинно эстетическим суждением, а определяется причинами, о которых “общее мнение” ложно не подозревает. Шопенгауэр[15] считал, что мужчины красивее женщин; и в отношении средних образцов это, похоже, верно; хотя, безусловно, он был своего рода женоненавистником.

Другое объяснение наготы человека было предложено Томасом Белтом, основанное на параллельном примере некоторых рас голых собак, а именно на том, что он лучше способен освободиться от паразитов.[16] Дарвин упоминает эту гипотезу и в сноске приводит в ее пользу “практику австралийцев, когда паразиты становятся назойливыми, опалая самих себя”; но в тексте он говорит, “достаточно ли велико это зло, чтобы привести к оголению тела в результате естественного отбора, может быть подвергнуто сомнению, поскольку ни одно из многочисленных четвероногих, населяющих Австралию”. тропики, насколько я знаю, обзавелись какими-либо специализированными средствами оказания помощи.[17] Представляется также, что против вероятности такого результата следует противопоставить фактический недостаток наготы, на чем настаивает Уоллес, который говорит, что дикари чувствуют недостаток защиты и пытаются прикрыть свои спины и плечи.[18] Тем не менее, недостаток, подразумеваемый при временном ощущении отсутствия защиты, не предотвратил бы выпадение шерсти, если это могло бы избавить расу от серьезной опасности со стороны паразитов; и сила аргумента, основанного на состоянии других тропических четвероногих, зависит, по крайней мере в некоторой степени, от того, есть ли что-то особенное в случае голых собак и людей.

Белт утверждает, что голые собаки с темной блестящей шкурой, обитающие в Центральной Америке, а также в Перу,^[19] и которые были обнаружены там во время испанского завоевания, вероятно, приобрели свое особое состояние в результате естественного отбора, потому что местные жители их презирают, и об их разведении не заботятся, и все же они не скрещиваются с обычными волосатыми разновидностями, как это обычно происходит с искусственными стадами. . Преимущество обнаженной кожи заключается в большей свободе, которую она дает от клещей, вшей и других паразитов, это преимущество особенно велико для домашнего животного, живущего в хижинах дикарей, где, поскольку они населяются год за годом, паразитов необычайно много. Голая собака, таким образом, отличается от тропических четвероногих, которые с незапамятных времен приспособились к паразитам, населяющим их, тем, что человеческое общество бросило ее не только среди незнакомых паразитов, но и в чрезвычайно плотных скоплениях. Белт указал бы на слабое место в его случае, если бы объяснил, почему голые собачьи бега так редки. Волосатые расы, возможно, были одомашнены совсем недавно, или выведены из-за своей волосатости, или менее пристрастились к жизни в помещении.

Случай с нашим собственным предком также несколько отличается от случая с другими тропическими млекопитающими; потому что, согласно гипотезе, он довольно быстро претерпел такие экстраординарные изменения в образе жизни, которые, возможно, привели его к обстоятельствам, при которых паразиты, ранее незначительные, стали очень вредными. “Обезьяны, ” как замечает Белт, “ меняют свои спальные места почти ежедневно”; говорят, что оранг каждую ночь строит новое гнездо; то же самое сообщается и о горилле. Таким образом, не исключено, что ежедневная смена местности была практикой первоначального антропоидного племени, откуда произошли и мы: таким образом, предотвращалось скопление паразитов. Привнесла ли охотничья жизнь новую привычку? В древней лесной жизни плодоядных существ обычаем было забираться на какое-нибудь дерево на ночь, и в небольшом радиусе были сотни одинаково подходящих; и, следовательно, не было ничего, что могло бы помешать естественному предпочтению свежего. Однако, когда охотничья стая начала устраивать свое логово на земле, не было такого широкого выбора среди пещер, скальных укрытий или зарослей: одна могла быть лучше любой другой на многие мили вокруг. Если, таким образом, они селились там, как в обычном логове, то обстоятельства в то время были благоприятны для размножения паразитов и, следовательно, для обнажения кожи, чтобы легче было избавиться от них. Возможно, тогда это отличие Человека от антропоидов можно отнести к одной общей причине со всеми остальными — охотничьей жизни. Там также загрязнение кровью делало мех неудобным для животных, не склонных к самоочищению, как у истинных плотоядных по наследству и традициям.

Когда мы рассматриваем, насколько вредны некоторые насекомые для жизни позвоночных, подозреваемые в том, что они в некоторых случаях вызвали вымирание видов, можно ли сказать, что легкость избавления от таких паразитов, как вши и клещи, является недостаточной причиной наготы человека или не такой, которая могла бы перевесить недостатки холода и сырости? Это, однако, не является несовместимым с действием полового отбора, стремящегося к тому же результату; ни, опять же, с преимущественным уничтожением волосатых детей, если когда-либо практиковалось детоубийство. Другим возможным основанием преднамеренного отбора могло быть простое стремление отличаться от других животных; сообщается, что племя в Верховьях Амазонки лишило волос, чтобы отличаться от обезьян, а желание быть выше других животных побудило племя в Квинсленде притворяться, что у них, в отличие от кенгуру и т. Д., Нет

отцов по плоти.[20] Признавая, что этот последний мотив вряд ли мог быть примитивным, тем не менее, наша нагота может быть результатом нескольких причин.

(4) Каннибализм, если он был обнаружен у существующих народов или, как известно, практиковался ранее, часто оправдывался определенными магическими или анимистическими идеями, но иногда, откровенно говоря, диетическими вкусами, или удовлетворением мести, или демонстративной победой над врагом. Было ли это древним и, возможно, распространенным обычаем? Раскопки в Крапине в Хорватии обнаружили наряду с останками неандертальцев, которые, по-видимому, обитали там, останки носорога, пещерного медведя и какого-то другого вида человека; и “некоторые человеческие кости, по-видимому, были расколоты: на этом хрупком основании жителей Крапины заподозрили в каннибализме”. [21] Если подозрение обоснованно, практика существовала (скажем) 50 000 лет назад у одного вида человека; и, возможно, намного раньше, если мы рассмотрим, что это было просто продолжением практики пожирания дичи, включающей убитых членов враждебной стаи; поскольку первобытный человек или Ликопитек, его дочеловеческий предок, без сомнения, рассматривали других животных как тех же самых. на таком же уровне, как и он сам, поэтому он будет относиться к врагам-людям наравне с другими животными. То, что настоящие плотоядные животные, как правило, не являются каннибалами, может быть объяснено их более древней и совершенной адаптацией к хищническому образу жизни. Для них постоянный каннибализм был бы слишком разрушительным, а для нас он относится к экспериментальной стадии истории; хотя, конечно, даже в недавние времена, под давлением голода, возвращение к этой практике не является чем-то необычным для цивилизованных людей.

(5) Чрезвычайная изменчивость современного Человека (рассматриваемого как один вид) по росту, форме черепа, размеру и мощности мозга, цвету, волосатости, качеству волос и другим признакам, физическим и умственным, может быть отнесена главным образом к тому, что он приспособился к различным местным условиям, поселившись здесь или там на длительные периоды времени после странствий по миру в поисках дичи. Расселение ответвлений исходной расы в определенных регионах на срок, достаточный для того, чтобы они адаптировались к местным условиям, является простейшим объяснением существующих рас: негритянская адаптировалась к экваториальной Африке; азиатская раса (“монгольская”) - к Центральной Азии; средиземноморская раса - к окрестностям моря, в честь которого она названа. Что касается нордической подрасы (можно предположить, средиземноморской), то со светлыми волосами и кожей она имеет облик арктического хищного зверя, подобного белому медведю. Гималайский снежный барс находится на промежуточной стадии такой адаптации. Некоторые геологи и зоологи теперь полагают, что во время ледникового периода климат Северной Европы не везде был таким, чтобы обязательно уничтожить местную фауну и флору, и в этом случае наши предки, возможно, веками сохранялись там; или, если это было невозможно (на что, по-видимому, указывает отсутствие палеолитических останков в Скандинавии), они, возможно, много веков кочевали вдоль границ оледенения, возможно, до побережья Тихого океана. Китайские летописи упоминают справедливые племена в Восточной Сибири за 200 лет до христианской эры; [22] и, кажется, необходимо представить какой—то обширный резервуар человечества, чтобы объяснить происхождение огромных орд, которые в доисторические, как и в исторические времена, снова и снова вторгались в Европу - орды

“которую многолюдный Север
изливал из своих замерзших чресел, чтобы миновать
Рейн или Данау; когда ее сыны-варвары
Пришли, как потоп, на Юг и распространились
под Гибралтаром до ливийских песков”.

О том, что эта раса раньше была более справедливой, чем сейчас, можно судить по белизне волос ее детей: эта черта изжила себя. Появление светлого цвета лица у некоторых горных племен, например, в Альпах, навело на мысль, что это может быть каким-то образом связано с горными условиями, [23] одним из которых может быть снег; но, если мы предположим, что нордическая раса распространилась во время ледникового периода в Западную Европу (уже приобретая свои отличительные черты), светлый цвет лица в Альпах может быть вызван это можно понять, предположив, что, в то время как большинство из них последовало за ледяным покровом обратно на северо-восток, некоторые последовали за ним на юг, в горы, — если цвет лица там действительно древний.

Каждому придет в голову два возражения против этой гипотезы: (i) почему эскимосы не справедливы? Потому что, я полагаю, они гораздо более недавние иммигранты в арктические регионы и, возможно, были полностью одеты, когда прибыли туда. (ii) Могли ли северные народы существовать в таких условиях раздетыми? Возможно ли это, должны судить физиологи. Мы видим, что жители Огненного огня живут практически голыми в очень суровых условиях. И нет необходимости предполагать, что скандинавские охотники были полностью обнажены; поскольку соотношение между волосами, глазами и всеми частями кожи таково, что, если бы отбеливание какой-либо части (скажем, волос) было достаточно благоприятным для определения естественного отбора, остальная часть тела подверглась бы аналогичному воздействию. И, без сомнения, средиземноморская раса всегда была беловатой.

Индейцы, по-видимому, произошли главным образом от азиатской расы. Пигмеи и австралийцы могут представлять отдельные и еще более древние группы. Но в результате миграций и завоеваний большинство народов имеют смешанное происхождение; и, следовательно, (i) особи в одной и той же местности иногда сильно различаются, потому что они наследуют кровь разных линий в разных пропорциях; и (ii) классификация затруднена, так что, в то время как некоторые наблюдатели довольствуются выявлением полудюжины рас, Деникер перечисляет двадцать девять.

Помимо общих расовых различий, внутри каждой расы и внутри каждой национальной группы существуют дополнительные различия между индивидами в их физическом, и еще больше в их умственном развитии, росте и способностях. Поскольку было необходимо, чтобы человек сильно различался в процессе адаптации к охотничьей жизни (а также к различным местным условиям), он находился в органическом состоянии, благоприятном для дальнейших изменений. [24] И это было использовано им для адаптации к определенному особому состоянию его стадности, а именно к жизни в охотничьей стае; ибо это требует различия личностей между лидерами и последователями, сначала на охоте, а затем на войне. Хороший демократ может подумать, что лучшим планом было бы с самого начала сделать всех людей равными; и я хотел бы, чтобы это было так; ибо тогда главе расы не пришлось бы тащить за собой такой совершенно непропорциональный хвост: хвост настолько огромный и

неповоротливый, что можно усомниться, удастся ли его когда-нибудь вытащить из трясины варварства. Но на заре стадности стая не смогла бы держаться вместе или эффективно охотиться, если бы все были равны и каждый пользовался правом личного суждения. Таким образом, в успешных стаях один вел, а остальные следовали; как они до сих пор делают и будут продолжать делать, каким бы ни был лидер. И из всех структур, составляющих человеческое существо, наиболее изменчивой является мозг: различия между мужчинами в росте и телосложении ничтожны по сравнению с теми, кто обладает умственными способностями. Какой бы силовой подвиг ни совершил ваш Самсон, полдюжины обычных людей тоже могут это сделать; но в каждом поколении задачи выполняются интеллектуальными спортсменами, для решения которых все обычные люди в мире, объединив свои усилия, ничего не смогли бы сделать — абсолютно ничего.

§ 4. Добыча и конкуренты

Если мы предположим, что дифференциация *гоминид* от *антропоидов* началась в верхнем олигоцене и что решающее изменение было инициировано какой-нибудь обезьяной, принявшей образ жизни охотника, интересно рассмотреть, каким был мир, в котором он жил, какие животные его окружали, какие животные, вероятно, становились его добычей и кто был его соперником в охоте.^[25]

Поверхность планеты была менее гористой, чем в настоящее время; в Европе поднялись Пиренеи, но Альпы только начинали подниматься; а в Азии Гималаи начали господствовать над миром только в середине следующей эпохи, миоцена. Распределение суши и воды в олигоцене также сильно отличалось от того, которое мы видим сейчас: Европа была отделена от Азии широким заливом, протянувшимся от Индийского океана до Северного полярного круга, и рукав этого залива, направленный на запад, затоплял большую часть Центральной Европы; Азия была в целом связана с Северной Америкой, где сейчас море проникает между Сибирью и Аляской; Африка не имела связи ни с Европой, ни с Азией; Северная и Южная Америка были разделены — возможно, в Панаме. В миоцене Европа, Азия и Африка объединились. Эти физико-географические изменения, возможно, повлияли на климат; ибо в течение эоцена тропические условия преобладали далеко на севере, а на Аляске были залежи угля; но начиная с олигоцена и далее наблюдалось постепенное понижение температуры, сначала медленное, но закончившееся (в настоящее время) катаклизмами ледникового периода. В некоторых регионах также наблюдалось снижение атмосферной влажности, которая определяет плотность растительности. По своему общему характеру растительность была аналогична той, которая сейчас преобладает в тропических, субтропических и умеренных регионах мира. Существующие ныне виды растений тогда еще не появились; но из тех же родов и семейств, что и те, что мы видим, хвойные, пальмы и двудольные цветковые растения густо росли в лесах и нависали над реками. Леса были более обширными и сплошными, чем наши, за пределами тропиков; постепенно травящиеся животные, подкармливая молодые деревья, препятствуют обновлению лесов и расчищают открытые пространства, где растут травы; изменения температуры ограничивают распространение определенных видов растений на север или юг, а недостаток влажности приводит к истощению всех крупных видов; на последовательных этапах лес превращается в степь, а степь - в пустыню.

Животные, особенно млекопитающие, которыми мы в основном занимаемся, в конце олигоцена сильно отличались от тех, что обитают сейчас на суше; с тех пор исчезли все виды, большинство родов, многие семейства и некоторые целые отряды. Но еды было вдоволь, и многих стоило опасаться. Пока мы не узнаем район, в котором начались приключения нашей обезьяны, ничего точного нельзя сказать о его обстоятельствах. Вероятно, это было где-то в Старом Свете, и, вероятно, это было в Азии. К сожалению, мы ничего не знаем о зоологических древностях Азии вплоть до раннего миоцена, и даже тогда очень мало того, что должно было существовать, потому что геологи до сих пор исследовали очень небольшую часть континента — несколько пластов на северо-западе и севере Индии и в Бирме. Но существует так много свидетельств миграций животных в последовательные эпохи третичного периода, что любые останки олигоцена и миоцена помогут нам понять, среди какого рода соседей жили наши далекие предки.

Добычей служило великое множество птиц и рептилий (повсюду съеденных дикарями) и рыб; но нас больше всего интересуют млекопитающие, которых он, как можно предположить, преследовал пешком. Из них наиболее важными являются копытные животные, которые делятся на две большие группы, возможно, не очень тесно связанные — непалые (непарнокопытные) и четнопалые (парнокопытные). В олигоцене в Европе, или в Северной Америке, или в обеих странах — и, следовательно, вероятно, в Азии — обитало множество представителей группы непалых: тапиры; носороги нескольких видов, некоторые без рогов, некоторые с, некоторые земноводные (аминодонты), все меньше своих современных представителей; халикотеры, странные животные, чем-то похожие на лошадей, но вместо копыт у них были когти на пальцах ног — возможно, сохранившиеся в Китае до плейстоцена; маленькие предшественники лошади с тремя пальцами на каждой ноге; титанотерии, самые огромные животные. своего возраста, вымерший в середине этого периода — нечто вроде носорога и почти такое же большое, как слон (*бронтотерий*). Из четвероногой группы в изобилии встречались животные, похожие на свиней, и появились настоящие свиньи; энтелодонты, или гигантские свиньи, были обычным явлением; антракотеры, несколько похожие на свиней по размеру и форме; предковые верблюды размером с овцу можно было встретить в Северной Америке; ореодонты, недоделанные на вид существа многих видов; примитивные олени и другие жвачные животные, небольшие по размеру и еще не отрастившие рогов. В Европе в верхнем олигоцене кенотерии, маленькие и грациозные животные, жили большими стадами вокруг озер. Были также примитивные хоботные размером примерно в половину современных слонов; много насекомых; а среди грызунов - бобры и бесхвостые зайцы. Как правило, животные этого возраста, оставившие потомство, были меньше своих современных представителей; и особенно их мозг был меньше.

В Нижнем и среднем миоцене появились также рогатые шейные олени, шевротены и рогатые антилопы; динотерии и мастодонты, вероятно, из Африки; примитивные ежи, кроты и землеройки; а в верхнем миоцене - гиппарионы, настоящие зайцы, несколько разновидностей безрогих жирафов, настоящие олени и предковые овцы. Настоящие лошади и крупный рогатый скот впервые известны из плиоценовых отложений; но нет необходимости следить за историей дальше: фауна становится все более современной по своему характеру, а грубые формы вымирают.

Антропоиды впервые встречаются в миоцене и в Европе: плиопитеки, родственные гиббонам, в нижнем; и дриопитеки, родственные шимпанзе, в среднем миоцене; но считается, что они

пришли из Азии. Там, в плиоценовых отложениях Сиваликов (южных предгорий Гималаев), обитают орангутанги и шимпанзе, а также макаки, лангуры и павианы. Поскольку орангутанг в настоящее время встречается только на Борнео и Суматре, а шимпанзе - только в Африке, южная Азия, по-видимому, была центром, из которого расселились антропоиды; и это, по-видимому, является главным положительным основанием полагать, что человеческий род начал дифференцироваться в этом регионе. Поскольку, опять же, к среднему миоцену форма шимпанзе уже мигрировала в Европу, можно предположить, что орангутанг уже отличался от нее (и, возможно, распространился на восток): следовательно, дифференциация этих родов должна была произойти раньше; и, следовательно, также дифференциация человеческого поголовья; так что это событие нельзя отнести к более позднему периоду олигоцена.

Насколько велик был Ликопитек изначально? Ответ на этот вопрос должен повлиять на наш взгляд на его отношения как к добыче, так и к врагам. Поскольку все три существующих антропоида и Человек примерно одинакового размера, есть предположение, что их общий предок превосходил ростом гиббонов и самых крупных обезьян — фактически, “гигантскую” обезьяну (если позаимствовать термин у доктора Кейта). Дриопитек “был меньше шимпанзе, но намного крупнее гиббона”.^[26] В ожидании дальнейших свидетельств окаменелостей, которые оставляют желать лучшего, в целом вероятно, что ликопитек в среднем весил меньше, чем современный человек, но больше, чем волк.

Что касается конкурентов и агрессивных врагов, то здесь были змеи и крокодилы; но если ограничивать наше внимание плотоядными млекопитающими, то время, по-видимому, было благоприятным для предприятия нового охотника. К середине олигоцена древние креодонты (примитивные плотоядные, которые процветали в эоцене) были почти вымершими, представленными в отложениях их последним сохранившимся семейством, гинодонтами. Предки современных плотоядных, таких, как, возможно, названные предвосхищающими собаками и кошками, произошли (по словам проф. Скотт) из семейства креодонтовых *Miacidae*, становились многочисленными, но по большей части все еще были небольшого размера. Очевидно, первобытные собаки и их союзники должны были в течение некоторого времени быть более грозными противниками, чем первобытные кошки, особенно если мы предположим, что они уже начали охотиться стаей; и это не так уж невероятно, как из-за их строения, так и потому, что несколько различных разновидностей и даже родов, ныне существующих, имеют эту привычку — такие, как волк, шакал, динго, дол, капская охотничья собака и т.д. В верхнем олигоцене Северной Америки встречается собака размером с крупного современного волка, а в Европе похожий на медведя пес Амфикион примерно того же размера, но, как говорят, был неуклюжим и медлительным. Существовало несколько других собакоподобных видов; они сохранились в миоцене, и некоторые из них увеличились в массе; но настоящие современные собаки или волки (*Canis*) появились не ранее плиоцена. Тогда же впервые появляются настоящие медведи (*Ursus*); гиены в верхнем миоцене. “Кошки” принадлежат к двум подсемействам: (i) настоящие кошачьи, наш современный вид и их предки; и (ii) махародонты, или саблезубые кошки. Последние впервые появляются в Северной Америке в нижнем олигоцене; первые - в Европе в среднем олигоцене. Саблезубые были названы так из-за их тонких, изогнутых верхних клыков, которые были такими длинными (от 3 до 6 дюймов), что нелегко понять, как они могли открывать свои рты достаточно широко, чтобы кусать ими. То, что они были в какой-то мере эффективны, доказывается тем фактом, что махародонты, впервые

появившиеся в нижнем олигоцене, увеличивали численность и разнообразие видов на протяжении веков, а некоторые из них - в массовом порядке. В Северной Америке, в верхнем олигоцене, один вид был размером с ягуара, а некоторые из самых крупных и устрашающих существ были современниками Человека и вымерли только в плейстоцене. Их конечности были относительно короче и толще, чем у *кошачьих*. Эти, настоящие кошки, поначалу развивались медленнее, чем *махародонтиды*; но в отложениях Сивалика (плиоцен) наряду с махародонтами встречаются формы, напоминающие леопарда и рысь, а другие размером с тигров. Самым крупным из всей этой группы, по-видимому, был пещерный лев, возможно, большая разновидность обыкновенного африканского льва, который также жил вместе с человеком в Европе в плейстоцене. Они были серьезными конкурентами в охотничьей жизни ликопитеков и первобытного человека; и эффект такой конкуренции в истреблении низших форм проявляется в судьбе плотоядных сумчатых Южной Америки (родственных *Thylacinus*), которые составляли хищную фауну этого региона, пока в плиоцене Северная и Южная Америка не стали объединены сплошной сушей, с северного континента пришли кошки и собаки и положили им конец; а также в судьбе креодонтов, которые в олигоцене появляются повсюду. быть уничтоженным новыми плотоядными животными. В обоих случаях побежденные соперники сильно уступали по размеру и сложности своего мозга; и если Человек преуспел в борьбе за жизнь с теми же врагами, несмотря на его более низкую физическую адаптацию, то, вероятно, это связано с его очень развитым мозгом. Это также может быть причиной того, что современный Человек (*Homo sapiens*!), странствуя по всему миру, повсеместно уничтожил такие эксперименты с человеческой природой, как питекантроп, эоантроп и неандерталец, поскольку вскоре за ними последуют другие вымершие виды.

Эти несколько страниц дают до смешного слабый набросок животного мира, среди которого начинали свой жизненный путь наши далекие предки. Но это может служить указанием на то, что еды всегда было вдоволь, если удавалось ее прикончить, и было много соперников, которые хотели получить свою долю. После исчезновения динозавров в конце мелового периода млекопитающие, и без того многочисленные, быстро развивались и распространялись во все возрастающем количестве и различных формах по всей территории суши. Мы можем считать, что, по крайней мере, со среднего эоцена и далее земля всегда была полна диких зверей настолько, насколько это возможно. Чтобы понять, на что это было похоже в среднем олигоцене, следует прочитать "Приключения охотников в Южной Африке семьдесят или восемьдесят лет назад" (за их правдоподобие ручается Ливингстон), [27] до того, как ружье в руках каждого кафра начало прореживать огромные стада, которые тогда покрывали весь ландшафт, и в численности которых дикие охотники и львы не могли внести заметного вклада. уменьшение. Маленькие бушмены считали себя и львов совместными владельцами и хозяевами всей дичи. Хозяева действительно дрались друг с другом; но в драке не было необходимости, потому что ее было более чем достаточно для обоих: тогда львов иногда встречали группами по десять или дюжину человек. Дичь на протяжении кайнозойской эры была в изобилии и всех размеров: много мелкой, много средней, а некоторые и просто огромной. Даже в эоцене некоторые амблиподы (*Dinoceras*, Am.) и бариподы (*Arsinotherium*, Af.) были размером с носорогов; в олигоцене титанотерии были ненамного меньше слонов; в Южной Америке во времена миоцена и плиоцена - токсодонты; в плейстоцене - наземные ленивцы огромных размеров и глиптоноты. Из семейств, все еще представленных среди ныне живущих животных, динотерии и мастодонты встречаются в миоцене; а слоны, носороги, гиппопотамы, жирафы изобиловали многими видами с плиоцена до недавнего времени на большей части Африки и в

северном полушарии. Даже сумчатые в Австралии произвели вид (*дипротодон*) размером с носорога с черепом длиной в три фута. Любая из них стала бы добычей для целой стаи охотников, если бы они смогли ее убить — а мы можем быть уверены, что они смогли бы.

§ 5. Заключение

Таким образом, особые характеристики Человека, начиная с пристрастия некоторых предков-обезьян к животной пище и заканчивая жизнью охотника ради ее добычи, кажутся естественными следствиями. Гипотеза, из которой все вытекает, исключительно проста и умеренна. Общеизвестно, что наш предок был крупным антропоидом — возможно, более стадным, чем другие, возможно, более склонным к наземному образу жизни; но ни одно из этих предположений не является обязательным. Он был приспособлен к своей жизни, как шимпанзе и горилла к своей, в которой, вероятно, они жили без особых изменений на протяжении веков. Но в его жизнь вошел тревожный фактор — стремление нападать, охотиться и поедать животных, которое в значительной степени заменило его прежнюю миролюбивую привычку к плодоядению. Причиной этого изменения, возможно, был сбой в его обычном рационе питания или “случайное изменение” аппетита. Необязательно, чтобы многие разделяли охотничий порыв; достаточно, чтобы его почувствовали несколько человек или даже один. Если это выгодно и передается по наследству, это передалось бы его потомкам. Это было выгодно (а) в увеличении их пищевых ресурсов и (б) в том, что они могли сбежать из тропического леса. С другой стороны, для тех, кто наименее приспособлен к новой жизни, это принесло неудобства в виде более напряженной работы и конкуренции с другими хищными видами. Но обладая руками и превосходным умом, те, кто обладал необходимым характером, преуспели. Происходил быстрый отбор тех, чьи вариации структуры, характера, активности были наиболее эффективны при борьбе с дичью и врагами; особенно тех, кто объединялся и сотрудничал, и научился направлять сотрудничество с помощью какой-то рудиментарной речи.

Но, опять же, охотничий импульс, которым, как предполагается, здесь обладал какой-либо антропоид, не был чем-то совершенно новым; антропоиды и многие другие приматы, как известно, хватают и пожирают птиц, ящериц и даже мелких млекопитающих, когда им предоставляется легкая возможность. Просто большая настойчивость в таком поведении превращает его в охоту. Как невероятно, чтобы такое изменение не иногда происходило! Разве это, скорее всего, не происходило часто и со многими сбоями? Аналогично, о результирующих изменениях: дифференциация наших рук и ног является лишь шагом вперед по сравнению с тем, что вы видите у гориллы; что касается нашего наземного образа жизни, можно ли справедливо назвать взрослого самца гориллы древесным? Некоторые приматы пользуются необработанным оружием; большинство из них ведут стадный образ жизни, к которому возвращаемся и мы; они сотрудничают, по крайней мере, в обороне; как многие другие животные, они общаются жестами и нечленораздельными криками. Совместная охота, действительно, кажется чем-то новым в нашем Отряде; но поскольку волки и собаки или их предки когда-то привыкли к ней, почему это должно быть за пределами возможностей обезьян? Если подумать, разве совместные набеги бабуинов на плантации чем-то совершенно отличным от охоты стай? Таким образом, при каждом изменении структуры или функции Ликопитек просто переносил какую-то тенденцию других приматов все дальше и дальше; пока, конечно, он не зашел далеко. Все движение может быть отчетливо изображено повсюду, и оно кажется естественным или даже неизбежным. Немногие гипотезы требуют от нас меньшего, чем эта.

Более того, если эта история неправда, то Человек является исключением из правила животной жизни, согласно которому структура каждого организма состоит из аппаратов, обслуживающих его особые условия питания и размножения. Действительно, условия питания являются основой дифференциации животных и растений. Условия размножения здесь рассматривать не нужно, поскольку аппарат один и тот же у антропоидов и у нас самих. У многих видов стремление избежать поедания и спариваться является причиной некоторых второстепенных признаков, таких как защитный панцирь или окраска, быстротечность с соответствующими структурами, брачное оперение и так далее. Но чтобы не быть съеденным и спариваться, прежде всего необходимо есть и жить; и соответственно, для каждого вида животных, начиная с организации какого-то более раннего стада, его структура и деятельность определяются видом добываемой им пищи и условиями ее получения: в нашем случае, охотой на дичь пешком.

ГЛАВА II

ОБ ОТЛИЧИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА ОТ АНТРОПОИДНОГО

§ 1. Наследственность, адаптация, Аккомодация

Следуя общему убеждению, что Человек произошел от вида, близкого к крупным антропоидам — орангу, шимпанзе, горилле, — мы можем предположить, что его умственные способности когда-то были во многом такими же, как у них; и что, поскольку они все еще те же, *наследственность* в достаточной степени объясняет их наличие. Таким образом, чувства, восприятие, более простые формы сравнения и вывода, аппетиты и многие инстинкты и эмоции являются общими для нас с обезьянами, проявляются у наших детей в возрасте до трех лет и (короче говоря) составляют то родовое сознание (как я его назвал), из которого дифференцируется человеческий разум в целом и специфические черты рас и индивидуумов.

Вот и все о наследственности; но различия человеческого разума от антропоидного, как в интеллекте, так и в характере, огромны, и их следует объяснять каким-то другим способом. Допуская некоторые первоначальные специфические различия, которые мы вряд ли можем надеяться обнаружить, произошедшие изменения можно рассматривать как *результата адаптации* к тем образам жизни, при которых развивался наш вид (ныне зоологически причисляемый к Семейству). И я предполагаю, что эта адаптация была вызвана условиями естественного отбора: человеческие расы, какими мы их сейчас видим, являются выжившими после многих вариаций, более или менее успешных, а остальные были уничтожены. Ибо хорошие судьи придерживаются мнения, что среди обнаруженных останков древних представителей рода человеческого некоторые, демонстрирующие заметные отклонения от современного типа — неандертальцы, эоантропы, питекантропы — следует рассматривать не как принадлежащие к нашей прародине, а скорее как представляющие отдельные виды, потерпев неудачу в борьбе за существование.^[28]

Но помимо врожденных предрасположенностей человеческой природы, определяемых наследственностью и естественным отбором, которые в какой-то мере встречаются повсеместно, поскольку они представляют собой адаптацию к условиям, которые когда-то и не так давно тяготели над всеми нашими предками, существуют многочисленные черты

(некоторые из них довольно поверхностные), которые варьируются от страны к стране и от эпохи к эпохе, в соответствии с экономическим или политическим типом общества, в котором живет человек, его местом в нем, географическими обстоятельствами, религиозными институтами и бесчисленными причинами, управляющими манерами и обычаями. В жизни большинства людей эти черты не являются необходимыми; они могут быть приняты и отброшены несколько раз в карьере человека: они являются временными *приспособлениями*, обусловленными образованием, имитацией, традицией; и, по сути, часто являются маскировкой человеческой природы. Тем не менее, по мере того, как общество становится все более сложным, упорядоченным и стабильным, без сомнения, снова происходит некоторый естественный отбор тех индивидов, которые способны адаптироваться к необходимым условиям. Те, кто не может вынести ограничений цивилизации, уходят; крайне ленивые, расточительные, нечестные или агрессивные в значительном количестве погибают.

§ 2. Исходный запас и условия дифференциации

Ключ к изначальному складу ума человека мы можем искать только у высших приматов, и особенно у дошедших до нас антропоидов. Несомненно, за долгие тысячелетия, прошедшие с момента отделения нашего собственного потомства от представителей других родов и видов, они также претерпели некоторую эволюцию, но, вероятно, гораздо меньшие изменения, чем у нас. К сожалению, наши знания об их привычках и способностях все еще прискорбно ограничены. Однако представляется несомненным, что их интеллект намного выше, чем у любого другого вида животных. Они должны обладать обширными знаниями о своей среде обитания, обо всем, что лес может дать в качестве пищи или убежища, и о других его обитателях, опасных или иных. Они сооружают для себя что-то вроде спального места, немногим уступающего “навесу” австралийцев, складывая вместе ветки на деревьях. По отношению к людям антропоиды кажутся неагрессивными и обычно отступают от них; но при нападении защищаются с яростью. От других животных самцу гориллы нечего бояться, и он защищает свою семью от леопардов; говорят, что шимпанзе с переменным успехом сражается с леопардами; а что касается оранга, вожди даяков сказали Уоллесу, что ни одно животное не осмеливается напасть на него, кроме крокодилов и питонов, и что он убивает их обоих.^[29] Пищей этих обезьян являются в основном фрукты и нежные побеги деревьев и бамбука; но иногда они едят яйца и молодых птиц; а горилла, как говорят, питается мелкими млекопитающими: в неволе все они свободно поедают приготовленное мясо. В социальном плане они вряд ли выходят за рамки семейной жизни. Самцов и самок орангов даже можно увидеть поодиночке, а детенышей - вместе без родителей; горилл можно увидеть на семейных вечеринках; шимпанзе - семьями, а иногда и тремя или четырьмя семьями в компании. Говорят, что горилл и шимпанзе видели вместе в большой стае. Я не встречал сообщений о драках этих животных между собой, за исключением того, что самцы горилл иногда дерутся из-за жены. На основании очень слабых доказательств также утверждалось, что гориллы полигамны; шимпанзе и орангутанги, по-видимому, моногамны.^[30] Их семейная жизнь, вероятно, как и у всех других приматов, полна любви: долгая молодость их детей предполагает большую родительскую заботу. В то время как более мелкие антропоиды — сиаманг и гиббон — собираются в стаи, как это делают павианы и большинство обезьян обоих полушарий, меньшая общительность крупных антропоидов может быть объяснена (а) ограниченным запасом подходящего для них вида пищи даже в тропическом лесу, в котором они обитают, поскольку

животные их массы должны потреблять много; и (б) отсутствием у них необходимости объединяться в целях защиты.

От описанного таким образом типа менталитет человеческой расы отошел настолько сильно, что некоторые даже из тех, кто верит, что наши тела произошли от какой-то обезьяноподобной породы (например, Уоллес), не решаются признать, что у нашего разума могла быть похожая история. Но поскольку повсюду в животном царстве разум и тело составляют единый организм, разумно рассмотреть, нельзя ли понимать, что дифференциация разума человека произошла при тех же условиях, что и те, которые определили трансформацию его тела. Каковы были эти условия?

(а) В предыдущей главе я собрал ряд фактов и аргументов, указывающих на вероятность того, что главной причиной эволюции человеческого рода было принятие некоторыми антропоидами (или родственными им формами) образа жизни охотника с целью добывания животной пищи. Возможно, что переход с плодоядной диеты на плотоядную сам по себе оказал какое-то влияние на наш темперамент и активность; но я не придаю этому особого значения. Большинство обезьян почти исключительно плодоядны; единственный примат, кроме человека, который в значительной степени зависит от животной пищи, это, я полагаю, макака, питающаяся крабами (*Macacus cynomolgus*), обитающая на бирманском и малайском побережье; однако обезьяны - самые бдительные и активные животные; некоторые из них относятся к числу самых смелых; антропоиды - к числу самых сильных. Одна только плотоядная диета не объяснила бы ни изменений в форме и пропорциях нашего туловища и конечностей, ни прямохождения, ни привычки к общению, ни развития мозга, ни изобретения оружия, ни использования огня, ни каких-либо умственных и эмоциональных характеристик, отличающих человека от других приматов; но все это легко вытекает из того, что наш отдаленный предок принял образ жизни охотника.

Социологи, исследуя существующие народы, обычно выделяют четыре стадии культуры: охотничью, скотоводческую, сельскохозяйственную и мануфактурную; а некоторые указывают на то, что, по их мнению, было еще более ранней стадией, на “собирачество”, такое, какое можно увидеть, например, у жителей Огненного огня. Но государство собирателей явно вырождается, являясь ресурсом племен, попавших в бедственное положение; оно не могло быть первой стадией, потому что оно не предполагает условий, которые каким-либо образом способствуют развитию тела, разума или общества. То, что охота появилась первой, является истинной интуицией: и, чтобы понять развитие человеческой природы, нам нужно всего лишь отнести охотничью жизнь к самому истоку человеческого рода.^[31]

(b) Все крупные антропоиды обитают в экваториальных лесах; и очевидно, что при их рационе невозможно покинуть тропические или (по крайней мере) субтропические регионы. Но переход на мясную диету позволил человечеству расширить ареал своей охоты (что позволило постепенно адаптироваться к климату или приспособиться к одежде) в любой стране, которая поставляла необходимую добычу; и, соответственно, со временем оно распространилось по всем частям света. Расселение различных отпрысков исходного подвоя в определенных регионах на срок, достаточный для того, чтобы они адаптировались к местным условиям, является (как мы видели) простейшим объяснением существования рас.

(c) Хотя ни один из крупных антропоидов не продвинулся в социальном плане дальше семейной жизни, человек повсюду (за немногими и сомнительными исключениями) стаден - живет на

низшей ступени в племенах или группах численностью около пятидесяти человек; и стадная жизнь является одним из важнейших условий его своеобразного развития. Возможно, изначально он был более общительным, чем любой из ныне существующих антропоидов, несмотря на то, что он не нуждался в обществе для защиты и что оно казалось для такого крупного плодоядного животного неудобным в плане питания. Более того, если крупные антропоиды и наши собственные предки произошли от какого-нибудь вида низших обезьян, таких, которые всегда ходят стаями, то стадный инстинкт, возможно, остался у них в скрытом виде. И все же, я предполагаю, что человек стал стадным, или восстановил социальные привычки, из-за пользы совместной охоты; так что сначала он стал чем-то вроде обезьяно-волка. Это будет обсуждаться в следующем разделе. Однако здесь я замечаю, что гипотеза помогает нам понять, почему человек все еще недостаточно общителен; цель охотничьей стаи, когда каждая обезьяна-волк ищет добычу, в других отношениях была неблагоприятна для социальной жизни. То, что в человеческой жизни групповое сознание предшествовало самосознанию, является беспочвенным и фантастическим представлением: все известные дикари полностью осознают себя, как предполагают их чувства и поведение; и даже высшие животные (по моему мнению) осознают себя в своих отношениях с другими. Современные рассуждения о моде, подражании, традициях, психологии толпы подвержены опасности преувеличения и упускают из виду очевидные факты индивидуализма, которые демонстрируют лицемер, преступник, бродяга, человек, не поддающийся внушению, отшельник, скептик, святой. Некоторые люди — ни в коей мере не будучи болезненными — считают, что для полноценной жизни необходимо много одиночества: по своей природе студент и первопроходец избегают толпы.

(d) Более поздние стадии человеческого развития были значительно изменены определенными воображаемыми условиями, свойственными Человеку; ибо он — мы не знаем, в какое время — изобрел их. Все это можно обобщить под названиями Магии и анимизма; и в последующих главах они будут обсуждаться с их удивительными причудами и еще более удивительными последствиями для человеческой жизни.

Итак, я полагаю, что основных условий, к которым человек был приспособлен и, следовательно, отличался телом и разумом от антропоидов, четыре: охотничья жизнь, географические обстоятельства, социальная жизнь и его собственное воображение.

§ 3. Первобытное общество

В поисках вероятной формы самого раннего человеческого или (скорее) дочеловеческого общества, естественно, проводится обзор других сообществ млекопитающих; и задача вскоре выполнена. Удивительно, насколько немногочисленны и просты их типы, в отличие от сложных форм правления некоторых перепончатокрылых и термитов: они имеют гораздо большее внешнее сходство с современными человеческими обществами; но на самом деле это скорее семьи, чем общества; их интересная деятельность однажды, вероятно, будет прослежена до относительно простых механизмов; и во всех отношениях они слишком далеки от нас для какого-либо полезного сравнения. Что касается сообществ млекопитающих, то, даже используя этот термин для обозначения семей, их можно разделить на четыре или пять типов:

(1) Семьи: (a) Моногамные: наилучшие примеры которых, по-видимому, можно найти у некоторых обезьян. Считается, что многие кошки спариваются моногамно; но сомнительно, принимает ли самец участие в выращивании детенышей и в какой мере.

(b) Полигамность: характерна для многих видов оленей; —после сезона размножения олени часто уходят сами по себе.

(2) Объединения семей без видимой структуры или организованности, такие как семьи вискача и бобра. У них нет вожаков, и они не предпринимают попыток взаимной защиты; но их нескоординированная деятельность по устройству своих нор, плотин и т.д. Приводит к результатам, которые, особенно в случае с бобрами, выглядят так, как если бы животные действовали по общему, заранее обдуманному плану. Стадность широко распространена в животном мире без какой-либо пользы для нападения или защиты, а просто для удобства размножения или для того, чтобы сигнализировать всей стае о приближении опасности с любого направления.

(3) Войска или стада, состоящие из нескольких семей. Этот тип распространен среди обезьян: обычно семьи моногамны, и оба родителя заботятся о потомстве; у них есть лидеры, и они объединяются для взаимной защиты. Это особенно эффективно в отношении павианов, которые, однако, полигамны. Очень похожий тип характерен для крупного рогатого скота; у которого также есть лидеры в результате битвы между быками, каждый из которых пытается контролировать и удержать вместе как можно больше коров; и они часто объединяют свои силы против хищных зверей.

(4) Охотничьи стаи - наиболее заметны среди волков и диких собак: у них есть вожаки и, вероятно, порядок старшинства, определяемый битвой. В период размножения (с февраля по август) стая волков разбивается на пары; но вопрос о том, является ли их спаривание пожизненным или просто сезонным, остается спорным; и также сомнительно, принимает ли самец какое-либо участие в уходе за щенками; такие привычки могут различаться в разных местностях.[32] Количество пакетов зависит от обстоятельств, и в настоящее время в Канаде их намного меньше, чем в России.

Было ли тогда наше собственное первобытное общество похоже на любое из этих? Поскольку прямых доказательств получить невозможно, мы должны руководствоваться при формировании нашей гипотезы двумя соображениями: (a) какой тип общества дает наилучшее объяснение человеческой природы в том виде, в каком мы ее сейчас находим? и (b) для какого типа мы можем привести наилучшую причину, по которой он должен был быть принят? Итак, я указываю (a), что человек по характеру больше похож на волка или собаку, чем на любое другое животное; и (b) что для формирования стаи было очевидным преимущество, которое можно было получить при совместной охоте.[33]

Следует признать, что Дарвин, обсуждая половой отбор у человека, выдвигает иную гипотезу. Он говорит: “Оглядываясь достаточно далеко назад в потоке времени и судя по социальным привычкам человека в том виде, в каком он существует сейчас, наиболее вероятной точкой зрения является то, что изначально он жил небольшими общинами, в каждой из которых была одна жена, или, если обладал властью, с несколькими, которых он ревниво оберегал от всех остальных мужчин. Или же он, возможно, не был общественным животным, и все же жил с несколькими женами, как горилла; ибо все туземцы “согласны с тем, что в стае можно увидеть только одного взрослого самца; когда молодой самец подрастает, происходит соревнование за господство, и сильнейший, убивая и изгоняя других, становится главой сообщества”. Молодые самцы, изгнанные таким образом и бродячие повсюду, когда им, наконец, удастся найти партнера, предотвратят слишком тесное скрещивание в пределах одной семьи”. [34]

Информация о полигамии горилл, цитируемая здесь доктором Сэвиджем, написавшим в 1845 году, с тех пор (я полагаю) не была подтверждена, за исключением проф. Дж. Гарнер.[\[35\]](#)

Естественно, приведенный выше отрывок привлек внимание антропологов; и мне жаль, что я подвергаю себя обвинению в нескромности, осмеливаясь выдвинуть иную точку зрения. Аткинсон в своем эссе о первобытном праве, отредактированном с одобрения Эндрю Лэнга, отталкивается от гипотезы Дарвина и просто модифицирует ее, настаивая на том, что молодые самцы, когда их прогонял отец, не уходили, а оставались рядом с семьей, всегда готовые убить своего отца. Эту поправку он делает, потому что наблюдал те же привычки у крупного рогатого скота и лошадей. Затем, с помощью ряда гипотез, не имеющих достаточных доказательств или рациональной связи, он приходит к объяснению определенных жестоких законов избегания, экзогамии и т.д. Совсем недавно проф. Фрейд написал в высшей степени остроумное и занимательное эссе о тотеме и табу, в котором он опирается на те же основы. Вы легко увидите, как “эдипов комплекс” возникает из такого примитивного положения вещей, но вряд ли, не читая эту работу, сможете представить себе богатство содержащихся в ней домыслов или ее литературную привлекательность. Аткинсон, вероятно, опирался на предполагаемый параллельный случай с диким крупным рогатым скотом и лошадьми, потому что эти животные напоминают обезьян в том, что являются вегетарианцами, хотя рационы питания у них, на самом деле, очень разные. Но даже если такое сравнение указывает на возможное социальное состояние нашего первоначального обезьяноподобного потомства, что такого есть в таком состоянии, что, как можно предположить, внесло изменения, которые сделали наших предков больше не обезьяноподобными? Предположим, что эти изменения уже произошли, какие есть доказательства того, что существовало то же самое социальное государство? Никаких: ибо предполагалось, что таково было социальное положение наших предков на основании их сходства в рационе питания и семейном хозяйстве с гориллой.

Возвращаясь, таким образом, к нашей гипотезе о главной причине дифференциации человека, а именно о том, что определенный Примат, более близкий к антропоидам, чем к какому—либо другому, стал плотоядным и принял образ жизни охотника, есть (как я уже говорил) два способа, которыми это могло произойти: либо из—за такой изменчивости со стороны нашего предка, что он испытывал более сильный аппетит к животной пище, чем горилла, - достаточно сильный, чтобы заставить его охотиться за добычей; либо из—за такого изменения климата в регионе, который он населял, - скажем, с субтропического на умеренный, - что это привело к увеличению аппетита к животной пище. сделайте его прежний рацион питания скудным, особенно зимой, чтобы он стал охотником, чтобы избежать голодной смерти. Каждый признает, что когда-то он стал охотником: почему бы не как можно раньше? Не что иное, как какая-то великая перемена в жизни, концентрирующая все его силы и напрягающая все способности, возможно, может объяснить огромную дифференциацию Человека. Переход к охотничьей жизни - это такое изменение; и чем дальше мы отодвигаем его в прошлое, тем лучше оно объясняет другие изменения, произошедшие в нашей физической и ментальной природе.

Опять же, с самого начала наш предок, возможно, нападал на крупную дичь, вероятно, на копытных, которым он был многим обязан; ибо они не только обеспечивали добычу, но и, расчищая лес на обширных пространствах, вынуждали его бежать в погоне вдали от его родных деревьев, тем самым давая огромное преимущество в выборе каждой разновидности ног, приспособленных к бегу: хотя поначалу, возможно, не было особой необходимости бежать, поскольку он еще не был объектом ужаса; “мы должны помнить, что если человек был

неумелым, животные были ничего не подозревающими”. [36] Я полагаю, что сначала ему пришлось пасть руками и зубами: объединиться с другими в голодной, дикой атаке. Нападая на крупную дичь, преимущество получали те индивиды и семьи, которые сотрудничали в охоте: таким образом, формировалось первобытное общество людей; общество, полностью отличное от общества любых приматов или крупного рогатого скота и наиболее похожее на общество собак и волков - охотничью стаю.

Поскольку на протяжении поколений охотничья стая развивалась, без сомнения, у нее были признанные лидеры, самые сильные самцы, один из которых, возможно, выдающийся. Но она не подчинялась одному старому самцу, который претендовал на всех самок; ибо чем больше в ней было взрослых самцов, тем она была сильнее; и по той же причине спаривание, как и среди волков, было наиболее эффективной формой сексуальных отношений. Но, по моему мнению, совершенно напрасно пытаться вывести из этой формы общества, которая, возможно, существовала три или четыре миллиона лет назад, какие-либо из известных обычаев дикарей, касающихся брака, таких как избегание, тотемизм, экзогамия; которые были бы сравнительно недавними, если бы мы перенесли их происхождение на 500 000 лет назад. Многие из таких правил могли возникнуть только тогда, когда уже существовали традиция и язык, способный выражать взаимоотношения.

§ 4. Психология охотничьей стаи

Возможно, наш обезьяноподобный предок был более общительным, чем любой из антропоидов; но общительность в обезьяньей жизни никоим образом не объясняет наш нынешний характер как человека: ничто не объясняет ее, кроме раннего формирования охотничьей стаи. Поскольку, однако, мы ничего не можем знать об этом институте непосредственно, мы должны попытаться узнать что-нибудь о нем из параллельного случая с собаками и волками. Гальтон отмечает, как легко действия человека и собаки “становятся понятны друг другу. Каждый скулеж или лай собаки, каждое ее заискивающее, дикое или робкое движение является точной копией того, каким было бы поведение человека, если бы он испытывал подобные эмоции. Как человек понимает мысли собаки, так и собака понимает мысли человека, прислушиваясь к его естественному голосу, выражению лица и действиям”. [37] Ничего больше, если вообще что-то, нельзя сказать об условиях, на которых мы стоим с ручным шимпанзе, несмотря на большее физическое и лицевое сходство и более близкое родство. Что может так тесно связывать нас в сознании с животным, столь далеким от нас по происхождению и анатомии, как собака? Адаптация к тем же социальным условиям, к жизни охотничьей стаи.

(1) Главный интерес каждого члена стаи заключается в охоте, потому что успех в ней необходим для жизни. Чтобы показать, как эта страсть приводит в действие нас самих, я цитирую мистера Ф. К. Селуса, который во время экспедиции в Канаде разбудил оленя карибу на расстоянии двадцати ярдов, увидел “ужасный ужас” в его глазах и застрелил его. “Сожалел ли я о том, что сделал? могут спросить. Хорошо! нет, я не сожалел. Десять тысяч лет поверхностной и неудовлетворяющей цивилизации не изменили фундаментальную природу человека, и современный успешный охотник становится первобытным дикарем, безжалостным,

торжествующим, полным дикой, ликующей радости, которую никто, кроме тех, кто жил в дикой природе и зависел от своего успеха в качестве охотников в добытии своей повседневной пищи, никогда не сможет познать или постичь”.[38] Охотнику мой парадокс должен казаться прописной истиной. И то, что охотник, временно освобожденный от цивилизованных ограничений, который страдает от такого опьянения, просто возобновляет старые дикие восторги, показано следующей любопытной параллелью: бушмен, возвращающийся с удачной охоты к фургонам путешественника Бейнса: “Смотрите на меня!” - кричал он, “Охотник! Да, взгляни на меня, убийцу слонов и могучих быков! Взгляни на меня, большого слона, льва! Взгляните на меня, вы, Дамары и Макалака; восхищайтесь и признайте, что я великий Бычок”.[39]

Опять же, поскольку интерес к охоте достигает высшей точки в убийстве — ибо это условие приготовления пищи, — у некоторых хищных животных убийство становится страстью, которую часто удовлетворяют без учета их потребностей. Волки часто убивают гораздо больше овец, чем съедают: овчарка, подвергшаяся реверсии, убивает по ночам овец на соседних фермах, не подавая никаких признаков голода; и, как говорит м-р Томпсон Сетон (автор статей о туземцах Северной Канады), “мания убийства, которая наблюдается у стольких белых людей, очевидно, является пережитком дикости; ибо все эти индейцы и метисы полны ею”.[40] Они стреляли во все, что видели. Манеры моей собственной стаи, теперь давно рассеянной, были очень похожи на индейские; и охота на голубей — или на фазанов — свелась к последнему элементу - искусному забю.

Склонность к убийству усиливается, когда жертва оказывает серьезное сопротивление, гневом; и обычно отчетливой тенденцией, иногда называемой “деструктивностью”, возможно, скрытым признаком, унаследованным от обезьян, и который я принимаю частично за игровой импульс, а частично за выражение любопытства.

(2) Стадность стаи непостоянна; вероятно, среди волков в древности она была намного выше, чем сегодня. Существуют противоречивые утверждения о стадности волков, которые были изучены в разных странах. Кутель де Кантелеу (Франция) говорит: “Волк - враг всего общества; когда они собираются, это не мирное общество, а банда разбойников”.[41] Томпсон Сетон (Канада) говорит: “Волки - самые общительные из хищных зверей; они договариваются оказывать друг другу помощь. Похоже, что стая - это объединение личных знакомых, которые были бы возмущены присутствием совершенно незнакомого человека.”[42] Стадность волков должна снижаться из-за потери дичи (как при уничтожении бизонов в Северной Америке), и еще больше из-за посягательств цивилизации (как во Франции). Примитивная человеческая стая, вероятно, была более постоянно стадной, чем волки: (а) потому что ее особи, не имея инстинктивных или традиционных знаний об охоте, были более зависимы от сотрудничества; и (b) потому что долгая юность детей делала необходимым, чтобы родители общались со стаей во время их воспитания — иначе никакой стаи не могло бы существовать; ибо, в то время как волки становятся почти взрослыми в восемнадцать месяцев, обезьяны достигают зрелости только на восьмом или девятом году. В более поздний период, после изобретения эффективного оружия, индивидуум стал для многих видов дичи менее зависимым от сотрудничества; но к тому времени охотничьи угодья стаи были ограничены охотничьими угодьями других враждебных стай, так что никто не осмеливался уходить далеко в одиночку.

(3) Стадность сопровождалась, конечно, (а) перцептивной симпатией — каждое животное мгновенно считывало в поведении других свои чувства и импульсы; (b) заразной симпатией — импульсы любого животного, выраженные в его поведении, быстро распространяются на всех остальных; и (с) эффективной симпатией, по крайней мере, в той мере, в какой все объединяются для защиты любого партнера от агрессии извне стаи. Проницательная и заразная симпатия, однако, выходит за пределы стаи или вида в целом. Большинство высших млекопитающих могут читать душевное состояние других, хотя и самых разных видов, по выражению их лиц и поведению; и многие склонны к тому, что на их действия немедленно влияют признаки эмоциональных импульсов других, особенно страха. Следовательно, эти способы сочувствия, хотя и являются наиболее активными у стадных животных, не зависят от конкретной стадности.

(4) Стая имеет склонность к агрессии против любого вида животных вне стаи, либо в качестве добычи, либо в качестве конкурента за добычу: без сомнения, ограниченную тем, что мы должны называть соображениями благоразумия или полезности; которые должны варьироваться в зависимости от размера стаи, доблести ее особей, владения оружием и т.д. После изобретения оружия и силков многие дикие племена могут убивать все виды животных в своей среде обитания, как это делали европейцы эпохи палеолита много тысяч лет назад. С самого начала человеческая стая, должно быть, вступила в соревнование с настоящими хищниками, должна была защищаться от них, возможно, обнаружила, что нападение - самая безопасная защита, и, возможно, одержала победу даже без оружия. Г-н Г. П. Сандерсон пишет: “Туземцы (Южной Индии) повсеместно верят, что тигра иногда убивают стаи диких собак.... Из того, что я видел об их стиле охоты и об их способности разрывать и терзать, я думаю, что не может быть никаких сомнений в их способности убить тигра.... Причины враждебности иногда могут возникать между тигром и дикими собаками из-за попыток помешать добыче друг друга”.^[43]

(5) Охотничья стая, вероятно, всегда претендует на определенную территорию. Это первое основание для чувства собственности, столь сильно проявляемого домашними собаками: территориальные претензии полудиких собак Константинополя хорошо известны. Чтобы прокормить стаю, охотничьи угодья должны быть обширными. Мистер Томпсон Сетон говорит, что в Канаде у волка есть постоянный район обитания и радиус действия около пятидесяти миль.^[44] Должно было пройти очень много поколений, прежде чем отклонение наших предков от антропоидных привычек привело к образованию такого количества стай, что возникла необходимость практического разграничения охотничьих угодий. Затем агрессивность стаи обратилась на чужаков ее собственного вида; начались первые войны и, возможно, каннибализм со стороны победителей. Несомненно, что в Северной Америке волки убивают и поедают лис, собак, койотов; и обычно считается, что волки съедят товарища-инвалида; хотя, согласно мистеру У. Х. Хадсону, волк съест другого человека только после того, как он убил этого другого, и то только в качестве реализации инстинкта съесть все, что он убил.^[45] Может быть, это и так.

(6) У стаи должен быть вождь, и она должна преданно следовать за ним до тех пор, пока он явно лучший в стае; и здесь мы имеем элементарную лояльность.

(7) Каждый индивид должен быть подчинен стае, пока они действуют сообща; и это, по-видимому, лежит в основе “инстинкта самоуничтожения” (Макдугалл), поскольку отношение,

связанное с таким подчинением, обусловлено отчетливым эмоциональным импульсом, а не выражением страха или преданности.

(8) Члены стаи должны быть полны соперничества; чтобы, когда нынешний вожак потерпит неудачу, другие были готовы занять его место.

(9) Для внутренней сплоченности стаи должен существовать эквивалент признанной таблицы старшинства среди ее членов; и это согласуется с духом соперничества путем борьбы до тех пор, пока каждый не узнает свое место, за которым следует полное подчинение со стороны низшего. Мистер Т. Рузвельт говорит о своре собак, занятых охотой на медведя: “во время кормления каждый брал все, что позволяли его силы, и каждый оказывал глубокое почтение тому животному, которое заведомо превосходило его в доблести”.^[46] Мистер У. Х. Хадсон пишет о собаках на животноводческих предприятиях в пампасах, что, по его предположению, “они очень похожи по своим повадкам на диких собак и волков. Их ссоры непрестанны; но когда начинается драка, глава стаи, как правило, бросается наутек” и пытается разнять дерущихся — не всегда успешно. “Но от самого сильного и властолюбивого до самого слабого существует градация авторитета; каждый точно знает, как далеко он может зайти, какого товарища он может запугать, когда в плохом настроении или хочет самоутвердиться, и кому он, в свою очередь, должен смиренно уступить”.^[47] Ситуация напоминает полный дом школьников и то, как онтогенез повторяет филогенез. Там, где политический контроль очень слаб, например, в лагерях шахтеров или захолустных поселениях, цивилизованные люди возвращаются к тем же условиям. Пятьдесят лет назад “по всей границе между Канадой и Соединенными Штатами каждый знал, кого он может облизать, и кто может облизать его”.^[48] Среди австралийских аборигенов нам говорят, что “приоритет имеет очень большое значение”.^[49]

(10) Стая волков полагается не только на то, что загонит свою добычу, но и прибегает к различным стратегиям, чтобы обезопасить ее: например, окружая ее; выводя из укрытия; загоняя через пропасть; организуя группы преследователей, которые начинают погоню, когда первые начинают слабеть; заставляя некоторых залечь в засаду, пока остальные гонят добычу в их направлении. Такие устройства подразумевают разумное сотрудничество, некоторые средства передачи идей, терпение и самоконтроль в интересах стаи и настойчивость в выполнении плана. Говорят, что отказ от эффективного сотрудничества карается смертью. Можно предположить, что первобытный человек, у которого вначале было больше мозгов, чем у волка, вскоре открыл для себя такие искусства и усовершенствовал их.

(11) Когда жертва была убита стаей волков, следует жадная борьба за тушу, каждый пытается получить как можно больше еды. Мистер Т. Рузвельт пишет о собаках, используемых при охоте на пуму: “Отношения стаи между собой (при кормлении) были отношениями эгоизма диких зверей.... Все они объединялись в погоне и ожесточенной борьбе, которая обычно завершала ее. Но в тот момент, когда добыча была убита, каждая собака вернулась к своему обычному отношению жадного гнева или жадного страха по отношению к другим”.^[50] Однако, поскольку это была обычная стая гончих, мы, возможно, не можем сделать вывод, что естественно сформированная стая волков одинаково диссонирует или что человеческая стая когда-либо была такой. Гальтон, действительно, говорит: “Многие дикари настолько неприветливы и угрюмы, что едва ли имеют какую-либо цель в общении друг с другом, кроме взаимной поддержки”;^[51] но это ни в коем случае не относится ко всем дикарям. Во всяком случае, более стабильные запасы пищи, получаемые нашей расой с момента перехода к пастушеской или

сельскохозяйственной экономике, при других обстоятельствах значительно изменили жадность и угрюмость у многих людей и замаскировали их у других; хотя они вновь проявляются в условиях крайних социальных потрясений, и пословица гласит, что “воры ссорятся из-за награбленного”. В первоначальной стае такая борьба за добычу, возможно, служила важной цели устранения слабых и повышения средней силы и свирепости. Но, должно быть, существовал какой-то обычай кормить женщин и детей. Без сомнения, когда можно было достать фрукты, женщины и дети в основном ими питались. Но сильный инстинкт родительской заботы у приматов, долгая молодость детей и большая относительная неполноценность самок по отношению к самцам (характерная для антропоидов и дикарей), чем у собак и волков, должно быть, изначально отличали человеческую стаю во многих отношениях от стаи волков.

Итак, что касается черт характера, сформировавшихся у первобытного человека благодаря тому, что он прибегал к совместной охоте: все они явно сохраняются в нас самих.

На наш интеллект жизнь в охотничьей стае оказала столь же революционное влияние, как уже объяснялось в первой главе. Эта предприимчивая семья должна была научиться всему искусству охоты с его зачатков. У них не было унаследованных инстинктов или предрасположенностей, а также традиций или наставлений, как у настоящих плотоядных: они зависели исключительно от наблюдения, памяти, умозаключений. При слабом обонянии (как обычно у обезьян) добычу приходится преследовать, а неудобных врагов перехитрить, изучая их следы и другие видимые признаки близости, а также различая все звуки, которые они издают. Привычки и манеры добычи и врагов, их излюбленные логова, места кормежки и водопоя, их пути через леса, болота, заросли и высокую траву - всему этому необходимо научиться; так же как и их скорости, выносливости, средствам и методам нападения и защиты. Необходимо было знать всю страну в пределах досягаемости стаи, ее ресурсы и трудности; и всякий раз, когда заходили на новую территорию, приходилось извлекать новые уроки по всем этим вопросам. Должно быть, это повлекло за собой быстрый естественный отбор мозгов. Только быстро развивающийся, пластичный мозг мог быть способен к требуемому приспособлению поведения в таких условиях: требовался механизм, с помощью которого все новые и новые линии специализированных реакций были связаны с многочисленными вновь наблюдаемыми и различимыми фактами.

С самым грубым оружием можно обращаться с разной ловкостью; лучшее обращение должно быть обнаружено и отработано; и это имело высокую избирательную ценность как для рук, так и для мозга. Вероятно, грубое оружие использовалось очень рано; ведь некоторые обезьяны (и бабуины в целом) бросают во врага палки или камни или скатывают их вниз. На Борнео Уоллес наткнулся на самку оранга, которая, “как только она увидела нас, начала обламывать ветки и большие колючие плоды [дуриана] со всеми признаками ярости, вызывая такой град снарядов, что фактически удерживал нас от приближения слишком близко к дереву. Эта привычка бросать ветки подвергалась сомнению; но я, как здесь рассказано, наблюдал это сам в трех отдельных случаях”.^[52] Важность наблюдения состоит в том, что оно доказывает существование у антропоида импульса использовать ракеты при случайном стрессе гнева; так что можно ожидать, что он быстро разовьется под постоянным давлением голода. Использование дубинок и камней привело к отбору наилучших материалов для такого оружия и

к тому, где их можно было найти; и со временем им придали грубую форму, чтобы они лучше служили своим целям. Затем были изобретены силки и западни, а также открыты яды.

Таким образом, примитивный человеческий или дочеловеческий разум был активен во многих новых направлениях; и в зависимости от его мастерства, не от инстинкта или подражания, а от наблюдения, памяти и умозаключений, ему было необходимо расположить идеи в определенном порядке, прежде чем действовать в соответствии с ними, например, при изготовлении оружия или планировании охоты; неопределенность или путаница в таких вопросах были фатальными. Контраст между растущей памятью о прошлом и настоящим опытом, между практическими идеями и действиями по их реализации, которые были отложены до наступления подходящего момента, способствовал дифференциации самосознания в мире; контрасты сотрудничества и жадности, соперничества, лояльности и подчинения, чести и стыда способствовали дифференциации самосознания в племени.

Если спросить — в какой степени все это развитие, приписываемое охотничьей стае, могло быть с таким же успехом вызвано формированием защитного стада, подобного тому, что мы видим у крупного рогатого скота и лошадей? — можно дать определенный ответ. Стадо, конечно, отличается (2) стадностью, (3) пронизательной и заразной симпатией, а иногда и эффективным сочувствием при совместной защите, (7) признанием лидеров (у всех кочующих стад есть лидеры), (8) соперничеством, (9) превосходством; но не (1) интересом к охоте и убийству, ни (4) агрессивностью, ни (10) стратегией и упорством в нападении, ни (11) жадностью; и жизнь в стаде не создает условий ни для развития интеллекта и ловкости, ни для каких-либо физических качеств. характеры, которые отличают человека. Стадная жизнь не предполагает великих и решительных изменений, которые подразумеваются в эволюции человеческой природы. Таким образом, мы должны представить себе примитивный человеческий разум как разновидность разума шимпанзе, приспособленного к волчьим условиям охотничьей стаи. Сами волки не претерпели большого развития, по сравнению (скажем) с кошками, из-за отсутствия рук и других физических преимуществ, с которыми мы начинали. Если бы какой-нибудь вид бабуинов перешел к охотничьему образу жизни, могли бы быть очень интересные результаты.

§ 5. Тип человека-Волка, установленный Естественным отбором

Дифференциация человека от антропоидной группы, должно быть, началась очень давно; относительно того, когда это началось, прямых свидетельств нет; и даже если бы были обнаружены ископаемые останки более ранних стадий нашей эволюции, мы могли бы судить только по слоям, в которых они произошли, об их относительной древности. Когда дело доходит до сведения хронологии прошлых эпох к цифрам, геологи либо отказываются делать какие-либо оценки, либо результаты их расчетов могут отличаться от 1 к 10. Поскольку мои собственные исследования не дают мне права на мнение по таким вопросам, хотя полезно иметь четкие идеи, какими бы предварительными они ни были, я приму взгляды доктора Артура Кейта в его работе о древности человека, основанные на оценках, опубликованных профессором. Соллас.^[53] Обратившись к стр. 509 этой работы, можно найти генеалогическое древо, показывающее вероятные линии происхождения высших приматов. Отделение человека от

большой группы антропоидов представлено как произошедшее примерно в последней трети олигоценового периода — скажем, 2 000 000 лет назад (или, согласно более поздней оценке, 3 500 000). Питекантропы (с Явы) выделились в отдельный род примерно в середине миоцена. Неандерталец (*Homo Neanderthalensis*) и пилтдаунский человек (*Eoanthropus Dawsoni*) отделились как отдельные виды (или роды) от современного человека (нелепо названного *Homo sapiens*) в начале плиоцена и вымерли соответственно (скажем) 20 000 и 300 000 лет назад. Расы современного человека начали дифференцироваться примерно в конце плиоцена (скажем) через 500 000 лет от настоящего времени. Такова “рабочая гипотеза”.

Вместимость черепа крупных антропоидов составляет в среднем 500 у.е.; питекантропа оценивается в 900 у.е.; средний показатель коренных жителей Австралии составляет 1200 у.е.; у эоантропов, по словам доктора Кейта, достигает 1400 у.е.;[54] череп неандертальца был измерен при 1600 у.е.; средний показатель современного английского языка составляет менее 1500 у.е. в. Конечно, умственная сила зависит не только от размера мозга, но и от его дифференцировки, которая, возможно, недавно продвинулась далеко вперед.

Что касается культуры, период неолита простирается в Западной Европе примерно с 2000 по 10 000 год до н.э.: и к этой эпохе обычно относят возникновение сельского хозяйства, приручение животных, гончарное дело, ткачество, постоянные жилища и памятники, требующие коллективного труда; но некоторые из этих усовершенствований могут относиться к более раннему времени. В других частях света, например, в регионе Восточного Средиземноморья, такая культура, вероятно, более древняя, но все еще сравнительно недавняя. То, что известно как палеолитическая стадия культуры, часто предполагается начавшимся в начале второй четверти плейстоценового периода, что дает нам ретроспективу (скажем) в 300 000 лет. Но если мы включим в понятие “палеолит” все изделия из неотшлифованного камня, которые демонстрируют явные признаки выполнения в соответствии с идеей или ментальным шаблоном (и это кажется разумным определением), то так должны называться “рострокаринатные” орудия, и тогда начало этой культуры следует отодвинуть на плиоцен.[55] В плиоценовых (и, возможно, миоценовых) отложениях были обнаружены многочисленные “эолиты”: камни, обтесанные настолько грубо, что они не предполагают идейного рисунка; так что, хотя многие археологи принимают их за изделия человека, некоторые эксперты оспаривают их право считаться артефактами. Конечно, там должны быть эолиты; вопрос только в том, откопали ли мы еще что-нибудь из них. Наши предки не могли начать с придания камням определенной формы и особого назначения. Начав с камней, подобранных по ходу их лежания, они обнаружили, что осколок камня с острым краем наносит более серьезную рану, чем целый; затем ломали камни, чтобы получить это преимущество; использовали острые осколки для утяжеления дубинок; и очень медленно продвинулись к изготовлению узнаваемых топоров и наконечников копий, тем временем находя другие применения отщепленным камням; и, по-видимому, потребовалось по меньшей мере 1 400 000 (или 2 800 000) лет, чтобы получить самый бедный из известных палеолитов. Это поразительно согласуется с часто утверждаемым законом, согласно которому прогресс культуры в силу традиции носит кумулятивный характер и течет, подобно падающему камню, со все возрастающей скоростью, несмотря на отливы, которым, как мы видим, он подвержен из века в век. Более того, в любое время искусство обработки камня находилось, вероятно, даже у соседних племен, на разных стадиях развития; частично это зависит от вида добываемого камня; но только недавно могли возникнуть такие контрасты, как Геродот[56] описывает воинство Ксеркса: когда рядом с хорошо экипированными персами и мидянами маршировали Ливийцы и мисийцы были вооружены деревянными дротиками, закаленными в

огне, а эфиопы - стрелами с каменными наконечниками и копьями, увенчанными заостренными рогами антилоп.

Мораль всего этого заключается в том, что до возникновения неолитической культуры (которую можно назвать началом цивилизации) было достаточно времени для полной адаптации человечества повсеместно, путем естественного отбора, к жизни охотников; и что с тех пор не было времени для биологической адаптации какой-либо расы к цивилизованному состоянию. Мы увидим, что естественный отбор, вероятно, оказал некоторое цивилизующее влияние; но любой подход к полной адаптации был невозможен не только из-за нехватки времени, но и из-за быстрых изменений в структуре цивилизации, социальной защиты некоторых эксцентриков, сохранения охотничьей жизни как второго ресурса или времяпрепровождения, а также из-за частого возобновления войн, то есть охоты на человека. К цивилизации мы, по большей части, просто приспособлены опытом, образованием, традициями и социальным давлением. Некоторые люди, по-видимому, приспособлены к цивилизованной жизни с самого своего рождения, а другие - к рабской жизни; но все они более или менее явно наследуют природу охотника и воина. Это необходимая основа общей и социальной психологии; и, возможно, племенные или национальные характеры (насколько они различимы) можно понять, описав условия, при которых они в различных направлениях отличались от этого типа.

Чтобы не создать впечатление, что вы упускаете из виду очевидное возражение, я могу добавить, что жизнь охотника не подразумевает исключительно плотоядную диету, а просто то, что охота - это деятельность, на которую направлены его способности и от которой главным образом зависит его существование. Крайне маловероятно, что двоюродный брат плодоядных антропоидов полностью откажется от пищи своих предков, немедленно или, возможно, в любое время. Даже рацион волка на северо-востоке Канады включает "много фруктов, особенно уварси"; и койот там тоже ест ягоды;^[57] то же самое делает шакал в Индии. Женщины-дикари повсюду питаются в основном кореньями и фруктами. Доктор Кейт говорит, что зубы и челюсти неандертальцев были приспособлены к грубой растительной диете.^[58] Однако захоронения неандертальцев в Ла-Феррази, Ла-Шапель-о-Сен, Джерси и Крапине с их орудиями труда и останками животных не оставляют сомнений в том, что этот вид охотился на самую крупную дичь. В Крапине, помимо мамонта и носорога, "в изобилии встречался пещерный медведь, который, очевидно, был излюбленным продуктом питания": жители не были фанатичными вегетарианцами.

§ 6. Некоторые дальнейшие последствия охотничьей жизни

Между отдаленной эпохой, когда наш гипотетический предок стал охотником, и временем, к которому, вероятно, относятся останки древнейших известных людей, лежит промежуток (скажем) в один (или два) с половиной миллиона лет, относительно которого у нас нет не только прямых свидетельств, но даже никаких параллелей в мире, с помощью которых можно было бы применить сравнительный метод. В самом начале параллель с волчьей стаей проливает некоторый свет на наш путь; но свет этот вскоре меркнет; ибо первобытный человек, изначально более разумный, чем волки, и унаследовавший от обезьяньего племени качества характера, которые новая жизнь сильно модифицировала, но не смогла искоренить, должно быть, под давлением отбора спустя не так много веков превратился в животное, не похожее ни на одно другое. В конце, опять же, кое-что о тех, кто жил за много тысяч лет до начала истории, может быть выведено из параллели существующих обычаев дикарей; из их скальных жилищ,

рисунков, инструментов, оружия, очагов, кое-что об их образе жизни; из свидетельств их погребальных обычаев, кое-что об их верованиях. Но что можно сказать о наших предках за все те годы, что прошли между началом и концом?

Поскольку он был охотником с самого начала и в конце, мы можем разумно предположить, что он был им все время. Но, с нашими нынешними знаниями, нашим главным ориентиром в отношении других вопросов, по-видимому, является тот факт, что самые отсталые из существующих дикарей обладают силами тела и разума, а также формами и продуктами культуры, которые, должно быть, были приобретены постепенно в ходе длительного процесса развития не из лучших источников, чем те, которые прослеживаются у обезьян и волков. Подобно тому, как использование хорошего каменного оружия живущими дикарями и обнаружение каменного оружия в отложениях различного возраста в плейстоцене — все менее совершенного по мере того, как мы углубляемся в прошлое, — оправдывает нас в предположении, что в более отдаленные времена должны были быть эолиты еще более грубой работы, так и обладание дикарями обширными языками, сложными обычаями, пышными мифами, значительными способностями к рассуждению и даже гуманными чувствами заставляет нас представлять себе такое имущество как принадлежащее нашим доисторическим предкам, во все более простых формах, по мере того как мы возвращаемся эпоха за эпохой к началу. Предварительная реконструкция утраченной последовательности событий иногда может быть подкреплена наблюдениями за индивидуальным развитием наших детей.

(a) Например, конструктивный импульс, слабо проявляемый антропоидами, устраивающими постели и укрытия на деревьях, был вызван к деятельности у человека, особенно при изготовлении оружия, инструментов и ловушек, и стал всепоглощающей страстью; так что дикарь (часто обвиняемый в неспособности к длительному вниманию!) будет целыми днями сидеть, работая копьем или топором: они невнимательны только к тому, что их не интересует. Многие дети примерно с шестого года жизни попадают под действие такого же увлечения — копают, строят, изготавливают луки и стрелы, лодки и так далее. Это необходимая подготовка ко всем достижениям цивилизованной жизни; и разумно предположить, что стадии роста такого интереса к строительству обозначаются усовершенствованием древних орудий труда.

(b) Что касается языка — в самом общем смысле, как передачи эмоций и идей с помощью звуков голоса, — то его зачатки широко распространены в животной жизни. Распознан своего рода собачий язык, а обезьяны, по-видимому, обладают еще большим “словарным запасом”. Следовательно, ряд эмоциональных речевых выражений, вероятно, был в ходу у первобытного человечества. Иная охотничья жизнь благоприятствовала развитию коммуникативных знаков; ибо это зависело от сотрудничества, которого не хватает в жизни обезьян, а у низших сохранившихся дикарей почти не существует, за исключением охоты, войны и магических или религиозных обрядов. Более того, охота (как я уже говорил) особенно поощряет звукоподражательные выражения при имитации звуков животных и т.д. Возможно, это было еще более благоприятно для развития языка жестов, имитирующего поведение животных и действия, связанные с тем, чтобы обойти их и напасть на них. Растущие способности к общению были чрезвычайно полезны, и стая, должно быть, пыталась их развить. Без стремления к общению никогда не смог бы возникнуть язык, лучший, чем у обезьян; и не могло бы возникнуть такого стремления без необходимости. Можно предположить, что сам по себе этот жест был очень полезен; и он, должно быть, помог зафиксировать самые ранние голосовые признаки

предметов, действий и качеств и, вероятно, определил самый ранний синтаксис; но когда на охоте члены стаи были скрыты друг от друга или когда их руки были заняты, жест был недоступен, и общение зависело от голоса. Речь детей точно так же возникает из эмоциональных шумов и импульсивного лепета, сопровождаемого жестикуляцией.

Переходя к более поздним эпохам, мы не можем ожидать, что узнаем много о речи доисторических людей, о которых мы знаем лишь по нескольким костям. Что касается черепа с острова Ява, доктор Кейт отмечает, что “область мозга, которая отвечает за, по сути, человеческий дар речи, у питекантропа не была обезьяноподобной. Части речи есть; они небольшие, но ясно предвещают расположение извилин, наблюдаемое у современного человека”. С другой стороны, “области высших ассоциаций ... не достиг человеческого уровня”.^[59] Поскольку челюсть этого черепа найдена не была, ничего нельзя сказать о ее пригодности для осуществления процесса артикуляции. Что касается эоантропа, “если наша нынешняя концепция орбитальной части третьей лобной извилины хорошо обоснована, а именно, что она участвует в механизме речи, тогда у нас есть основания полагать, что пилтдаунский человек достиг той точки развития мозга, когда речь стала возможной. Однако, когда смотришь на нижнюю челюсть и выступающие клыки, не решаешься позволить ему нечто большее, чем потенциальную способность”.^[60] Челюсть не претерпела характерных изменений, которые у современного человека дают свободу языку при произнесении слов.^[61] Но доктор Кейт “не может обнаружить никаких особенностей в лобной, теменной или затылочной областях, которые четко отличают этот слепок мозга от современных”.^[62] Следовательно, эоантропу, должно быть, было что сказать, и, будучи общественным животным, он должен был испытывать потребность в самовыражении; и, хотя он не был нашим прямым предком, вряд ли можно сомневаться, что в какой-то период челюсти наших собственных предков были приспособлены для членораздельной речи не лучше, чем у него. Не можем ли мы заключить, что членораздельная речь, удовлетворяющая потребности племени, возникла очень постепенно и медленно дифференцировалась от какой-то менее определенной и структурной связи экспрессивных и звукоподражательных звуков, которая, как мы видели, могла естественным образом возникнуть у первых охотников? *Естественно*, челюсть была модифицирована.

(с) Все дикари живут по обычаям; у стадных животных есть свои обычаи; и в примитивной охотничьей стае обычаи, должно быть, были установлены очень рано как “условия стадности”. М. Саломон Райнах, действительно, считает, что антропоид, вероятно, стал человеком в результате изобретения табу, особенно в сексуальных отношениях; наблюдалась экономия нервной энергии в направлении чувств и, как следствие, обогащение интеллекта.^[63] Его гипотеза, возможно, не уводит нас далеко в подробности человеческого облика и способностей; но она содержит ту истину, что без роста обычаев не могло быть прогресса человеческой природы; и это, безусловно, указывает на вероятность того, что рано установился какой-то обычай в отношении брака. По мнению профессора Вестермарк, наш вид изначально был моногамным.^[64] Предположим, что это был обычай, как у многих приматов, мог ли он сохраниться после формирования охотничьей стаи? По словам мистера Томпсона Сетона, волки спариваются “вероятно, на всю жизнь”;^[65] но это оспаривается; и поэтому важно, принимает ли самец сезонной пары участие в уходе за щенками.^[66] О первобытном человеческом племени можно сказать, что, хотя, с одной стороны, объединение многих самцов и самок в одной стае, возможно, имело тенденцию к распаду семьи, с другой стороны, долгая молодость детей и родительская забота, обычно характерные для приматов, имели тенденцию к

ее сохранению; что практика спаривания требует наибольшего количества самцов (исключая полиандрию), а также уменьшает количество ссор и, следовательно, благоприятствует силе стаи; и что мог быть установлен какой-либо обычай, который был наиболее благоприятен для данного вида в его новой жизни. Наименее вероятным из всех состояний является распущенность, поскольку воспитание детей с их постоянно удлиняющейся юностью, должно быть, было трудным делом, требующим заботы обоих родителей.

(d) притязания на собственность инстинктивны у большинства животных — притязания на определенную территорию, или на гнездо, или логово, или на пару. Каждая ранняя человеческая стая, вероятно, претендовала на определенное охотничье угодье; и у каждой семьи было свое логово, которое она охраняла, как наша домашняя собака охраняет дом. В Австралии “у каждого племени есть своя страна, и ее границы хорошо известны; и они уважаются другими”;[67] и бушмены, которые сохранили древний охотничий образ жизни более совершенным, чем любой другой известный народ, как говорят, раньше были разделены на большие племена с четко определенными охотничьими угодьями.[68] По мере того, как оружие или другие орудия труда, амулеты или украшения входили в обиход, отношение к территории или логову распространялось и на них; действительно, оно, по-видимому, инстинктивно даже у низших приматов. “В Зоологическом саду, - говорит Дарвин, - обезьяна, у которой были слабые зубы, обычно раскалывала орехи камнем; и зрители уверяли меня, что после использования камня она прятала его в соломе и не позволяла прикасаться к нему ни одной другой обезьяне. Итак, вот перед нами идея собственности”.[69] Среди канадских дрессировщиков-полуволков претензии одного на собственность, по-видимому, признаются другими; поскольку собака будет защищать свой *запас* еды от другого, которого она обычно боится; и “более крупная собака редко настаивает на своем”.[70] Полезность поддержания мира внутри племени, без сомнения, привела к росту обычаев, касающихся собственности, и к их защите с помощью социальных санкций, а позже и табу.[71] Ибо табу не может быть источником уважения к собственности или какому-либо обычаю: оно подразумевает уже существующий обычай, который оно защищает путем роста веры в некое магическое наказание, действующее даже при отсутствии свидетелей. Та же полезность порядка, должно быть, установила обычаи разделения добычи стаи: позже они также были защищены табу, как мы все еще видим во многих диких племенах.

Отношение к собственности у известных нам племен очень различно. Тем не менее, учитывая, как рано и сильно это проявляется у детей, мы можем с некоторым правдоподобием заключить о его древности в расе. Настоятельное желание обладать собственностью и упорство в ее удержании, проявляемое многими людьми, хотя и не вызывающее дружелюбия, было в высшей степени полезной чертой характера, которой обязано накопление капитала, сделавшее возможным всю нашу материальную и большую часть духовной цивилизации. Среди варваров это может быть необходимым условием общественного порядка. Если бы богатство не ценилось высоко среди наших собственных предков, трудно понять, как вергельды могли бы утолить месть. Оплата, действительно, была не всей сделкой; она подразумевала признание вины и обязательство загладить свою вину; но все это не успокоило бы врага, воспитанного в традициях кровной мести, если бы серебро не было ему дорого. Это по-прежнему принимается в качестве компенсации за травмы, которые, кажется, трудно измерить в унциях. Богатство придает ранг и удовлетворяет не только жадность, но и дух соперничества в стае. Стяжательство - неотъемлемая черта аристократии и залог ее постоянства. Домотканая осторожность принадлежит в нашей родословной к более позднему слою мотивов; мы

рассматриваем ее как слепой инстинкт у белок и бобров, квазиинстинктивную склонность у собак и волков (которые прячут пищу, которую не могут немедленно проглотить); но она неизвестна ни у одного антропоида и приобретена на каком-то этапе некоторыми человеческими расами — не всеми; ибо она обнаруживается не у многих ныне живущих дикарей. Единственный случай, когда австралийские племена проявляют предусмотрительность в отношении еды, - это приближение сезона магических ритуалов, когда они запасаются едой, прежде чем на недели или месяцы отдать себя душой и телом тауматургии.[72] Благоразумие, однако, не является просто функцией дальновидности или интеллекта, иначе ирландцы были бы такими же благоразумными, как шотландцы.

(е) Первые войны, вероятно, велись за охотничьи угодья; и это, возможно, было возрождением для плотоядной человекообразной стаи того положения дел, которое существовало среди их предков гораздо раньше; поскольку были засвидетельствованы битвы за место кормления между отрядами низших приматов. Была описана такая битва между двумя группами лангуров (*Semnopithecus entellus*);[73] и Дарвин рассказывает вслед за Бремом, как “в Абиссинии, когда павианы одного вида (*C. gelada*) спускаются войсками с гор, чтобы грабить поля, они иногда сталкиваются с отрядами другого вида (*C. hamadryas*), после чего завязывается драка. Гелады скатывают большие камни, которых гамадрилы стараются избегать, и тогда оба вида, поднимая страшный шум, яростно бросаются друг на друга”. [74] По мере того, как стаи обезьян-волков увеличивались в численности и расселялись по миру, они, без сомнения, обычно стали рассматривать друг друга как соперников наравне с большими кошками и стаями собак, и каждая попытка экспансии или миграции провоцировала битву. Войны усиливали внутренние симпатии и лояльность стаи или племени и их внешние антипатии, а также расширяли ареал и влияние более мужественных и способных племен.

Верно, что соседние племена дикарей теперь не всегда враждуют друг с другом. В Австралии, как нам сказали, местные группы и соседние племена обычно дружелюбны;[75] но для них эпоха экспансии, похоже, завершилась некоторое время назад, и установилось своего рода равновесие. С другой стороны, это поверхностный вид глубокомыслия, который настаивает на интерпретации каждой войны как борьбы за питание, попытки решить социальную проблему. Агрессивность и ненасытная жадность характерны для многих племен — страсти, которые всегда легко используются их лидерами, как в цивилизованном мире династиями и демагогами. Изобилие более нагло, чем бедность. Жажда власти, славы, простой борьбы - более сильный стимул, чем забота о бедных.

Однако ничто не оказало такого влияния на развитие общества, как война: огромная тема, за очертаниями которой я обращаюсь к Политическим институтам Герберта Спенсера.[76]

(f) Большинство развлечений, а также занятий человечества зависят по своей остроте от духа охоты и борьбы, который они удовлетворяют и облегчают либо непосредственно, либо условным и символическим образом, и в то же время поддерживают живым. Спорт и игры предполагают достижение какой-либо цели с помощью навыков и стратегии, часто захват какой-либо добычи или прямое убийство, и они дают простор для подражания. Соперничество является мотивом в гонке за богатством, в любой достойной карьере, даже в пристрастии к науке и познанию: хотя здесь основной упор делается на инстинкт более древний, чем стайный, — любопытство, общий характер приматов. То, что дети сначала играют в одиночку, позже - вместе, а затем “встают на сторону”, повторяет переход от сравнительно уединенной жизни

антропоидов к социальной жизни и совместной деятельности охотничьей стаи. Из интереса к охоте и связанной с ней агрессивности должно проистекать все то, что мы называем “предприимчивостью”, будь то благотворной или вредной: черта, безусловно, которую нет особых оснований считать унаследованной от антропоидной расы.

(g) Большое развлечение - кормление, без сомнения, перешло к нам по нерушимой традиции, через фестивали сбора урожая, от безудержного потворства своим желаниям, которые следовали за успешной охотой. И я выдвигаю гипотезу, что происхождение смеха и наслаждения широким юмором (о котором так часто говорят) можно проследить до этих случаев буйного возбуждения и распушенности. Действительно, мы можем предположить, что эти условия начали преобладать не в первые дни существования прожорливой стаи, а после того, как был достигнут некоторый прогресс в обычаях приема пищи. Дикари обычно наедаются до отвала, когда это возможно, и с огромным удовольствием, поскольку другой возможности может представиться не скоро. Если шумное застолье было выгодно физически и социально (как до недавнего времени мы все думали), пристрастие к этой практике было основой выживания; и смех (разрядка ненаправленной энергии, как говорит Спенсер), являясь его естественным выражением и усилением, способствовал его сохранению. Это социальное происхождение согласуется с заразительностью смеха, с его связью с триумфом и жестокостью, а также с качеством шуток, которые до сих пор вызывают наибольшее веселье во всем мире, — розыгрышей и намеков на пьянство, непристойного. Сэр Роберт Уолпол предпочитал такой юмор как наиболее общительный, потому что в нем мог принять участие каждый. В светских кругах было введено множество уточнений, но напрасно начинать теорию смеха с анализа гения Мольера.

Точно так же я полагаю, что плач, причитания, а также лицевые и телесные выражения горя были развиты благодаря социальной полезности общего траура при поражении племени и тяжелой утрате.

§ 7. Морализация охотников

Нам остается размышлять о самом раннем росте великодушия, дружелюбия, сострадания, общей доброжелательности и других добродетелей. Их нельзя объяснить только охотничьей жизнью, которая так легко объясняет жадность, жестокость, гордыню и все виды агрессивности. Роберт Хартманн пишет: “Хорошо известно, что как грубые, так и цивилизованные народы способны проявлять невыразимую и, как это ошибочно называют, нечеловеческую жестокость друг к другу. Эти акты жестокости, убийств и грабежей часто являются результатом неумолимой логики национальных особенностей и, к сожалению, являются истинно человеческими, поскольку ничего подобного им нельзя проследить в животном мире. Было бы, например, серьезной ошибкой сравнивать тигра с кровожадным палачом времен правления террора, поскольку первый удовлетворяет свой естественный аппетит только тем, что охотится на других животных. Зверства судебных процессов по обвинению в колдовстве, беспорядочная резня, учиненная неграми на побережье Гвинеи, принесение в жертву людей хондами, расчленение живых людей батту, не находят аналогов в повадках животных в их диком состоянии. И такое сравнение, прежде всего, невозможно в случае антропоидов, которые не проявляют враждебности по отношению к людям или другим животным, если только на них не нападают первыми. В этом отношении человекообразная

обезьяна стоит на более высоком уровне, чем многие люди”.^[77] Должны ли мы, в таком случае, объяснять более дружелюбную сторону человеческой натуры, по крайней мере частично, происхождением от плодоядных приматов, сильно модифицированных нашей волчьей адаптацией, но сохранивших как скрытый характер?

(а) Для объяснения роста того, что мы называем человечеством, можно предложить несколько дополнительных соображений: (i) длительный период отсутствия возраста у человеческих детей благоприятен для привязанностей семейной жизни, и такие привязанности могут при определенных условиях распространяться за пределы семьи; но я не могу отследить весь поток альтруистического отношения к единственному источнику материнской или родительской любви. (ii) Дружелюбие и склонность к взаимопомощи настолько полезны для охотничьей стаи, которая является не просто сезонной, но постоянной (каковой, я полагаю, была наша), как для отдельных особей, так и для стаи в целом, в определенных пределах (поскольку раненые, больные или престарелые не должны быть помехой), что мы можем предположить, что естественный отбор способствовал росту эффективной симпатии не только во взаимной защите, но и в той мере, в какой она действительно обнаруживается в настоящее время в отсталых племенах. Оно нигде не кажется чрезмерным; и его проявление у некоторых цивилизованных рас, по-видимому, зависит не от положительного роста благожелательности в целом, а (iii) от разрушения здесь и там условий, которые в других местах противостоят ему и тормозят его. Таким образом, щедрость, милосердие и великодушие, составляющие рыцарский идеал, зависят (я полагаю) от достижения классом такого бесспорного превосходства, что нет повода для ревности или соперничества по отношению к другим классам; ибо, если превосходство оспаривается, эти добродетели быстро исчезают. Точно так же то, что было названо “рабскими добродетелями” милосердия, смирения, долготерпения, может возникнуть среди тех, кто свободен от соперничества, потому что у них нет надежды на увеличение богатства или почестей, и кто действительно долго страдал. При слиянии классов их добродетели сливаются, ибо они имеют общий корень и действуют при условии, что обстоятельства им не препятствуют.

(iv) Но поскольку у отдельных людей наша сложная природа меняется во всех направлениях, и среди прочего в направлении благожелательности; и поскольку любой орган или качество, которые изменяются, склонны продолжать это делать и могут продолжать изменяться даже за пределами биологической полезности; почему в человеческой жизни это не может происходить с благожелательностью (или с любой другой страстью или добродетелью); так что у некоторых людей это проявляется с удивительным богатством и красотой вплоть до самопожертвования — более того, путем чрезмерного милосердия или щедрости, даже во вред племени или расе?

(b) Моральное чувство, или совесть, обсуждалось Дарвином^[78] “исключительно со стороны естественной истории”; так как именно так рассматривается природа человека в настоящей книге, я приведу его рассказ о ней; который кажется правдивым, и к которому я мало что могу добавить. Он находит четыре главных условия развития морального чувства: (а) социальные инстинкты побуждают животное получать удовольствие от общества своих собратьев, сочувствовать им и помогать им. (b) Когда ум высокоразвит, образы прошлых действий и мотивов постоянно повторяются; “и то чувство неудовлетворенности или даже несчастья, которое неизменно возникает ... в результате любого неудовлетворенного инстинкта, возникало бы так часто, как только было бы замечено, что устойчивый и всегда присутствующий

социальный инстинкт уступил место какому-то другому инстинкту, в то время более сильному, но не постоянному по своей природе и не оставляющему после себя очень яркого впечатления” — как в случае с гневом или жадностью. (с) После овладения языком общественное мнение может быть выражено и становится главным руководством к действию; хотя по-прежнему “наше уважение к одобрению и неодобрению наших собратьев зависит от симпатии”. (d) Социальный инстинкт, сочувствие и повиновение суждению сообщества укрепляются формированием привычки. Затем Дарвин последовательно доказывает эти четыре положения.

Учитывая, какое значение здесь придается сочувствию, может проясниться, если мы заметим, что это слово встречается в разных значениях — для обозначения участия в удовлетворении или огорчении другого человека (эмоциональное сочувствие) и готовности помочь (эффективное сочувствие); и это значения под (a), первой из вышеупомянутых глав; и, опять же, для знания того, что в сознании другого человека есть идеи или суждения, а также одобрение или неодобрение наших действий; и это значение под (с), третьей главой. Но знание мыслей другого человека не является сочувствием, за исключением тех случаев, когда, сопровождаясь согласием с его суждением, мы участвуем в его чувствах одобрения или неодобрения; и, если мы не согласны с его суждением, действительно, может быть восприимчивое сочувствие к его чувствам, но в них нет эмоционального сочувствия или участия — скорее, есть страх или негодование. Необходимо иметь в виду, что восприятие чужих чувств, участие в них и побуждение помочь или облегчить - это отдельные процессы, и что перцептивное сочувствие так же активно проявляется в жестокости, как и в щедрости или милосердии.

Можно добавить, что (b), второе из четырех условий, определенных Дарвином как определяющие рост морального чувства или совести, в большей степени объясняет “угрызения совести”; и что (с), третье условие, объясняет тот авторитетный тон, придаваемый совести, на который епископ Батлер делал такое большое ударение.[\[79\]](#)

Невозможно оценить, как рано у нас начало формироваться моральное чувство, потому что это, должно быть, был очень постепенный процесс. Вероятно, зачатки этого появились в семейной жизни обезьяны еще до нашей дифференциации; а авторитетный характер совести утвердился в дисциплине охотничьей стаи до того, как был значительно развит разум (ибо собаки знают, что такое воровство), и под давлением общественного мнения, которое ухитрилось выражать себя без языка. В оригинальной и наводящей на размышления книге[\[80\]](#) Мистер Троттер показал, что стадо (стая, племя или нация) обязательно одобряет любые действия, совершенные в его интересах, как хорошие или праведные, и не одобряет противоположные действия как плохие или неправильные. Уверенная в том, что ее верования и обычаи хороши и правильны, стая преследует инакомыслящих и нонконформистов. “Хороший” - понятие относительное. “Хорошие - это хорошие воины и охотники”, - сказал вождь пауни; на что автор, упоминающий это высказывание, замечает, что такого же мнения придерживался бы и волк, если бы мог его выразить”.[\[81\]](#) Отсюда мы можем догадаться об основном содержании примитивного категорического императива. Изучение этнологии и истории позволяет нам проследить модификацию и обогащение этого содержания в различных условиях культуры, и за результатами такого изучения я обращаюсь к книге Эдварда Вестермарка “Происхождение и развитие моральных идей”.

(с) После внедрения сельского хозяйства стресс естественного отбора был изменен в определенных направлениях. Поначалу, действительно, большая часть сельскохозяйственных

работ, вероятно, выполнялась женщинами; но в процессе своего развития они в значительной степени перешли в руки мужчин; а затем преимущество перешло к тем племенам, которые были способны к постоянному трудолюбию и благоразумию. Новая работа снизила агрессию по принципу, что “если бы Александр держал в руках плуг, он не смог бы проткнуть копьем своего друга Клита”. Больные и престарелые теперь были меньшей обузой, чем раньше для охотников. Те, кто не мог вынести оседлой жизни, разбрелись по своим старым занятиям. Наиболее агрессивные кланы вырезали друг друга в вендетте. Социальное давление и повешение устранили многих из наиболее праздных, непредусмотрительных, нечестных и неуправляемых, чьи инстинкты сопротивлялись “примирению”. Как правило, преобладали более добрососедские настроения и стремление к сотрудничеству. По мере развития цивилизации многочисленные способы добывания средств к существованию, которые (как мы видели) черпают свою движущую силу в духе стаи, удовлетворяют этот дух под столь многими маскировками и с таким небольшим количеством прямых личных столкновений, что они совместимы с большой долей дружелюбия и доброжелательности; и сотрудничество, прямое или косвенное, неуклонно возрастает.

(d) Возрастающая способность формировать представления об отдаленных целях и координировать многие действия в их достижении подразумевает подавление многих агрессивных или отвлекающих импульсов и представляет собой автоматический контроль. И хотя сейчас модно принижать значение интеллекта в жизни человека, несомненно, его развитие оказало большое влияние. По мере того как люди начинают предвидеть многочисленные последствия действия, они учатся изменять и регулировать его, поскольку каждое предвиденное последствие возбуждает некоторый импульс, либо усиливающий, либо сдерживающий действие. Размышления о нашей участи во многом способствовали ее улучшению. “Условия стадности” (если использовать определение морали У. К. Клиффорда) были разъяснены более проникновенными и всесторонними умами — пророками, поэтами, философами; и некоторые ученики поняли их и убедили многих поверить. Такие светила возникли не только на более поздних этапах развития культуры, когда были переданы их труды или записаны их высказывания. Вероятно, это был какой-то один человек, который первым указал племени, которое игнорировало тот факт, что независимо от того, было ли совершено зло случайно или намеренно, это влияет на вину агента и должно влиять на назначенное наказание. Какой-то человек, вероятно, первым увидел, какая несправедливость часто маскируется показным равенством *закона талиона*; другой первым попытался смягчить горечь вендетты, назначив компенсацию; третий, возможно, первым предложил заменить человеческое жертвоприношение животным или марионетку вместо раба. И когда мы читаем списки мудрых пословиц, которые были собраны у многих диких племен, мы должны учитывать, что эти изречения были впервые произнесены одно за другим выдающимися личностями: личностями, обладающими даром проникновенности и экспрессии, чтобы суммировать опыт целого племени в запоминающихся словах, грубыми предшественниками наших пророков и философов.

§ 8. Влияние воображаемого окружения

Необходимость изучать все искусство охоты с самых зачатков, без помощи инстинкта или традиции, путем простого наблюдения, запоминания и умозаключений, оказывает чрезвычайное воздействие на мозг. Сначала благодаря знаниям, стратегии, сотрудничеству и упорству воли, позже, изобретая оружие и ловушки, развивая язык и открывая способы

добывания и использования огня, человек нашел средства для полного изменения условий своей жизни; но это было бы невозможно без значительного развития его мозга; и, соответственно, оказывается, что у эоантропа в начале плейстоцена объем черепа в три раза превышал кубический объем антропоидов. С ростом мозга происходило постоянно возрастающее изобилие идей. “Пилтдаунский человек видел, слышал, чувствовал, думал и мечтал почти так же, как и мы”. [82] Использование идей заключается в том, чтобы предвидеть события и готовиться к ним заранее: огромное преимущество чувства расстояния перед чувством контакта заключается в том, что оно дает животному время приспособить свои действия к отложенным событиям; и идеи дают эту способность в гораздо большей степени. Пока полезность мозгов и идей кажется очевидной. Но для того, чтобы идеи могли быть полезны таким образом, они должны (можно было бы предположить) представлять и предвосхищать фактический ход событий. Если они ложно указывают на порядок природы или даже на существ и действия, которых вообще не существует, идеи могут показаться хуже, чем бесполезными.

Теперь, когда мы обращаемся к самым низшим из существующих дикарей, обнаруживается, что они обладают, по сравнению с обезьянами, значительным разнообразием идей, составляющих, с одной стороны, хороший запас здравого смысла или знаний о свойствах и деятельности вещей и животных, окружающих их, и о том, как с ними обращаться, что позволяет им вести жизнь гораздо более сложную и непрерывную, чем у любого животного; но включая, с другой стороны, странный набор верований о магии и духах, которые полностью искажают ход природы и эффективную численность населения всего мира. Эти последние верования, или бред воображения, мешают им во многих отношениях, тратят впустую так много времени, иногда приводят их к таким темным и жестоким действиям, что можно с полным основанием задаться вопросом, мог ли их более крупный мозг в целом иметь для них какое-либо биологическое преимущество по сравнению с антропоидами. Антропоиды руководствуются здравым смыслом. То же самое делают и дикари, и у них его гораздо больше; но антропоидов, похоже, не беспокоят магия и анимизм. Мы должны предположить, что здравый смысл первобытного человека возрастал с каждым годом, по мере того как он становился все более и более совершенным приспособленцем к охотничьей жизни, и что на каком-то этапе его воображение начало искажать отношения вещей и силы природы. Похоже, что убеждения, основанные на воображении, зависят главным образом от влияния желания и страха, внушаемости, поспешных обобщений и соблазна рассуждать по аналогии. На какой стадии воображение, таким образом оторванное от реальности, начало влиять на человеческую жизнь, сказать невозможно; но это произошло не менее полумиллиона лет назад, если (как говорит доктор Кейт) эоантроп 400 000 лет назад “думал и мечтал так же, как и мы”. Почему подобные иллюзии не препятствовали нашему развитию? Или они сами это продвигали?

Первое соображение заключается в том, что биологическая адаптация почти всегда является компромиссом: если какой-либо орган или способность в целом полезны, несмотря на некоторую бесполезность, их увеличение способствует выживанию тех, у кого оно увеличивается; и это верно в отношении мозга и его мышления. Второе заключается в том, что почти все магические и анимистические верования и практики, которые являются социально деструктивными, вероятно, относятся к той стадии человеческой жизни, которая достигается задолго до того, как установилась наша дифференциация, и когда достигнут некоторый прогресс в искусстве и обычаях. У дикарей низшей культуры мало верований, которые можно назвать положительно вредными. Талисманы и заклинания, на которые не полагаются сами по себе, а лишь дополняют действия, основанные на здравом смысле, придают уверенность, не

ослабляя усилий. Прокливание или “тычок костью” не создает, а просто выражает злонамеренную цель; и, хотя иногда внушение приводит к летальному исходу, в целом это лучше, чем убийство. Табу приносят больше пользы, защищая личность, собственность и обычаи, чем вреда, ограничивая употребление продуктов питания. Вера в воображаемое зло, подстерегающее за тайными грехами, хотя и поддерживается общественным единодушием, осуществляет контроль над всеми видами поведения: это начало “религиозной санкции” и разновидности совести. Страх перед духами, которые бродят по ночам, удерживает людей в семейной пещере или у походного костра; и это лучшее место для них. Многие обряды и обрядности гигиеничны. Тотемизм редко приносит какой-либо вред и, возможно, когда-то с пользой символизировал единство социальных групп. Тотемические и магические танцы дают отличную физическую подготовку, развивают дух сотрудничества, являются своего рода тренировкой; и (как и всякое искусство), хотя и потакая своим желаниям, они также сдерживают воображение, придавая ему определенные формы. Долгое время не существовало особой профессии волшебника или жреца, с появлением которых берет начало большая часть зла магии и анимизма; хотя, вероятно, даже они обычно приносят больше пользы, чем вреда, своей смелостью и проницательностью, открывая лекарства и яды, вызывая призраков и благодаря своим примитивным занятиям медициной и психологией.

Однако волшебник и священник, которые никогда не могли бы существовать, если бы не распространенные верования в Магию и анимизм, выполняют еще одну и гораздо более важную функцию в жизни человека, а именно организацию или, скорее, реорганизацию общества. Организация охотничьей стаи, описанная выше, была подвержена распаду по нескольким причинам. Некоторые из этих причин очевидны: (а) Усовершенствование оружия и силков, а также открытие ядов сделали очень небольшие группы или даже отдельные семьи самодостаточными - как у бушменов (хотя иногда они собирались на большую охоту).^[83] (b) Гибель дичи из-за высыхания, как в Австралии, или из-за того, что племя было изгнано в бедную страну, такую как Огненная Земля; так что небольшая популяция разбросана по обширной территории и сведена к большей или меньшей зависимости от “собираательства”. (c) Принятие даже примитивного сельскохозяйственного или скотоводческого образа жизни может сделать охоту второстепенным интересом. В таких случаях естественные лидеры клана больше не обозначаются ясно (как в старой стае); и если общество должно быть спасено от анархии, должен быть установлен какой-то новый контроль для сохранения традиций и обычаев. Предположительно, это произошло несколькими способами; но на самом деле (я полагаю) мы знаем только об одном, а именно: во-первых, правление волшебников, которым в основном приписывают таинственную силу, которая заставляет трепетать самых смелых представителей племени, таких как вожди и старейшины австралийского племени. В Новой Гвинее и большей части Меланезии власть правителей, даже если они признаны благородного происхождения, зависит главным образом от их репутации Магов. А среди секретов бушменов о ядах и противоядиях, а также о красках для рисования (вероятно, считавшихся магическими) были семейными реликвиями в определенных семьях вождей и придавали им кастовую принадлежность.^[84] Во-вторых, на более позднем этапе, когда вера в призраков все больше и больше преобладает, и поклоняются призракам предков, и призраки героев или вождей становятся настоящими богами, священники, которые совершают им поклонение, укрепляют позиции вождей или королей, происходящих от этих богов, и помогают поддерживать более всеобъемлющие и последовательные правительства, чем те, которые основаны только на Магии; хотя для этих более поздних форм, также и для в саму религию магические верования

вносят свою поддержку. Таким образом, неизбежное развитие иллюзорного воображения наряду со здравым смыслом способствовало развитию ранней, а также более поздней культуры, потому что они сохраняли порядок и сплоченность, вновь пробуждая древнее подчинение и лояльность стаи. Поскольку здравый смысл всегда ограничен нынешними условиями, он никогда не смог бы предвидеть зависимость человеческой жизни от порядка и необходимость поддержания сплоченности даже ценой больших немедленных жертв. Этим интересам, следовательно, служили косвенно, через иллюзии; естественный отбор должен был, в определенных пределах, благоприятствовать суеверным. Племена с чрезмерным воображением и суевериями иногда могли быть уничтожены, поскольку здравый смысл также имеет биологическую ценность. Но, каким бы извращенным это ни казалось, совершенно ложные представления внесли свою лепту в продвижение “прогресса”: сотрудничество с сельским хозяйством и торговлей, магией, религиями и изящными искусствами, поддерживая правительство и гражданский порядок, помогло приспособить нас и даже в какой-то мере адаптировать к нашему нынешнему состоянию, таким, каково оно есть.

ГЛАВА III

ВЕРА И СУЕВЕРИЯ

§ 1. Суеверие

Поскольку влияние суеверий на историю общества вряд ли можно преувеличить, по-видимому, имеет смысл исследовать их происхождение и природу. Но это исследование заводит в трясину двусмысленных слов: и попытка дать им определение для всех целей привела бы к вовлечению дискуссии в бесконечные споры. Поэтому лучше всего будет просто объяснить, в каком смысле определенные слова будут использоваться в этой книге. “Суеверие”, например, в обычном употреблении означает (я думаю) ложные представления о сверхъестественных силах, особенно такие, которые считаются социально вредными и, в частности, ведущими к мракобесию или жестокости: но оно часто распространяется и на верования незначительного или легкомысленного характера, такие как истории о “волшебных кольцах” или о несчастье впервые увидеть новолуние через стекло. Очевидно, что пагубность ложной веры часто оспаривается, и в любом случае это вопрос времени и места. Таким образом, “суеверие” здесь используется просто как собирательный термин для тем последующих глав — Магии (или веры в оккультные силы) и анимизма (или веры в деятельность духов).

Опять же, последствия веры, будь то добрые или злые, не могут повлиять на ее психологический характер: пытаясь объяснить ее природу и происхождение, нельзя принимать во внимание ее социальные ценности. Объяснение суеверий должно содержать в себе все ложные верования, независимо от их полезности или вредности. Более того, ложность или истинность веры не обязательно влияет на ее психологический характер: ибо человек может придерживаться двух доктрин, одной истинной, а другой ложной, причем обе они основаны на искреннем свидетельстве одного и того же человека, и он может быть не способен различить какую-либо разницу в степени доверия, с которой он придерживается их, или в их влиянии на его поведение. Таким образом, понимание ложной веры требует изучения веры в целом.

Тем не менее, хотя в сознании любого данного человека истинное и ложное убеждение могут иметь один и тот же характер и происхождение, рассматриваемые в целом, они, несомненно, должны иметь разное происхождение и основания; и чтобы сделать дальнейшее более ясным, я предвосхищу его выводы настолько, что скажу, что истинные убеждения, по-видимому, основаны на восприятии или выводах, проверяемых восприятием, а ложные убеждения, по-видимому, зависят от воображения, которое не поддается проверке. Это общее утверждение требует нескольких уточнений. Но в настоящее время я полагаюсь на него настолько, что утверждаю, что суеверия по сути являются верованиями воображения.

Мы обнаружим, что эти суеверия, хотя целые племена часто придерживаются их с предельной уверенностью, каким-то неуловимым образом отличаются от представлений, основанных на их здравом смысле, например, что “огонь обжигает” и что “вода гасит огонь”. Они нестабильны: (1) они становятся активными время от времени, и в противном случае о них можно забыть — поскольку о призраках думают только ночью. (2) Их можно изменять просто ради экономии или другого удобства. (3) Они теряют свою власть над племенем, отпадают и умирают с течением времени без каких-либо изменений в доказательствах для них. (4) Они во многом зависят от согласия толпы. (5) Они часто различаются в соседних странах или семьях, или среди членов семьи. Это не похоже на здравый смысл. Суеверия или воображаемые верования нестабильны, несмотря на то, что их часто придерживаются с большим упорством (так что люди умирают за них), и на то, что они сохраняются в более простых формах и на определенном уровне социальной жизни в течение тысячелетий. Чего-то не хватает в оплоте воображения - верованиях.

Необходимо объяснить, что я подразумеваю под “воображением”.

§ 2. Воображение

Достаточно ли определить “воображение” просто как наличие ментальных “образов”, картин перед мысленным взором? Это ограничило бы воображение визуальными представлениями, исключив слуховые, обонятельные и т.д., которые могут быть только у слепорожденного человека и которые иногда возникают у тех, кто может видеть, хотя визуальные являются наиболее распространенными. Поэтому слово “образы” иногда используется для обозначения всех этих способов репрезентации, хотя “phantasmata” было бы лучше.

Опять же, ментальный образ или фантазм, зрительный или слуховой, неправильно называть воображением, если это не что иное, как воспроизведение единственного чувственного качества. Воображение представляет собой не абстрактные ощущения, а восприятие. Видеть вооруженного рыцаря - значит не просто иметь визуальное впечатление о нем, но определенно воспринимать живой, твердый, тяжелый предмет в пространстве; и воображение воспроизводит все это, и в противном случае это было бы совершенно неинтересно. Во что бы превратился турнир в Айвенго, если бы рыцари были всего лишь призраками?

Далее, воображение, просто как воспроизведение восприятия, не отличается от памяти; но при использовании они всегда противопоставляются. Воспоминания распознаются (в их полной форме) как возвращающиеся к нам из более раннего опыта, как составляющие их картины, так и их порядок, и они относительно стабильны; воображение воспринимается как более или менее новое и может быть легко изменено. Вероятно, все элементы воображения могли возникнуть в воспоминании; но расположение этих элементов часто настолько отличается от

любого реального опыта, что сводит на нет все попытки перераспределить их между их источниками. Следовательно, в нормальных случаях наше отношение к воспоминанию и к воображению совершенно разное. Если кажущееся воспоминание оказывается ложным, мы говорим, что это было всего лишь воображение.

Но, еще раз, у очень многих людей никогда не бывает образов или фантазм (кроме слов), или их очень мало, или они слабые, или только при засыпании, и так далее. И все же у них нет недостатка в воображении; слова или другие знаки служат им вместо образов, чтобы нести в себе все значения (что важно); они проникаются духом поэзии и художественной литературы, так что воображение может быть активным и без образов. И факт, по-видимому, таков, что эффективность ментальных процессов очень мало зависит от фантазмов, но от чего-то гораздо более глубокого в уме; и что у людей существуют все степени конкретной репрезентативной силы, от тех, кто представляет все, о чем они думают, с яркими и определенными деталями, вниз, через многие стадии убывающей реализации, до тех, у кого есть только слабые или фрагментарные “образы”, или даже их вообще нет: невозможно сказать (в настоящее время), что один тип ума лучше или хуже другого; хотя они могут быть приспособлены к различным задачам.

Ожидание и рассуждение, которые тесно связаны (ибо каждое определенное ожидание является своего рода умозаключением), часто воплощаются в образах — “образном мышлении”, — и это также называется воображением. Блестящее выступление Тиндалла о научном использовании воображения хорошо известно. Некоторым людям в мышлении очень помогает формировать образы того, о чем они думают, например, о машине или анатомическом образце, как если бы они имели эту вещь перед собой; или даже атома, которого ни один человек никогда не имел перед собой и который нельзя представить, воспроизводя предписание, а только создавая картину из гораздо более грубых материалов в соответствии с концепциями. Сформированная таким образом картина неизбежно в чем-то не соответствует задуманному или подразумеваемому, и ее можно предотвратить от введения нас в заблуждение, только защитив ее определениями, или правилами, или абстрактными идеями; и это показывает, что эффективность мышления, более глубокого процесса, упомянутого выше, заключается в объединении или эволюции значений или общих идей, и что изображения полезны, отчасти, благодаря их иллюстрированию: они также служат для фиксации внимания, как это делают слова.

Таким образом, рассуждения могут выражаться с помощью воображения. С другой стороны, воображение чаще противопоставляется разуму, поскольку оно имеет дело с вымыслом, а не с реальностью. Наше замешательство проявляется таким образом: называть историка человеком с богатым воображением - значит обесценивать его; но так же плохо говорить, что ему не хватает воображения. В последнем случае мы имеем в виду, что он не в состоянии адекватно осмыслить события, о которых он рассказывает; в первом - что он приукрашивает или искажает их с помощью непроверяемых представлений.

Опять же, термин “воображение” иногда применяется только к интеллектуальным процессам в изобразительном искусстве: драмы, романы и т.д. Являются произведениями воображения. Итак, все драмы и романы основаны на одном методе, а именно: они начинаются с утверждения или намека на гипотезу относительно определенных лиц в данной ситуации, а затем выводят (то есть рассуждают) последствия, иногда помогая сюжету дальнейшими предположениями: по

крайней мере, так это выглядит, хотя, вероятно, сначала обдумывается главное событие сюжета, а затем формулируется гипотеза, которая удобно подводит к нему. И если рассуждения неубедительны, а вспомогательные допущения слишком многочисленны или слишком поверхностны, мы говорим, что произведение неубедительно или неправдоподобно — с учетом жанра; поскольку ожидается, что романтика не будет такой же вероятной, как современный роман. "Путешествия Гулливера" представляют собой наиболее совершенный пример этого метода; ибо каждое путешествие начинается с откровенного абсурда — люди шести дюймов или шестидесяти футов ростом, летающий остров, разумные лошади; но, учитывая это, продолжение вполне логично. Что ж, многие научные исследования, похоже, следуют точно такому же методу — начинаются с гипотезы, выводятся следствия и иногда подкрепляют аргументацию дальнейшими гипотезами (хотя это еще не все): и здесь опять же сначала обычно обдумывается вывод, а гипотеза изобретается для его объяснения. Если скажут, что ученый верит в истинность своей гипотезы, в то время как писатель — нет, можно ответить, что ученый иногда прямо предупреждает нас, что его предположение — всего лишь "рабочая гипотеза", которая может быть неверной (хотя он думает, что это возможно), в то время как ранние эпические поэты и менестрели часто считали свои работы отнюдь не лишенными фактического основания.

Таким образом, воображение и рассуждение тесно связаны или переплетены, и их противопоставление полностью зависит от того, что существует смысл, в котором воображение не является представлением истины или фактического факта, независимо от того, верят в это или нет; и смысл, в котором рассуждение посвящено исключительно открытию истины относительно фактов и с этой целью защищено методологией, тщательно сравнивающей свои посылы, тщательно проверяющей свои выводы; тогда как воображение, противопоставляемое рассуждению, ничего не знает ни о методологии, ни о проверке. Даже современный романист, большая часть гипотез которого обычно верна — современное состояние общества, факты истории или географии и т.д., — не претендует на то, чтобы излагать истинный факт. Играть в рассуждения принадлежит его искусству; он научился играть в эту игру очень хорошо; но это остается игрой: он стремится не к истине, а к правдоподобию и достигает его. И когда мы оглядываемся назад, на историю художественной литературы, мы видим (в целом), что правдоподобие возрастало с каждым веком, становясь все слабее; пока в ранних романах и поэзии оно не нарушается и не разрушается историями о чудовищах, невозможных героях, волшебниках и богах, которые когда-то считались правдой, точно такими же, как истории, в которые все еще верят варвары и дикари, но которым мы больше не верим.

Именно такие истории, подобные этим последним, включая все суеверия, я особенно называю "верованиями воображения". Этот термин включает в себя все ложные убеждения, но остальное меня напрямую не касается. Как возможны убеждения, основанные на воображении?

§ 3. Вера

Вера здесь используется для обозначения настроения ума, при котором восприятие рассматривается как реальное, суждения о фактах — как истинные, действия и события — как имеющие определенные результаты. Это серьезное и уважительное отношение, поскольку фактический факт заставляет нас приспособляться к нему свое поведение, независимо от того, есть у нас силы изменить его или нет. Юм описывает веру как обладающую определенной

“силой, живостью, солидностью, непоколебимостью, уравновешенностью; влиянием и важностью в управлении нашими действиями”;^[85] и эти термины вполне справедливы, но большинство из них являются синонимами; и весь словарь не поможет понять, что такое вера, тому, кто никогда ее не испытывал. Однако такого человека не существует.

Качество этого отношения (или “ощущения” его) как специфического “состояния сознания” трудно наблюдать, потому что (подобно удовольствию или неудовольствию) оно всегда находится на периферии по сравнению с чем-то другим, находящимся в центре внимания, каким-то объектом, суждением или действием; но мы можем оценить его в его вариациях, рассматривая очень разные степени “силы, устойчивости” и т.д., которые характеризуют несколько убеждений, рассматриваемых как более или менее вероятные. Степень веры должна соответствовать весомости доказательств: если доказательства в пользу какого-либо суждения являются полными и непротиворечивыми, их можно назвать 1, и соответствующее состояние ума должно быть “уверенностью”; если доказательств в пользу этого нет, или если доказательства в пользу противоречивого суждения полные, его можно назвать 0, а состояние ума “неверием”. Между этими крайностями есть место для бесконечного ряда дробей и соответствующих оттенков сомнения (которые, конечно, на самом деле не возникают); а в середине, на отметке $\frac{1}{2}$, должно быть приостановлено суждение. Но большая часть этих утонченных подходов - роскошь нескольких людей, серьезно натренированных в оценке доказательств, и ими пользуются только в тех отделах, в которых они прошли подготовку. Для основной массы человечества очень немногие оттенки уверенности или сомнительности заполняют шкалу ценностей для суждений; и они могут быть далеки от того, чтобы соответствовать количеству или качеству доказательств в той мере, в какой они должны соответствовать; и самое близкое, что они приближаются к приостановке суждения, - это состояние колебания между альтернативами, которые по очереди кажутся одинаково вероятными. Неверие, хотя и логически противоположно вере, как неприятие принятию, имеет, тем не менее, с ней много общего — характер окончательности и позитивности, который часто (возможно, всегда) проистекает из веры во что-то другое, несовместимое с данным суждением.

Когда позиция веры устанавливается в сознании человека с помощью четко осознанных доказательств, будь то путем изучения фактов или взвешивания аргументов, это называется “убеждением”, как и процесс его возникновения; но если это является результатом недостаточно оцененных соображений и эмоциональных призывов, особенно когда на этом настаивает другой человек, это можно назвать “убеждением”, хотя это слово описывает процесс, а не результат. Большинство верований, основанных на воображении, включая все суеверия, являются убеждениями.

Общепризнано, что проверкой силы чьей-либо веры является ее влияние на наши действия — там, где это практически осуществимо. С полной верой человек действует “уверенно” (значимое вербальное утверждение!); в сомнении - нерешительно или осторожно; в неверии - совсем не так, или в смысле противоположного убеждения. Но мы не всегда можем судить о верованиях человека по его действиям, поскольку им может руководить несколько верований, и мы не знаем, какие они. А популярные действия, которые не влекут за собой потерь или трудностей, могут выражать простое согласие без веры.

Существует разновидность воображения-веры, причем чистейшего вида, не имеющего ничего общего с очевидностью: ее часто называют “притворством” или “игрой-верой”: вступление в

какую-либо деятельность или созерцание ее, которое, как мы знаем, не имеет прямого отношения к нашим необходимым интересам, с таким пылом и поглощенностью, как если бы это было единственной важной вещью в мире: как в играх и спорте, особенно в драме и романтических романах. Это одна из многих вещей, которые не вызывают удивления, потому что они так распространены; и обычное (и, вероятно, верное) объяснение этого заключается в том, что такое состояние ума чрезвычайно полезно для придания азарта игре, особенно в юности. Ибо многие животные разделяют этот дух; и детеныши высших животных, которые наслаждаются долгой защищенной молодостью, проводят время главным образом в играх и таким образом развивают и тренируют все свои способности, физические и умственные. Это в какой-то степени переживает молодость у многих животных и, что особенно заметно, у нас самих: некоторым больше нечем заняться (и они могли бы заниматься и похуже), а другие время от времени снимают напряжение или скуку работы и, в некотором роде, продлевают молодость до среднего возраста; пока игра постепенно не станет менее захватывающей.

Эта вера в пьесу полностью зависит от возбуждения воображения; и это показывает, что позиция веры может быть принята добровольно или же обрушиться на нас (так сказать) врасплох и какое-то время сохраняться в большой силе: у многих в мелодраме она приводит к тревоге, плачу и тоске; и это не только без доказательств, но и вопреки знанию, что это Лондон, власти которого никогда бы не допустили подобных поступков: только забываешь Лондон со всеми его скучными условностями закона и порядка. Внимание поглощено пьесой.

Вера в игру имеет те же черты, что были упомянуты выше для обозначения суеверий: (1) она становится активной время от времени, а в остальном исчезает; (2) его всегда можно изменить для удобства или путем изменения вкуса; (3) оно теряет свою силу и имеет тенденцию угасать в человеке с течением времени; (4) оно усиливается согласием возбужденной толпы; (5) объекты таких верований очень изменчивы. Мы обнаружим, что в других отношениях существует тесный союз между суеверием и игрой. Но, несомненно, суеверие имеет гораздо более глубокое влияние на нашу природу; ибо оно не только возбуждает страх и тревогу, но и само порождено этими страстями: желание безопасности и самоуверенности, страх перед надвигающимися и неизвестными опасностями - вот его жизнь и сила. Так что удивительно, что суеверия не стали более устойчивыми. И истина, по-видимому, заключается в том, что тенденция к принятию суеверий сохраняется на определенном уровне менталитета, хотя конкретные суеверные верования изменчивы; точно так же, как у отдельного человека склонность к играм переживает многие конкретные способы отдыха.

Таким образом, вера - это состояние ума, в котором мы можем находиться по веским причинам, или по плохим, или вообще без такового; иногда мы даже вольно или невольно погружаемся в него, когда знаем, что ситуация нереальна; на самом деле, это состояние, в котором, в игре или всерьез, мы проводим свою жизнь, если только не случается что-то, вызывающее сомнение или критику.

§ 4. Причины и обоснования веры

Источником, прямым или косвенным, любой веры является восприятие. Для субъективных исследований в восприятие должен быть включен самоанализ; хотя его трудно сохранять устойчивым, повторять и сравнивать с наблюдениями других умов, оно несет в себе меньшую убедительность. Что касается восприятия, мы говорим, что “видеть - значит верить”; и, на самом деле, объект привлекает внимание таким образом, что ручается за его собственную реальность;

но, если мы подозреваем, что наши глаза обманывают нас, уверенность приходит при обращении с вещью. Вера иногда обсуждалась так, как если бы она касалась главным образом идей или отношений идей; и философские системы искали оправдания в согласованности идей, практически не обращая внимания (чтобы не сказать с презрением) на согласованность идей с восприятием. Но почти вся жизнь каждого человека (дикаря или философа) проходит в состоянии беспристрастной веры в свидетельства своих чувств; и именно поэтому вера распространяется на идеи, основанные на предположении, что они представляют реальность. Мы знаем, что восприятие может быть ошибочным, но восприятие и сравнение восприятий в долгосрочной перспективе перевешивают все остальное; и экспериментальные методы состоят в принятии мер предосторожности против ошибок восприятия и в проверке каждой гипотезы восприятием.

Другими причинами веры являются либо доказательственные, которые (хотя и часто вводящие в заблуждение), как правило, могут быть оправданы при размышлении как повышающие некоторую степень вероятности, и которые, следовательно, могут быть названы “основаниями”; или неосновательные, которые (хотя и очень влиятельные), при размышлении, не могут быть оправданы как имеющие какую-либо логическую ценность, и, следовательно, являются только причинами, а не основаниями.

(1) Доказательными основаниями веры являются (а) память, которая явно необходима, если мы хотим учиться на опыте; и (b) свидетельство, которому следует доверять, если мы не хотим, чтобы язык был бесполезен, а социальное сотрудничество невозможно: предполагается, что оба этих основания покоятся на первичной скале предыдущего восприятия, но они скользкие и ненадежные. Память действительна только в той мере, в какой она правдиво отражает первоначальный опыт, а свидетельство - только в той мере, в какой оно представляет (i) действительное воспоминание, (ii) правильно переданное. Следовательно, в серьезных вопросах необходимо принимать меры предосторожности против их ошибочности: в противном случае они не являются веским доказательством. Ложное воспоминание, поскольку оно ложно, является воображением; и ложное свидетельство, поскольку оно сообщает (i) о ложном воспоминании или (ii) о выдумке репортера, также является воображением. Свидетельство набирает силу, как основание для веры, благодаря количеству и внимательности тех, кто его поддерживает, и особенно укрепляется их единодушием; но, как основа веры, оно зависит только от их знаний и правдивости. Третьим основанием веры является (c) умозаключение; которое необходимо для любого первоначального приспособления нашего поведения к будущему или к непредусмотренным обстоятельствам, но в высшей степени подвержено ошибкам и составляет главную проблему для применения Логики, когда возникает эта наука: особенно для объяснения условий достоверности наблюдений и экспериментов, вероятности, вывода из аргумента, охватываемого его предпосылками, и достаточности проверки. Ложные выводы, которые не могут быть проверены, являются плодом воображения.

По мере того, как растущий разум общества имеет дело с истинными убеждениями, они накапливаются и классифицируются в системах науки и философии: в этих системах каждое убеждение или суждение усиливается и подкрепляется остальными. Даже без систематизации простое структурное сходство суждений, сформированных бессознательно на одних и тех же имплицитных принципах причинности и классификации, отбрасывает их в те рыхлые апперцептивные массы, которые мы называем “здравым смыслом”. Такие системы или массы, будь то научные или основанные на здравом смысле, легко усваивают и подтверждают новые

выводы, имеющие тот же характер, и оказывают сопротивление всем выводам, имеющим иную структуру, таким как выводы о магии и духах. Избирательная сила этих апперцептивных масс в отношении новых идей составляет “понимание” и является простой заменой Логике для солидного человека; и так обстоит дело со многими учеными, которые часто пренебрегают абстрактным изучением Логике. Ибо эти системы или массивы опыта являются субстанцией Логике и Методологии, которые представляют собой их абстрагированные от них скелеты. Они являются основой любого эффективного сравнения и критики; согласие или несогласие с ними является критерием истинности или ошибочности. Главный недостаток здравого смысла состоит в том, что проверка его суждений почти полностью зависит от повторения опыта (то, что логики называют “простым перечислением”), без анализа наблюдений, который один может показать необходимые связи фактов; но этот недостаток в какой—то мере исправляется в здоровом уме той силой неоформленных идей естественного порядка, результатом бессознательного анализа, которую мы называем “здравым суждением”, - силой, которую счастливый обладатель может быть не в состоянии объяснить.

(2) Все неочевидные причины веры сводятся к ошибочным наблюдениям, воображению и причинам, которые возбуждают воображение; а плохие наблюдения вызваны ложными представлениями о значении чувственных данных. Если кому-то покажется, что, поскольку воображение состоит из идей, оно должно быть по природе несовместимо с глубокой верой, мы должны принять во внимание, что память, результаты свидетельствования и умозаключения также полностью состоят из идей; так что по этому характеру они не отличаются от воображения. Даже восприятие зависит в своем значении от неявных идей, а ошибочное восприятие происходит из-за ошибочных идей. Слабость воображения-веры, которая (несмотря на ее частую интенсивность) всегда со временем проявляется, обусловлена тем, что она не подтверждается постоянно опытом.

В деталях недоказуемые причины веры заключаются в следующем: (а) не только истины опыта становятся массовыми или систематизированными в рамках здравого смысла и науки, но и ошибки неверно истолкованного опыта и традиции образуют аналогичные совокупности. Совпадения, ошибочно принимаемые за причинно-следственную связь, иллюзии, сны, рассказы о тауматургии и истории о привидениях, поскольку они имеют что-либо общее в своих очертаниях или эмоциональном тоне, образуют апперцептивные массы, которые функционируют так же, как научные системы: каждое из составляющих их верований усиливается и подкрепляется остальными; и каждая масса (как обманчивое “понимание”) с готовностью усваивает и подтверждает любую новую сказку или иллюзию, имеющую свой собственный характер, и сопротивляется и отталкивает любое суждение, имеющее иную структуру — и, следовательно, отказывается от объяснения. И точно так же, как наука и здравый смысл имеют своего рода внутренний скелет принципов, который был представлен как Логика, так и некоторые из этих сравнительно темных и хаотичных нагромождений иллюзий и традиций содержат определенные структурные принципы, которые, хотя и бессознательны на низшем человеческом уровне, получают признание по мере развития культуры — например, принципы миметической и заразной магии; и тогда также возникают такие карикатуры на науку, как теогония и космология, хиромантия, астрология и так далее. Но из них никогда не выходит ничего такого, что можно было бы назвать проверкой на истинность или методологию; тем более, конечно, что такое можно найти на более низких уровнях культуры. Там вы видите накапливающиеся облака воображения-веры, которые собираются вместе со всех сторон и накапливаются, чтобы из века в век омрачать бедное человечество; которые все еще ни в коем

случае не рассеиваются в нашем собственном мире; и чьему постоянному влиянию мы можем (я полагаю) приписать мистицизм, который периодически заражает саму философию.

(b) В эти массы ошибок вносят свой вклад неверные наблюдения, спутанные и искаженные воспоминания, сны и искаженные свидетельства и традиции, все они берут свое начало в каком-то опыте и фактах, и все они порождены тщетным воображением. Ибо, конечно, не существует такой вещи, как воображение, основанное на опыте; опыт искажается и извращается суеверием, но оно переносит на суеверие отношение веры, которое всегда принадлежит опыту, и предоставляет материалы, на основе которых (как мы увидим) часто можно построить такую защиту суеверия, которая для неискушенного ума должна быть очень правдоподобной.^[86] Непосредственный опыт часто интерпретируется историей таким образом, чтобы сделать ее более достоверной. Если камень изображен как могила героя или расщелина в горе как доказательство доблести волшебника, человек бессознательно переносит отношение веры, связанное с созерцанием этих реликвий, на все легенды об этих могущественных людях древности.

(c) Причины, определяющие веру, подкрепляются различными способами чувствами и эмоциями. Приятность или нежелательность какого-либо суждения привлекает внимание или отвлекает его от такого суждения и подтверждающих его доказательств: за исключением того, что некоторые неприятные эмоции, особенно страх, своего рода притягивая внимание, способствуют вере в реальность воображаемого зла. Они владеют всем разумом.

(d) Каждое желание фиксирует внимание на верованиях, благоприятных для него, и на любых свидетельствах, благоприятных для них, и отвлекает внимание от противоречивых верований и соображений. Таким образом, каждое желание легко формирует о себе относительно изолированную массу убеждений, которая не поддается сравнению и, следовательно (как говорит Рибо),^[87] не признает принципа противоречия. Несовместимые желания могут лелеяться без нашего осознания их несовместимости; или, если этот факт навязывается нам, мы отвергаем его и отворачиваемся.

Опять же, чем более незрелый ум и чем меньше у него знаний, тем меньше подавление желания осуществляется путем предвидения последствий, которые должны пробудить противоречивые желания или страхи; и чем меньше у человека сострадания, тем меньше желание сдерживается его вероятными последствиями для других: следовательно, в обоих случаях вера подвергается меньшему контролю.

(e) Добровольное действие в связи с какой-либо верой, будь то рационального характера или в рутине ритуалов и церемоний, способствует этой вере: (1) путем установления схемы идей о средствах и цели, цель предполагает средства для достижения цели, и мысль о средствах, ведущая к цели, — схема, которая не поддается прерыванию: (2) общим воздействием привычки и предубеждения; ибо каждая привычка к действию или мысли обладает инерцией, и, более того, она приятна, а ломать ее неприятно; так что, опять же, относительно формируется изолированная система, которая не поддается сравнению и критике.

От влияния желания и действий, направленных на достижение цели, зависит “воля к вере”. Мы не можем верить во что-либо, непосредственно желая этого; но мы можем желать того, на что обратить внимание или что делать, и это определяет веру.

(f) Наконец, вера определяется определенными социальными влияниями, помимо свидетельств и традиций: особенно симпатией и антипатией между семьями, партиями, племенами; а также подражательностью и внушаемостью (к счастью, ограниченной противопоказанностью); так что верования становятся модными, эндемичными, принудительными, страстными и нетерпимыми. Способность толпы навязывать индивиду свои страсти и верования недавно получила широкое объяснение: это всегда практически понимали волшебники, священники и политики, которые водят человечество за уши. Внушаемость, в общем, - это склонность следовать примеру или свидетельству, не критикуя их; и для многих людей так легко впасть в состояние веры при незначительной провокации, что эта склонность, вплоть до слабости, является очень распространенным явлением. Противопоказанная внушаемость в целом - это противоположная тенденция. Но особая внушаемость (я бы сказал) - это способность принимать веру на основании свидетельских показаний не только в отсутствие доказательств, но и вопреки им; а противоположная внушаемость - это способность отвергать веру вопреки доказательствам. Это всего лишь крайние случаи. Если вы проведете две равные прямые линии, А и В, и скажете: “Мне кажется, что В длиннее, чем А”, один человек ответит: “Конечно”, другой: “Конечно, нет; А длиннее”. Искусство внушения состоит в том, чтобы довести вашу аудиторию до этого состояния идиотизма; оно требует от вас привести ее в такое состояние исключительного внимания к вашим словам, чтобы, исключая сравнение и критику, их естественная склонность соглашаться имела (на время) полную свободу действий. Особо внушаемый человек легко погружается в это состояние исключительного внимания, как бы загипнотизированный. Тот, кто внушаем одним человеком, может не внушаться другим; или он может быть более внушаем в соответствии со своими предрассудками, чем против них.

§ 5. Верования незрелых Умов

Все эти основания и причины веры, доказательные и недоказательные (за исключением логики и науки), являются общими как для зрелых, так и для незрелых умов: но их пропорциональное влияние на отдельных людей или на общества очень различно на разных стадиях развития; и в незрелых умах и на низших ступенях культуры сила не доказательных причин чрезмерна. Вероятно, главной причиной роста здравого смысла среди большинства людей является возрастающая регулярность социальной жизни, что (особенно) наблюдается в период расцвета классических цивилизаций и в последние четыреста лет.

Восприятие в нормальных обстоятельствах принимается всеми как нечто само собой разумеющееся или, скорее, по необходимости: оно контролирует практическую деятельность на охоте и в промышленности, при изготовлении оружия, рыхлении земли, строительстве домов: однако иногда этот труд может быть изменен или прерван вторжением верований, почерпнутых из других источников. Если дикарь произносит заклинание над своей добычей, или оружием, или инструментом, или хранит голову убитого врага на полке, чтобы душа его жертвы могла помогать ему как рабу, он может тем самым повысить свою уверенность в работе на охоте или в садоводстве; но в остальном, если его работа не становится лучше, она не должна становиться хуже и из-за таких фантазий. Свойства материи требуют практического признания, без которого ничего нельзя сделать. Даже магические практики предполагают здравое восприятие основных фактов: кто действует, с какой целью, когда и где, с чем и по отношению к кому. На этой основе может возникнуть удивительная надстройка из воображения-вера; но эффективность таких убеждений имеет пределы.

М. Леви-Брюль, действительно, в очень интересной книге утверждает,[88] что под влиянием социальных идей (*коллективные репрезентации*) примитивный разум на самом деле воспринимает вещи иначе, чем то, что делаем мы. В то время как нам удастся добиться объективного представления, устраняя субъективные ассоциации, с примитивными *свойствами мистики, оккультные силы* являются неотъемлемыми качествами объекта. Он допускает, что в определенных случаях, представляющих непосредственный практический интерес, мы находим их очень внимательными и способными различать слабые впечатления и распознавать внешние признаки объекта, от которого зависит их существование или даже их жизнь; но считает, что в очень большом большинстве случаев их восприятие перегружено субъективными элементами. Эта доктрина переворачивает (я осмеливаюсь думать) реальные отношения между восприятием и другими причинами веры и их пропорциональное влияние на жизнь дикарей. Отсталые народы видят вещи такими, какие они есть, не только там, где на карту поставлено пропитание или жизнь: в ходе простых экспериментальных тестов доктор Риверс обнаружил, что как у папуасов, так и у тода в отношении внушаемости восприятия они продемонстрировали высокую степень независимости суждений.[89] Их уверенность в восприятии не является, подобно воображению-вере, случайной, изменяемой для удобства, подверженной истечению со временем, зависящей от согласия толпы. Поскольку дикарь приписывает вещам оккультные или мистические атрибуты, такие как магическая сила оружию, они представляют собой вторичную, воображаемую интеграцию с восприятием. Такие воображаемые атрибуты, подобно атрибутам восприятия, не могут быть проверены ощущением: сравните твердость наконечника копья с его магической силой.

Особенность верований дикарей обусловлена не искаженным и затуманенным восприятием, а влиянием желания и тревоги на их воображение, не сдерживаемое самокритикой и подкрепляемое народным консенсусом. Воображение дикаря возбуждается насущными потребностями его жизни в охоте, любви, войне, земледелии, а следовательно, голодом и соперничеством, ненавистью и горем, страхом и подозрительностью. Фантазии возникают в его уме по аналогии с опытом; но часто по отдаленным или абсурдным аналогиям; и под рукой нет никакой логики и недостаточно здравого смысла, чтобы отличить самые дикие образные аналогии от заслуживающих доверия выводов. Одни и те же насущные потребности и одни и те же эмоциональные бури часто затрагивают целое племя и одновременно стимулируют воображение каждого; и, зародившись (без сомнения) в древние времена и медленно накапливаясь и уплотняясь, вырастает масса общественных представлений-верований, которые прививаются каждому индивидууму традицией и обычными церемониями. Такие верования, воплощенные в историях и формулах и связанные с обрядами и обычаями, долгое время обладали силой обычая в управлении поведением отдельных людей и в племенном уважении; но в конце концов они оказываются слабее обычая, поскольку соблюдение обрядов может продолжаться, в то время как верования забыты или заменены другими, поскольку прогресс культуры заставляет по-другому относиться к старым обрядам. В период своего расцвета они активно влияют на практические дела, иногда с пользой или без вреда, иногда пагубно. Как правило, биологическая необходимость не позволяет воображению изменять поведение племени сверх определенных пределов; но, в исключительных случаях, оно приводит к племенному безумию, ведущему к уничтожению племени, если не к его завершению, как в крайних случаях практики человеческих жертвоприношений или испытания ядом.

Действительно, во многих случаях суеверные верования обладают такой жестокой и тиранической силой, что может быть трудно понять, почему они почти полностью порождены воображением. В цивилизованной стране всегда существуют какие-то верования, столь же образные и абсурдные, как и все, что можно найти в центре Африки; но, выжив среди большей массы представлений и позитивных идей о промышленности и торговле, они в значительной степени утратили свою движущую силу; и когда образный характер любой веры признан, она переходит в область изобразительного искусства или мифологии, или даже насмешек. Если таким вещам есть какое-то место в нашей жизни, мы обращаемся к ним по личному выбору в перерывах между делами. Под влиянием изобразительного искусства или литературы, трактующей такие вещи, наши эмоциональные состояния могут быть интенсивными; но они отделены от действия, существуют сами по себе, имеют соответствующий тон (эстетический), который отмечает их недостаток энергии, так что они требуют только воображаемого удовлетворения. У отсталых людей гораздо меньше “позитивного” противодействия их воображаемым представлениям и занятиям; то, что кажется нам абсурдным, кажется им необходимым; действия и обряды, выражающие их убеждения, совершаются не по личному выбору, а в соответствии с общественным обычаем; цели, которые должны быть достигнуты (как они думают), те же, что и в том, что мы называем “бизнесом”. И так и должно быть. Рассматривая функцию суеверия в продвижении политической эволюции, становится ясно, что первобытный человек должен был быть способен верить и совершать те поступки, которые (в определенных пределах) имели такую большую биологическую и социальную ценность.

Чтобы понять, насколько тесно связаны магические и религиозные верования дикарей и игровые верования цивилизованного человека, имеющие общий источник в воображении, мы должны вспомнить о многих степенях интенсивности игровой веры в самих себя, варьирующихся от сиюминутного развлечения в виде игры с ребенком, через различные степени вымысла или церемонии, вплоть до глубоко серьезного настроения, глубокого движения страха или сострадания, которое может надолго пережить нашу игру. Поглощенность ребенка такими верованиями более интенсивна, чем у нас; но обстоятельства мешают ему обрести твердую веру дикаря. Ребенок цивилизованных людей практически не опирается на традиции (за исключением нянек); им недвижут желания и заботы о пропитании; и ему часто мешают старшие. У дикаря есть непреодолимые традиции и авторитет, насущные заботы и нет старших. Пока цивилизованный скептик не достигнет своих берегов, у среднестатистического представителя племени нет ничего, кроме запоздалого опыта или социальной усталости, способной сдержать его капризы. Его воображение соперничает с чувством реальности, часто пересиливая его; и все же его убеждения демонстрируют много признаков ненадежности своих основ.

Не только влияние общества и традиций делает воображение-верования принудительными для дикаря; в незрелом уме индивида существуют определенные условия, благоприятные для их преобладания.

(а) Сам процесс воображения, память и образное мышление дикарей кажутся более яркими, чувственными, стабильными, больше похожими на восприятие, чем обычно является наше собственное. “Австралийцы, - говорят Спенсер и Гиллен, - обладают самым замечательным воображением”.^[90] Они часто умирают от этого; то же самое происходит с крестьянами-

индусами, маори, фиджийцами, неграми и другими, если они знают, что были прокляты или нарушили табу. У меланезийцев, говорит доктор Коддрингтон, думать - все равно что видеть;^[91] и доктор Риверс подтвердил это утверждение. Следовательно, существует тенденция принимать фантазии так же, как принимаются восприятия; и верить в эффективность ритуалов, потому что простое их выполнение с воображаемой целью заставляет казаться, что их цель достигнута. Когда человек с сильным и возбужденным воображением создает образ врага и наносит ему удар ножом, чтобы его враг пострадал, его действие удовлетворяет импульс нанести удар, как если бы он сам ранил врага, и месть кажется реальным фактом. Аналогичная интенсивность воображения наблюдается и у цивилизованных детей — большая, чем у обычных взрослых. Дикари, опять же, по-видимому, видят сны более яркие и убедительные, чем это обычно бывает у нас, и, как говорят, более подвержены галлюцинациям. Физиологические состояния незрелого мозга (детский или первобытный), при которых возбуждение не распространяется быстро по многим связанным нейронам, могут быть основой живости воображения, сновидений и галлюцинаций.

(b) Но более важным, чем любая интенсивность образного мышления, для роста и устойчивости воображаемых убеждений является отсутствие ментального стандарта, с помощью которого они могут быть дискредитированы. Верно, что даже на низком уровне культуры встречаются люди, для которых здравый смысл составляет личный стандарт и которые скептически относятся к своим племенным верованиям.^[92] Но такой частный стандарт не может быть передан, и для подавляющего большинства соплеменников здравый смысл не является надежным руководством; и, возможно, они даже неспособны эффективно сравнивать свои идеи. Во всяком случае, одна из причин, почему мы верим нашим воспоминаниям, а не нашему воображению, заключается в том, что, хотя в обоих случаях образы (или элементы образов), входящие в них, получены из опыта, в памяти отношения образов к месту, времени и контексту также получены непосредственно из опыта; тогда как в воображении образы (или их элементы) реконструируются в отношениях, в которых они никогда не испытывались, по аналогиям опыта (часто искаженным) или путем наиболее капризных уплотнений. Следовательно, чтобы сделать правдоподобным наше воображение, даже в игре, необходимо точно имитировать отношения опыта, как, например, в "Робинзоне Крузо"; или же наши эмоции должны быть настолько сильно возбуждены, чтобы вымысел завладел нашими умами, исключая всякую критику. Но у незрелых умов наблюдение фактов вне практического, повторяющегося, необходимого хода жизни не является точным и связным; и, соответственно, их воспоминания не являются связными, особенно в том, что касается временных соотношений; так что, по сравнению с такими воспоминаниями, нерегулярное воображение мало страдает. Недостаточно упорядоченной памяти или общих знаний, чтобы дискредитировать даже абсурдные фантазии; ибо до тех пор, пока наблюдение и память беспорядочны, обобщение, сознательное или бессознательное, невозможно. Следовательно, не только традиционные мифы могут быть чудовищными и произвольными, но и случайные истории частного изобретения, распространяемые как детьми, так и дикарями, обычно демонстрируют несвязные переходы и невозможные события. И все же они удовлетворяют незрелый ум.

(c) Существуют определенные другие состояния незрелого разума, которые препятствуют сравнению идей и, следовательно, критике убеждений. По поводу каждой настоятельной потребности, такой как успех на охоте, с ее желаниями и тревогами, возникают обряды и обрядности, направленные на творческое удовлетворение желаний и облегчение тревог; и представления об этих обрядах образуют относительно изолированные системы. Нам эти идеи

обычно кажутся абсурдными и неуместными по сравнению с собственным опытом дикаря и другими его действиями. Например, мы видим, как охотник стремится достичь своих целей с помощью двух различных серий действий. В одном он постится, зачаровывает свое оружие, накладывает заклинания на ожидаемую добычу; в другом он тщательно готовит свое оружие, терпеливо выслеживает свою добычу, осторожно приближается и убивает ее. Последнюю серию мы одобряем и оцениваем как причинно-следственную связь; первую мы высмеиваем как фокус-покус, объективно ничего не вносящий в событие (хотя, вероятно, это повышает его уверенность); и мы жалеем “язычника в его слепоте”. И, действительно, можно сказать, что он слеп разумом; ибо при соблюдении ритуалов его внимание настолько занято средствами и целью и захвачено круговоротом, в котором вращаются эти идеи, и он настолько серьезен в выполнении предписанных действий, что не может сравнить их с действительно эффективными действиями, чтобы обнаружить их абсурдность и неуместность. Короче говоря, для системы магических идей устанавливается состояние ментальной диссоциации. Иллюзия заходит так далеко, что он, по-видимому, рассматривает ритуалы как наиболее важную часть своих действий. Но на самом деле это не является его глубочайшим убеждением: он верит в Магию и держит тетиву лука сухой.

(d) В случае детей мы можем предположить, а у более отсталых человеческих рас мы можем подозревать, что сопоставление суждений затруднено, а иногда даже невозможно, из-за несовершенного развития коры головного мозга. Должны существовать какие-то структурные условия свободного течения энергии через все органы мозга, соответствующие ассоциативности и сопоставимости всех идей. Мы можем сомневаться в том, что эти условия являются полными даже для хорошо образованных умов, поскольку каждый находит ту или иную науку или искусство особенно трудными для себя, или освобождение себя от того или иного рода предрассудков особенно отвратительным. И незрелость мозга препятствует не только преднамеренному сравнению, но и тому автоматическому процессу (более или менее бессознательному) усвоения и различения, которому (я думаю) мы обязаны большинством результатов абстракции и обобщения, которые, как может показаться, требовали целенаправленного сравнения. Такие несовершенства структуры, наибольшие на низших уровнях организации и постепенно уменьшающиеся по мере приближения к идеальной рациональности, мы можем назвать “некоординированностью”; и, насколько это возможно, результаты должны быть в чем-то подобны дискоординированности, разрушению или прерыванию органической эффективности, что происходит при истерии, гипнозе и некоторых формах безумия. Одним из результатов, вероятно, является внушаемость — тенденция принимать то, что говорят или на что намекают, без проверки; ибо свобода от этой общей ответственности зависит (помимо противопоказанной склонности) от быстроты и определенности, с которой человек может сравнить то, что предлагается, с текущим фактом или со своими знаниями и прежним опытом; а этому препятствует непоследовательность.

Эффективная несогласованность, однако, может быть просто функциональной из-за отсутствия практики мышления; и она достаточно часто встречается у цивилизованных людей, потому что у них нет даже желания быть последовательными. В любом случае, будь то из-за дефектной структуры или из-за тупой инертности неиспользования, произойдет неспособность к сравнению и, следовательно, к критике, а также (мы можем предположить) большая интенсивность воображения и сновидений и склонность к галлюцинациям, что, как говорят, часто бывает с незрелыми умами.

§ 6. Рассуждения незрелых Умов

Мы видели, что многие убеждения являются результатом умозаключений, и что умозаключения, когда они логически обоснованы, могут рассматриваться как основания (повышающие некоторую степень вероятности); но, когда они не обоснованы, они являются всего лишь причинами веры, а их результаты - всего лишь представлениями воображения. Поскольку общая природа рассуждений у Сократа и Самбо одинакова, мы должны исследовать особую природу рассуждений, которые заводят незрелые умы в такие запутанные лабиринты ошибок, какие мы видим (например) во всемирном распространении Магии и анимизма.

На индуктивной стороне познания (получение предпосылок), конечно, много несовершенных наблюдений и поспешных обобщений; но, несмотря на эти недостатки, дикарь усваивает на повторном опыте великое множество узких общих истин о физическом мире, растениях, животных и своих собратьях, которые составляют запас его здравого смысла и благодаря которым он живет как очень разумное животное. Время от времени мы будем находить ошибки наблюдения (такие как принятие сна за реальность) и обобщения (такие как отнесение червей к рептилиям); но, строго говоря, это не рассуждение: все рассуждения дедуктивны, а дедуктивные процессы незрелого ума нуждаются в более полном анализе.

Наша логика состоит из нескольких общепринятых универсальных принципов, с которыми можно сравнить любое более частное суждение, чтобы проверить его обоснованность. Этот вопрос может быть поверхностно изучен за несколько часов; но полное понимание его предполагает широчайшее сравнение типов суждений из всех областей знания: логика, являющаяся (как я уже сказал) своего рода скелетом знания. Следовательно, в любом уме, неспособном к сравнению и критике — или настолько, насколько он неспособен, — должно быть отсутствие Логики. Однако столь эффективное сравнение опыта происходит без нашего особого внимания к нему, что логические способности человека несоизмеримы с его исследованиями структуры знания. Один человек может быть великим знатоком Логики и очень неэффективным рассуждателем из-за недостатка дисциплины в мире фактов; другой, который никогда не открывал учебника, все же может показать определенностью своих суждений и адекватностью своих планов, что он является своего рода воплощенной Логикой, что его ум работает в соответствии с разумом или (другими словами) в соответствии с порядком фактов. Это высшее проявление здравого смысла. Такие люди встречаются среди отсталых народов.

Единственными универсальными принципами, которые необходимо учитывать здесь, являются Закон причинности и Форма субстанции и атрибута (учение Милля о естественных видах), которые можно назвать принципами параллельного рассуждения; потому что большая часть обычного рассуждения состоит в том, чтобы делать некоторые выводы параллельно тому или иному из них, обычно в некоторой ограниченной форме. Например, ограничением причинно-следственной связи является утверждение о том, что “воздействие интенсивного дневного света вызывает солнечный ожог”, имеющее значение и приписывающее, что “удельный вес золота составляет около $19 \cdot 5$ ”: отсюда мы делаем вывод, что если мы подвергнем себя воздействию солнечного света, пострадают наши лица или руки, или что любая золотая монета будет относительно очень тяжелой. Но в таких случаях легко сделать ошибочные выводы: например, ожидать, что воздействие лондонского солнца вызовет солнечные ожоги, поскольку там загрязненная атмосфера отсекает актинические лучи, или ожидать, что кусок меди будет иметь удельный вес $19 \cdot 5$. Следовательно, необходимой мерой предосторожности перед тем,

как доверять умозаключению, является установление того, что умозаключение имеет дело с тем же самым случаем, который описывает посылка: в противном случае полной параллели нет. И логики демонстрируют в форме силлогизма эту необходимую предосторожность — использовать их любимый пример в случае Субстанции и Атрибута:

Основная предпосылка — *Все люди смертны;*
Второстепенная предпосылка — *Сократ - человек;*
**Закключение — Сократ смертен.*

Вывод *О том, что Сократ смертен*, параллелен основной посылке, *что все люди смертны*; и то, что он имеет дело с точно таким же случаем, подтверждается второстепенной посылкой: *Сократ - человек*. Тот, кто рассуждает, должен убедиться, что эта посылка верна. Но дикарь никогда не замечал этой необходимости; и отсюда проистекает большинство его ошибок.

Силлогизм (теперь это признано) не описывает способ, которым мы рассуждаем, а является лишь формой, которая дает некоторую помощь в проверке обоснованности рассуждений, если кому-то когда-нибудь придет в голову сделать что-то подобное. На практике мы не думаем сначала о главной посылке, затем о второстепенной посылке и, наконец, о заключении. Как правило, мы вообще не думаем ни об одной из посылок: первым приходит на ум “заключение”. При определенных обстоятельствах общения, из-за наших надежд или страхов, нам приходит в голову, что “Сократ смертен”. Если кто-то усомнится в этом суждении и потребует доказательств, мы могли бы подумать о главной посылке, а затем впервые выразить ее словами — “Все люди умирают”; даже тогда может показаться ненужным добавлять, что “Сократ - человек”. Но хотя мы, возможно, в то время не знали об этих предпосылках, пока нас не спросили о них, их присутствие в сознании каким-то образом было необходимо для определения вывода: основная предпосылка присутствовала в виде скрытой памяти об одном или нескольких случаях смерти людей; второстепенная предпосылка была представлена уподоблением случая Сократа случаям смертных людей. Прежние переживания оставили инграмму, которая служит формой, по которой может формироваться последующий опыт, и которая предположительно может определять последующие суждения, даже если прежние переживания больше нельзя вспомнить.

Фраза “форма мысли” чаще всего используется для обозначения посылок высокой общности, таких как аксиомы математики, причинность, субстанция и атрибут, пространство в трех измерениях; и, несомненно, это формы, которые определяют направления всего мышления, к которому они имеют отношение; но они были бы бесполезны, если бы под ними не было форм, закрепленных в очень конкретном материале повторением простого опыта и обычных событий (или даже единичных впечатляющих событий), таких как “люди смертны”, “вода гасит огонь”, которые определяют направления суждений здравого смысла. Если было эмпирическое суждение — X связано с Y, то когда X снова появляется, ожидается, что оно будет связано с Y.

Среди дикарей также, конечно, опыт закрепляет в их умах такие формы мышления; как самые общие, которые они никогда не формулируют, но которые обязательно управляют их мыслями, так и многие частные, касающиеся опыта повседневной жизни; которые в конечном итоге управляют деталями их мыслей и для практических целей являются истинными; но которым, из-

за незнания второстепенной предпосылки, позволено усваивать многие суждения совсем иного характера. Таким образом, поскольку известно, что X связан с Y, они склонны делать вывод, что вещи, подобные X, или которые они предполагают, что они похожи на X, также таким же образом связаны с Y; и это катастрофично. В цивилизованной жизни большинство занятий настолько механичны, а общая традиция настолько позитивна, что мало поощряется думать о бессмыслице; так что средний человек сносно рассуждает о простых вещах, не слыша о второстепенных предпосылках; но жизнь дикаря гораздо менее регулярна и менее насыщена, а традиция полна магии и призраков. Соответственно, он всегда готов думать о магии и призраках; и поскольку его мысли о таких вещах могут идти только в русле его опыта (с некоторой игровой площадкой для усиления, искажения и сгущения), в то время как он также не осведомлен о функции второстепенной предпосылки, он, кажется, часто делает из очень разумной главной посылки очень абсурдный вывод. Ибо второстепенная посылка - изобретение логиков (возможно, их величайшее достижение): она приходит в голову не поверхностному, а только критическому мышлению.

Например, дикарь считает, что бросать прядь волос человека в огонь вредно и может погубить его: почему он так думает? Он узнал по опыту, что человеку больно совать руку в огонь или падать в него; и это создает форму, по которой отливается его умозаключение о пряди волос. Точно так же он склонен считать, что бросание образа человека в огонь причиняет ему боль и может уничтожить его; и это, очевидно, основывается на том же опыте. Его рассуждения предполагают второстепенную предпосылку, что (с целью его мести) отделенная часть человека или его изображение - это то же самое, что и сам человек; и это предположение четко сформулировано в знаменитых принципах магии, согласно которым в ритуалах все, что было в контакте с человеком — или любое подобие человека — может быть заменено им. Но обобщение этих максим оставлено для продвинутой стадии культуры; дикарь, который действует так, как будто он придерживается их, никогда не думал о них и тем более не формулировал их. По более позднему размышлению, они были выведены исключительно из анализа его поведения в магии. Сейчас мы обсудим, какие причины заставляют его действовать так, как если бы он принимал принципы Магии.[93]

Существуют определенные другие рассуждения, подразумеваемые в практиках дикарей, где ошибка заключается не столько во второстепенной посылке, сколько во второстепенном термине, таким образом: опыт показывает, что чувство личной силы и восторга вызывается танцами и пением; и (возможно, не помня такого опыта) дикарь делает вывод, что магическая сила увеличивается теми же средствами. Или, опять же, опыт показывает, что люди едят и используют твердую пищу и оружие; и дикарь делает вывод, что призраки едят призрачную пищу и используют призрачное оружие; то есть, если еда и копья оставлены в могиле и остаются нетронутыми, призрак забрал себе душу этих вещей, которая была его законной долей. Теперь, допуская, что существуют такие вещи, как магические силы и призраки, рассуждение, отождествляющее их соответственно с физической силой и с людьми, для целей вывода не является неправдоподобным; при либеральном рассмотрении второстепенные предпосылки могут сойти. Но если магических сил и призраков не существует, второстепенные термины являются воображаемыми.[94] Короче говоря, все эти рассуждения основаны на воображении. Основные эмпирические посылки достаточно верны, но второстепенные посылки иллюзорны, а поскольку логики придерживаются максимы, что сила рассуждения следует за более слабой посылкой, вывод иллюзорен. Не в восприятии, а в воображении часть

совпадает с целым или что сходство совпадает с самой вещью; что магия управляет событиями и что призраки посещают их могилы.

Эти рассуждения являются ошибочной имитацией параллельных выводов в соответствии с причиной и следствием; но есть и другие, свойственные воображению: я имею в виду рассуждения по аналогии — например, когда зулус, ухаживая за смуглой красавицей, грызет деревяшку в ожидании, что, когда древесина превратится в кашу, ее сердце тоже смягчится. Эти процессы не параллельны; нет никакого сходства ни между женским сердцем и куском дерева, ни между жеванием и ухаживанием; но вовлеченная в них связь, процесс размягчения, ощущается одинаковой в обоих случаях, и, следовательно, случаи в целом считаются одинаковыми. Многие обряды и обрядности зависят от таких аналогий — ибо это строгий смысл аналогии, “подобные отношения непохожих терминов”; и они играют ведущую роль в формировании мифов, в которых природные события представлены как личные отношения — Аполлон, преследующий Зарю, и так далее. И я раньше думал, что такие аргументы, как приведенные выше, в которых действия призраков отождествляются с действиями людей или страдания части приравниваются к страданиям целого, были примерами аналогичных рассуждений; ибо, конечно, используемые термины различны: призрак, или изображение, или обрезка ногтей - это не то же самое, что человек. Но, поразмыслив, я вижу, что, хотя эти термины действительно различны, это не имеет никакого отношения к психологии вопроса, поскольку дикарь воспринимает их как одно и то же; и, следовательно, вывод понимается как параллельный эмпирической основе (даже если она остается скрытой в сознании).

В настоящее время считается, что аналогическая мысль является лишь плодом воображения и ограничивается метафорами и сравнениями поэзии или риторики; хотя не так давно ей всерьез доверяли в аргументации, например, при защите абсолютной монархии в государстве на примерах патриархата в семье и даже предполагаемого “полка” пчел и перепелов в их обществах, льва над зверями и орла над птицами.

В этом духе малайцы, отождествив жизнь рисового растения с жизнью человека, рассматривают цветущий рис как находящийся в зачаточном состоянии и продолжают подкармливать его папайей: и проводят аналогию на дальнейших стадиях его развития. Точно так же, чтобы облегчить роды или освободить борющуюся душу умирающего, уважаемым рецептом является развязывание всех узлов, расстегивание всех пуговиц, отпирание всех дверей, распахивание всех окон; ибо открывание или высвобождение, несмотря ни на что, всегда является одним и тем же процессом-отношением.

Это, по-видимому, главные способы ошибочного мышления — (1) ложные параллели и (2) аналогии, — которые вводят в заблуждение неискушенный ум и придают воображаемым верованиям такую связность, какой они когда-либо достигают. Два объяснения суеверных рассуждений были даны теми, кто допускает, что дикари вообще рассуждают; одно состоит в том, что они рассуждают правильно, исходя из абсурдных предпосылок; другое - что они рассуждают абсурдно, исходя из правильных предпосылок. Если приведенный выше анализ верен, то в обеих этих доктринах есть доля истины и доля заблуждения. Поскольку примитивное рассуждение является чисто аналогическим, оно совершенно бесполезно, независимо от того, истинны или ложны его послышки; поскольку оно не может быть облечено в какую-либо приемлемую логическую форму. Поскольку в суеверии имитируется параллельное рассуждение

в соответствии с причиной и следствием или субстанцией и атрибутом, главная посылка, по большей части, эмпирически верна; второстепенная посылка ложна; а вывод является пустым воображением. Существует три типа рассуждений: (1) уравнивания, как в математике; и здесь первобытный человек в течение долгого времени не продвинулся дальше подсчета предметов на пальцах рук и ног. (2) Параллели посылки и вывода в соответствии с причинностью или субстанцией и атрибутом, как в физических и естественных науках; и здесь дикарь накапливает на опыте много здравого смысла, а из-за неизбежных ошибок - много суеверий. (3) Аналогии воображения. Естественный прогресс разума состоит в том, чтобы отнести аналогии к поэзии и риторике; во введении все большей и большей точности в суждения, которые служат главными посылками, и большей осторожности при допущении второстепенных посылок; наконец, в подсчете и измерении фактов, о которых рассуждают, и таким образом подготавливают зачатки математического метода. Такому прогрессу способствует высокая биологическая ценность большей определенности мышления. Незрелый человек в необходимой практической жизни, которую можно назвать биологической жизнью, обладает многими определенными восприятиями, суждениями и хорошо выверенными действиями; вне этой жизни, в области суеверных обрядов, он не рациональное, а наделенное воображением животное.

§ 7. Общие идеи на уровне дикаря

В языке дикарей часто не хватает названий классов вещей, для которых названия у нас само собой разумеющиеся, и предполагалось, что те, кто пользуется этим языком, должно быть, не обладают соответствующими общими идеями. Так, сообщается, что у одного племени было название для каждого вида дерева, но ни одного для дерева в целом; у другого было название для кокосовых орехов на различных стадиях роста (когда они служат для разных целей), но ни одного для кокосовых орехов во все времена: следовательно, делается вывод, что у них не было общего представления о дереве или кокосовом орехе. Сибирский пример еще более примечателен. Тунгусы полностью зависят от северных оленей в плане еды, одежды, палаток и передвижения и держат их стадами; однако у них нет названия для этого животного. Но у них есть название для диких и другое для ручных северных оленей; название для домашних оленей, которых приручили, и другое для необъезженных; название для самки олененка, для самки с детенышами, для самки с одним олененком, для самки третьего года с двумя оленятами; название для каждой возрастной категории самца и так далее.^[95] Должны ли мы сделать вывод, что тунгусы не имеют общего представления об северных оленях?

Было, без сомнения, естественно предположить, что мы сначала воспринимаем отдельные личности, которые теперь ясно стоят перед нами, а затем, сравнив их, приходим к общим идеям. Но если знание растет за счет ассимиляции и дифференциации опыта, то класс, с одной стороны, и индивид, с другой, должны быть совместными продуктами этого процесса: классы становятся более четкими по мере того, как все больше и больше индивидов подвергаются дискриминации. Классы или классовые идеи никогда не предстают перед нами так, как это делают отдельные люди; но большая часть значения каждого восприятия индивида заключается в том, что это за вещь. А что касается приоритета, то восприятие вида вещи (биологически) гораздо важнее, чем ее индивидуальность. Если бы индивидуум не имел в виду класс, воспринимать это было бы бесполезно как руководство к действию. Общая идея,

вытекающая из усвоения опыта, - это апперцептивная масса, которая преобразует чувственную стимуляцию в познание: когда бессознательное Романес называл это “восприятием”.

Примитивность общих идей демонстрируется языком жестов, который, вероятно, предшествует речи и который (за исключением прямого указания на то, о чем думают) полностью зависит от общих идей, внушаемых имитационными или значимыми действиями. Первобытный язык, должно быть, описывал вещи общими знаками, поскольку он состоял из звукоподражания; рычание, подобное львиному, могло только указывать на вид животного. Примитивный рисунок (будь то детский или дикий) почти всегда общий: собака, лошадь, птица-фрегат, акула-молот, но не какой-либо отдельный человек.

Не может быть никаких сомнений в том, что дикари способны к общим и абстрактным идеям; и никто теперь не предполагает, что язык является адекватной мерой мышления. Язык содержит названия только для вещей, групп, аспектов или действий вещей, которые люди, использующие его, должны обсуждать: если им не нужно говорить об абстракциях, для них нет слов. Но мы не можем предполагать о содержимом ума, так же как и о внешнем мире, что вещи не существуют, пока мы не заметили их и не дали им названия. Профессор Франц Боас показал[96], что языки северных индейцев, которые не выражают абстрактные идеи идиоматически, можно заставить делать это без насилия, и что абстрактное выражение понятно людям, родным для этих языков. “Каждый, кто знаком с людьми низкой культуры, - говорит доктор Риверс, - должен признать трудность, с которой сталкивается изучение любого абстрактного вопроса, не столько потому, что дикарь не обладает абстрактными идеями, сколько потому, что у него нет собственных слов, чтобы выразить их”.[97]

Среди идей, усвоенных дикарями и играющих важную роль в их жизни, хотя часто воспринимаемых как должное и невыражаемых, есть некоторые из самых общих: например, “сила”. Понятие силы происходит из опыта усилия при наших собственных мышечных нагрузках; но с развитием нашего восприятия физических объектов путем интеграции чувственных данных - зрения, осязания, движения и сопротивления движению (кинестеза), обоняния, слуха — это чувство усилия, переносимое на объекты как эквивалентное нашим собственным усилиям по отношению к ним, становится важнейшей сердцевиной каждого объекта (или значением каждого восприятия объекта), без которого предмет был бы простым зрелищем, ни полезным, ни вредным — овцы и тигры, камни и тыквы одинаково безразличны. . Вероятно, восприятие всех высших животных (вплоть до рептилий) имеет это значение. Сила - это реальность, и первобытный человек воспринимал ее как сущность всего, что он считал реальным, например, заклинаний, талисманов и призраков. Имея субъективную основу, от которой оно никогда не освобождается, понятие о нем неопределенно, варьируется у каждого из нас в зависимости от нашей конституции, возраста, состояния здоровья и не только поддается самым диким прихотям суеверия, но и вводит в заблуждение научные исследования.

Отношения - это класс общих идей, знакомых дикарскому мышлению, часто оцениваемых с большой тонкостью и особенно заметных в некоторых магических операциях. Дикари не только размышляют об отношениях, но и сравнивают их, и между ними обнаруживаются сходства, которые часто могут нас удивить. Садовод из Новой Гвинеи, посадив таро, обеспечил рост урожая, сказав: “Мурана, выброшенная приливом на берег, была истощена и вот-вот должна была истечь, когда прилив вернулся, она ожила и уплыла”. И он трижды ударил веткой по

земле.[98] Он увидел, что обновление жизни на мурене и в таро — это одно и то же; так что для описания одного нужно усиливать другое - такова “сила” заклинания!

Наиболее важной связью, связанной со знанием и его практическими приложениями, является причинно-следственная связь. Дикари, у которых нет слова для обозначения причинности и которые никогда не думали о ней абстрактно, всегда должны действовать так, как будто они ее предполагают. Это может быть неправильно понято. Там написано: “Туземцы [Австралии] не имеют ни малейшего представления о причине и следствии. Они замечают, что две вещи происходят одна за другой, и сразу же приходят к выводу, что одна является причиной, а другая следствием”. Таким образом, у них есть некоторое представление об этой связи, хотя и нечеткое. Таким образом, заметив, что ржанка часто плачет перед дождем, они имитируют этот крик при выполнении обрядов по вызову дождя. Мы скорее предполагаем, что изменение атмосферы, предшествующее приближающемуся дождю, возбуждает ржанок. Но туземцам это не приходит в голову: что “одно за другим” - это то же самое, что следствие за причиной, или (как говорят логики) *post hoc, следовательно propter hoc*, лежит в основе бесчисленных суеверий. Подсознательный контроль, осуществляемый этой скрытой формой мышления, очень несовершенен. Максимы косвенной магии, согласно которым подобие может быть заменено самой вещью или ее частью вместо целого, являются просто формулами причинности, принятыми на основе ошибочной веры в то, что может быть причиной. Бывают случаи, когда подобное может быть заменой (один человек другому), и часть может почти заменить целое (часть сломанного ножа). Следовательно, эти принципы были сформулированы и признаны врачами и алхимиками средневековья и соблюдались в их практике.

Количественная аксиома опосредованного отношения — “Величины, равные одной и той же величине, равны” — конечно, никогда не высказывалась дикарями; но на практике они понимают и применяют ее всякий раз, когда используют обычную меру — пальцы для счета, темп или кисть для измерения расстояния. Эти приемы представляют собой язык жестов; и истина, которую предполагают жесты, была навязана наблюдению первобытных людей всякий раз, когда они видели три или более почти одинаковых предмета вместе — людей в ряд, птиц в стае, яйца в гнезде. Нам не нужно предполагать, что сознательный анализ необходим для определения связей между такими вещами; у мозга есть свой собственный метод анализа; и когда-нибудь мы узнаем результаты. Результаты стали известны поздно; по-видимому, только после того, как греки придали научную форму зачаткам математики. Ибо тогда впервые потребовались четко сформулированные аксиомы — чтобы соответствовать форме науки. Бесчисленные точные вычисления Египта и Ассирии могли прекрасно обходиться и без них. Их открытие требовало от ученого, занимающегося их поиском, особой цели, состояния глубокой медитации и абстракции, исключающей все несущественные идеи, когда в пустоте и темноте ума их свет становился видимым, подобно слабому звуку в тихой комнате. Таким образом, идея, функционирование которой веками незаметно контролировало мышление, внезапно занимает свое место в организации знания.

§ 8. Слабость воображения-верования

Незрелым умам кажется, что их суеверия основаны на веских доказательствах. Некоторые из тех, кто молится Нептуну, спасаются от кораблекрушения, а об утонувших забывают: все подтверждающие совпадения производят глубокое впечатление, а неудачи игнорируются или извиняются. С помощью внушения больные часто исцеляются, а здоровые падают духом.

Проклятия и заклинания, если они известны намеченной жертве, исполняются сами собой. Поэтому используйте хорошие предзнаменования, придающие уверенности, и плохие предзнаменования, ослабляющие усилия. Если у мага хватает проницательности вызывать дождь только при приближении сезона дождей, событие, скорее всего, подтвердит его репутацию. Ловкость рук, чрево вещание и преимущества темных сеансов небезызвестны магам, обученным старой традиции обмана, и их клиенты используют это для демонстрации. Постоянная практика целой деревни как в магии, так и в промышленности для достижения одной и той же цели делает невозможным для обычных смертных увидеть, кто из них является настоящим проводником успеха. Неудачам магии или жертвоприношений у практикующих всегда есть правдоподобные объяснения. Следовательно, между верованиями, основанными на воображении, и верованиями, основанными на восприятии, в отношении их причин для верующих может не быть видимой разницы.

Но и по характеру убеждения, основанные на воображении, могут казаться неотличимыми от убеждений, основанных на восприятии; по качеству непосредственного ощущения они, безусловно, очень похожи на них; и, на первый взгляд, они, по-видимому, оказывают такое же сильное влияние на действия людей; но это неправда. Мы не должны делать вывод, что принятие мученической смерти за культ (как это сделали ведьмы) не может быть признаком ничего, кроме неизменной веры в него: помимо фанатизма и других ненормальных состояний ума, нужно учитывать лояльность к партии или лидеру, непримиримость и ненависть к преследователю, демонстративность, самоутверждение и (короче говоря) сильную волю. Теми, кто принимает участие в религиозной войне, движет исключительно энтузиазм по отношению к сверхъестественному, а вовсе не ненависть к инопланетянам, любовь к битвам и надежда на добычу? Не принимая во внимание примесь других мотивов, сила воображения-убеждений у большинства людей гораздо меньше, чем мы склонны предполагать. Они нестабильны и со временем меняются, хотя “свидетельства” для них могут оставаться теми же. Изначально сформированные желанием и тревогой, они остаются пластичными под различным воздействием этих и других страстей. В примитивном сельскохозяйственном сообществе подготовка почвы, рыхление, жатва и сбор урожая продолжают (хотя и с использованием более совершенных инструментов и методов) точно так же, как и у нас; и из века в век процессы, как правило, подтверждаются или медленно совершенствуются. В то же время каждое такое занятие окружено своего рода ореолом обрядов, которые, кажется, выполняются с такой же или большей скрупулезностью и убежденностью; однако с течением времени эти обряды медленно атрофируются и теряют свою важность и свой древний смысл, который объясняется новыми мифами; или другим обрядам можно научиться у соседей или у захватчиков; поскольку некоторые обряды могут быть необходимы для их жизни, хотя и не какие-то конкретные.

Неустойчивый характер суеверий и их тесный союз с игровыми верованиями может быть продемонстрирован различными способами:

(а) Ритуалы, которые выражают их, часто выполняются с помощью обмана, практикуются на толпе во время публичного представления, например, путем получения с небес рисового дождя, который (за ночь) оседает на верхушках деревьев и стряхивается в решающий момент; или, в частной практике, разыгрываются на пациенте, принося камень за пояс и затем извлекая его из своего тела. Половина племени может обманывать остальных, мужчины вводят в заблуждение женщин и детей, старики - молодежь.

(b) Религиозные верования часто включают несовместимые установки: поклоняющиеся богу признают в процветании его высшую мудрость и могущество — и в то же время, возможно, используют уловки, чтобы обмануть его; или, испытывая длительные страдания из-за засухи или войны, они могут угрожать наказать его, лишить его жертвоприношений и осквернить его святыню. В Райатеа, когда заболел высокопоставленный вождь, практиковались экстравагантные обряды и жертвоприношения; но если они не удавались, “бог считался неумолимым и обычно изгонялся из храма, а его изображение уничтожалось”.^[99]

(c) Убеждения, основанные на воображении, рушатся при различных испытаниях, таких как экономия, продажа риса-матери, когда цены на зерно растут; приношение в жертву богам фальшивых бумажных денег вместо товаров или оставление многих вещей на могиле и забирание более ценных; самосохранение, например, при принесении в жертву старшего сына короля вместо себя; сострадание, при погребении с мертвыми марионетками вместо рабов (хотя в этом может быть какая-то роль), или при принесении в жертву быка вместо человека.

В подобных случаях мы видим, как любое желание, удовлетворение которого несовместимо с данной верой или обрядностью, имеет тенденцию создавать ограничивающую веру и изменять ритуалы. Социальная лень и усталость — продукт многих индивидуальных переутомлений и случайного легкомыслия, в результате чего смысл ритуалов забывается, а сами ритуалы постепенно становятся невнятными и сокращенными — должны быть важным условием вырождения ритуалов, как и языка. Иностранное влияние через торговлю или войну привносит тревожные идеи, которые нравятся любителям новизны, и показывает, что другие люди с другими убеждениями живут так же хорошо, как и мы. Даже повторяющийся опыт неудачи может поколебать уверенность мужчины в себе и заставить его отказаться от своего фетиша, хотя обычно он получает другой.

(d) Верования в магию и анимизм обычно поддерживаются сильным эмоциональным возбуждением во время произнесения заклинаний и церемоний, которые их выражают. Эмоции искусственно стимулируются и, вероятно, считаются необходимыми для поддержания иллюзии. Это исключает критику и повышает внушаемость.

(e) Показана специфическая связь таких верований с игровым отношением: их обряды, включая игры, такие как прыжки, размахивание руками, метание копья, предположительно обладающие некоторой магической эффективностью; сами церемонии часто представляют собой танцы, драмы, хороводы; и с вырождением веры обряды остаются драматическими или музыкальными развлечениями, в то время как мифы сохраняются в эпических поэмах, сказках и историях о привидениях. Когда ритуалы и заклинания не предназначены для того, чтобы побуждать к немедленному действию, необходимо, чтобы эмоции, возникающие при их исполнении, утихали, принося лишь воображаемое удовлетворение: таким образом, они приобретают эстетический оттенок красоты, или возвышенности, или пафоса (или какой-либо рудиментарной формы этих чувств); так что исполнение, переживаемое таким образом, становится самоцелью.

Эти верования с соответствующими им церемониями имеют дополнительное сходство с игрой в косвенности их полезности. Игра развивает способности, но ни один ребенок не задумывается об этом. Магия и анимизм (как мы видели) имеют тенденцию поддерживать обычаи и порядок; но поначалу об этом никто не знал, и вряд ли сейчас это известно широкой публике. Обряды, представляющие общественный интерес, вызывающие дождь или стимулирующие урожай,

хотя и бесполезны для таких целей, удовлетворяют желание что-то сделать или дают ощущение, что что-то делается для достижения желаемой цели, особенно в промежутках, когда действительно эффективная работа не может быть продолжена, например, во время роста урожая или после сбора урожая: они успокаивают беспокойство и вселяют надежду и уверенность. Более того, это организованные развлечения — не потому, что они предназначены для того, чтобы скоротать время, но потому, что они действительно выполняют эту ценную функцию. Мужчинам отсталых обществ на протяжении значительной части своей жизни не хватает дел. Социальные церемонии удерживают людей от проказ и, в то же время, различными способами упражняют и развивают их способности. Для нас трудолюбие - достаточное занятие или даже слишком увлекательное, и обстоятельства удерживают нас на плаву, так что в свободное время к развлечениям можно относиться легкомысленно. У дикаря некоторые развлечения должны представляться как необходимые периодические религиозные обязанности, выполнение которых (по его убеждению) поощряет и усиливает трудолюбие. Опять же, поскольку потребности и интересы являются общими для племени, деревни или другой группы, эти церемонии обеспечивают социальное сотрудничество и единство, а также соперничество в их исполнении; и они сохраняют традицию и интеграцию последующих поколений. Наши игры свободны от практических надежд и тревог; но более сложные, такие как скачки, все же выполняют социальную функцию; или, подобно крикету и футболу, носят племенной характер: школа, колледж, округ или даже нация глубоко обеспокоены ими. Олимпийские игры, которыми интересовался греческий мир во всех его разбросанных городах, восходят к примитивным религиозным обрядам.^[100]

Что касается темной стороны суеверий, то она не нуждается ни в каком другом объяснении, кроме преступности, фанатизма и безумия, которые также являются болезнями воображения. Ревность, ненависть, жадность, свирепая гордыня и жажда власти входят в число причин, формирующих веру. Любое призвание, осуществляемое тайно, как призвание мага, под социальным запретом, конечно, деморализует. Там, где интересы организованной профессии находятся в определенной степени в противоречии с интересами общества, это может стать отправной точкой для неограниченных мерзостей; и интересы магов и священников являются наиболее потрясающими примерами этой истины. Размышляя о том, что вы знаете о черной магии и красной религии, ретроспектива человеческой культуры наполняет вас тревогой; но не должна вызывать удивления; ибо человеческая природа менее всего в мире приспособлена к окружающей среде (главным образом социальной); развитие разума и общества произошло слишком недавно, чтобы мы могли разумно ожидать чего-то лучшего.

ГЛАВА IV

МАГИЯ

“Истории, которые я заимствую, я передаю на совесть тех, у кого я их беру”. — Монтень, I. 20.

§ 1. Древность магии

Магией до недавнего времени несколько пренебрегали те, кто относился к диким идеям. В примитивной культуре сэра Э. Б. Тайлора Магии отведена только одна глава, а анимизму (вере в посредничество духов) - семь. В "Социологии" Спенсера часть I. почти полностью посвящена генезису и развитию анимизма, без единой главы о магии. Важность раннего анимизма стала такой навязчивой идеей, что путешественники наблюдали за ним и сообщали о нем, куда бы они ни направлялись, лишь вскользь упоминая Магию — к большому нашему сожалению. Традиция такого образа мышления, по-видимому, восходит к "Естественной истории религии" Юма, где он прослеживает развитие религии от примитивной веры в то, что все виды природной деятельности подобны нашей собственной, и что всем обладает дух и приводится в действие им. Эта идея была принята Контом и развита в его знаменитом законе о трех стадиях объяснения Природы как определяющих рост человеческой культуры: фетишизм, который приписывает всю причинность особой воле каждого объекта и который путем обобщения ведет через политеизм к монотеизму; метафизика, которая, отказываясь от понятия личной воли, приписывает действия вещей абстрактным силам; и позитивизм, который, отбрасывая разнообразие сил, которые никогда не могут быть познаны, обращается к точному описанию порядка явлений. Милль, в свою очередь, перенял эти доктрины Конта и распространил их среди нас как часть того необычайного влияния, которое он в течение многих лет оказывал на все наши мысли. Следовательно, приоритет анимизма перед любой другой теорией вещей казался в то время само собой разумеющимся.

Недавно появились признаки того, что эта концепция первобытного мышления уступает место другой, а именно, что анимизму предшествовала Магия. Сэр Дж. Дж. Фрейзер утверждает, что идея Магии проще, чем идея анимизма; что Магия в полной мере проявляется среди людей, чей анимизм слабо развит, и что ее верования более единообразны во всем мире.^[101] По существу — с оговорками, которые будут приведены ниже - эта точка зрения здесь принята. Когда кто-то начинает спорить с этим, привести примитивные факты, конечно, невозможно. Следует даже признать, что те свидетельства, которые мы имеем среди немногих фактов, собранных за последние годы относительно древних рас людей, указывают на более раннюю датировку анимистических идей; ибо если некоторые наскальные рисунки ориньякского происхождения, на которых, например, изображен дикий скот, пронзенный стрелами, могут быть истолкованы как имеющие магическое значение, то, с другой стороны, захоронение в Ле Мустье, еще более древнее, демонстрирует уважение к трупам, к распоряжению им и к оставленным при нем вещам, что обычно соответствует теории о привидениях. Эти открытия возвращают нас на несколько тысяч лет назад к Менесу, но, вероятно, оставляют нас далеко от зарождения человеческих представлений о сверхъестественном.

Если Магия предшествовала анимизму, мы должны вставить стадию мышления в начало серии работ Конта, сделав четыре вместо трех; и, возможно, для правдоподобия можно сделать предположение, что метафизическая стадия, господство оккультных сил в объяснении, является не простым остатком фетишизма после ухода духа, а скорее возрождением при дневном свете магических идей силы, которые всегда сохранялись, но веками оставались в сравнительной неизвестности из-за моды на анимизм.

§ 2. Что такое магия?

В своем развитии моральных идей (II. 47) проф. Вестермарк отмечает, что дикари различают два класса явлений: естественные, или знакомые, и сверхъестественные, или таинственные. Последние снова делятся на механические (Магия) и волевые (анимизм). Это кажется верным: это исправляет все еще распространенное представление о том, что дикарь объясняет всю природную деятельность анимизмом; признает, что он воспринимает некоторые явления как нечто само собой разумеющееся, как это делают животные; а что касается событий, которые не являются само собой разумеющимися, справедливо отмечает различие между его представлениями о них либо как о механических (обусловленных некоторой равномерно действующей силой), либо как о волевых (то есть произвольных или капризных). Итак, у дикаря вокруг него происходят вещи, которые *воспринимаются* как регулярные и непрерывные; и есть другие, между которыми, как *воображается*, имеют место связи, причем либо регулярные, либо капризные: ибо таким образом я осмеливаюсь интерпретировать разницу между естественным и сверхъестественным; это разница между восприятием-верой и воображением-верой. Здравый смысл, Магия, анимизм — вот три великих скопления идей, которые конкурируют за контроль над его мыслями и за его интерпретацию мира.

Магию можно определить как связь событий, которые считаются постоянными и зависят от действия какой-либо вещи или действия, обладающих эффективным качеством или силой (на самом деле нереальными), и не зависят (как связь) от воли какого-либо конкретного человека.

Вопрос о том, творится ли Магия когда-либо по простому желанию или воле человека, будет обсужден ниже (§ 6). Здесь оговорка о том, что магическая связь не зависит от воли человека, призвана исключить анимизм. Ибо чистый анимизм предполагает веру в то, что призрак, дух или бог (хотя он может действовать с помощью Магии) может произвести эффект своим прямым действием, без использования каких-либо видимых или невидимых средств, кроме своего собственного духовного тела и силы. Это не то, что делает маг: он действует посредством связи событий, известных (так он думает) ему самому и часто другим. Магический инструмент (талисман или заклинание), который он использует, обладает качествами, которые являются магическими фактами, точно так же, как качества его копья являются физическими фактами. Он может сделать каменный наконечник копья с помощью другого камня; и он может быть способен сделать талисман с помощью заклинания; но сила талисмана или заклинания принадлежит им самим; он не может творить Магию, а только открывать и использовать ее. Воспользуется ли он им, зависит от его выбора; но его силы этого не делают; они присущи ему, как и физические силы. Фауст может вызвать дьявола; но и Вагнер может, если он знает заклинание: сила заклинания безразлична заклинателю. Человек действительно может быть источником магической силы, потому что он вождь, или у него дурной глаз, или на него наложено табу на неискушенное убийство; но все это не зависит от его воли; он относится к тому же классу безличных вещей, которые являются магическими.

Правило Магии, описывающее единообразную связь событий, напоминает то, что мы называем законом природы; и далее, предполагается, что оно не является абсолютным или безусловным, а является тенденцией, подверженной противодействию со стороны враждебной Магии или (возможно) демонической силы. Но он отличается от закона природы тем, что является полностью воображаемым и не поддается проверке.

Практиковать Магию - значит использовать какое-то такое правило для достижения желаемой цели. Это может попытаться сделать любой человек, насколько позволяют его знания; и чем больше его знания, тем больше его сила, при условии, что у него хватит смелости действовать в соответствии с ними. Можно проследить все стадии мастерства от простого обывателя, который размахивает ревуном, чтобы поднять ветер, до волшебника, который живет своим искусством, и которого боится все его племя и далеко за его пределами, или до эрудированного мага, который управляет демонами и соперничает с богами.

Магические вещи, предметы или действия в их простейших формах представляют собой чары, заклинания и ритуалы; и поскольку цели, для которых они могут быть использованы, заключаются либо в защите самого себя, либо в проявлении власти над другими людьми или вещами, каждый из этих видов магии может быть защитным или наступательным. Защитный амулет называется амулетом; наступательный амулет - это талисман. Для защитного заклинания (скажем, от болезни или несчастного случая), я полагаю, нет подходящего названия; наступательные заклинания (скажем, для управления погодой или проклятия врага) могут называться заклинаниями (но использование не является фиксированным). Ритуалы (то есть любые магические действия, которые не являются заклинаниями) также могут быть защитными (например, прикосновение к дереву) или наступательными (например, указание на человека); но у нас нет названий для этих различных намерений. Из этих простейших начал, по-видимому, развились все знания и тайны Магии.

§ 3. Истоки магии

Поиск истоков увлекателен, потому что в случае успеха он поможет нам составить ту схему истории мира, которую философский ум рассматривает как необходимую для жизни. Обсуждение истоков Магии неизбежно должно быть в какой-то мере умозрительным предприятием, потому что факты утеряны. Если магия практиковалась в ориньякской культуре (скажем) 20 000 лет назад, как мы можем докопаться до ее истоков? Но спекуляция - это не работа с догадками, если мы всегда держим в поле зрения те факты, которые у нас есть; если мы проявляем осторожность и обращаем внимание, когда факты подводят нас; если мы руководствуемся научными принципами; и если мы делаем предположения не только для того, чтобы соответствовать нашему случаю, но только такие, которые обычно принимаются во всех областях. Например:

(1) Мы можем разумно предположить, что простейшие магические верования и практики относятся к самому раннему типу: и нет ничего проще, чем вера в чары, обряды и заклинания. Действительно, трудно найти многие из этих практик — хотя некоторые из них могут быть воспроизведены — в их простейших формах в наших записях об отсталых народах; отчасти потому, что они недостаточно наблюдались; отчасти потому, что Магия повсюду склонна пропитываться анимизмом; отчасти потому, что чары, ритуалы и заклинания обычно для большей эффективности смешиваются друг с другом. Но эти соображения не влияют на простоту идеи, содержащейся в магических верованиях; которая заключается всего лишь в том, что определенный объект своим присутствием или что действие или высказывание, просто входя в ход событий, послужат нашей цели. Предполагается лишь голое единообразие связей — если *A*, то *B* — в соответствии со знакомым течением Природы и нашей общей деятельностью. Всевозможные препятствия останавливают стрелу или дротик; пададь собирает стервятников; так узорчатый гребень в волосах останавливает демона болезни; узорчатый

колчан или определенная песня заставляют обезьян спускаться с вершук деревьев.^[102] Заклинание просто предполагает, что определенные объекты, или животные, или духи всегда должны подчиняться желанию или команде, выраженной словами, точно так же, как это часто делает другой человек. Именно их предполагаемая единообразная принудительная сила делает слова волшебными. Если какая-либо форма слов когда-либо кажется успешной, ее нужно повторить; потому что для достижения того же эффекта действие должно быть одинаковым. Погруженный в неопределенную массу переживаний, постулат, который мы называем “причиной и следствием” (разумеется, в неформулированной форме), лежит в основе каждого действия и, следовательно, в основе Магии; это основа всех ожиданий и всей уверенности.

(2) Наиболее распространенные виды Магии, вероятно, являются самыми ранними; и это чары, обряды и заклинания. Они встречаются не только среди дикарей, но и по всему миру: даже в цивилизованных странах ими пользуются большинство необразованных, многие полуобразованные и немало тех, кто “закончил свое образование”; тогда как более сложные магические практики, за исключением тех, которые были включены в религиозные праздники, склонны приходить в упадок. То, что является универсальным, должно быть приспособлено к очень простым условиям существования; следовательно, эти верования соответствуют ментальным потребностям и склонностям, которые, вероятно, примитивны; а какие условия могут быть более простыми, или более примитивными, или более универсальными, чем незнание нашей судьбы и стремление ухватиться за все, что может вселить в нас уверенность.

И не только чары, обряды и заклинания во все века и повсеместно использовались в их простейших формах; но и анализ самых сложных ритуалов и номинально анимистических практик обнаружит в их основе те же верования. Идея амулета или талисмана содержится в фетишах, четках, молитвенных кругах, а также в долгом миметическом танце или страстной игре, главной целью которых всегда является предотвращение какого-либо зла или обеспечение какого-либо блага - успеха на охоте, войне или в сельском хозяйстве. Точно так же заклинание задействовано во всех ритуалах, поскольку в них используются словесные формулы; и во всех проклятиях или молитвах, поскольку их эффективность зависит от звуковой формы слов.

Живучесть магических верований среди цивилизованных людей в какой-то мере обусловлена традицией; хотя традиция не могла бы оставаться эффективной, если бы в каждом поколении не было предрасположенности к ее принятию; и насколько это связано с традицией, насколько со спонтанной склонностью у любого, кто склонен верить в чары, обряды и заклинания, он сам должен судить, насколько это возможно. Поскольку суеверие было когда-то чрезвычайно полезным в социальном плане, есть некоторое предположение, что племена, прирастившиеся к нему (в определенных пределах), имели преимущество и что предрасположенность стала наследственной. Это недавнее приобретение по сравнению с любовью к скалолазанию; но однажды укоренившись, оно должно оставаться до тех пор, пока его не вытравит бесполезность. Между тем, это пятно на душе человека. Так много из ранней жизни человека всегда забывается, что никто не может быть уверен, что ему не привили подобные представления в детстве; особенно если учесть, что религиозные практики, которым обучают до того, как они могут быть хорошо поняты, часто должны носить магический характер для ребенка; и что лекарства, действия которых раньше никто не понимал, были на одной ноге с Магией. Что касается меня, то, отбросив последние соображения, я не могу припомнить, чтобы когда-либо слышал в детстве, чтобы о какой-либо Магии говорили иначе, чем с удовольствием;

однако магические верования всегда преследовали меня. С анимизмом было иначе. Когда мне было шесть или семь лет, няня — убежденная приверженка одной из многих маленьких сект, ответвившихся от Уэсли в Корнуолле, — рассказывала мне самые ужасные истории о привидениях; и эти истории, возбуждающие, без сомнения, древнюю склонность и подкрепленные способностью к видению, которая по ночам населяла темноту бесчисленными призраками, полностью опровергали учение тех, кому было больше оснований доверять, о том, что привидения - это суеверие, от которого истинная религия навсегда освободила нас. Эффект сохранялся до среднего возраста. Эндрю Лэнг сказал о призраках, что “он не верил, но трепетал”; и это точно описывает мое собственное душевное состояние на протяжении многих лет. Теперь, что касается Магии, у меня сложилось впечатление, что если бы это было предложено мне серьезно, а не просто случайными намеками на “удачу”, этот опыт запечатлелся бы в моей памяти. Первый раз, насколько я помню, когда я практиковал ритуалы, мне было от десяти до одиннадцати лет, и я жил в маленькой школе-интернате. Чтобы предотвратить страшное событие, я каждое утро ходил к насосу, набирал в рот воды и выплескивал ее бурной струей — три раза. Так продолжалось несколько недель. Насколько я помню, импульс был спонтанным, и я не могу вспомнить, почему был принят именно этот ритуал: выплескивание воды изо рта, возможно, символизировало избавление от того, чего я боялся; но я не думаю, что осознавал это значение. Больше ничего подобного не вспоминалось мне примерно до пятнадцати лет, когда в другой школе главной страстью моей жизни стал крикет; и я всегда выполнял какой-нибудь ритуал перед выходом на поле и носил в кармане амулет; но я не могу вспомнить, что это было. В настоящее время редко проходит день без того, чтобы я не испытывал некоторого желания попрактиковаться в Магии. Например, раскуривая свою первую трубку утром, если я помню, как я ее раскурил, где вчера чиркнул спичкой и т.д., и если с тех пор не произошло никаких несчастий, я испытываю безошибочный импульс “закурить” снова таким же образом. У меня нет явных причин для такого поведения, и поэтому анализировать мое отношение опасно; но это не просто зарождающаяся привычка: насколько я могу судить, такой способ раскуривания трубки был одним из предшественников спокойного времени, и было бы неплохо восстановить как можно больше из них. Делать это удобнее, чем переделывать: человек чувствует себя увереннее.

Опрос моих друзей показывает, что у некоторых есть подобный опыт, а у других (как у мужчин, так и у женщин) - нет. *Анкета* по этому вопросу могла бы быть полезной; но ее трудно составить, не высказав предположения или не вызвав предвзятости.^[103]

(3) Существуют причины, порождающие веру в чары, обряды и заклинания, настолько простые, что ничто не могло быть более естественным для примитивного человеческого разума. Что может быть более универсальным средством для создания веры в связь событий и, как следствие, ожидания повторения, чем интересное совпадение? Если, говорит сэр Э. Ф. им Турн,^[104] кариб видит камень каким-либо ненормальным или любопытным, и если вскоре после этого с ним случается какое-либо зло, он рассматривает камень и зло как причину и следствие и видит в камне духа. Это анимистично; но та же тенденция впечатляться совпадениям лежит в основе Магии. Например: охотничий отряд эскимосов не встретил дичи. Один из них вернулся к саням и съел собачью косточку от ветчины. Возвращаясь с ней в руке, он встретил тюленя и убил его. С тех пор на охоте он всегда держал в руке окороковую кость.^[105] Окороковая кость стала талисманом. Такое психическое состояние, как у эскимосов, раньше приписывалось ассоциации идей; но лучше рассматривать его как эмпирическое суждение. Другие обстоятельства этого события, возможно, были связаны в его сознании; но

что касается окорока и добычи, он думает о них вместе и приходит к выводу, что они связаны. Затем, рассудив, что окорочная кость повлияла на убийство, он носит ее с собой в будущем, чтобы повторить условия успеха.

Возможно, мы сможем определить момент, когда Магия впервые овладела человеческим разумом, рассмотрев, как использование оружия и силков первобытным охотником нарушало его ощущение механической непрерывности работы. В борьбе с добычей тело к телу успех или неудача были полностью понятны; но при использовании оружия и ловушек это стало зависеть от качества этих вспомогательных средств и от его умения обращаться с ними: все более и более зависело по мере увеличения количества шагов между первой подготовкой и самим мероприятием; на любом из которых непредвиденные события могли расстроить его планы. Отсюда возникло непреодолимое желание усилить и обезопасить каждый шаг его задачи; и для удовлетворения этого желания возникла Магия.

То, что Магия должна зависеть от предположения, что “вещи, связанные в мысли, связаны и на самом деле”, кажется непонятным, пока мы не примем во внимание, что мысль, в которой они связаны, является суждением относительно фактов. Но как можно судить так глупо? Абсурдная ассоциация понятна; с этим ничего не поделаешь; но суждение - это не пассивный процесс. Что ж: логик мог бы интерпретировать этот случай как ошибку в применении индуктивных канонов: у эскимоса было два примера: (а) нет окорочной кости, нет печати; (b) окорочная кость, печать: или, опять же, в обстоятельствах своей экспедиции он ввел окорочную кость, а за ней последовала печать. Следовательно, ношение окорочной кости было причиной получения пломбы. Он не читал Милля и не знал, какие меры предосторожности следует предпринять, прежде чем делать такие выводы. Должно быть, разум зародился именно таким образом; и по прошествии многих тысяч лет возможности ошибки в эмпирических суждениях начали осознаваться, и были сформулированы каноны. Опыт каждого человека на каждом этапе жизни, личном или социальном (вероятно, вызывающий унаследованную предрасположенность), постоянно внушает ему веру в некую связь предшествующего и последующего, в то, что каждое событие происходит из других. Но что именно в предшествующем определяет событие, на практике никогда не может быть точно известно. В определенных случаях, когда применим метод, мы можем проанализировать следствие в виде тенденций изменения количества и направления сил; или иногда мы можем воспроизвести это с помощью точно контролируемого эксперимента. Но там, где эти ресурсы подводят нас, как это часто бывает в практических делах, мы не очень уверены в том, что сможем понять все или даже главные условия любого интересующего нас события. Дикарь ничего не знает о методе и, следовательно, испытывает меньше недоверия. Он кое-что узнает об условиях успеха в охоте; это биологически необходимо для него, как и для тигра; выживают только те, кто их изучает. Он знает, что у него должно быть оружие как можно более эффективное, он должен отправиться в место обитания своей добычи, его нельзя ни слышать, ни видеть, ни обонять. Но при всех предосторожностях он иногда терпит неудачу; следовательно, должно быть какое-то другое условие, которого он не понимает. Следовательно, любое наблюдаемое событие, любое слово или действие, за которыми случайно следует успех, могло быть средством достижения этого успеха.

И если это когда-то было, то будет всегда: не то чтобы он думал об этом в таком общем ключе. Но даже животные, как только выучили последовательность действий, доверяют ей. Собаки и кошки учатся быстрее, чем морские свинки; обезьяны быстрее, чем собаки и кошки; человек еще быстрее. Но ни в коем случае не было бы никакой пользы в обучении, если бы оно не вело к

действию так, как если бы опыт был обобщен. В обобщении нет никакой тайны; оно происходит спонтанно и только ждет, пока язык выразит себя; самое трудное - это проявить осторожность. При отсутствии метода единственным критерием истинности является относительное постоянство опыта — *per enumerationem simplicem* — ошибочный, но в целом эффективный; что требует времени и практики. Примитивная магия - это неосторожное, невыраженное обобщение; и условия таковы, что ошибку нелегко обнаружить. До тех пор, пока дикарь следует инстинктивным, традиционным и приобретенным знаниям, которые у него есть об охоте, практики, основанные на неправильных суждениях, но не мешающие традиционному искусству, такие как ношение кости или кристалла, или наличие особого рисунка на колчане, не могут повлиять на его успех; могут дополнить его, повысив его уверенность: так что, пока длится успех, ничто не указывает на ложность суждения. Серия неудач может заставить охотника выбросить свой талисман или (на более поздней стадии развития Магии) отнести его знахарю для повторного применения. Сколько тысяч раз Магия могла зарождаться таким образом и снова терять свою силу, прежде чем человеческий разум становился хронически зараженным ею!

Аналогично с амулетами, все необычное, что оказывается при человеке в случае нападения леопарда или змеи, от которых он убегает, может быть сохранено в качестве защиты от будущих опасностей. Так же и с ритуалами: любой жест или действие, какими бы незначительными они ни были, которые предшествуют успешному усилию, могут быть повторены, чтобы восстановить все предпосылки успеха. То же самое и с происхождением заклинаний. Сопровождать действие словами, поощрением или ругательством - это обычный импульс, и довольно спонтанный. Если охотник успешно загонит свое копье в цель, он в следующий раз повторит эти слова: тогда они станут заклинанием.^[106] Итак, сначала существуют практики ношения чар, повторения слов, повторяющихся действий; затем, наряду с этими практиками, растут убеждения относительно природы их эффективности, их добродетели; и гораздо позже обнаруживается, что некоторые из практик, по-видимому, включают определенные общие принципы, о которых дикарь никогда не думал.

Пытаясь представить себя на месте такого человека, мы не должны упускать из виду эмоциональное возбуждение, определяющее его суждения. Именно интенсивность его стремления к успеху, его тревога по этому поводу заставляет его хвататься за все, что может быть средством достижения успеха: он не видит, как это действует, но не будет рисковать, упуская это. Поскольку то, что верно для примитивной охоты, верно и для всех начинаний — мы знаем некоторые условия успеха, но далеко не все, — и поскольку все мы часто оказываемся в таком положении, — удивительно, что мы так мало прибегаем к Магии. То, что многие люди делают это в Лондоне, печально известно.

§ 4. Магическая сила и примитивные представления о причинно-следственной связи

Магия - это единообразная связь событий, зависящая от некой безличной силы, которая в действительности не существует. Какие причины заставляют людей верить в такую силу? Во-первых, все обязательно воспринимается всеми (и, вероятно, каким-то смутным образом высшими животными) как центр сил. Его вес, когда мы пытаемся его поднять; инерция, когда мы толкаем его или когда оно движется, и мы пытаемся остановить его; степень твердости, когда мы ударяем или хватаем его; эластичность, когда согнутая ветка дерева отшатывается;

раскачивание потоков и подъем волн; падающие деревья, лавины, фонтаны, ураганы: обо всех этих вещах человек должен думать, как и о других людях и животных, в сравнении со своей собственной силой или бессилием. В их действиях и реакциях он видит такое напряжение и усилие, которые он сам испытывает, борясь с ними, или сцепляя одну свою руку с другой; и поскольку их действия полны неожиданностей, он не предполагает, что знает все, на что они способны.

Но, далее, напряжение, проявляемое некоторыми объектами, особенно деревьями; звуки, которые они издают, скрипя и постанывая на ветру; визг и завывания самого ветра, угроза и шепот моря, гром и рев ливней: все это возбуждает *Эйнфюлунг* или сопереживание, иллюзорное сочувствие к вещам, которых не чувствуешь. Я полагаю, что их голоса больше, чем что-либо другое, наделяют наше воображение внутренней жизнью, которую мистер Маретт удачно назвал аниматизмом,^[107] и которую не следует путать с анимизмом, который раньше приписывали всем детям и всем дикарям — вере в то, что каждый объект приводится в действие духом или даже что он обладает сознанием, подобным нашему собственному. Какая истина была в этой доктрине, полностью покрывается аниматизмом.

Опять же, дикарь знаком с невидимыми силами, некоторые из которых, по-видимому, действуют на расстоянии. Ветер - это великий тип невидимой силы; тепло, звук, запах также невидимы и действуют на расстоянии; свет лагерного костра действует на расстоянии, распространяясь по прерии или в лесные дебри; а молнии исходят из облаков. Во сне человек посещает какие-то отдаленные охотничьи угодья и мгновенно возвращается; расстояние и время искажаются или уничтожаются; и если вы можете действовать там, где мечтаете, почему бы не там, где вы интенсивно воображаете себя?

Следовательно, в опыте существует множество аналогов, с помощью которых дикарь может представить свой талисман как силу, действующую невидимо и на расстоянии. Австралийские знахари “применяли свои джойи (злую магию) невидимо, ”подобно ветру”, как они говорили”.^[108] Талисман действует на расстоянии, как метательный снаряд; для человека, владеющего им, он действует так же, как его копье, и опасен для тех, кто не практиковался с ним. Иногда, действительно, у волшебных вещей нет владельцев, и они опасны для всех: от них исходит пагубное влияние, подобное теплу костра или трупному смраду. Таковы два камня, описанные господами Дж. Спенсер и Гиллен^[109] как обозначение места, где старик и две женщины умерли за нарушение брачного табу. “Они настолько наполнены злой магией, что если кто-то, кроме стариков, приблизится, это убьет их. Время от времени очень старый человек идет и забрасывает это место камнями и кустами, чтобы остановить злую магию”. Это все равно, как если бы кто-то прикрывал костер или труп. И, далее, магическая сила может существовать рассеянно, подобно темноте, жаре, холоду, эпидемическим заболеваниям, племенным волнениям, не обязательно привязываясь к какой-либо конкретной вещи. На западных островах Торресова пролива^[110] неудачи могут быть признаками неблагоприятного положения вещей в целом. Рыбак, обычно преуспевающий, однажды потерпев неудачу в своем деле, впал в депрессию; но вскоре после этого в его деревне умерли две женщины, и он утешился, поскольку это показало, что неудача произошла не по его вине. Потоки этой магической силы, благоприятные или неблагоприятные для вещей в целом, можно увидеть в приливах и отливах, приливе и убыли луны и в смене времен года. От этого образа мышления всего лишь шаг к концепции *маны*, как ее называют в Меланезии:^[111] *оренда* у ирокезов, *маниту* у алгонкинов, *ваканда* из Омахи.^[112] Это сила чудесного и таинственного в мире,

которая особенно проявляется в Магии и посредничестве духов. Подобные представления встречаются во многих регионах на различных стадиях развития культуры, но нигде (я полагаю) на самых низших стадиях; так что неразумно рассматривать это как первый источник идей о сверхъестественном. Это слишком всеобъемлющее обобщение, чтобы найти выражение среди дикарей. Арунта дошли до обобщения злой Магии под названием *арунгквилтха*.^[113] Но *мана* - это обобщение всех воображаемых сил суеверия, расплывчатых и таинственных; поскольку “причина” в популярном употреблении является обобщением всех предполагаемых “сил” природы.

Ритуалы также действуют на расстоянии с помощью невидимой силы; ибо эта сила принадлежит языку жестов, а простейшие ритуалы - это жесты. Точно так же поступают и заклинания; ибо желания, команды, угрозы, выраженные словами, действуют на людей на расстоянии невидимой силой; а заклинания - это не что иное, как такие выражения, задуманные особым образом, как обладающие той единообразной действенностью, которая и есть Магия. Заклинания, рассматриваемые как силы, овеществляются; так что благословения или проклятия цепляются за свои объекты, как гирлянды или как загрязняющие тряпки.

Таким образом, магическая сила - это понятие, основанное на опыте взаимодействия с природными силами и используемое для объяснения необычных, чудесных, таинственных событий, которые не поддаются интерпретации с помощью того здравого смысла, который является совокупным результатом обычных событий. Оно накладывается на более старую и широкую презумпцию причинности и, как ожидается, будет проявляться с таким же единообразием; так что, если удастся открыть его законы, оно послужит основой для Искусства Магии. Как далека Магия от того, чтобы быть источником веры в причинно-следственную связь! Но я говорил о “более древней и широкой презумпции причинности”; ибо (как было показано) определенный постулат о том, что все происходящее в мире может быть проанализировано на основе принципа причины и следствия, никогда не мог прийти в голову первобытным людям; и даже нам самим это редко приходит в голову, за исключением научных дискуссий или логических упражнений; но мы всегда действуем так, как будто верим в это, и так же поступает дикарь, и так же поступает собака. Это предположение подкрепляется повседневным опытом каждого момента; и без него никакая последовательность жизни невозможна. Это не обобщенное предположение определяет все мысли и действия, механические, анимистические или магические. То, что силы, подразумеваемые в суевериях, обобщаются в таких понятиях, как *мана*, прежде чем получает выражение принцип причинности, объясняется преобладанием необычного, чудесного, таинственного в привлечении внимания.

В нашем современном анализе механической причинности предъявляются четыре требования: (1) у каждого события есть причина; (2) причинность единообразна; (3) причина - это совокупность необходимых условий следствия (и никаких других).; (4) причина пропорциональна следствию. В сознании дикаря эти требования также смутно осознаются: (1) он ищет причину для всего; (2) он ожидает, что все будет действовать единообразно; (3) он верит в восстановление всех условий следствия, как видно из его приготовлений к охоте, войне, браку или чему бы то ни было, что у него может быть под рукой; но он гораздо более невежествен, чем мы, относительно того, какие условия необходимы и решающие: (4) он смутно знает, что причина пропорциональна следствию; ибо (а) ему удастся создавать эффективное оружие и т. д., механическими средствами; (b) он очень восприимчив к “иллюзии размера-веса”, в два раза сильнее нас,^[114] и это подразумевает приспособление усилия к

предполагаемому весу; (с) он повторяет заклинание, чтобы усилить его, или объединяет талисман, обряд и заклинание в одном нападении, подразумевая, что большая сила должна быть направлена против большего сопротивления; и так далее.

Таким образом, причинно-следственная связь общепринята: как анимизм и Магия влияют на скрытую концепцию? Что касается анимизма, (1) он противоречит единообразию причинно-следственной связи; ибо, хотя призрак или дух действует из человеческих побуждений, никто точно не знает, каковы его мотивы. Его можно уговаривать, умолять, даже угрожать; но результат не всегда соответствует желанию: налицо явный каприз или свободная воля с последующей потерей уверенности и неприятным чувством, которое приводит к реакции в пользу управления богом или призраком с помощью Магии. (2) Поначалу призрак - это просто человеческая сила, отделенная от видимого тела, но все еще имеющая свое собственное тело, с помощью которого она может производить различные эффекты. Но страх перед призраком немедленно наделяет его сверхчеловеческой силой; и со временем он становится все более и более могущественным, вплоть до всемогущества; так что он может сам по себе вызвать любое событие; и, следовательно, "совокупность условий" становится ненужной для причинно-следственной связи: не нужно никаких видимых условий: происходят чудеса; творение из ничего возможно. (3) Для такой силы "пропорциональность причины и следствия" становится почти бессмысленной; но не совсем, ибо существуют степени духовной силы; и то, что не может сделать один, может более сильный.

Что касается Магии, то ее великим достоинством является (1) сохранение единообразия причинно-следственной связи. Но (2) это сводит на нет презумпцию причинности, включая в совокупность предшествующих нереальных условий, а именно силы ритуалов и заклинаний; и создавая такое умонастроение, которое делает невозможным их устранение. Охотник использует все ресурсы своего охотничьего искусства; он также практикует ритуалы и заклинания. Чему он обязан своим успехом? Мы могли бы предложить ему попробовать поохотиться без ритуалов; но он боится; и если бы он попытался, его позитивизм, вероятно, рухнул бы при первой же неудаче с убийством. Что ж, тогда пусть он попробует выполнить обряды без охоты; но он не такой дурак, а если бы и был, знахарь сказал бы ему, что, конечно, он должен "использовать средства". (3) Магия ослабляет чувство пропорциональности между причиной и следствием, признавая предшествующие события, которые по своей природе неизмеримы. В своей замечательной работе "Языческие племена Борнео" господа Дж. Хоуз и Макдугалл отмечают[115] что иногда говорят, что люди низшей культуры "не имеют представления о механической причинности и что каждый материальный объект рассматривается ими как одушевленный"; но они не думают, что это можно правдиво сказать о каком-либо из народов Борнео. При строительстве домов, лодок, оружия, ловушек они хорошо разбираются в используемых принципах. Тем не менее, мы находим[116], что эти опытные ремесленники верят, что они могут задержать лодку противника, подвесив под одну из ее скамеек кварцевый камешек. Точно так же болоки из Конго, смастерив хорошее каноэ, перед спуском на воду ударяют его топором по корме, "чтобы снять тяжесть".[117] А фиджийцы, которые все еще лучше умеют строить лодки, верят, что если положить на каноэ корзину с горькими апельсинами, это снизит его скорость.[118]

Поскольку возможность действий на расстоянии все еще обсуждается, дикарь, возможно, не может быть уверенно скорректирован с учетом этого принципа.

Если в приведенном выше рассказе о скрытых идеях или предположениях дикарей относительно причинности есть хоть какая-то правда, то ясно, что Магия (а также анимизм) не помогали, а препятствовали развитию этих идей. Несмотря на определенное кажущееся сходство с наукой (или, возможно, из-за него), Магия является и всегда была врагом науки.

§ 5. Магия и тайна

Магия начинается с незнания некоторых условий желаемого события и принятия (по случайному совпадению) всего, что фиксирует чье-либо внимание, как способствующего общему предшествующему. По мере того, как предполагаемые условия событий становятся все более и более разнообразными, возрастает склонность рассматривать что-либо как возможную причину чего-либо другого. Отсюда безграничное подозрение всякий раз, когда происходит интересное событие, предшествующие которому неизвестны и очевидны. Чем необычнее какое-либо событие, тем больше оно должно привлекать внимания и вызывать подозрения; и первое прибытие путешественников или миссионеров в дикое племя - событие настолько беспрецедентное, что оно, скорее всего, вызовет преувеличенные подозрения и поведение, которые, когда о них сообщают, искажают обычное мировоззрение племени. На это следует делать поправку.

Однако в Магии причинно-следственная связь никогда не прослеживается; поэтому она становится таинственной. Ощущение тайны возникает, когда что-то вызывает удивление, удивление уступает место любопытству, любопытство сбивается с толку, а удивление возвращается со страхом. Магическая сила инертного предмета, такового как черный камешек или зуб акулы, или кости, направленной на жертву, или копья, которым размахивают, но не бросают, и которое, тем не менее, наносит рану, хотя и невидимую, является чем-то неизвестным или таинственным. То есть это просто воображаемое действие, которое остается неясным и непостижимым по сравнению с воспринимаемым действием копья, брошенного в оленя и наносящего ему видимую рану. Дикарь обладает адекватными практическими знаниями о последнем процессе; о первом у него есть лишь смутный аналогический образ. Он чувствует разницу и то, что Магия таинственна; а тайна, будучи общей для всех магических процессов и глубоко впечатляющей (особенно в черной Магии), становится тем, что мы называем “фундаментальным атрибутом” Магии, пронизывающим всю апперцептивную массу, которая сформирована магическими верованиями человека. Следовательно, все, что возбуждает чувство тайны, имеет тенденцию быть ассимилированным[119] этой апперцептивной массой и подтверждаться как магическое; точно так же, как масса наших научных знаний ассимилирует и подтверждает любое утверждение, имеющее атрибуты научного закона. Поэтому дикарь принимает таинственные средства европейского врача за волшебство; и он готов считать волшебством и бояться всего - камня, дерева или фонтана с водой, — что любой чертой возбуждает в нем чувство таинственности. Таким образом, магия возникает не из тайны; но, возникнув, она вызывает чувство таинственности; и тогда все остальное, что является таинственным, имеет тенденцию становиться волшебным.[120]

Поскольку магия таинственна, то чем более таинственна, тем более могущественной она должна быть. Следовательно, иностранной магии бояться больше, чем домашней; древняя магия могущественнее современной; произнесенные вполголоса заклинания или формулы на незнакомом языке или на том, значение которого утрачено, более эффективны, чем внятная речь; письменные знаки и цифры обладают подавляющим авторитетом; стихи более утонченны,

чем проза (ибо поэтов везде уважают); волшебник в маске производит большее впечатление, чем с открытым лицом, в припадке, чем в трезвом состоянии; а действия в темноте, которые должны вызывать скептицизм, усиливают доверчивость.

Массы идей, обладающих этим таинственным качеством, образуют относительно диссоциированные системы, которые оказывают сопротивление всем идеям, которые этого хотят, и, следовательно, тому, что мы называем “объяснением”. Отсюда консервативный, непостижимый характер Магии и ее легкий союз с мистицизмом. Сопротивление объяснению может доходить до отрицания текущего опыта; например, когда видят, что человек убит оружием или упавшим деревом, и все же его смерть приписывают колдовству: страх перед колдовством стал навязчивой идеей.

§ 6. Волевая Магия

Магическая сила заложена в вещах, обрядах и заклинаниях независимо от человека, который их использует; их можно продать или обучить, а затем использовать новому владельцу. Но гораздо большая часть всех известных магических операций зависит от посредничества какой-либо личности, человека или духа, который приводит их в действие; а обряды и заклинания с самого начала, по своей природе, являются личными действиями.

На более поздних стадиях Магии, без сомнения, считается, что простое желание или волеизъявление может быть эффективным: в Корнуолле вам до сих пор говорят, когда вы замерзли или устали, что вы “выглядите желанным”, то есть так, как будто вам чего-то недолгоблывали и вы чахнете (это значение обычно забывается). Но мне кажется невероятным, что такая идея должна быть примитивной. Люди, которые, назначая наказания, не делают различия между случайными и преднамеренными правонарушениями, не могут приписывать силу ментальному процессу как таковому; и я не смог найти в отчетах об очень отсталых племенах ни одного случая магии желаний, не подкрепленного магическими инструментами. Доктор Хэддон говорит, что^[121] что среди жителей восточных островов Торресова пролива очень верят в силу слов и проявление воли. Юноша, занимающийся любовью, достает кусок черной лавы значительной формы и смазывает его кокосовым маслом и т.д.; Он также смазывает свои собственные виски и как можно пристальнее думает о девушке и повторяет заклинание всякий раз, когда видит ее, используя имена Сагаро и Пикаро, жены и любовницы героя Сиды. Теперь, с этим сложным аппаратом талисманов, обрядов и заклинаний, много ли остается для желания или проецирования воли? Несомненно, он усердно думает о девушке; но для этого не требуется добровольных усилий: по крайней мере, в этом климате добровольные усилия быстро истощаются при попытке думать о чем—то другом. Мистер Уикс в своей книге “Среди каннибалов Конго”, описывая народ с несколько более высокой культурой и гораздо более развитым анимизмом, чем уроженцы Торресова пролива, объясняет нервозность при испытании ядом даже тех, кто невиновен в каких—либо гнусных практиках, вопросом: “Ибо кто когда-нибудь не желал смерти другому?” - и общепринятой доктриной о том, что человек может быть полон злой магии, не прибегая к ней. зная это. Из этого, по-видимому, следует вывод, что простое желание может быть эффективным. Но не справедливо; ибо человек, полный злой магии, является воплощенным талисманом; и такой человек может действовать сам того не желая, как часто бывает со сглазом. Во всяком случае, эти случайные желания Конго не равносильны волеизъявлению; малейшей мягкости достаточно, чтобы взорвать нервы таких

взрывоопасных личностей. В Японии тоже разгневанный дух живого человека может наложить проклятие, неизвестное ему самому.[122]

Тем не менее, с развитием Магии осознанные желания могут приобретать независимую силу. Человек, практикующий злую Магию и желающий сохранить все в тайне, имеет сильный мотив верить (то есть, есть причина для его веры), что его молчаливое желание обладает силой невидимого действия на расстоянии; и способ, которым он приходит к этой вере, совершенно ясен: ибо заклинание - это магическая сила; это также выраженное желание или команда; и, если оно произнесено вполголоса, оно обладает большей, а не меньшей силой, чем когда произносится вслух. Тогда почему бы и нет, - пробормотал он вполголоса, - или просто подумал?

От этого выродившегося представления о работе воли мы должны отличать личную силу опытного волшебника во всей его магической деятельности. Что бы человек ни делал с талисманом или заклинанием, так сказать, с инструментом или оружием, это может быть сделано с большей или меньшей концентрацией энергии и мастерством исполнения; и один человек будет явно превосходить другого. Успех зависит от того, делаешь ли ты все возможное; следовательно, от воли. И магия часто требует мужества и ресурсов; но в развитии искусства это еще больше зависит от знаний; которыми маг имеет обыкновение хвастаться. Ибо волшебство - это самая уважаемая способность первобытной науки: знать все заклинания и ритуалы, искусство прорицания и медицину, происхождение и истинное название всех опасных вещей, что дает контроль над ними; и это всеобщее убеждение, что знание - это сила.

§ 7. Эволюция магии—Прямая магия

С описанных таким образом простых начал Магия, как и все остальное в мире, продолжает расти и дифференцироваться. Оно растет за счет удлинения заклинаний от самого краткого пожелания или команды до множества стихов;[123] за счет расширения обрядов от размахивания веткой для поднятия ветра до австралийских церемоний интичиума, которые длятся много дней; за счет накопления чар в мешке; за счет сочетания обрядов с заклинаниями и повторения из них три раза или какое-то другое священное число. Она отличается тем, что применяется и приспосабливается ко все большему количеству целей: от охоты (если мы предполагаем, что с этого все начинается) до войны и любви; к рождению, браку и смерти; к распространению болезней и их излечению; к защите собственности и раскрытию (или сокрытию) кражи; к навигации, строительству, сельскому хозяйству, уходу за стадами, добыванию дождя, обновлению силы солнца и связыванию влияния Плеяд. В то же время Магия, первоначально практиковавшаяся (мы можем предположить) отдельными людьми, становится предметом заботы и сотрудничества семей, кланов и племен; и возникает различие между тем, что мы называем “белой” и “черной” магией: практиками, которые служат благополучию племени или некоторой его части, и практиками, предназначенными для удовлетворения личных страстей без учета их влияния на общество.

Можно заметить определенные стадии (не всегда последовательные) в развитии Магии: во-первых, простая и прямая защита себя или окружающих от других людей или вещей, штормов, болезней и т.д.; или, опять же, прямое нападение на такие враждебные силы — посредством чар, заклинаний или ритуалов. Во-вторых, косвенная или драматическая Магия, действующая не на самих людей или вещи, а (ожидая того же эффекта) на их имитации или на отдельные части или принадлежности; как в хорошо известном способе изготовления восковой фигуры человека и плавления ее в огне для его уничтожения. В—третьих, союз Магии с анимизмом,

ведущий к колдовству, экзорцизму и церемониям, связанным с религией, обсуждается ниже, в шестой и седьмой главах. В—четвертых, смешение Магии с Наукой, как в астрологии и алхимии, упоминается в седьмой и десятой главах.

Прямые магические обряды начинаются очень простыми способами, вероятно, с жестов: указывать на мужчину, угрожая; вытягивать раскрытую ладонь, отгоняя зло; царапать воздух за спиной мужчины, как это делают австралийские женщины. Это становится все более сложным в результате многочисленных исследований, посвященных вопросу, представляющему величайший интерес: особенно после появления профессионального класса медиков, у которых изобретения накапливаются и становятся традиционными. Точно так же заклинания поначалу являются просто пожеланиями, или командами, или предупреждениями. Австралийский ветеринар кричит: “Пусть западный ветер будет связан”.^[124] У южных племен Новой Гвинеи есть заклинание, открывающее пещеру: “О скала, будь расселиной!” и, опять же, закрывающее пещеру: “О скала, будь закрытой!”^[125] Нет ничего проще. Как заклинания превращаются в поэзию и сочетаются с обрядами и чарами, показано на примере полинезии: когда человек болеет чахоткой, которую называют *Муму*, посылают за знахарем. Он приходит, садится рядом с пациентом и поет —

- О Муму, о Муму!
Я вот-вот проткну тебя копьем.

Затем, встав, он взмахивает копьем над головой пациента и уходит. Никто не осмеливается заговорить или улыбнуться.^[126]

Что касается амулетов, то самыми простыми и, возможно, самыми ранними являются маленькие камешки, такие как австралийские “бульжники”, или кристаллы.^[127] В Папуа есть кварцевые амулеты настолько мощные, что даже владельцу небезопасно прикасаться к ним. В этой стране качествами, которые делают вещь подходящей для оберега, являются: (1) сходство по контуру или другими способами с объектом воздействия; (2) редкость; (3) необычная форма у не очень необычных объектов:^[128] короче говоря, все, что привлекает внимание. Доктор Кодрингтон говорит: “Камень привлекает внимание человека; он похож на что-то, явно не на обычный камень; в нем должна быть *мана*: сажает его в своем саду, и хороший урожай доказывает, что он был прав”.^[129] Среди эскимосов иногда считается, что странные или любопытные предметы, никогда ранее не виденные, приносят успех нашедшему; а амулеты носят в форме животных, на которых ведется охота.^[130] Такой вкус очень древний, если той же цели служили те камни в форме животных, подретушированные для усиления сходства, которые были найдены в значительном количестве во Франции и Англии.^[131] В сумке западноафриканского колдуна можно увидеть кусочек шкуры леопарда, змеиной шкуры, когти ястреба, кость мертвеца, листья определенных растений и т.д.; каждое из них обладает своими достоинствами и объединяет их силы в интересах грозного владельца. “Песнь Роланда” описывает талисман, которому глава пэров Карла Великого, должно быть, был обязан немалой долей своей доблести, — свой знаменитый меч:

“ Ах! Дюрандаль, святейший, поистине прекрасен!
В твоей золотой рукояти скрыто достаточно реликвий:

Зуб святого Петра, Кровь святого Базиля,
Несколько волос моего господя, святой Денизы,
Часть Одежды, которую носила святая Мария”.[\[132\]](#)

Я не могу назвать это честным боем и удивляюсь, что, будучи таким вооруженным, он вообще был смертельно ранен полчищами негодяев Махума и Терваганта, какими бы многочисленными они ни были.

Влиятельным порождением примитивной Магии является табу. Табу - это опасность человека, или вещи, или действия, или слова, понимаемая как мотив для того, чтобы не прикасаться к ним, не произносить их и не вмешиваться в них. Опасность может либо заключаться в природе человека или вещи, либо быть навязана им. Вождь, например, и все, что ему принадлежит, обычно является табу из-за присущей ему святости: он, как конголезец мистера Уикса, полон злой магии. Таким образом, идея талисмана была распространена на определенных мужчин. Во многих племенах это касается всех женщин; но поскольку постоянно вводить на них табу слишком для человеческой природы, к ним относятся как к таковым только периодически или когда мужчина вот-вот подвергнется какой-то дальнейшей опасности, которая с большей вероятностью причинит ему вред, когда он уже заражен злой магией.[\[133\]](#) Это очень ясно видно на примере случая, о котором сообщил проф. Селигман:[\[134\]](#) в Яме воинам запрещалось спать со своими женами перед битвой; в противном случае “лук и стрелы принадлежат другому парню, он учует твой запах, он застрелит тебя, тебе не повезет”. Тем не менее, также учитываются физические последствия (которые могут объяснить суеверие): ныряльщик за жемчужными раковинами также должен воздерживаться, потому что в противном случае “человек хочет спать”. Сдержанность, требуемая от женщин для обеспечения безопасности своих мужей, когда они на войне или охоте, может быть вызвана верой в “симпатию” или “участие”, как будто муж и жена находятся в некоем таинственном *взаимопонимании*; но, если смотреть глубже, возможно, здесь замешана политика. Когда магические табу общепризнаны и внушают страх, становится возможным использовать их в социальных целях: нельзя быть уверенным, что каждое магическое обрядовое действие берет свое начало в магической вере. Таким образом, правила питания австралийских племен состоят из табу на употребление определенных продуктов женщинами и молодыми мужчинами и явно придуманы в интересах геронтократии: так почему бы фикции не быть основанной на Магии в интересах отсутствующих мужей?

Святость или опасность вождя, вероятно, обусловлена, во-первых, тем, что он действительно опасен; но, во-вторых, биологическим преимуществом для племени уважения к нему, что приводит к отбору тех племен, среди которых возникает уважение к вождю. Поскольку биологическая адаптация никогда не бывает чем-то большим, чем подвижное, колеблющееся равновесие, это чувство иногда становится чрезмерным, вплоть до безумия. Все, к чему прикасается вождь, становится табу; только несколько священных слуг могут приблизиться к нему; таким образом, он может быть доведен до беспомощности. Это одна из естественных проверок тирании. Сила табу такова, что представитель племени маори, будучи голодным, увидев на обочине какую-то еду и съев ее, узнав, что это остатки трапезы священного вождя, немедленно заболел и умер. Преступление было смертельным - как только о нем стало известно. Опасность женщин была отнесена к их слабости; общение с ними должно ослаблять, и поэтому запрещено, когда требуется напряжение.[\[135\]](#) Проф. Вестермарк связывает это с

“ужасом крови”;^[136] очень вероятно; но этому могут способствовать другие обстоятельства. Жизнь женщин отделяет их от мужчин и вводит в масонство и общность интересов, к которым мужчины не допускаются; дифференцирует их менталитет, пока результат не становится таинственным и, следовательно, волшебным: сексуальный оргазм, больше похожий на боль, чем на все, что не является болью, одновременно привлекательный и отталкивающий, приобретает тот же характер. Убийства и скорбящие, опять же, могут быть табуированы либо потому, что к ним приковано таинственное качество и налет смерти (магический мотив), либо потому, что за ними следуют призраки усопших.

Есть слова, приносящие несчастье, произносить которые считается общественным оскорблением: слова дурного предзнаменования, но особенно имена умерших людей, демонов и иногда богов; ибо люди склонны приходить, когда их позовут, и, если зов задуман в соответствии с Магией, они обязательно придут. Точно так же есть много действий, которые кажутся нам совершенно невинными, но в том или ином племени их следует избегать всем, кто желает процветающей или только спокойной жизни. Мексиканские индейцы папагоэ запрещают девушке в определенное время чесать голову или даже прикасаться к волосам рукой; для этого может быть оправдание в святости головы; но ее брат в то же время подпадает под то же ограничение.^[137] Этот случай, по-видимому, относится к типу многих табу, поскольку полностью обусловлен подозрительностью и тревогой: встревоженной матери, которая видит, как ее мальчик чешет затылок, напоминают о его сестре, которая не должна этого делать; ее опасения усиливаются, и она запрещает действие, которое вызывает у нее страх: это табу. Описывая племя банту, М. Юно говорит: “Чаще всего табу необъяснимы”.^[138] Таковы и наказания, которые ожидают за их нарушение: наказание редко соответствует преступлению. Преждевременное облысение, неудача на охоте или рыбалке, фурункулы, хромота, дизентерия — могут отомстить за поедание дикой утки или брак в запретном кругу. И если что-либо подобное случается с человеком, его можно обвинить в нарушении табу; и это доказывает истинность веры в табу.

Помимо вещей, которые по своей магической природе опасны, и, следовательно, табуированы, вещи, безобидные сами по себе, иногда можно сделать табуированными, просто объявив их таковыми, или установив символическое уведомление о том, что они таковыми являются, или наложив условное проклятие на любого, кто вмешается в них. Тогда они становятся опасными. Это обычный случай создания талисмана с помощью заклинания, передачи ему невидимой силы. Такая практика, особенно распространенная в Меланезии, часто полезна как дешевая защита собственности (например, в садах), но также является средством принуждения и тирании. Распространенность табу среди дикарей, между прочим, позволяет им легко оценить нашу великую заповедь не работать по воскресеньям.^[139]

§ 8. Косвенная, или “Симпатическая”, Магия

Использование чар, ритуалов и заклинаний, установившееся в одной области — скажем, на охоте, — может быть распространено по аналогии на другие и подтверждается там тем же способом, а именно тем, что человек продолжает делать все возможное. Получив чары и выучив или изобретя обряды и заклинания, человек применяет их, но в то же время ведет войну или любовь так искусно, как только может, возделывает свой сад, заключает сделки и так далее, и приписывает все хорошие результаты Магии. Поначалу, я полагаю, все подобные действия были прямыми, направленными на человека или предмет, на который оказывалось влияние.

Чтобы убить врага, в его сторону указывали костью мертвеца или швыряли зуб крокодила (хотя, вероятно, и не в поле его зрения). Чтобы уберечься от злой Магии, было высказано пожелание — “Никогда острый амбар не поймает меня”;^[140] или чтобы отогнать вредителя, была дана команда, как на Борнео: “О крысы, воробьи и вредные насекомые, идите питаться пади людей ниже по реке”.^[141] Но пришло время, когда Магия начала также осуществляться с помощью не прямых и чисто драматических практик, исполняемых обрядов и заклинаний, обращенных не к человеку или предмету, на которые воздействуют, а к какому-то заменителю, или представителю, или символу; и это, должно быть, произошло довольно рано; поскольку драматическая Магия встречается в Австралии. К этому виду Магии относятся широко распространенные методы воздействия на изображение человека или чего-либо, что должно его заменять, или на обрезки волос, остатки пищи или следы ног вместо него самого; или завязывание узлов, чтобы связать, или развязывание их, чтобы снять проклятие. В случае с заклинаниями не прямой метод встречается реже, но замечательные примеры его применения встречаются на низком уровне культуры. Ябимы из Новой Гвинеи, чтобы способствовать росту своего таро, рассказывают историю: “Однажды человек, работавший на своем поле, пожаловался, что у него нет побегов таро. Затем прилетели два голубя из Паума. Они съели много таро и уселись на дереве в поле, и ночью их вырвало всем таро. Таким образом, у этого человека появилось так много побегов, что он даже смог продать некоторые из них другим людям”.^[142] Таким образом, здесь простая история об исполненном желании заменяется, как заклинание, самим желанием и, как ожидается, окажет тот же эффект на урожай; и поскольку это действительно так, любая его неудача больше не подлежит обнаружению. Но такие практики кажутся нам более глупыми и даже менее перспективными, чем прямая Магия. Какой в них может быть смысл?

Непосредственность ритуала делает его более таинственным и магическим, и это рекомендация. Более того, его драматический характер дает удовлетворение воображению, которого должно быть достаточно, чтобы начинать подобную пантомиму снова и снова. Среди нас многие люди склонны драматизировать каждую ситуацию своей жизни; разыгрывать в воображении свою любовь, свою месть, свои возможности для самовыражения и получать удовлетворение от такого воображения даже до ослабления своей воли — удовлетворение без усилий или опасности. Но хотя этот импульс может инициировать пантомимическую магию, он вряд ли сможет поддерживать ее в отсутствие какого-либо более глубокого удовлетворения. Вера в его эффективность, опять же, после установления эффекта внушения на жертву черной магии (которая каким-то образом осведомлена о том, что было сделано против нее) может иметь последствия, которые, по-видимому, подтверждают правильность ритуалов; но это может произойти только тогда, когда вера в эффективность таких практик уже преобладает. Сила внушения зависит от веры; она не может создать веру. Мы должны полагаться на совпадения. Если бы действительно требовалось немедленное и полное совпадение, если бы, когда кто-то практикуется на жизни врага, не было ничего меньшего, чем его быстрая смерть, совпадения могли бы быть слишком редкими, чтобы дать требуемое подтверждение. Но если приемлемым будет менее тяжкий вред, и если он не должен последовать немедленно; если задержка не просто в два-три дня, а в два-три месяца приблизит событие к пределам удовлетворения; и если степень вреда может варьироваться от смерти до неудачного падения, или неудачи на охоте со стороны жертвы, или ссоры с женой; если даже (как это часто бывает) несчастья с кем-либо из членов его семьи могут быть достаточно - подтверждающие совпадения будут довольно частыми. Конечно, должно быть много разочарований; но они мало что значат, потому что

конкретная практика поддерживается общей верой в Магию; потому что люди хотят верить и боятся не верить; потому что неудачи объясняются какой-то ошибкой в выполнении ритуалов, или противодействием высшей Магии, или вмешательством враждебных духов.

Особыми причинами для практики не прямых операций черной магии и веры в них являются их большая секретность и, следовательно, большая безопасность, а также большее удовлетворение любви к хитрости: последнее (я думаю) во многом объясняет проработанность, характерную для этих действий.

В развитии не прямой Магии очень многие из ее практик, по-видимому, включают то или иное допущение, часто называемое принципами симпатической Магии, а именно Мимесис и Соучастие: (1) что действие по подобию или репрезентации или по аналогии воздействует на имитируемого или представляемого человека, или объект, или процесс так, как если бы они подвергались прямому нападению; и (2) что часть или принадлежность любого из них может в любом магическом начинании заменять целое. Среди дикарей эти принципы (как уже было сказано) являются лишь скрытыми формами процедуры, молчаливо предполагаемыми, не сформулированными и не могут быть источником практик, но должны были постепенно устанавливаться ими; но когда в моду вошли представления о научном устройстве, они были открыты и недвусмысленно изложены ранними врачами и алхимиками, в чьих мыслях Магия и Наука не были четко разграничены.

Предполагалось, что эти принципы являются естественными следствиями законов ассоциации (или воспроизведения) идей. Согласно “закону подобия”, идея одной вещи часто заставляет нас думать о другой, похожей на нее: следовательно, предполагается, что мысль о враге заставляет меня думать о его образе, или вид его образа заставляет меня думать о нем. Согласно закону “смежности”, если любые две вещи были замечены или о них подумали вместе, то после этого мысль или зрелище одной из них заставляет меня думать о другой: следовательно, мысль о враге заставляет меня думать о его следе, или его след напоминает мне о нем. Возможно. Но разве не должна была быть долгая подготовка идей, прежде чем мысль о враге пробудит во мне именно эти ассоциации, а не многие другие? И если они придут мне в голову, то как законы ассоциации объясняют мою поразительную веру в то, что если бросить его изображение в огонь, или воткнуть колючку в его след, или выкопать его, отнести домой и поставить в духовку, это сделает его хромым или поразит какой-нибудь изнуряющей болезнью? Должна существовать какая-то система идей, определяющая эти конкретные суждения.

Некоторые, опять же, предполагают, что дикари не могут отличить сходство от идентичности, часть от целого; так что изображение кажется им на самом деле тем же, что и человек, или его обрезки ногтей такими же, как у него самого. Тем не менее, несомненно, что в своей повседневной жизни они проводят эти различия, и что в противном случае они вообще не смогли бы преуспеть. Итак, если в определенных случаях и в Магии (а это все, что нас сейчас интересует) они действуют или говорят так, как будто не способны проводить такие различия, то это должно быть из-за приобретенной неспособности в этой связи; точно так же, как в некоторых случаях они страдают от приобретенной неспособности признать, что их верования противоречат опыту; то есть какая-то фиксированная идея или диссоциация мешает им сравнивать факты; хотя иногда может быть просто, что обычные формы речи препятствуют выражению различий, которые действительно существуют между их идеями.

Было высказано предположение, что предполагаемая сила миметической магии основывается на вере в то, что как тень или отражение человека подразумевает его присутствие, так и его образ. И мы увидим, что в некоторых случаях это объяснение недалеко от истины, хотя и не может служить для всех случаев; поскольку образ, с которым работают в любом обряде, не обязательно должен быть подобием (конечно, оно никогда им не является) — палка будет служить, если объявлено, что она обозначает жертву; и, более того, его присутствие не требуется при проведении обрядов, действующих на расстоянии. То, что в этой точке зрения есть доля истины, было лучше выражено проф. Ирве Хирн:[143] а именно, что единство или солидарность существует между всеми людьми и вещами, которые находятся друг с другом в отношениях контакта или сходства, благодаря определенной магической силе; и что эта солидарность не разрушается никаким нарушением физической непрерывности. Отобрать у человека плащ, или прядь его волос, или остатки его пищи не прерывает магическую непрерывность, которую установил контакт с человеком: что-то от него, его добродетель, остается при этом. И точно так же его образ содержит в себе что-то от его добродетели; ибо для незрелого ума образы или картинки - это не что иное, как излучение или приукрашивание самой вещи, излияние, подобное эпикурейскому *εἶ δῶλα*. Следовательно, кости святого и его изображение передают его добродетель преданному одним и тем же способом: оба являются проводниками некой эманации от него самого. В этой теории много правды.

Когда анимизм используется для объяснения Магии, эту добродетель или эманацию человека склонны объяснять как его душу или ее часть. Дикарь не любит, когда его фотографируют, чтобы вы не забрали его душу. М. Юно говорит, что банту считают фотографию “обнажением души”:[144] Мистер Дорси говорит, что ни один дакота не позволил бы сфотографировать его портрет, чтобы одна из его душ [из четырех] не осталась на снимке, вместо того чтобы отправиться после смерти в страну духов:[145] Г-н Карл Лумхольц говорит, что папаго отказались фотографироваться, чтобы у них не отняли часть их самих и не оставили после смерти.[146] И это трюк некоторых магов - держать зеркало, в котором они притворяются, что ловят души своих обманутых; и, конечно, тени и отражения часто путают с душой. Таким образом, если использование образа в Магии не подразумевает присутствия самого человека, то, как правило, это подразумевает присутствие очень важной его части. И это объяснение подкрепляется очевидным исключением; ибо некоторые малайцы, когда они создают образ врага, чтобы способствовать его уничтожению, считают необходимым, прежде чем действовать, заманить в него его душу с помощью мощного заклинания.

“Сюда, Душа, иди сюда!
Сюда, малышка, иди сюда!
Сюда, птичка, поди сюда!
Сюда, пленочная, поди сюда!”[147]

Не должны ли мы сделать вывод, что эти малайцы каким-то образом утратили общепринятую веру и поэтому подвергаются дополнительным трудностям?

Если спросить, как такой подход к делу может оправдать использование палки или камня вместо изображения человека, просто приписывая им его изображение, ответ (я думаю) будет таков: палка - это символ. Поскольку образы никогда не бывают сильно похожи на человека и могут быть непохожи во всех отношениях, палка является своего рода ограничивающим

случае. Символ - это всегда остаток или напоминание о чем-то, что когда-то имело внутреннюю ценность, подобно образу, тени или отражению, которые существуют или участвуют в душе человека. Кроме того, возможно, в Магии (как и в других областях жизни, включая философию) подразумевается, что “все, что необходимо принять для достижения чьей—либо цели, является реальным”: этого требует ситуация.

Что касается магической преемственности между человеком и тем, что было с ним в контакте, вера в это с некоторой уверенностью может быть основана на том факте, что оно сохраняет его запах; и когда требуется анимистическое объяснение, естественно, считается, что этот запах - его душа или душевная субстанция, подобно тому, как аромат всежжения - это его душевная субстанция, которой угощают богов.

Вера в причастность образа, или части, или принадлежности человека к самому человеку, или к его добродетели, или к его душе должна давать ритуалам черной Магии большое субъективное удовлетворение, которое является тайным мотивом всей Магии. Изображения, или обрезки ногтей, или что-то еще, идентифицируют человека, на которого нападают; они фиксируют внимание волшебника, оживляют его воображение, направляют заклинание на то, кого следует поразить (как собаку пускают по следу), и усиливают радость воображаемой мести.

Однако существует множество случаев, обычно классифицируемых как “симпатическая магия”, которые не могут быть объяснены таким образом без большого напряжения; и я жалуюсь на эпитет “симпатический”, применяемый ко всей непрямой Магии, за то, что он подразумевает такое объяснение. Рассмотрим манданские танцы буйволов, охотничий танец и брачный танец; это имитации или драматические представления охоты на буйволов и их спаривания, для процветания которых они предназначены: могут ли такие танцы быть истолкованы как излияние или украшение будущей охоты или спаривания? Или, опять же, история с муреной (протитированная выше, стр. 101) и ее возрождением с приливом — является ли это проявлением зарождения таро, которое, как ожидается, ускорится? Такие случаи, которых довольно много, должны пониматься на каком-то ином основании, кроме “участия”.

Многие обряды и обрядности, по-видимому, зависят от представления о благоприятных или неблагоприятных потоках невидимой силы, которыми можно воспользоваться или повлиять на них для достижения своих целей на охоте, или для получения дождя, или для удобрения животных или сельскохозяйственных культур. Хорошо сажать семена или начинать какое-либо предприятие, когда прибывает луна или начинается прилив; ибо эти события показывают, что направление течения благоприятно для роста или процветания. Опять же, можно вызвать течение или усилить его, например, вызвать дождь, подбрасывая воду в воздух, или прыгая, чтобы помочь посевам расти. Подстрекать или помогать подобным образом течению Природы - это не то же самое, что вызывать событие: волшебник дождя не претендует на то, чтобы вызвать дождь в сухой сезон; время вспашки, сева, жатвы (какими бы ритуалами они ни сопровождалась) определяется не Магией. Большую часть пантомимической Магии лучше всего понимать как попытку установить такие потоки причинности, а не как непосредственную причинность. Поскольку наблюдаются повторяющиеся случаи причинно-следственных связей, пантомимическое убийство, или охотничий танец, или обряды плодородия могут рассматриваться как подающие пример, которому, как ожидается, должна следовать Природа: заклинание мурана повышает жизнеспособность, просто описывая пример оживления. Каи Северо-Восточной части Новой Гвинеи считают, что если человек, упав на бамбуковый пень на

тропинке, поранил себя до смерти, то это потому, что колдун, получив нечто, зараженное веществом души своей жертвы, разложил это по куче, воткнутой в землю, и притворился, что поранился об это и стонет от боли.[148] Вера подразумевает, что такие практики в моде; и они, по-видимому, основаны на предположении, что “то, что случилось однажды, случится снова”; и что тот, кто повторит катастрофу, определяется наличием среди условий чего-то, принадлежащего жертве за неимением его самого. “Нечто, зараженное его душевной субстанцией”, действует не из сочувствия или участия, а способствуя восстановлению, насколько это возможно, всех обстоятельств дела, подобного причине смерти этого человека.

В других случаях примерная причина может быть установлена путем замены сходных слов, которые не подразумевают участия. Доктор Хэддон сообщает нам, что на западных островах Торресова пролива[149] виноградная лоза Кумана ломается в сухую погоду, и сегменты выглядят как человеческие кости; следовательно, они используются в Магии. Точно так же вместо крови можно использовать красную охру или какую-либо другую окраску, чтобы окрасить ею скелет, чтобы сохранить его живым. В китайской народной религии, прежде чем установить нового идола, его сначала относят в храм более старого, которого умоляют позволить части его душевного вещества переселиться в нового; затем, когда его относят в его собственный храм и возводят на трон, его руки, ноги, глаза, рот, нос и уши смазывают кровью, *или красной краской*, чтобы раскрыть его чувства и привести его душу в связь с внешним миром.[150] Такая замена подобий верна в одном смысле; красная краска заменяет кровь как цвет: магия требует, чтобы она заменяла и другие способы; и, следовательно, это так. Так, пух и перья, подбрасываемые в воздух в австралийских обрядах дождя, заменяют облака; в охотничьих обрядах мандана люди, переодетые в бизоны шкуры, заменяют буйволов; и, таким образом, путем замены всегда можно создать причину, которая, однажды приведенная в действие, вынуждает Природу повторить операцию.

Не следует ли нам, в таком случае, признать два вида непрямой Магии — симпатическую и ту, которую можно назвать образцовой?[151]

Возвышение волшебника как профессионального авторитета вносит много изменений в магическую практику и решительно меняет ее социальную значимость. Иногда он экспериментирует с новыми ритуалами и заклинаниями или с новыми версиями старых; он решает некоторые вопросы произвольно, например, накладывает табу на еду; как правило, он развивает искусство в направлении своих профессиональных интересов, учась колдовать, играть, чрево вещать, внушать, гипнотизировать и находить оправдания неудачам; он начинает обучать новичков, формирует школу и устанавливает традицию, которая влияет на всю жизнь его племени. Насколько произвольные элементы входят в ритуалы, сказать невозможно, пока кто-нибудь не обнаружит (а кто-нибудь может) признаки, по которым можно их различать. Между тем, может существовать множество обрядов или ритуальных элементов, которые невозможно объяснить ни с помощью каких известных принципов Магии, потому что фактически они произвольны: тем не менее, такие вещи обычно должны быть имитацией других магических практик. Проф. Леуба предполагает, что, вероятно, иногда могут применяться ритуалы для снятия возбуждения, такие как женские танцы, когда мужчины на войне.[152] Таков был обычай (например,) арауканских женщин; и, танцуя, они сметали пыль своими веерами и пели: “Как мы сметаем пыль, так пусть наши мужья разгонят врага”. Если это было придумано

произвольно, то по аналогии со многими видами миметической магии: они подавали пример того, что должно произойти, и подтверждали это заклинанием.^[153]

§ 9. Разрушение магии

Несмотря на сильную склонность человеческого разума к Магии, искусство, достигнув максимальной силы и репутации, со временем теряет свое влияние, и его можно найти гниющим только в захолустье и застойных водоемах общества. Его могущество достигает зенита не в первобытном обществе, а гораздо позже, когда появляются люди, обладающие огромным богатством, которые чувствуют себя неуверенно и обращаются за доверием к прорицателям и тауматургам, которых они щедро подкупают, чтобы те дали то, чего они больше всего желают. Но к тому времени Магию путают с анимизмом. Поскольку общественный порядок и материальная цивилизация преобладают, к Магии больше не прибегают для повышения уверенности в себе, потому что это обеспечивается регулярностью обычных дел. По мере того, как изучаются и практикуются позитивные методы в войне, строительстве, торговле, магические сопровождения таких начинаний, не будучи полностью забытыми, могут становиться все менее и менее важными — то, что мы называем “пережитками”, такими как разбитие бутылки вина о нос корабля при спуске на воду (забывается, что вино должно быть красным). Или они могут быть полностью утрачены без ущерба для промышленности; тогда как в дикой экономике существует некоторый риск того, что наиболее полезное ремесло, такое как гончарное дело, ткачество или изготовление каноэ, может быть полностью прекращено, если из-за вымирания какой-либо группы мужчин или женщин будут забыты обряды и песни, с помощью которых этот труд всегда приносил пользу.^[154] Ибо кто доверит горшок или каноэ неосвященным?

Великие систематизации онейромантии, алхимии, хиромантии, астрологии неизбежно выходят вперед с опозданием, потому что они затрагивают структуру науки; но по этой причине они вскоре дискредитируются столкновением с позитивными науками; хотя, не будучи забытыми, они низведены до того, что можно эвфемистически назвать “избранными кругами”.

С ростом анимизма, опять же, чистая Магия становится сравнительно редкой; ее обряды интерпретируются в соответствии с модным верованием, уже не как приведение в действие оккультных, квазимеханических сил, а как требующие вмешательства духа или бога. Они становятся символическими: ритуал теперь ничего не делает сам по себе, но является знаком того, что делает бог или что от него хотят. И все же Магия часто мстит анимизму: заковыкает в цепи таинственным единообразием самого бога.

По своей природе Магия обладает качествами, которые имеют тенденцию ослаблять ее (по крайней мере, ослаблять каждую конкретную ее форму) и приводить к ее упадку. Магические обряды и заклинания, в каком бы масштабе они ни совершались, подлежат повторению, а то, что повторяется, механизмуется и перестает жить. Обычай может поддерживать практику, не придавая ей значения; постепенно практика (заклинание или ритуал) становится невнятной и искаженной. Экономия, “наименьшее усилие” — враг всего церемониального. Существует также тенденция к ослаблению ритуалов по принципу (бессознательному, конечно), что “знак знака — это знак означаемой вещи”; в результате чего значение может быть замаскировано в символе ради сохранения тайны или даже из вежливости. Профессор. Вестермарк показал, что в

Марокко полный ритуал отвода дурного глаза заключается в том, чтобы выбросить вперед руку с растопыренными пальцами и воскликнуть: “Пять в твоём глазу”. Но поскольку это слишком оскорбительно для обычного употребления, вы можете вместо этого небрежно упомянуть число “пять”; или, если даже это слишком прямолинейно, вы можете сослаться на “четверг”, который приходится на пятый день недели. В этом процессе велик риск забыть первоначальный смысл ритуала или заклинания; и когда это происходит, мы остаемся с пустыми оболочками суеверий, таких как страх перед “тринадцатью”, “пятницей”, рассыпанием соли, хождением под лестницей; ибо вряд ли хоть одна живая душа знает, что они означают.

ГЛАВА V

АНИМИЗМ

§ 1. Что такое анимизм?

Если, когда сплоченность охотничьей стаи ослабла, вера в магию, наделяющую властью старших, стала очень влиятельной и полезной в примитивных обществах, то в последующей эволюции еще большей стала сила анимизма. Ибо вера в привидения привела со временем к поклонению предкам, а затем особенно к поклонению предкам вождей или героев, некоторые из которых стали богами; а вера в богов укрепляла авторитет вождей и королей, которые были их потомками, и помогала поддерживать единство племени или нации из поколения в поколение и из века в век.

В антропологии термин анимизм обычно используется для обозначения склонности дикарей и варваров или людей ненаучной культуры объяснять природные явления, по крайней мере, наиболее примечательные или интересные — погоду, рост сельскохозяйственных культур, болезни и смерть — как результат действия духов: (1) призраков (то есть духов, которые ранее воплощались); (2) духов сновидений, которые временно покидали какое-либо тело во время сна или транса; (3) невидимых, живых, сознательных существ, которые никогда не воплощались. Это можно назвать гиперфизическим анимизмом. Иногда, однако, “анимизм” используется для обозначения предполагаемого отношения дикарей и детей ко всем вещам, живым и неодушевленным, такого, что они спонтанно и обязательно приписывают всему сознание, подобное нашему собственному, и рассматривают все действия и реакции природных объектов как добровольные и целенаправленные. И это можно назвать Психологическим анимизмом. Эти два значения термина “анимизм” совершенно различны: одно дело рассматривать объект как движимый своим собственным разумом, другое дело приписывать его движение или влияние отдельному агенту, который на какое-то время владеет им; одно дело рассматривать объект как обладающий антропоморфным сознанием, другое дело верить, что это сознание представляет собой особую силу, способную покинуть его и иногда возвращаться, или пережить его разрушение, или существовать независимо. Даже если бы доктрина анимизма во втором смысле была принята, оставалось бы показать, как люди пришли к пониманию того, что сознание вещи может быть отделено от нее, существовать и действовать само по себе, и даже с большей силой, чем оно имело раньше — вопреки мнению Дона Хуана,

“эта душа и тело, в целом,
были противниками бестелесной души”.

Дикари не всегда считают, что отдельный дух обязательно принадлежит даже природе человека. Доктор Селигман пишет, что среди веддов несколько стариков “ни в коем случае не были уверены, что все люди после своей смерти становятся *яку*” (истинными призраками). Влиятельные люди и медиумы поступали бы именно так; но в остальном в Годаталаве это определялось экспериментально. Обычного человека призывали вскоре после смерти и желали ему успехов в охоте; и если после этого добывалось много дичи, он становился *якой*. [155] Господа. Спенсер и Гиллен рассказывают нам, что, согласно гуанджи, у женщины нет *мойдны* (духовной части). [156] Майор К. Х. Стиганд говорит, что “масаи не верят в будущее государство ни для кого, кроме вождей”; обычных мертвецов даже не хоронят, а просто выбрасывают в кусты. [157] В Омахе, хотя у каждого человека есть дух, который обычно переживает тело, самоубийство, тем не менее, прекращает свое существование. [158] На Тонге души людей низшего ранга (Тооас) умерли вместе со своими телами. [159] Таким образом, не обязательно полагают, что человеческий дух вступает в жизнь после смерти; еще меньше верят в дух животного. С другой стороны, многие племена придерживаются мнения, что нечто, присущее оружию, утвари, пище и другим предметам, “душа” или душевное вещество, может быть отделено от них и отправиться в Ад или служить пищей духам, хотя сами вещи не считаются обладающими духом или разумной жизнью.

§ 2. Психологический анимизм

Эндрю Лэнг описал дикарей как людей, живущих в “запутанном состоянии ума, при котором все вещи, живые и неодушевленные, ... кажутся находящимися на одном уровне жизни, страсти и разума”. [160] дети и другие незрелые люди часто находятся в таком же состоянии. Что касается детей, то следует отметить, как глубоко они заботятся о куклах и лошадках-качалках, с какой страстью они поворачиваются, чтобы ударить по столу после того, как стукнулись об него головой. Но, вероятно, теперь признано, что импульсивное возмездие на столе, ежевике или запонке для рубашки (небезызвестное цивилизованным людям) не подразумевает какой-либо веры в злобность или чувствительность этих объектов. Животные ведут себя точно так же. Т. Рузвельт сообщает, что видели, как слон в ярости крушил колючее дерево, уколотившее его хобот; [161] и что в Америке он сам увидел медведя, который закапывал тушу, потерял ее из рук и, перевернувшись, нанес ему жестокий удар, как капризный ребенок. [162] Более того, у детей такое поведение в значительной степени обусловлено внушением; поскольку заставлять их бить по столу или чего-либо другого - простой способ отвлечь их от их собственной боли. И, конечно, обращение с куклами, лошадками-качалками или тросточками, как с живыми, - это игра. Такая игра предполагает сильную творческую веру, которая поначалу не отличается четко от искренней. Но эта стадия соответствует игре детенышей высших животных, когда они все еще физически неспособны выполнить предшествующие действия; и всепоглощающий интерес к их игре выражает биологическую необходимость ее как средства развития их умственных и телесных способностей. К тому времени, когда детей вообще можно сравнить с дикарями, их игра становится временной установкой, совместимой с резким переходом к обыденности или даже с действиями, которые в разгар игры показывают, что иллюзия неполна.

Аналогичным образом, у дикарей многое из поведения, которое, как предполагается, выдает иллюзорный анимизм, даже в их простом восприятии вещей, на самом деле является приобретенным способом действия, временной установкой, под влиянием воображения-веры, и совместимо с другими действиями, которые показывают, насколько неполной является иллюзия. Эндрю Лэнг после процитированного выше отрывка, по-видимому, ограничивает сферу его применения словами “при создании мифов”: “без сомнения, при создании мифов и выполнении многих ритуалов дикари говорят или действуют так, как если бы они в полном смысле верили, что объекты, с которыми они имеют дело, являются чувствительными разумными существами; и все же их эффективное поведение по отношению к ним полностью позитивно”. Они могут, например, подкармливать растущее рисовое растение папайей; собирая урожай, говорить на секретном языке, который рис может не понимать и встревожиться, и продолжать резать его ножами, спрятанными в их ладонях; но они все же режут его. Они несут его домой и собирают с почестями, и время от времени приходят, чтобы взять порцию для еды с соблюдением торжественных обрядов, но затем они готовят и съедают его.^[163] Таким образом, их анимистическое отношение - это не примитивная, спонтанная, необходимая иллюзия, а приобретенный, специализированный способ воображения определенных вещей и обращения с ними. Если бы не было возможности сочетать таким образом творческое с практическим, все волшебство и жречество были бы не чем иным, как явным обманом, которым это часто кажется поверхностным наблюдателям. Обычно верования, основанные на воображении, которые имеют лишь косвенную биологическую полезность (скажем, в поддержании обычаев для обеспечения благосостояния племени), неспособны преодолеть непосредственные биологические потребности (скажем, в пище и крове); но часто они делают это в определенных пределах или в определенных направлениях, например, в бесчисленных табу на пищу, обычаях уничтожения собственности человека при его смерти, морить голодом или калечить соплеменников на тропе войны. Всеобщее табу на рис не является чем-то немыслимым. Ибо это социально-патологические случаи; как и саморазрушительные верования отдельных людей и сект среди нас, таких как религиозные целители, которые во время болезни вызывают к своему богу вместо врача.

Дети, дикари и мы сами, в какой-то степени, спонтанно приписываем *некоторым* неодушевленным предметам, в нашем простом восприятии их (ибо это не имеет ничего общего с метафизикой панпсихизма), нечто большее, чем внешнее существование: рассматриваем их как объекты силы и, посредством сопереживания, испытываем усилие и покой, напряжение и облегчение, а иногда эмоции и боль. Именно для обозначения такого отношения к природе я использую термин мистера Маретта “аниматизм”: как не приписывающий неодушевленным предметам или растениям, в целом, ничего похожего на человеческое личное сознание; но просто смутное, фрагментарное, частичное сознание, достаточное для того, чтобы соответствовать нашему случайному опыту общения с ними. Возможно, те наблюдатели, которые в резких выражениях сообщают об универсальном анимизме как о догмате племени, имеют в виду не более этого; например, автор, которого цитировали выше в Американском бюро этнологии, который говорит (стр. 433), что, согласно дакотам, все — “самые обычные палки и глина” — обладает духом, который может навредить или помочь, и, следовательно, подлежит умилостивлению. Было бы несправедливо по отношению к приверженцам психологического анимизма обвинять их в вере в то, что дикари повсеместно достигли такого прогресса в “психологии способностей”, что научились различать личность, волю, страсти и

разум; особенно если учесть, что дикари проецируют эти способности на все природные объекты из-за неспособности к различению и абстрагированию; и, в то же время, очень хорошо знают, что в некоторых языках наиболее анимистичных племен (например, алгонкинских и нага) различие между живым и неодушевленным основано на грамматическом роде.

Соответственно, мы обнаруживаем, что некоторые исследователи явно отрицают, что, по их опыту, дикари рассматривают все вещи как находящиеся на одном уровне жизни, страсти и разума. Доктор Коддрингтон говорит, что на островах Бэнкс у ямса и подобных ему растений, как полагают, нет *тарунги* (духа) — “они не обладают никаким видом разума”;[164] и что меланезийцы умеют отличать живое от неодушевленного. Господа . Скит и Благен сообщают, что у семангов Малайского полуострова очень мало следов анимистических верований; и они передают народную сказку о том, как самец слона сообщает самке, что нашел живой камень (свернутого в шар ящера): “Свинья, - сказала самка, - камни никогда не бывают живыми”. [165] Господа. Хоуз и Макдугалл рассказывают нам, что кайанцы вешают одежду и оружие на могилу и, похоже, верят, что призрачные копии этих вещей служат призраку, но что такие копии инертны (относительно) и их не следует путать с принципом разума.[166] “Душа” не подразумевает личность.

Чтобы внести ясность в анимизм, необходимо иметь в виду несколько способов веры: (1) Гиперфизический анимизм, согласно которому определенные вещи обладают сознательным духом или одержимы им, и что этот дух является отделимой сущностью; (2) что вещи сами по себе сознательны (или полубессознательны), но их сознание не является отделимой сущностью; (3) что вещи не являются сознательными, но информируются отделимой сущностью, обычно называемой душой (лучше, душевным веществом), которая может быть съедена духами или может отправиться с ними в страну призраков; (4) распространение или ограничение этих убеждений на большее или меньшее количество классов вещей. Пока эти различия не будут признаны, любое сообщение о верованиях дикарей вряд ли может быть ясным и адекватным; но в целом мы можем считать, что, когда путешественник говорит нам, что такие-то и такие-то существа, как считается, не имеют души, и ничего не говорит о какой-либо вере относительно их сознания, он имеет в виду (за исключением животных) отрицать, что им приписывается что-либо похожее на человеческое сознание. И когда м—р Тордей пишет, что, согласно бахуане Верхнего Конго, существуют две бестелесные части —*доши*, общие для человека, животных и фетишей, и *бун*, свойственный человеку, - он, по-видимому, оставляет как само собой разумеющееся, что растения и неодушевленные предметы не имеют ни того, ни другого и не являются сознательными существами; хотя, вероятно, у некоторых из них есть вещество души, поскольку одежда, оружие и пища похоронены вместе с трупом.[167] Преподобный Дж. Х. Уикс говорит, что баконго из Нижнего Конго приписывают присутствие духа только дереву *нкаса* (из коры которого получают яд испытания) среди растений;[168] и, точно так же, балоки, живущие выше по реке, приписывают дух только дереву.[169] Поскольку многие вещи похоронены этими людьми в могиле или разбиты над ней, можно предположить, что эти вещи обладают душой; но из отрицания духов растениями и из молчания относительно психологического анимизма можно сделать вывод, что ни растения, ни неодушевленные предметы не считаются сознательными существами. Сэр Э. Ф. им Турн говорит нам, что, по верованиям туземцев Гвианы, материальные предметы всех видов обладают телом и духом — очевидно, сознательным и злобным духом; “и то, что не все неодушевленные предметы обладают этой двойственной природой, которую им открыто приписывают, вероятно, объясняется только тем, что ... в некоторых случаях дух еще не был замечен”. [170] Таким

образом, даже у этих индейцев Гвианы, чей анимизм во всех смыслах необычайно активен и обширен, их отношение - это приобретенный, специализированный способ воображения и обращения с вещами, которые привлекают их внимание и возбуждают их подозрения, а не примитивная, необходимая иллюзия; иначе не могло бы быть исключений.

Следовательно, разумная точка зрения состоит в том, что дикари проводят различие между собой и определенными животными, с одной стороны, и, с другой, остальными животными, растениями и неодушевленными предметами; и возводят второй класс в ранг первого как сознательных агентов только тогда, когда для этого есть особые стимулы. Найти все причины, вызывающие анимистическое отношение к вещам, было бы трудной задачей, но на некоторые из них можно указать. Исходя из аниматизма, который на самом деле является примитивной и необходимой иллюзией, разумно ожидать:

(a) Что любое растение или неодушевленная вещь, принятые в качестве Тотема, должны, по самому этому факту, быть наделены человеческим сознанием; хотя разум дикарей слишком непоследователен, чтобы мы могли сделать вывод, что это должно происходить всегда.

(b) Что все, что кажется движущимся или действующим спонтанно, например, ветры, ручьи и эхо, солнце, луна, планеты и падающие звезды, следует воспринимать как духовную силу; особенно, если это вызывает сочувствие, как это делают ветры и водопады, деревья, пострадавшие от шторма, волны, огонь и льдина, когда она раскалывается весной; или если это вызывает страх, будучи необычным и опасным, как гром и молния, вихри и водовороты, смерчи и вулканы. Доктор Спейссер пишет, что в Амбриме, когда вулкан активен, местные жители взбираются на вершину и приносят жертвы, чтобы умиловить его, бросая в кратер кокосовые орехи и ямс.^[171]

(c) Что все, что считалось обладающим магической силой, следует рассматривать — после того, как появление теории призраков (предполагающей, что она более позднего происхождения) привело в моду новый принцип объяснения, - как обязанное своей силой духу либо имманентностью, либо одержимостью (два способа приведения в действие, которые можно различать, а можно и не различать), и таким образом становиться фетишем, а не просто амулетом или талисманом.

(d) Что все, что широко используется в ритуалах, особенно если к нему часто обращаются в заклинаниях, должно становиться объектом почитания, способным персонифицироваться и подниматься до человеческого уровня или даже выше него как сознательного агента: например, пади и рис в Индонезии, дерево испытаний в Конго, о котором уже упоминалось. Огненные палочки, используемые в ритуале жертвоприношения, часто обожествляются. В Индии раковина веками использовалась в религиозных обрядах, “люди постепенно стали уважать сам инструмент, обожать его и призывать к себе”.^[172] “Странной религиозной чертой [Ригведы], указывающей на отдаленную древность, является случайное обожествление и поклонение даже предметам, созданным руками человека, когда они считаются полезными”. к нему. В основном это жертвенные принадлежности”.^[173] В настоящее время эта практика распространяется в Индии практически на все инструменты и посуду. Среди очень немногих неодушевленных богов чероки - Камень, вызываемый шаманом, когда он ищет потерянные вещи с помощью камешка, подвешенного на веревочке; и Кремень, вызываемый, когда собирается нанести пациенту удар наконечником стрелы, прежде чем втирать лекарство.^[174] Апачи используют хеддонтин (пыльцу кошачьего тростника) в качестве жертвенного порошка

почти во всех обрядах, олицетворяют его и молятся ему.^[175] Когда заклинания адресованы какому-либо объекту, аналогия с обращением к людям, как правило, заставляет думать, что этот объект обладает человеческим сознанием.

(е) Колодкам и камням поклонялись как месту обитания духов во многих частях света; они вытеснили в сознании своих приверженцев призраки людей, место захоронения которых они когда-то отмечали, но которые сами были забыты; и, вероятно, по аналогии с этими камнями, других, которых никогда не посещали призраки.

(ф) Там, где анимизм активен среди робких и подозрительных людей, считается, что все, что причиняет вред человеку, является актом злого умысла: как среди индейцев Гвианы, которые настолько робки, что вместо того, чтобы отправиться на охоту в одиночку, берут с собой женщину или ребенка.^[176]

В подобных условиях разновидность приобретенного психологического анимизма распространена очень широко, хотя и весьма неравномерно; но будь он универсальным, он сам по себе не мог бы объяснить гиперфизический анимизм — доктрину о том, что люди (или несколько человек), некоторые животные, растения, предметы, места одержимы духами, которые способны к отдельному существованию.

§ 3. Теория призрака

Проще всего понять гиперфизический анимизм как возникший вместе с верой в человеческие призраки. Причины этого убеждения были полностью изложены Гербертом Спенсером^[177] и сэром Э. Б. Тайлором^[178] способом, который, на мой взгляд, является убедительным. Среди этих причин преобладают сны, в которых умершие встречаются снова, как во плоти. Живое тело всегда было для дикаря сознательной силой, поэтому при смерти сознательная сила покидает вещь или труп. Это могло бы быть принято им как факт того же рода, что и утрата талисманом или амулетом своей силы (что, как известно, иногда случается), если бы не сны, в которых мертвые все еще живы. То, что эта сознательная сила, покинувшая тело, невидима разве что во сне, не должно вызывать особого удивления, поскольку многие силы природы и магии невидимы.

Поскольку сон не является общим для двух людей одновременно, на вещи, которые в нем видны, нельзя указать и, следовательно, прямо назвать (в этом подобии субъективных переживаний). Веками было невозможно пересказывать сон как сновидение: не было способа отличить его от внешних событий ни для самого сновидца, ни (если бы это было возможно) при рассказе о нем другому. Он был далеко и встретил своего отца, но при этом всю ночь пролежал у костра! Поэтому, чтобы найти названия для описания таких вещей, люди обратились к другим способам, с помощью которых они, казалось, имели двойное существование, к теням и отражениям, которые своим внезапным появлением и исчезновением, а иногда и слабыми, иногда искаженными очертаниями, имеют некоторое сходство с образами из сновидений; и, вероятно, считается важным, что тени и отражения исчезают ночью, как раз когда снятся сны. Тени и отражения не обязательно отождествляются с призраком, порожденным образом из сна, потому что ему даны их названия; но иногда они, безусловно, отождествляются; так что человек, который, глядя в воду, случайно невидит своего отражения, может поверить, что его дух ушел, и что он сам, должно быть, болен, и соответственно он заболевает; или если в полдень около экватора он замечает, что у него нет тени, он может подумать, что его душа ушла, и побежать к

знахарю, чтобы вернуть ее; и можно поверить, что у мертвых тел нет теней.[179] Поскольку тело, даже лежащее на земле, отбрасывает тень, за исключением тропического полудня, вера в то, что оно никогда этого не делает, подразумевает приобретенную неспособность видеть то, что находится перед глазами; как иногда бывает при гипнозе и других состояниях негативных галлюцинаций.

Идея отдельной сознательной личной силы, или духа, который покидает тело после смерти, также, набираясь сил, служит объяснением сна, обмороков, эпилепсии; и иногда каждая болезнь приписывается частичному отделению или дезертирству духа; следовательно, дело врача - подключить его или поймать и восстановить; или (если я правильно помню отчет мисс Кингсли) он может даже снабдить еще одной из корзин душ, которые хранятся под рукой на случай такой необходимости.

То, что теория о привидениях возникает не только из снов, но также наводит на мысль о галлюцинациях и гипнагогических видениях, весьма вероятно. В различных частях света описывались видения дикарей с удивительно последовательной и убедительной яркостью, которые, по-видимому, не были снами.[180] Но такие переживания, даже искусственно вызванные голоданием или наркотиками (как это происходит у многих племен), редки по сравнению со снами; и о влиянии снов на эти верования дикарей имеется множество свидетельств. У некоторых племен сны рассматриваются как часть их объективного опыта; так что быть раненым своим соседом во сне - это просто основание для того, чтобы отомстить за себя, как только вы проснетесь; а видеть во сне мертвого человека, следовательно, является ясным доказательством того, что он продолжает существовать, и что либо он пришел к сновидцу, либо сновидец отправился навестить его.

Так сэр Эверард им Турн говорит об уроженце Гвианы: "Его сны столь же реальны, как и любые события его бодрствующей жизни; его действия во сне совершаются его духом: во снах он продолжает видеть мертвых, то есть их духи".[181] Аналогичным образом, индейцы ленгуа (W. of R. Paragua) очень верят в сны; считается, что дух покидает тело и на самом деле делает то, о чем мечтают.[182] Согласно индейцам чероки, сон об укусе змеи требует такого же лечения, как и сам укус змеи; в противном случае (возможно, годы спустя) в раненом месте появится то же воспаление с теми же последствиями.[183] Моту считают, что суа (призраки или духи) являются во сне, и что когда человек спит, его собственная суа покидает его тело.[184] "Лифуанцы верят в реальность того, что видят во сне, и находятся под его влиянием. Их умершие предки являлись во снах".[185] И полинезийцы Манатуки думали, что "сны были вызваны духом, отправляющимся в места, видимые в них".[186] Еще много таких можно было бы сослаться на свидетелей.

Психологи признают, что сны как непосредственный опыт имеют скорее характер восприятия, чем воображения. Дети склонны путать сны с реальностью. Отличить сны от бодрствования можно было лишь постепенно, с растущим пониманием непрерывности и согласованности хода событий и, следовательно, с требованием подтверждения свидетельских показаний. Когда больше не предполагается, что все они реальны, некоторые из них все еще считаются таковыми: диери среди низших дикарей проводят различие между видениями, как откровениями, сделанными Кутчи (злым Духом), и обычными снами, как простыми фантазиями.[187] Но сны настолько впечатляют многих людей в их стремлении узнать больше, чем им могут подсказать здравый смысл и философия, что они упорно надеются и,

следовательно, верят, что сны, если они не дают знаний об этом мире, все же могут быть откровениями другого, возможно, более реального; или если не откровениями, то намеками в виде аллегорий, которым некоторые научились или вдохновились. Даниил может интерпретировать; или, по крайней мере, предзнаменования добра или зла, которые древняя наука Онейромантия берется объяснить. В настоящее время существует новая и более многообещающая Онейромантия, которая интерпретирует сны как указание не на будущее, а на собственное прошлое, в основном забытое прошлое, и учит познавать себя: более многообещающая; ибо что, кроме опыта, может быть источником сновидений — по крайней мере, элементов сновидения? Однако некоторые из новых принципов интерпретации могут сравниться по неясности с древними.

То, что мертвые видны живыми во сне, является, таким образом, для дикаря фактом наблюдения; и, следовательно, продолжение существования мертвых для него, во-первых, не является сверхъестественным; хотя это можно назвать гиперфизическим, потому что оно переживается только во сне, а не при дневном свете, и не зависит от обычных условий времени и места. Но постепенно это становится сверхъестественным, поскольку причудливые происшествия из жизни во сне воспринимаются как “сверхъестественные”, поскольку то, что происходит только ночью, связано с ночными страхами, и поскольку огромное облако фантазий накапливается вокруг умерших и затемняет простые факты восприятия во сне, в которых зародилась вера. Это облако воображения, благодаря своему таинственному характеру и различным союзам с Магией, распространяется и углубляется, пока не затмевает всю человеческую жизнь; обычно, действительно, рассеивается там и сям силами биологической необходимости, часто с помощью достаточно смехотворных уловок; которые, однако, имеют то достоинство, что спасают человечество от уничтожения: но иногда оно гасит последний луч здравого смысла, обедняет верующего, ослабляет его, наполняет его дни и ночи ужасом, предаёт его самым жестоким или отвратительным практикам, заставляет его убивать своих собственных жертв. соплеменники, его собственные дети, его собственные родители, и принести себя в жертву в верной надежде на воскресение.

§ 4. Распространение теории призраков на животных

Духи, которые когда-то считались объясняющими действия людей и переживающими их телесную смерть, могут по аналогии быть поняты как объясняющие действие любых других вещей в обстоятельствах, которые предполагают мотив действия, и, следовательно, обладать такими вещами или населять их и быть способными отделяться от них, подобно призракам. Другие вещи уже являются, благодаря Магии и аниматизму, силой - вещами, в какой-то степени сознательными, чьи силы могут быть способны действовать невидимо на расстоянии; и при смерти человека именно его сознательная сила покидает тело и становится призраком. Поскольку, таким образом, вряд ли существует какой-либо природный объект, действие которого при определенных обстоятельствах не могло бы быть истолковано с точки зрения мотивов, особенно среди робких и подозрительных людей, как мы можем установить какие-либо необходимые пределы распространению анимизма? Более того, причины, наиболее влияющие на установление теории привидений для человека, напрямую требуют ее распространения на другие вещи. Ибо во снах видны не только люди, но и их одежда, оружие и утварь, а также животные, растения, местности. Если, таким образом, предполагается, что мертвые, поскольку их видят во сне, все еще живут в условиях, в которых они не видны обычным людям при дневном свете, то как можно избежать вывода, что все виды вещей, артефактов,

животных, растений, местностей разделяют этот способ существования — что у всех есть свои двойники? И “Почему бы и нет?” - мог бы спросить дикарь, поскольку буквально для всех вещей без исключения верно то, что они иногда видны, иногда невидимы.^[188] Подобные выводы кажутся оправданными из союза призраков с тенями и отражениями и того факта, что не только у человека, но и у всего остального есть тень и отражение, и что их тени и отражения исчезают ночью, как раз тогда, когда сами вещи иногда появляются во снах. Более того, поскольку дыхание, пульс, блеск глаз, которые прекращаются в человеческом трупe, иногда отождествляются с умершим духом, те же процессы также прекращаются при смерти животных; хотя, это правда, здесь нет аналогии с неодушевленными предметами, а дыхание и кровообращение растений находятся за пределами наблюдения дикаря. Следовательно, хотя анимизм является логически выведенной конструкцией, если бы эта конструкция полностью основывалась на логике аналогии, не было бы ничего удивительного в открытии, что вера в то, что “у всего есть призрак”, так же универсальна и единообразна в человеческой расе, как если бы это была врожденная или примитивная вера. То, что, напротив, анимизм очень неравномерно преобладает среди человеческих племен; что по всем направлениям нельзя сделать выводов, которые были бы убедительны по аналогии; что вместо общей системы анимизма у каждого племени есть свой собственный анимизм; это удивительно и нуждается в объяснении. Расширение теории легче понять, чем ее неправильное ограничение.

Принимая во внимание, что в настоящее время мы рассматриваем анимизм как веру в привидения, а не в духов вообще (к чему мы придем в разделе 6), я осмеливаюсь думать, что, хотя сны, тени и отражения, безусловно, предполагают двойное существование всего сущего, тем не менее дикари никогда не приписывают настоящих привидений чему-либо неодушевленному, ни растениям, ни даже животным, если для этого нет особой причины; потому что только в случае людей это предположение достаточно интересно, чтобы завладеть общественным воображением. Следовательно, даже при том, что в призрачном мире появляются другие вещи, они не имеют там никакого значения, кроме как по отношению к человеческим призракам (или призрачноподобным духам), которых они сопровождают. Соответственно, человеческие призраки занимают место в верованиях каждого племени, потому что человеческие существа вызывают привязанность, восхищение и страх, обладают ярко выраженной индивидуальностью; поэтому их помнят, и о них рассказывают истории; и если их видят после смерти, об этом, конечно, сообщают. Факты слишком ясно показывают, что паралич внимания из-за страха является главным (хотя и не единственным) эмоциональным фактором веры в привидения; и чего еще во всей природе следует бояться по сравнению с ближними?

Вера в призраков, сбежавших и бродящих независимо от любого нормально видимого тела, как социальное убеждение, задействована в практике описания и обсуждения снов, что становится тем же самым, что и рассказывание историй о привидениях — первым и наиболее стойким мотивом литературы. Эффективно рассказывать истории можно только о вещах, интересных в целом; и поначалу такие вещи должны были быть узнаваемы слушателями и обладать некоторой индивидуальностью. Следовательно —

(а) Животные, достигшие такой индивидуальности, могут иметь призраков: (i) животное, вызывающее всеобщий страх, например тигр-людоед. Мы должны отличать от подобных случаев распространенные верования в то, что тигры, волки, акулы, змеи и т.д. Являются духами или призраками людей или одержимы ими. (ii) животное, которое вступает в отношения особой

близости с мужчинами; например, очень ручные собаки и свиньи, которые появляются, когда их призывают среди баконго;^[189] или охотничьи собаки, которые были специально обработаны среди балоки.^[190]

(b) Животные, убиваемые на поминках, чтобы сопровождать умерших, имеют призраков настолько, насколько это необходимо для этой цели; но, не имея индивидуальности и личного интереса, они больше не фигурируют в легендах о привидениях; они не “гуляют” и не возвращаются к проблескам луны. Так, тангулы говорят, что призраки, достигнув Казаирама (их Ада), обнаруживают ворота, запертые перед ними божеством Кокто; так, на погребальном пиру богатого человека убивают буйвола, чтобы его могущественный дух мог распахнуть массивные ворота этого жилища. Бедные призраки должны ждать снаружи, пока богач не подойдет со своим буйволом; тогда они все бросятся за ним.^[191] Но больше мы ничего не слышим о буйволах. На островах Бэнкс у свиней, убитых на поминках, нет настоящих призраков, которые следуют за умершими в Панои, а есть только своего рода привидения; потому что они идут только напоказ, чтобы их хозяина там хорошо приняли.^[192]

(c) Часто считается, что у животных, являющихся важной добычей охотничьего племени, есть призраки, на которых могут охотиться умершие соплеменники; или что их нужно умиловить, когда один из них убит: призраки, например, тюленей и медведей подкупаются эскимосами, чтобы заманить других тюленей и медведей прийти и быть убитыми. Говорят, тюлень больше всего на свете желает глотка пресной воды; поэтому, как только его вытаскивают на берег, ему в рот вливают полный ковш; иначе другие тюлени не позволят себя поймать. Белый медведь (самец) желает иметь кривые ножи и сверла для лука или (самка) женские ножи и игольницы. Следовательно, когда медведь убит, его призрак сопровождает шкуру в хижину охотника; и шкура подвешивается вместе с соответствующими инструментами на четыре или пять дней. Затем призрак медведя изгоняется магической формулой, забирает с собой души инструментов и хорошо отзывается об охотнике в стране душ медведя. Находясь в хижине в качестве почетного гостя, не делается ничего такого, что ему не нравится в человеческих обычаях.^[193]

(d) В процессе развития мифологии можно встретить животных и чудовищ различных видов, населяющих страну теней; но это не настоящие призраки каких-либо конкретных вещей, которые когда-то умерли в этом мире.

Этот список способов, с помощью которых у животных могут появляться призраки, предлагается не для того, чтобы исчерпать все случаи.

§ 5. Призраки и субстанция Души

Призрак - это бестелесная душа, обладающая сознанием и силой на человеческом уровне или вообще (потому что этого боятся) выше него; но могут быть бестелесные души или души, способные к бестелесности, у которых нет сознания или нет ничего выше уровня аниматизма. Даже если живое существо обладает сознанием, его посмертное явление может и не проявиться; например, свинья Бэнкса из “Айлендерс”, которая, хотя и “выдающееся животное и признана разумной”, не имеет настоящего призрака. Почти у всех племен считается, что все, что приносится в жертву богам или оставляется в могилах умерших людей, имеет какую-то душу;

потому что, очевидно, духи не едят видимую пищу или утварь; однако для успеха обрядов необходимо предполагать, что духи удовлетворены; следовательно, они должны забрать души жертвоприношений. И что может быть более правдоподобным рассуждением, чем утверждение, что, поскольку твердые люди едят твердую пищу, призраки едят призрачную пищу? Таким образом, “Душа” предстает как своего рода призрачная субстанция или призрачное тело. Ибо в снах умершие видятся как бы во плоти; и, более того, аналогия требует, чтобы призрачное сознание и призрачная сила имели какое-то тело, и, конечно, такое, которое будет поддерживать в стране призраков те же отношения к другим вещам, которые смертное тело поддерживало в этом мире. В стране призраков, или стране теней, или стране грез субстанцией всех вещей является эта душевная субстанция. Иногда сила аналогии требует от племени верить, что для того, чтобы души вещей (таких как глиняные горшки или оружие) могли высвободиться и сопровождать призрака в подземный мир, сами вещи должны быть “убиты”, то есть сломаны; но другие племена являются такими последовательными логиками; и в некоторых случаях, когда вещи, оставленные на виду у могилы (не закопанные), ломаются, возможно, для предотвращения их кражи.

Таким образом, все может иметь “душу” в своем роде: относительно инертные вещи имеют относительно инертные души, но никогда настоящих призраков; у некоторых животных могут быть призраки, особенно если они достигли определенной индивидуальности, но обычно только в той мере, в какой считается, что они служат человеческим призракам или духам. Поскольку слово “душа” часто используется как эквивалент “призраку”, было бы удобно всегда говорить о душе, которая является пищей для призраков, или теле-призраке, “как о душевном веществе”.^[194] Вещество Души воспринимается как материал, хотя и тонкий и обычно невидимый. Вещество души человека можно рассматривать не только как пропитывающее его тело, но и как заражающее все, чем он владеет или к чему прикасается: без сомнения, по аналогии с его запахом; ибо запах человека - это личное качество, которое различают собаки и (я полагаю) некоторые дикари и субъекты, подверженные гипнозу; и можно предположить, что зловоние его разлагающегося трупа передает его мужество и мастерство тем, кто его вдыхает.^[195] А вкус всежжения - это пища для богов. Действительно, Эллис прямо говорит, что на Таити пищу клали в рот трупу вождя; потому что, по их словам, в пище была как духовная, так и материальная часть, часть, которую они могли обонять.^[196]

Идеи дикарей обычно так мало продуманы и так нерегулярно формулируются разными племенами, что отношение вещи к ее душевному веществу сильно варьируется от одного племени к другому. Во многих случаях извлечение духом или богом вещества души из подношения может повлиять на него настолько незначительно, что преданный или священник продолжает им лакомиться; и я нигде не встречал представления (которого требует логика), что такая метафизически выпотрошенная пища может питать только тело человека, но не его душу. Однако, поскольку вкушение жертвы может быть актом общения с духом, тогда он, естественно, извлекает добро только из своей доли. В других случаях разбивание оружия и утвари, захороненных вместе с трупом, подразумевает тесное единство между целостностью предмета и его душевной наполненностью; и преподобный Дж. Х. Уикс говорит о значительном богатстве, которое баконго кладут в могилу, что предполагается, что там останется только оболочка или подобие чего-либо.^[197]

Эта концепция душевной материи, возможно, была важным вкладом в метафизику. Доктрина материальной субстанции достигается путем абстрагирования всех качеств вещей; но тогда

ничего бы не осталось, если бы не эта почтенная идея о чем-то невидимом и неосязаемом в вещах, которым качества могут “присущи” или которые могут служить им “опорой”; так что, когда ее убирают, остается только оболочка или подобие чего-либо. Но такой принцип необычен. Согласно другой линии рассуждений, эта душевная субстанция может стать Душой Мира. Когда философы считают, что духи больше не имеют тел, а являются полной противоположностью тел, должна быть изобретена духовная субстанция, поддерживающая их качества, чтобы поставить их на равную основу реальности с материальными вещами; но поскольку нет готовой духовной субстанции, созданной мудростью наших предков, эта концепция остается неприятно пустой. Чтобы казаться призраками и обладать механической энергией, духи могут быть облечены “веществом души” в качестве духовного тела; но это всего лишь тонкая материя. Их собственная субстанция должна соответствовать их собственным атрибутам как чистых сознательных существ, полной противоположности телам; и, следовательно, быть нематериальной, непротяженной, простой, самотождественной, согласно “паралогизмам рациональной психологии”. Но подобные рассуждения свойственны только философам и теологам: некоторые из них, однако, утверждают (как бы возвращаясь к первоначальной идее дикарей), что дух является истинной субстанцией материальных вещей, по крайней мере, что материальные вещи зависят в своем существовании от духа или духов. Монисты, опять же, говорят, что существует одна субстанция как материи, так и разума, которая не является ни тем, ни другим так же, как и другим. Локк очень честно называет это “предполагаемым, я не знаю, чем”.

В книге "О магии" я указал на происхождение понятия силы; и если моя точка зрения справедлива, то, по-видимому, эти знаменитые абстракции “сила” и “материя”, форма и субстанция, дух и тело могут быть прослежены до разума дикарей. То, что дикари неспособны к общим и абстрактным идеям, как мы видели, является иллюзией. Они необходимы для экономии в организации ума. Когда племя основывает свой грамматический род на различии Одушевленного и Неодушевленного, разве у него ни в коем случае нет соответствующих идей? Но абстрактная идея является результатом длительного процесса диссоциативного роста из своих конкретных источников и должна каким-то образом существовать на всех стадиях этого роста, прежде чем ее отчетливость будет дополнена соответствующим названием; и разумно предположить, что на каждой стадии роста она функционирует и влияет на ход мысли. Соответственно, очевидно, что с самых ранних времен идеи силы, формы, духа и всего остального оказывали большое влияние на мышление.

§ 6. Привидения и духи

Хотя о некоторых племенах (например, индейцах Гвианы) говорится, что нет ничего, указывающего на то, что они “знают о каких-либо духах, за исключением тех, которые находятся или когда-то находились в материальных телах”, [198] среди прочих нам часто говорят, что известны не только призраки, но и духи, которые, как утверждается, никогда не воплощались. Крайняя форма теории призраков утверждает, что все духи когда-то были призраками, о воплощении которых было забыто; но в этом нет необходимости и, по-видимому, это неправда. Достаточно того, что, вероятно, первоначальные обитатели мира духов были призраками; что некоторые из тех, кто сейчас считается, что призраками не были, когда-то действительно были таковыми; и что те духи, которые никогда призраками не были, являются более поздними иммигрантами, которые получили постоянное место жительства, будучи воображаемыми по аналогии с призраками. Следующий список указывает на более или менее вероятные причины,

по которым (А) призраки иногда стали рассматриваться как нечеловеческие духи, и (В) почему определенные нечеловеческие существа стали рассматриваться как духи или как одержимые духами, более или менее напоминающими человека.

А. Духи, которые раньше были призраками, но теперь объявлены таковыми не являющимися:

(а) Призраки, чья прежняя жизнь была забыта просто по прошествии времени. Память о погибших во многих племенах не простирается дальше трех или четырех поколений. Если затем вспоминается призрак какой-нибудь необычайно впечатляющей личности, когда все его родственники и современники были забыты, кажется, что он отделен от рода человеческого. И если его имя было именем какого-то природного объекта, то его призрак, согласно гипотезе Спенсера, теперь можно рассматривать как дух этого явления. Но что касается гипотезы Спенсера,^[199] хотя это дает такое правдоподобное объяснение многих проявлений поклонения природе реальными фактами, такими как использование языка и мышления дикарей, что мне кажется неразумным сомневаться в том, что это имело некоторые из последствий, которые он прослеживает, все же мне все больше и больше кажется, что большинство случаев поклонения природе следует объяснять более конкретными причинами. причины.

(b) Отделить призрака от человечества особенно легко, если о его могиле забыли или если у него нет могилы. Поскольку у утонувших нет могил, они легко становятся водяными демонами. Из-за миграций о могилах часто приходится забывать. В Центральной Меланезии признаются как призраки, так и духи; но на западе поклонение направлено главным образом призракам, на востоке - главным образом духам. Поскольку миграция происходила с запада на восток, жители восточных островов больше не могут указывать на могилы предков, и поэтому их призраки, возможно, превратились в духов. В Тумлу (северная часть Новой Гвинеи) есть храмы духов (все женского пола), отличные от призраков предков, и на перилах лестниц, ведущих к этим храмам, есть декоративные фигуры обезьяноподобных животных; архитектура храмов указывает на прежнюю высшую культуру.^[200] Поскольку в Новой Гвинее нет обезьян, эти фигуры и храмы могут указывать на прежнее место жительства в лучших условиях на Яве или Борнео; а духи, с которыми они ассоциируются, могут быть призраками предков, чьи могилы и другие земные останки были забыты во время миграции.

(с) Мы можем увидеть другой способ, которым призрак может стать чистым духом, если предположим, что как призрак он достиг определенной степени почитания, но что с появлением новых богов (в результате завоевания или репутации более полезного человека), или из-за того, что он сам слишком хорош, чтобы заслуживать поклонения, его обрядами пренебрегли, а легенда о нем забыта. Тогда о нем больше не вспоминают как о призраке или предке.

(d) Можно считать почетным для бога отрицать, что он когда-либо был человеком.

(е) Построение мирового мифа делает необходимым начинать где-то с кого-то одного; и кто бы ни стал первым существом, необходимо отрицать, что он когда-либо был рожден. Но могут быть противоречивые истории: верховное существо центральных эскимосов - это женщина, Седна, которая создала все живое; но другие традиции приписывают ей человеческое происхождение.^[201] Аналогичным образом, составляя генеалогию богов-предков, мы,

наконец, подходим к тому, кто так и не был рожден. Таков Ункулункулу из племени зулусов, о котором обычно говорят, что он вырос из тростника.[202]

Б. Духи, которые никогда не воплощались, но были воображены по аналогии с призраками, уже умиловленными:

(f) Тотем может стать духом; в то время как, не имея человеческого прошлого, он вряд ли может быть призраком, как обычный смертный. Ничто не может быть более неправильным, чем жизнь тотемизма: у некоторых племен он, по-видимому, рано вымирает или оставляет мало и сомнительных следов; у других его следы, по-видимому, сохраняются даже в условиях высокой культуры. По-видимому, там, где он выживает, Тотем имеет тенденцию постепенно терять свои звериные или растительные свойства или большую их часть и становиться антропоморфным духом со своими мифами по аналогии с героическими или патриархальными предками. Он достиг значительной степени индивидуальности, но благодаря общению и традиции все еще может наделять более или менее священными качествами своих сородичей-животных (ср. глава ix. § 8).

(g) Обращение к любому объекту с заклинанием, как обращаются к человеку при вызове или команде, является (как было сказано выше) подходом к его персонификации. Следовательно, кукуруза, рис, пади, нкаса или все, что было объектом племенных обрядов и заклинаний — солнце и луна, земля, огонь, ветер, облака и дождь, — возможно, долгое время находившиеся под влиянием Магии и усиленные Ею, — склонны, когда анимизм овладевает воображением человека, становиться сначала воплощением, а затем одержимостью духов; заклинания становятся молитвами, а обряды - религиозными церемониями или мистериями. Такие духи, поначалу почитаемые на местном уровне, могут по мере развития племени или нации, расширения связей между ее деревнями и централизации ее культуры в каком-нибудь городе освободиться от местных условий и обобществиться в трансцендентных богов, либо каждый из своего вида — кукурузы или вина, — либо имеющих еще более широкое влияние на сельское хозяйство или погоду. Метеорологические боги не ослабевают в силе даже из-за обширных миграций, ибо они правят повсюду; и это может быть причиной их преобладания в высших религиях. Растения, из которых получают одурманивающие вещества, такие как сома или виноградная лоза, доводящие людей до состояния, напоминающего безумие, или бред колдуна, который, как предполагается, одержим, особенно легко воспринимаются как источники вдохновения. Вера в духов растительности, возникшая любым способом, может быть расширена в зависимости от обстоятельств и менталитета племени, пока каждый лес не будет населен дриадами.

(h) Природные объекты, на которые поначалу смотрели с благоговением и поэтому наделяли магической силой — вершины гор, овраги, водовороты, вековые деревья, — при анимизме становятся обителью духов; и они, опять же, могут, по аналогии с другими, перестать восприниматься просто как местные. Среди мавров “джнуны, которые образуют особую расу существ, созданных до Адама, обычно считаются активными в случаях или в местах, вызывающих суеверный страх, и во многих случаях они являются олицетворением некоторых таинственных качеств людей или безжизненных предметов”.[203]

Однако в каждом из этих случаев (f), (g), (h) может быть предложено эвгемеристское объяснение. Что касается (f), Спенсер, конечно, утверждал, что тотемным предком всегда является человек, который носил имя животного и был смешан с ним после смерти; а доктор

Риверс предположил, что некоторые боги, которые, по-видимому, произошли от тотемов, на самом деле могут представлять героев, у которых были такие тотемы.[204] Что касается (g), Грант Аллен предположил, что дух кукурузы или виноградной лозы всегда сначала является духом человека, на могиле которого выросло растение.[205] А что касается (h), дух горы может быть призраком человека, который был похоронен на ее вершине; а дух водоворота - призраком человека, который утонул в нем. Действительно, некоторые духи могли возникнуть одним из этих способов, другие - другим; и то, что произошло в любом конкретном случае, может быть определено, если вообще может быть установлено, только путем изучения его конкретных обстоятельств.

(i) Абстрактные идеи могут на очень ранней стадии культуры персонифицироваться и рассматриваться как духи. Семанг, по словам господ. Скит и Блэгден олицетворяют Смерть, Голод, болезни;[206] и белоки, согласно преподобному Дж. Х. Уиксу, приписывают все личные качества помощи духов; так что, если один человек борется лучше другого, это потому, что в нем дух Эмбанда.[207] Современные греки Македонии олицетворяют Госпожу Оспу и умилоствуют ее.[208] В десятой и последней книге Ригведы “впервые появляется обожествление чисто абстрактных идей, таких как Гнев и Вера”. [209] На более высокой ступени культуры мы находим Фидеса, Фортуну, Конкордию и многие другие. Такие вещи воспринимаются как таинственные силы, и у них есть названия; и пока они напоминают демонов. Почему же тогда они не должны быть персонифицированы и умилоствованы, как демоны?

(j) Были указаны различные способы, с помощью которых грамматические структуры языка, метафоры и другие фигуры речи могут влиять на развитие мифологии.

(k) Поскольку анимизм получил всеобщее признание, духи могут свободно изобретаться в поясняющих мифах. Калинийцы верят, что гром и молния - это звон и сверканье браслетов на руках Кидилумай, девушки, которая танцует на небесах, как раньше на земле, от радости при виде долгожданного дождя.[210] Было бы абсурдно предполагать, что она когда-то жила на земле. Некоторые из экои говорят, что Гром - это великан, марширующий по небу; другие, что Гром - враг Молнии и, увидев ее, рычит, чтобы прогнать ее.[211] Если бесплатное изобретение может породить мифы, оно может модифицировать старые, приводя к результатам, которые не всегда можно интерпретировать на основе общих принципов.

Наконец, любые духи, которые были очеловечены по аналогии с призраками предков, могут быть дополнительно замаскированы путем придания им мифических семейных связей с предками и друг с другом, как это произошло с Вакхом и Деметрой.

§ 7. Как воображаются призраки

Призраки и духи обладают одинаковыми качествами и характерами, едят одну и ту же пищу, появляются во снах, вселяются в людей и животных, помогают колдунам, посылают болезни, определяют успех охоты или сельского хозяйства. Поначалу это твердые предметы, не совсем бестелесные, просто невидимые обычным людям при дневном свете; хотя собаки или свиньи могут видеть их даже тогда. Призрак настолько связан со своим трупом, что не всегда ясно, кто именно выходит из могилы и ходит; и можно судить, отправился ли уже покойник в Ад или все еще бродит по окрестностям, наблюдая, остаются ли утром следы вокруг его могилы; и чтобы призрак не ходил, можно набить брюхо трупа камнями, или переломать ему конечности, или

закопать его поглубже и засыпать землей; или можно сжечь его. На юго-востоке Австралии по ночам можно услышать, как призраки спрыгивают с деревьев или с неба.^[212] Можно услышать, как они говорят или поют, обычно тонкими голосами, как летучие мыши: как

“закутанные в простыни мертвецы

Действительно пищали и тараторили на улицах Рима”.

Духи могут обладать всеми атрибутами животного тела; ибо двое из них подстерегли австралийца и сделали из него волшебника, вынув его внутренности и заполнив полость внутренностями одного из них.^[213] Они могут жениться на смертных, как дьявол зачал Калибана от ведьмы; и не так давно “инкубы” доставляли много хлопот по всей Европе. Короче говоря, привидение или дух может действовать физически, точно так же, как и человек, потому что у него те же органы; но с большей силой, потому что он таинственный и внушающий большой страх. И такие верования сохраняются среди людей, культура которых намного выше австралийской, как в борьбе Джейкоба с чем-то у брода Джаббок и убийстве Греттиром призрака Глама в Торхаллстаде;^[214] и Евтим, боксер, надев доспехи, победил призрака Ликаса в Темесе.^[215] По сей день в Македонии существуют вампиры, или ожившие трупы (в основном турки), которые ходят, душат людей и сосут их кровь.^[216] “Труп мусульманина, - говорит Р. Бертон, - частично разумен в гробнице”.^[217] Калифорнийский карок считает высшим преступлением произносить имя мертвого, ибо оно заставляет разлагающийся скелет ворочаться в могиле и стонать.^[218] На самом деле, трудно думать о собственном будущем трупе как о полностью неодушевленном, и это добавляет некоторого дискомфорта к мыслям о смерти. Согласно Вундту, Körperseele, как “Собственная жизнь керперса”, является отправной точкой анимизма независимо от дыхания и сна и, вероятно, предшествует им, которые предполагают идею свободной отделимой души.^[219] Эта путаница идей в популярном анимизме, как мне кажется, вызвана (1) сильной ассоциацией призрака с трупом и совершением обрядов (которые должны где-то происходить, если вообще происходят) естественным образом на могиле или в связи с реликвиями; (2) проявлением призраков в виде видимых, говорящих, осязаемых тел во снах; (3) трудностью представить живых духов и действовать иначе, чем по подобию тела (хотя нечеловеческие формы — обычно животные — иногда заменяются); (4) удобство такого воображения для рассказчика; (5) удобство их для магов и проводников мистерий, которые полагаются на такое воображение в создании иллюзии путем внушения. Веками в массовом сознании могло существовать смешение призрака с трупом наряду с более утонченным представлением о душевном веществе, в котором проявляется призрак, в то время как не предпринималось никаких попыток примирить эти представления; и только благодаря метафизическим тонкостям в отношении “разума” и “материи” или мистическому отвращению к чувственности представление о чистом бестелесном духе, не имеющем даже пространственных ограничений, наконец-то освободилось от этих примитивных ассоциаций, частично и среди немногих людей. Тенденция к абстрактному пониманию духа действительно возникает обычным способом “диссоциации” из-за веры в переселение душ. Ибо, если дух может “обладать” всевозможными телами — людьми, растениями, животными и т.д., — он независим от какого-либо конкретного тела; хотя все еще может считаться, что ему нужно *какое-то* тело. Там, где идея чистого духа утвердилась среди образованных людей, тем, кто верит в привидения и забыл о своей душевной сущности, становится необходимым объяснить, как дух может проявляться в глазу, ухе, носу, руке без физического тела, “материализуясь” подобно невидимому пару (скажем, собственному

дыханию морозным утром), конденсирующемуся в облако или росу; ибо сила аналогии как вспомогательного средства для мышления или как заменителя его еще не исчерпана.

Разнообразие верований, встречающихся то тут, то там в мире, не может быть объяснено без гораздо более полного знания местных обстоятельств, чем это обычно доступно. Семанги говорят, что души красные, как кровь, и размером не больше кукурузного зернышка;[220] малайцы говорят, что это туманные, призрачные, пленчатые сущности, размером примерно с большой палец человека;[221] в обоих случаях в форме владельца. В других частях Индийского архипелага “оживляющий принцип понимается не как крошечное существо, ограниченное одной частью тела, а как своего рода жидкость или эфир, рассеянный по каждой части”. [222] Менее образованные слои населения Японии рассматривают душу как маленькую, круглую, черную штукуну, которая может покидать тело во время сна. [223] У экои душа - это маленькое существо, обитающее в груди, пока человек жив; но после смерти расширяется до полного роста тела. [224] Трудность нахождения души в теле заставляет одних мыслителей предполагать, что она должна быть очень маленькой, других — очень ослабленной - тонкой, как тень, и невидимой, как дыхание.

В то время как многие дикари, подобно нам, верят, что тело содержит одну душу и испускает один дух, экои верят в два: один оживляет тело человека, другой вселяется в какое-нибудь животное в кустах или превращается в него. Три души - растительная, чувствительная и рациональная - хорошо известны европейской философии. Манданы думали, что у человека есть одна черная, одна коричневая и одна светлая душа; но только последняя вернулась к Владыке Жизни. [225] Наблюдатель, рассказывающий нам об этом, также сообщает (стр. 484), что некоторые дакоты приписывают каждому человеку четырех духов: одного, который умирает вместе с телом; другого, который остается с ним или рядом с ним; другого, который отчитывается за свои поступки и после смерти отправляется в мир духов; и еще одного, который остается с небольшим пучком волос умершего, который хранится у него. родственниками до тех пор, пока они не смогут выбросить его во вражескую страну, чтобы он превратился в бродячего враждебного демона. В Западной Африке мисс Кингсли также нашла четыре души: одну, которая переживает тело; другую, которая живет с каким-то животным в кустах; третью, тень тела, которая каждую ночь ложится в тени великого бога и там восстанавливает свои силы; и, наконец, душу из сна. Некоторые туземцы считают, что три последних являются функциями первой, или истинной души; но знахарь лечит все четыре по отдельности. [226] Тень человека, его отражение, его имя, его тотем, его дыхание, призрак из его сна, его кровь, его труп являются естественными отправными точками для таких спекуляций. Некоторые китайские философы считали, что “у каждого из пяти внутренних органов есть своя отдельная мужская душа”. [227] Я не обнаружил веры в шесть душ; но в Сибири алтайцы различают шесть частей или (скорее) состояний или стадий души; и это, вероятно, всего лишь еще одна попытка передать то же значение. [228] Мистер Скит сообщает, что, вероятно, в древнем анимизме малайцев у каждого человека было семь душ; хотя сейчас они говорят только об одной; за исключением использования заклинаний, когда к душам обращаются отдельно. [229] В религии Осириса, похоже, было еще большее количество душ: судя по имени, форме, силе, тени и т.д.: все они воссоединились с бессмертным двойником человеческой мумии, если их оправдают на страшном суде. Профессор. Видеманн предполагает, что эти верования, возможно, были собраны из разных местных источников и сохранены из страха потерять что-либо, что могло бы

быть правдой.[230] В то время как, таким образом, донаучный разум часто обвиняют в смешении отдельных вещей, здесь мы видим противоположную тенденцию овеществлять абстрактные аспекты и разделять вещи, которые по своей природе едины; и одной из вероятных причин этого является практический интерес к лечению, а следовательно, и отдельного внимания к определенным аспектам человека в обрядах экзорцизма, люстрации, призыва, усиления, умиловствления.

Вера во внешнюю душу, которая существует отдельно от вас (хотя и отождествляется с вами в добрых или злых целях) в животном, кустарнике или где-либо еще, могла возникнуть из-за связи души с тенью или отражением. Тень действительно привязана к ногам человека (за исключением тех случаев, когда он прыгает), если видно все целиком; но ночью она уходит: с заходом солнца она тянется далеко по равнине, а затем исчезает. Отражение совершенно отдельное и видится *внутри* водоема (как в зеркале), а не на поверхности, приближаясь к нам, когда мы приближаемся, и удаляясь, когда мы удаляемся: отсюда легко понять, что сфотографировать человека может означать отнять у него душу. Если такая душа может находиться на расстоянии нескольких футов, почему она не может быть намного дальше, если есть какой-либо мотив (например, желание сохранить тайну) желать или думать, что это так? Если он может находиться в бассейне, почему не в чем-то другом? Что, собственно, с ним становится, когда мы отворачиваемся? То, что это должно быть в животном в буше, достаточно разумно, если чей-то Тотем (даже если он плохо запомнился как таковой) - это животное в буше, и если вы сами в некотором роде принадлежите к этому животному.

§ 8. Происхождение и судьба Душ

Верования относительно происхождения душ иногда носят характер причудливых мифов-объяснений. Семанги говорят, что души растут на дереве душ в мире Кари (их главного бога); откуда их приносят птицы, которых убивает и съедает будущая мать; души рыб и животных также добываются матерями, употребляющими в пищу определенные грибы и травы.[231] Здесь принята аналогия с ростом плодов: она настолько знакома, что не нуждается в дальнейших пояснениях. Предположение Лейбница о том, что монады являются *продолжениями Божественного*, [232] находится примерно на том же уровне мышления. В других случаях мы видим борьбу за рождение идей, которые все еще кажутся правдоподобными: таков широко распространенный принцип, согласно которому каждая нынешняя человеческая душа является реинкарнацией предка, который мы находим в Австралии, Меланезии, Борнео, Манипуре, на Конго, в Северной Америке и в других местах. Баконго, по-видимому, основывают свою веру в реинкарнацию частично на личном сходстве; на этом основании можно подумать, что у ребенка есть душа даже живого человека; так что указывать на такое сходство неприятно, поскольку это подразумевает, что, имея душу ребенка, он должен скоро умереть.[233] Еще одна причина, по которой они приводят свою веру, заключается в том, что ребенок рано говорит о вещах, которым его не учила мать, и что это должно быть связано с тем, что старая душа говорит в новом теле. Но альбиносы баконго являются воплощениями духов воды, и их очень боятся. Возможно, в некоторых случаях люди начинали с того, что называли детей в честь своих предков, а позже пришли к выводу, что те, кто носит такое же имя, должны быть одними и теми же людьми. Платон считал, что по своего рода закону сохранения психики в мире всегда должно быть одинаковое количество душ:[234] следовательно, должна быть реинкарнация. То,

что ничто абсолютно не возникает и не погибает, хотя впервые было открыто в ионийской философии, обычно предполагается в мышлении дикарей; так почему же это не должно быть верно в отношении душ?

Что касается судьбы душ, то, по-видимому, среди человеческих племен существует еще большее разнообразие верований, чем относительно их происхождения. Они могут проходить более одной стадии развития: как на западных островах Торрессова пролива, после смерти человек становится сначала *марийцем*, а позже *маркайцем* с более определенным статусом;^[235] или, как в случае с веддами, сначала человека без особой уверенности называют “живым”, и только через несколько дней он становится, после испытания своей личности. добродетель, *яка*,^[236] или подлинный призрак. Часто мертвые перевоплощаются, но интервал между смертью и возрождением может пройти в подземном мире, или в городе в лесу, или бесконечно долго в стране предков. Они могут превращаться в растения; как у мафулу, призраки стариков становятся большими грибами, растущими в горах;^[237] но чаще в животных; возможно, в их тотемы или (по кажущемуся капризу) в таких существ, как термиты или дикие свиньи; или (потому что крылья, кажется, соответствуют духу) в бабочку или пчелу; или в сов или летучих мышей, которые преследуют ночью и обитают в пещерах, которые могут быть гробницами; или в оленей или кошек-медведей, потому что их можно увидеть на полянах возле гробниц; или в змей, потому что видно, как они выходят из гробниц и часто заходят в хижины, как будто возвращаясь в свои дома, и, более того, сбрасывают шкуры и таким образом символизируют обновление жизни. Они также могут стать звездами, или падающими звездами, или простыми обнаженными демонами, или белыми людьми.

Только после столетий размышлений о судьбе наших душ возникает в какой-либо систематической форме доктрина метемпсихоза, которая сейчас преобладает над большей частью южной и восточной Азии, а ранее была известна в Египте и даже в Греции. Но в широко распространенных доктринах перевоплощения в людей, животных или даже в растения, а также в общей вере в то, что душа может странствовать и обладать любым видом тела, мы видим источники, из которых черпал свои воды этот огромный поток суеверий. Буддийскую веру в то, что не душа странствует, а ее карма (или характер) создает новое тело, можно рассматривать как регресс от анимизма к Магии; ибо что это, как не закон действия оккультной силы или добродетели?

Хотя призрак переживает тело, и можно сказать (как в Ekoï), что он не может погибнуть, и даже может быть указана причина (как в случае с архипелагом Бисмарка), что его природа отличается от природы тела,^[238] он ни в коем случае не всегда бессмертен. Оно может умереть, так сказать, естественной смертью, в забвении; или, поскольку следующий мир точно такой же, как этот, призраки могут сражаться вместе и убивать друг друга;^[239] согласно тонганцам, призрака можно убить дубинкой; у баконго его можно уничтожить, сожгв его труп.^[240] Считалось, что первоначальным мотивом кремации было уничтожение призрака; но западные жители Тасмании кремировали своих мертвецов и вряд ли могли сделать это для того, чтобы избавиться от такого мягкого анимизма, который, по-видимому, был присущ восточным племенам, которые хоронили своих мертвецов или бросали их.^[241] Однако, они, похоже, избавились от этого; тогда как, как правило, призраки переживают кремацию, потому что этот процесс не может положить конец снам; и тогда может сложиться мнение, что сожжение

необходимо для освобождения души от тела; и, следовательно, жена Периандра, тирана Коринфа, пожаловалась ему на холод в мире призраков, потому что ее одежда была только похоронена в ее могиле, а не сожжена.[242] Согласно египтянам, призрак участвовал в каждом увечье тела и погибал с его растворением. Можно утверждать, что даже боги умирают, если ими пренебрегают, и их бессмертие зависит от продолжения их обрядов и жертвоприношений.[243]

Пока призрак живет, его жилище может находиться на земле или в небе, в море или лесу, или в стране заходящего солнца, или в стране предков, откуда, как помнит племя, оно мигрировало. Прежде чем отправиться в эту неоткрытую страну, он может бродить по могиле или старому дому до похорон, или пока плоть не истлеет, или до поминального пира, или пока смерть не будет отомщена; или он может бродить по стране, как обиженный демон, если его похоронные обряды не будут должным образом соблюдены. Для всех призраков может быть одно место, или два, или больше, в зависимости от их возраста, или ранга, или качеств (общительных или необщительных), или от того, были ли у них сверлены носы; или в зависимости от способа их смерти, от насилия, самоубийства или колдовства. Уже поздно считать, что наша посмертная судьба зависит от моральных качеств (как это происходит при метемпсихозе); и даже тогда это зависит от местных представлений о хорошем человеке как о соблюдающем обычай, религиозные обряды или, наконец, веления совести.[244] Я помню, как в детстве было сложно понять из проповедей, насколько “попадание на небеса” зависит от того, насколько ты хороший (добросовестный) или от веры. Оба казались очень желанными, но между ними была тень противостояния, и быть хорошим было немного опасно. Но вера была необходима и, по-видимому, более сложной из двух, нуждающейся в большем разъяснении, увещании и повторении.

Путешествие призраков в их собственный мир может быть коротким или долгим, ничем не приукрашенным переселением или богатым подробностями приключений. Они могут начать новую жизнь точно так же, как закончили эту, или же старая может быть омоложена. Что касается их образа жизни там, то чаще всего это повторение их земного состояния, возможно, лучшего или даже намного лучшего, возможно, худшего. И эта концепция исторически имеет первостепенное значение: ибо (1) она, по-видимому, дает наибольшую уверенность в загробной жизни. Юм приписывает то, что казалось ему недоверием людей относительно будущей жизни, “слабому представлению, которое мы формируем о нашем будущем состоянии, происходящему из-за отсутствия сходства с настоящей жизнью”. [245] И (2) из этой концепции вытекает развитие призрачных политий: возглавляемых, в соответствии с племенами, у которых нет вождей, вождем, таким как Дамарулум, или величайшим известным лидером охоты, таким как Канде Яка из веддов; при прогрессирующих политических структурах вождами, среди которых один может быть верховным и, таким образом, стать королем или лордом из всех. Эти призрачные политики поддерживают земные, которым они подражают. Повсюду это здание, построенное надеждой и страхом, под руководством аналогии, а иногда украшенное по капризу, если это находит одобрение в племени.

§ 9. Обращение с призраками

Поведение людей по отношению к призракам своих умерших в основном определяется страхом. Человеческая сила, покинувшая труп, теперь невидима; эта сила, редко вызывающая доверие, находясь в теле, особенно когда ее не наблюдают, сохраняет свои желания, капризы и

ненависть, которые частично контролировались социальными влияниями. Что управляет ими теперь, когда человек освобожден от наблюдения? Как можно защититься от него, или заручиться его нейтралитетом, или даже (как иногда во плоти) его помощью? Страх перед призраками обладает особыми качествами: невидимость духовного врага вызывает общую беспредметную подозрительность и чувство беспомощности; ассоциации с физическим состоянием трупа и темнотой вызывают чувства, очень похожие на те, которые вызывают змеи и рептилии. Этот страх объясняет, почему дикари, такие как австралийцы, могут веками верить в привидения, никогда не отваживаясь помолиться даже умершему отцу или матери; ибо молиться - значит взывать, и они придут, а в целом в них нет нужды. Страх может заставить выживших покинуть соседство с мертвецами; иногда заставляет их прибегать к средствам, чтобы заставить призрака уйти, и выдумывать истории о том, как и куда он уходит, в которые верят по биологической необходимости; потому что, если они не смогут избавиться от призрака и страха перед ним или каким-либо образом установить *мир божий*, продолжать жить невозможно.

"Ерка-майнинг" никогда не хоронят своих мертвых и никоим образом не избавляются от них. Увидев приближающуюся к соплеменнику смерть, они разводят для него хороший костер и покидают окрестности, чтобы не возвращаться в течение значительного времени.^[246] Сакаи, с любовью похоронив умершего с ожерельями, кошельками и т.д., говорят ему: "Не вспоминай больше своего отца, мать или родственников. Думай только о своих предках, ушедших в другое место. Твои живые друзья найдут еду". Затем они сжигают его дом и покидают поселение, бросив даже посевы.^[247] У кикую "если человек умирает в деревне, эту деревню часто сжигают, и люди уходят и строят в другом месте", хотя на окрестных полях могло быть потрачено много труда. Больных людей часто бросают.^[248] Там, где земля плотно заселена, такое бегство становится невозможным, и в любом случае это очень неудобно; так что, если кто-то может поверить, что можно обмануть призрака или отпугнуть его криками, молотя по воздуху сучьями или головешками, пуская стрелы или ружья, или удержать его от ходьбы, переломав ноги трупу, или ударив его ножом. разместите заряженные "стрелялки-призраки" (соломинки, наполненные порохом) вокруг могилы, тем лучше. Принято много таких планов, и в них *нужно* верить.^[249]

Привязанность, однако, играет свою роль в обращении с мертвыми: разумно приписать привязанности зарождение практики оставлять еду на могиле, хоронить оружие или украшения вместе с трупом, совершать погребальные обряды с причитаниями; хотя со временем этот мотив может смешаться или вытесниться страхом перед призраком или страхом быть заподозренным в убийстве умершего с помощью колдовства, если ритуалами пренебрегают или им вредят. Нет ничего необычного в том, чтобы носить с собой кости усопших, вешать себе на шею черепа безвременно умерших младенцев. Дикие ведды, хотя и прикрывают труп ветками и долгое время избегают этого места из страха быть побитыми камнями, тем не менее испытывают сильное чувство товарищества к духам своих умерших.^[250] На восточных островах Торресова пролива Мириам совершают эсхатологическую мистерию, в ходе которой недавно умершие вновь появляются на своем пути в мир иной. Женщины и дети принимают это за реальность: говорят, что их привязанность удовлетворена; и в то же время их страхи развеиваются убежденностью в том, что призраки, которых они видели на пути в Ад, больше не будут преследовать их.^[251] Древние скандинавы верили, что мертвые все еще связаны с живыми глубокой симпатией.^[252] Поскольку обряды, начатые в привязанности, могут стать умиловительными из-за страха, а после установления молитвы могут быть продолжены для

получения помощи духов или богов в охоте, войне, мести, любви, сельском хозяйстве, торговле или любом начинании ради пропитания, богатства или власти, каждая страсть, в свою очередь, ищет своего удовлетворения через анимизм.

Расточительность в погребальных обрядах, часто разоряющая семью, иногда может быть сдержана соображениями экономии или удобства. Так, некоторые племена Южной Австралии могут сжечь все имущество умершего, за исключением его каменных топоров, которые слишком ценны, чтобы их могли потерять выжившие. Наги хоронят вместе с телом вещи, наиболее тесно связанные с умершим; но вещи небольшой ценности — никогда оружие или сердоликовое ожерелье.^[253] Тоды, которые сжигают своих умерших, кладут тело на носилки со множеством ценных подношений и трижды поворачивают его над огнем; затем они забирают деньги и более ценные украшения, а остальное сжигают вместе с трупом. Они говорят, что мертвые все еще могут пользоваться всем, что было подвешено над огнем; и рассказывают историю, объясняющую церемонию; но доктор Риверс замечает, что “это символическое сожжение имеет большое преимущество в том, что ценные предметы не сжигаются и доступны для использования в другой раз”.^[254] Арауканцы хоронили много вещей вместе с мертвыми, а на могиле вождя убили лошадь. Но все ценные вещи — серебряные шпоры, удила и стальные наконечники копий — они заменили деревянными. Что же касается лошади, то скорбящие съели ее, и призраку не досталось ничего, кроме ее кожи и души.^[255] Экономия также может вызвать веру в то, что призраков легко обмануть или они необъяснимо глупы каким-то особым образом: как в широко распространенной практике выноса трупа из дома через дыру в стене; полагая, что после немедленного заделывания дыры призрак никогда не сможет найти дорогу обратно; так скоро он забывает знакомую дверь. Это дешевле, чем сжигать дом дотла. Суеверные практики могут осуществляться с саморазрушительным увлечением или ограничиваться по желанию: во Флориде (Меланезия) в определенном ручье очень большого угря приняли за привидение; никто не мог купаться в ручье или пить из него — “за исключением одного пруда, который для удобства считался не священным”.^[256] Противоречивое желание создает ограничивающее убеждение. Хотя часто самые болезненные или отвратительные обряды совершаются из страха перед призраками, в других случаях они считаются настолько скучными, что мы испытываем искушение сказать: “Все, что удобно, заслуживает доверия”.

Если мы хотим узнать будущее, призраки настолько мудры, что мы консультируемся с их оракулами и платим солидные гонорары их вдохновенным священникам; но если мы боимся их присутствия, легко принять любое предположение, что они тупы или одержимы. Они могут (например) страдать тем, что психиатры называют “арифманией”. Возвращаясь с похорон, посыпьте землю семенами проса: тогда призрак никогда не сможет догнать вас, потому что ему придется остановиться, чтобы сосчитать их. Или повесьте сито у себя под окном: он не сможет войти, пока не пересчитает все отверстия; более того, его система счисления не выходит за пределы “двух”. Вы всегда можете преградить ему путь, проведя поперек него линию и притворившись, что перепрыгиваете через линию, как если бы это был поток воды: конечно, он не может пройти мимо этого. Или проложите в лесу круговой след, начинающийся у его могилы и возвращающийся к ней: он должен идти по нему вечно, всегда заканчиваясь у одной и той же холодной могилы. Увы, бедное худое, дрожащее создание, которое хотело бы вернуться к старому очагу и сидеть рядом с сородичами у огня, смеяться старым шуткам и слушать старые истории — в основном о призраках, — неужели ты забыла все шутки, которые можно сыграть с такими, как ты? Такова гомеопатия суеверий: воображение порождает страх перед призраками, а воображение лечит его.

Воображение-убеждения, подверженные влиянию настроений и страстей, неизбежно противоречивы. Уроженцы архипелага Бисмарка - каннибалы и очень боятся призраков тех, кого они пожирают. Во время пиршества они вешают кусочек для самого призрака, а после поднимают шум, чтобы отпугнуть его. Тем не менее они сохранили его череп и челюстную кость, которые, как можно было бы предположить, особенно часто посещает призрак; так легко другие страсти побеждают страх. О страхе перед призраками иногда кажется правдой то, что Бэкон говорит о страхе смерти, о том, что в уме человека нет такой слабой страсти, но она сочетается с ним и управляет им. Кошунственные негодяи всегда грабили гробницы, даже гробницы фараонов, которые были богами; а робкие влюбленные назначали свидания на кладбищах. У индейцев Сиа в Северной Мексике был мастерский способ обращения с призраком убитого врага: они присоединяли его к телу вместе со скальпелем; когда его приносили в деревню, шаман возносил длинную молитву и таким образом обращался к призраку: "Теперь ты больше не враг; твой скальп здесь; ты больше не будешь уничтожать мой народ".^[257] Говорят, что главным мотивом охоты за головами в Малайе был захват и порабощение призрака врага. Сравните поведение римлян, увезших Юнону из Вейи и поселивших ее в Риме. Непоследовательность (иногда встречающаяся) предположения, что личные качества человека должны сопровождать его призрак, и все же поедание какой-то части его тела для обретения этих качеств, может быть связано с тем, что последняя практика была магической и сохранилась после расцвета анимизма. Некоторые эскимосы обладают такой властью над призраками с помощью Магии, что почти не боятся их. После смерти призрак мирно пребывает в доме четыре дня (если это мужчина) или пять (если женщина), а затем с помощью церемонии отправляется на могилу, чтобы подождать там, пока в деревне не родится ребенок, когда его вспоминают как духа-покровителя ребенка.^[258]

§ 10. Эволюция и распад анимизма

Анимизм, берущий начало в вере в человеческие призраки, имеет тенденцию распространяться как объяснение того, что ранее приписывалось Магии (если мы примем, что это было раньше); хотя он далек от того, чтобы охватить всю область, которая, таким образом, открыта для него. Мы видели, что степень его распространенности как объяснительного принципа и, следовательно, как основы культов, сильно различается у разных народов. Но более интересным, чем распространение веры в действие духов, охватывающей все больше и больше объектов, является постепенная дифференциация некоторых из них от обычных призраков по силе, характеру и рангу, а также их интеграция в семьи и государственные образования, что мы видим в "Эдде" и "Илиаде". Процесс, длящийся веками и меняющийся у каждого народа, невозможно описать кратко: работы Э. Б. Тайлора, Герберта Спенсера, В. Вундта и других в этой области хорошо известны. В целом можно сказать, что, принимая во внимание влияние географических условий, традиций и иностранных сношений, главной причиной эволюции духовного мира является политическая эволюция тех, кто в него верит; так что патриархаты, аристократии, монархии и деспотизм этого мира находят отражение на небесах. Племена с низшей культурой — некоторые африканские пигмеи, жители Огненных островов, мафулу, семанги, ведды - имеют наименьший уровень анимизма; на последующих ступенях — австралийцы, меланезийцы, конголезцы, индейцы, полинезийцы — анимизм усиливается и становится более систематическим; и он достигает высшей точки в варварских цивилизациях Египта, Вавилонии и Индии, а также Мексики и Перу. Но в цивилизациях нашего современного типа она быстро теряет почву под ногами.

Причина таких различий в распространении и проработке анимистической гипотезы не может заключаться в том, что у одних племен было больше времени, чем у других, чтобы обдумать ее; поскольку у всех них было одинаково долгое прошлое. Известно, что анимизм очень древний, и нет никаких оснований думать, что некоторые расы приняли его позже других. То, что на низших ступенях культуры людям нужны мозги, чтобы додумать это, не является удовлетворительным объяснением; потому что при контакте с высшими расами отсталые народы показывают себя способными на гораздо большее, чем можно было предположить из их первоначального состояния. Развитие культуры зависит от многого, помимо местных мозгов, а именно от возможностей, предоставляемых ресурсами их среды обитания, и общения с другими народами. Самые отсталые народы - это самые изолированные народы. Развитие анимизма - это полностью вопрос оперирования идеями; и мне кажется, что прежде чем люди смогут строить с помощью идей, они должны строить своими руками; должны быть занятия, которые воспитывают конструктивную силу и дают ей преимущество, как, например, при изготовлении лодок, строительстве домов и храмов; ибо по сей день материальные сооружения нации всегда по ясности плана, согласованности и полезности намного опережают их системы теологии и философии; потому что они должны “работать”, как говорят прагматики. Если вы когда-нибудь осматривали линкор, сравните его с Kritik d. r. Vernunft. Во-вторых, подходящая модель для построения идей должна быть представлена в мире фактов; и это, как мы видели, обеспечивается социальной и политической структурой племени; которая, опять же, явно коррелирует с улучшением архитектуры при строительстве домов вождей и богов. В-третьих, благоприятным условием разработки любой теории является наличие средств фиксации, либо в устной литературе, либо (что еще лучше) письменно, уже достигнутых успехов; и, в—четвертых - условие, исторически связанное с вышеизложенным, — рост класса людей, обычно касты или ордена жрецов, иногда поэтов, у которых есть время подумать, а также образование и призвание приводить накапливающиеся массы анимистических — теперь религиозных—идей в больший порядок и последовательность. Следовательно, в развитии анимизма есть две стадии — конечно, не разделенные резко: во-первых, длительный период неравномерного роста племенного сознания; и, во-вторых, гораздо более короткий период, в течение которого распространение анимистической теории более или менее зависит от квазифилософской рефлексии.

С выделением высших существ - героев, предков или других богов — из числа обычных призраков возникает религия. Что касается значения слова “религия”, то здесь действительно нет согласия: одни подчеркивают важность верований в отношении сверхъестественных существ; другие - в молитве, жертвоприношении и других обрядах поклонения; третьи - в эмоциях благоговения и тайны. Определение “религии” (как племенного института) всеми тремя этими признаками представляется мне наиболее удобным планом и наиболее приемлемым для общего употребления. То, что, с одной стороны, чистый буддизм (если он когда-либо был живой верой вне круга философов и святых), а с другой стороны, духовное состояние нескольких дикарей, которым может не хватать того или иного признака, не является серьезным возражением. Первый случай, по сути, исключителен и аберрантен, а второй рудиментарен; не давать им названия “религия” в техническом смысле ни для кого не является неправильным. Таким образом, понимаемая таким образом религия вносит в развитие и поддержку анимизма множество социальных выгод и других влияний; особенно влияние династий, которые, как предполагается, произошли от богов; и духовенства, чье существование и авторитет зависят от предполагаемой необходимости их вмешательства в богослужение. В их руках свободное

массовое развитие анимистических идей подходит к концу и уступает место координации идей путем размышления и диктовке догматов и ритуалов политикой. Простые мотивы надежды и страха, которые приводили в действие популярный анимизм, теперь дополняются династическими и жреческими интересами и амбициями, за которыми скрывается едва осознаваемый и плохо обслуживаемый интерес общества к порядку.

Этот более поздний изощренный анимизм, поскольку он овладевает людьми, навязывается им внушением, авторитетом и обманом; но, будучи наложен на древние народные традиции, которые никогда не стираются, он по-прежнему вызывает чувства благоговения, утешения, надежды и восторженной преданности. Роль обмана в истории анимизма, действительно, начинается с самого начала, возможно, ей предшествовали и к ней готовились уловки торговцев Магией. Среди племени арунта женщин и детей учат, что рев быка во время церемоний посвящения - это голос духа Тваньирики.[259] Недалеко от гавани Самоа во время сбора урожая привидениям в миске предлагают часть первых плодов; и пока семья доедает остатки, “хозяин дома тайком помешивает подношения в миске своим пальцем, а затем показывает это остальным в доказательство того, что души умерших действительно приняли участие”. [260] Предполагается, что столь ранняя цель оправдывает средства. Анимизм, как и Магия, стремится поддерживать свое воображение, еще больше стимулируя его; и в обоих случаях такие практики для многих людей совместимы с твердой верой со стороны практикующего, который просто стремится способствовать общественному благу, поддерживая более слабых собратьев: сам он слаб в восприятии несоответствий. Но меня интересует главным образом происхождение, и я больше не буду касаться этой тошнотворной темы.

Параллельно с развитием религии происходят изменения в эмоциях, связанных с анимизмом. Когда боги выходят из мрака ночи и могилы, очищаются от запаха тления и удаляются на вершину мира, на них больше не смотрят с содрогающим страхом, который возбуждают призраки; когда они приобретают ранг вождей и королей, чувства привязанности, благоговения, долга, зависимости, лояльности, присущие служению таким высшим, направляются к ним; и поскольку их власть намного превосходит власть королей и подразумевает полную зависимость человека и природы от их поддержки и руководства, эти чувства — часто удивительно сильные по отношению к земным правителям — могут быть направлены по отношению к богам. достигните сильнейшего накала фанатизма. Превозносимые жрецами и поэтами атрибуты богов преувеличиваются до тех пор, пока у размышляющего ума не возникают трудности относительно того, как какие—либо другие силы могут существовать вопреки им или даже отдельно от них: так что возникают философские проблемы относительно существования зла и ответственности, и врачи рассуждают высокопарно.

“О провидении, предвидении, воле и роке,
Неизменной судьбе, свободной воле, абсолютном предвидении,
И не имеющем конца, затерянном в блуждающих лабиринтах”.

Это одна из причин распада анимизма: сила, которая охватывает все силы, перестает быть объектом и становится имманентностью всех вещей, добра и зла. Другая причина - сложность теогоний или духовных царств с их порядками и степенями: это кажется слишком причудливым,

когда иерархические деспотизмы, давшие аналоги, уступают место более простой социальной структуре демократий; или, для определенного типа демократов, даже оскорбительным, провокационным пренебрежением суверенитетом народа. У анимизма есть и другие враги - рост позитивизма, а иногда и возрождение Магии.

ГЛАВА VI

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МАГИЕЙ И АНИМИЗМОМ

§ 1. Вопрос о приоритете

Магия и анимизм сейчас повсюду процветают бок о бок или в запутанной ассоциации, и те, кто в них верит, не подвергаются дискриминации, какой она может быть со стороны наблюдателя. Что касается их происхождения, мы видели, что оба они доисторические; бесполезно спрашивать об этом у верующих (которые могут только сказать вам, что они узнали об этих вещах от своих предков) или искать какие-либо прямые доказательства. В главе IV. Я упомянул общие соображения в пользу приоритета Магии; но ничего не сказал о противоположном мнении, что анимизм предшествует Магии, а Магия производна: этого мнения придерживаются многие, и среди них Вундт, чье рассмотрение проблемы требует внимания.

Проф. Вундт считает, что идея души старше Магии и имеет три основных источника: (1) общее видение, или Керперсиле (сознание как атрибут тела), дается немедленно, без необходимости какого-либо размышления, в результате ассоциаций восприятия; ибо мышление, чувство и воля являются постоянными элементами живого тела.^[261] Влияние этой идеи проявляется в практиках совершения подношений умершим на их могилах, сохранения самого тела, обращения с кровью и различными частями тела как с проводниками души, использования обрезков волос и ногтей в колдовстве и так далее. При контакте эта душа может быть перелита в другие вещи. Но свободное Тело, существо, отличное от тела и противоположное ему, предлагается (2) дыханием и прекращением жизненных функций тела с последним вздохом — *Nauchseele*; а также (3) снами и видениями — *Schattensee*. Эта третья концепция постепенно подчиняет себе две другие и играет главную роль в развитии анимизма и мифологии.^[262] Что касается магии (*Zauber*), то сначала ее всегда приписывают человеческой воле; поскольку это первоначальный тип причинности. Обычные события не поднимают вопроса о причинах для Естествоиспытателей; но только экстраординарные события поднимают этот вопрос, такие как болезнь и смерть. Даже боль или смерть от ран являются чем-то само собой разумеющимся, поскольку предшествующие им явления ему видны; но у боли или смерти от болезни нет такого обычного предшествующего явления; поэтому, чтобы объяснить их, он представляет себе врага, который может действовать на расстоянии с помощью колдовства. Колдовство он понимает как воздействие одной души на другую; либо прямо, либо косвенно с помощью различных приспособлений, таких как пантомимическое нанесение вреда посредством изображения. Сначала считается, что пантомима воздействует на душу жертвы и, таким образом, вызывает болезнь в ее теле; но чем чаще повторяются такие ритуалы, тем больше затемняется вмешательство души. Ибо в многосвязных ассоциациях, особенно там, где первое и последнее звенья выступают как средство и цель, средние звенья склонны исчезать; и поскольку в данном случае это идеи о душе, после их утраты остается неопределенная идея о каком-то

непостижимом действии на расстоянии посредством пантомимы: тогда это уже не колдовство, а Волшебство. Точно так же фетиш, или талисман, или амулет (который отличается от фетиша только тем, что не является объектом культа) изначально обязан своей силой пребывающему в нем духу, но может выродиться в магический предмет.^[263] Следовательно, Магия всегда производна и вторична; а анимизм полностью независим от Магии.^[264]

Эта теория разрабатывается с профессором. Вундт обычно полнота и методическая четкость; и экспозиция изобилует интересными дискуссиями; но он не убедил меня. Керперсиле, как атрибут тела, конечно, вообще не является душой. Обычное восприятие других людей, интерпретируемых самосознанием, с привычным обращением с другими (и с самими собой со стороны других) как с сознательными телами, что затрудняет понимание того, что труп действительно мертв, несомненно, влияет на анимистические обряды; ибо даже если можно поверить, что душа, видимая во снах, живет, осознавая свое прежнее тело в стране грез, все же какое-то сознание, по-видимому, остается с телом в могиле. Однако многие обряды, совершаемые на могиле, также могут быть поняты в связи с верой в то, что душа, хотя и ведет отдельное существование, как это видится в снах, все же желает вновь поселиться в своем теле или защитить свои зарытые сокровища, и поэтому, хотя ее новый дом находится далеко, часто возвращается и бродит по соседству со своей могилой, и непременно вернется, если ее призовут. Но только после того, как душа, видимая во снах, стала объектом популярного верования, может быть сформировано какое-либо представление о теле-душе - или, точнее, о душе внутри тела, а оттуда и о душевной субстанции тела, которая покидает тело после смерти (и при других условиях) в качестве проводника сознания. Эту душевную субстанцию, которая покидает тело после смерти, можно легко отождествить с дыханием, но только после того, как обсуждение снов породит веру в отделимую душу. Тот факт, что в холодную погоду последний вздох (или любой другой!) может показаться на мгновение в виде пара и больше никогда не быть замеченным, сам по себе не может предполагать отдельного постоянного существования, подобного существованию души; и на значительной части земли такой пар редко образуется при дыхании. Керперзееле и Хаучзееле, следовательно, не являются независимыми источниками анимизма, но полностью зависят в своем воображаемом существовании от Шаттензееле, от роста веры в отделимую душу, видимую во снах.

Что касается колдовства, его можно определить как Магию, практикуемую с помощью духов; и поскольку его существование подразумевает, что вера в духов и их влияние уже сформировалась, можно также полагать, что оно действует, во-первых, на души своих жертв и, таким образом, во-вторых, на их тела. Затем, как объясняет профессор. Вундт, иногда происходит процесс ретроградации, в ходе которого духи забываются, и остаются только механические ритуалы в качестве остатка голой Магии. Точно так же фетиш иногда становится просто магическим талисманом или амулетом. Это вряд ли можно оспорить; но это не доказывает, что вырождение Магии является *единственным* источником Магии или что Магия не имеет (по большей части, на самом деле) другого, независимого происхождения. Этот вопрос трудно оспорить на основе фактов, потому что магические практики имеют такую глубокую древность. Если, например, кто-то настаивает на том, что церемонии интичиума племени арунта, насколько у нас есть доказательства, предназначены не для воздействия духовной силой на души эму или ведьмачеттигруб, а непосредственно для того, чтобы с помощью Магии способствовать плодородию этих предметов, то можно было бы ответить, что таков, действительно, их нынешний характер, но что первоначальным намерением, должно быть, было способствовать плодородию, сначала воздействуя на их души, и что об этом забыли.

Или, опять же, если бы кто—то указал на маленькие камешки, завернутые в кору и, как полагают кайтиши, являющиеся хранилищами злой Магии, как на не имеющие знака фетиша, никакого символа, указывающего на то, что их сила принадлежит духам, так что они кажутся просто магическими, ответ был бы готов, что из-за длительного использования и ретроградности они, возможно, перестали быть фетишами, но хорошая теория требует, чтобы они имели такую природу раньше. Таким образом, любой случай явно голой Магии может рассматриваться как остаток исчезнувшего анимизма; или, если его происхождение недавнее и поддается установлению, все же можно сказать, что он был создан по аналогии с таким остатком.

Следовательно, мы вынуждены основывать аргументацию на психологических условиях таких убеждений. Является ли природа человеческого разума, насколько мы можем интерпретировать ее на уровне дикаря, таковой, что вера в анимизм обязательно предшествует вере в Магию и (позже) порождает ее; или же возможно указать условия, которые могут независимо породить Магию? Согласно проф. Вундту, как я уже говорил, колдовство предшествует Магии и, поначалу, всегда приписывается человеческой воле, потому что это первоначальный тип причинности. Вопреки доктрине Юма (говорит он), обычный ход событий не возбуждает в дикаре идеи причинности или необходимости объяснения. Customary series of events belong to those matter-of-course properties of things which he, eben wegen ihrer Regelmässigkeit, unmöglich hinweg denken kann.[265] Именно необычные происшествия — несчастные случаи, штормы, засуха (когда очень хочется дождя) и особенно болезни и смерти — пробуждают в нем потребность в причинно-следственном объяснении. Он привык к боли от ран, где он видит условия, за которыми они всегда следуют; но боль от болезни не имеет такого предшествования, и он восполняет пробел в рутине свободными ассоциациями, воображая, что эта боль также должна быть делом рук какого-то врага. Ибо в регулярном ходе событий для него существует только одна область, в которой проявляется эффект, не являющийся результатом его собственных волевых действий. Связь, действительно, является всего лишь фактом; но она включает в себя ощущения и переживания его собственной силы сверх того, что он знает о своих Владениях. Это, как видел Беркли (говорит проф. Вундт), является истинным источником понятия причинности; хотя истинный принцип причинности требует устранения этой субъективной основы его происхождения.[266]

Конечно, верно, что дикарь не имеет определенного представления о принципе причинности; но у него есть смутные представления обо всех его главных признаках — необходимости некоторого предшествования для каждого события, регулярности связи и пропорциональности; и, вероятно, в глубинах его ума абстрактный принцип достиг некоторого прогресса в направлении зрелости. (a) Основанием или источником таких идей, согласно Юму, является обычный опыт; и то, что такой опыт включает в себя свою собственную причинность (и, следовательно, не нуждается в объяснении), доказано проф. Дж. Утверждение Вундта о том, что именно необычное в первую очередь требует причинного объяснения; потому что там отсутствует знакомая причинность; так что дикарь пытается заполнить лауну, насколько он может, в соответствии с типом того, что является обычным. Но (b), по словам проф. По Вундту, в регулярном ходе событий есть только одна область, в которой впервые возникает идея причинности (хотя и иллюзорная), а именно: наши собственные действия, в которых мы осознаем нашу собственную власть над началом события. И никто, я полагаю, не сомневается, что понятие силы изначально происходит от осознания наших собственных усилий[267]: смотрите с симпатией на действия других людей и животных и с сочувствием — на движения деревьев, камней, ветра и воды. Все это, однако, происходит так рано у индивидуума и у расы в

целом (вероятно, у высших животных), что, прежде чем ощущается необходимость причинного объяснения, мир видится как бы пронизанным силами, которые проявляются в *каждом* обычном ходе событий, а не только в произвольных действиях. Опять же (с), власть - это только один характер примитивной веры в причинность: другой, не менее важный, - единообразие; а изучение наших собственных действий, как известно, неблагоприятно для обнаружения единообразия. Без какой-либо очевидной причины нашу внутреннюю деятельность вообще трудно контролировать; сложные рефлексy (такие как зевота, чихание, смех, плач) контролируются очень несовершенно; наши привычные действия, однажды начавшись, продолжают сами по себе и часто начинаются без (или вопреки) нашим желаниям, особенно жестам и мимике; при переутомлении контрольные флажки при болезни часто теряются;[268] мы не всегда придаем одинаковый вес одним и тем же мотивам и не осуществляем свои намерения, будь то хорошие или плохие. Но если отношение воли к действию явно неоднородно, его нельзя считать необходимым; так что волеизъявление обычно рассматривается как особая область каприза. Это очень важно в анимизме. Но, далее (d), если бы связь между волей и движением была более постоянной, чем она есть, все равно было бы крайне маловероятно, чтобы идеи причинности черпались главным образом из нашего сознания о ней; ибо интерес действия заключается не в простом контроле наших собственных движений или власти над началом событий, но в достижении наших целей; и нет такой области природы, в которой отсутствие связи было бы столь впечатляющим. Именно из-за этой неудачи дикарь увлекается идеями магической и (позже) духовной помощи. Наконец (e), воля не контролирует боль - головную боль, колики, ревматизм и т.д.; и все же нам говорят, что дикарь, будучи поражен таким недугом, сразу же приписывает свои страдания воле какого-нибудь врага, действующего на расстоянии. Такие умозаключения не примитивны, а являются результатом длительного роста суеверий. Среди австралийских аборигенов обычно считается, что болезни и естественная смерть вызваны магическими практиками врага, а не просто его волей.

Таким образом, мы не обязаны делать вывод, что, поскольку воля является типом необходимой связи, Колдовству или любой другой форме анимизма предшествовала Магия. С другой стороны, существуют условия, которые, возможно, независимо породили веру в Магию. Дикарь часто сталкивается с регулярными последовательностями событий, которые из-за отсутствия аналитических способностей он не понимает ясно, но которые существуют в его уме как типы, определяющие его восприятие других последовательностей. Когда два интересных события происходят примерно в одно и то же время, более позднее вспоминает более раннее; потому что впечатление от более раннего, будучи глубоким, сохраняется и склонно к повторному возбуждению почти любым происшествием. Затем между ними образуется ассоциация, которая при многократном повторении закрепляется в сознании так же сильно, как и менее интересные. Человек считает, что они связаны; и ожидает, что совпадение повторится, как это обычно бывает; и чем ярче, тем больше он желает или боится этого. Такие ожидания, вместе с идеей невидимой силы и гнетом тайны, постепенно укрепляют веру в Магию. Вероятно, ни один путешественник среди диких народов или наблюдатель за неискушенными людьми у себя дома не подумает, что здесь слишком много внимания уделяется силе совпадений, порождающих общие ожидания. Даже халдейские жрецы (как нам говорят) понимали идею причинности, но не в полной мере. “Когда было замечено, что два события происходят одно за другим, первое было причиной второго. Отсюда их стремление записать небесные явления и события, которые произошли после каждого из них”. [269] Египтяне, говорит Геродот, “всякий раз, когда

происходит чудо, наблюдайте и записывайте результат; затем, если что-то подобное когда-либо произойдет снова, они ожидают тех же последствий”.[\[270\]](#) Они просто свели к системе универсальную практику неаналитичных умов.

§ 2. Магия и религия

Таким образом, происхождение Магии не зависит от анимизма; и в истории человеческой мысли Магия, вероятно, предшествовала анимизму как воображаемый агент в объяснении и контроле интересных и неясных событий. Сэр Дж. Дж. Фрейзер, в "Истории правления королем и магическом искусстве",[\[271\]](#) говорит, что Магия, как средство удовлетворения своих желаний, предшествует религии, понимаемой как средство достижения своих целей путем умилоствления духов. Это гораздо более узкое утверждение, чем то, что Магия предшествует анимизму (чего, возможно, он не утверждает), и оно пропорционально более оправданно. Хотя приоритет Магии перед анимизмом, как мне кажется, имеет некоторую низкую степень вероятности, приоритет Магии перед религией, как умилоствления духов, представляется вероятным в гораздо большей степени; поскольку у нас есть четкая информация, что и австралийцы, и индейцы Гвианы широко практикуют Магию, а также верят в призраков и духов, не умилоствляя их.[\[272\]](#)

С другой стороны, объяснение сэром Дж. Г. Фрейзером того, как Религия вытеснила Магию, вызывает сомнение. Он предполагает, “что запоздалое признание врожденной лживости и бесплодия магии заставило более вдумчивую часть человечества задуматься о более верной теории Природы и более плодотворном методе привлечения ее ресурсов к ответственности. Более проницательные умы, должно быть, со временем пришли к пониманию того, что магические церемонии и заклинания на самом деле не приводят к тем результатам, на которые они были рассчитаны”, и волшебник сделал вывод, что “если великий мир продолжал свой путь без помощи его или его собратьев, это, несомненно, должно быть потому, что были другие существа, подобные ему, но гораздо более сильные, которые, сами того не замечая, направляли его ход”.[\[273\]](#) К ним он обращался сам и искал молитвой то, что раньше надеялся получить с помощью Магии. Таково предположение сэра Дж. Дж. Фрейзера, выдвинутое в предварительном порядке и (несомненно) плохо согласующееся с фактами, которые он представил нам. Ибо он показал, что никакой опыт не может дискредитировать Магию в целом в неискушенных умах; что определенные виды Магии иногда отодвигаются Религией на задний план, но никогда не забываются; в то время как другие виды Магии сливаются с самой Религией и составляют существенный фактор в ее обрядах; так что действительно мало тех, о ком можно сказать, что они посвятили себя Религии *вместо* Магии. Кроме того, единственное основание, на котором проницательный ум, отбросивший Магию как дискредитированную опытом, мог предпочтительно прибегнуть к поклонению духам, должно заключаться в том, что опыт показал, что молитва и жертвоприношение более эффективны, чем Магия, в достижении наших целей. Есть ли основания думать, что (если не считать счастливых совпадений) такое когда-либо случалось? Не лучше ли сказать, что независимо от того, полагаешься ли ты на магию или на религию, опыт неудач почти ничего не значит? Так много отговорок под рукой.

Дело представляется мне таким образом: сначала вера в Магию возникает как средство достижения добра и предотвращения зла. Основанный, как говорит сэр Э. Б. Тайлор,[\[274\]](#) на желании “открывать, предсказывать и вызывать события”, он непреодолимо привлекателен своей способностью повышать уверенность человека, удостоверяться.

Во-вторых, на каком-то этапе после расцвета анимизма религиозные практики добавляются к магическим, чтобы сделать уверенность вдвойне надежной, точно так же, как одна магическая практика может быть добавлена к другой, ритуал - к заклинанию. На данном этапе нет ощущения противоречия между Магией и Религией. То, что на самом деле они противоположны по своей природе, как неизменяемая капризная сила, даже если бы это различие было оценено дикарями, не должно препятствовать их сотрудничеству; ибо Магия, как известно, является тенденцией, которая может не дать желаемого эффекта либо из-за противодействия высшей Магии, либо из-за несовершенства ритуалов; и никто не видит причин, по которым нельзя умолять духа дополнить несовершенные ритуалы, либо расстроить высшую Магию. Молить о вмешательстве духов, когда в них полностью верят, - акт настолько простой и естественный, что мы можем задаться вопросом, как его вообще можно опустить там, где преобладает анимизм. Ибо что может быть более спонтанным, чем попросить помощи у своего отца или друга, и почему бы не попросить бестелесных духов так же свободно, как и духов во плоти? В Меланезии поклоняются не каждому призраку (как не обладающему *маной*); но человек, оказавшийся в опасности, может обратиться к своему отцу, дедушке или дяде: близость родственников является достаточным основанием для этого.^[275] Конечно: и то, что это не всегда делается там, где водятся призраки, может быть только потому, что считается, что чем меньше иметь с ними дела, тем лучше! Вероятно, это соображение на века сдерживает ранние порывы к молитве. Первобытный человек предвосхищает совет Конфуция: “Проявляй всяческое уважение к духовным существам, но держись от них на расстоянии”.^[276]

В-третьих, определенные формы Магии через некоторое время начинают отвергаться или наказываться: черная магия, потому что она антисоциальна и преступна; другие формы Магии, когда ими занимаются частные практики, потому что они нарушают монополию на сверхъестественную силу, на которую теперь претендуют династии и жречество; или (другими словами) потому, что общественные боги завидуют всем конкурентам. Законная Магия теперь была объединена с Религией. И сила религии становится больше, чем Магии без религии, не только благодаря поддержке влиятельных классов, но и потому, что религия, будь то поклонение общественным богам или как колдовство или поклонение дьяволу, поражает человеческий разум особыми ужасами; и, опять же, потому, что религия, если она проясняет морально и эстетически, все больше и больше апеллирует к привязанностям - к семейным привязанностям и верности. Безличность чистой Магии ставит ее (как и Науку) в крайне невыгодное положение в этом соревновании.

Наконец, хотя неудачи Магии всегда нуждаются в оправдании, например, ошибкой в ритуалах или противодействием более сильной Магии, Религия приносит с собой новое оправдание неудаче, а именно каприз умиловивленных духов или богов. По своему усмотрению они могут отвергать молитвы и жертвоприношения. Упорство в подобном поведении с их стороны иногда наказывается изгнанием, лишением сана или другим наказанием — цивилизованными методами Китая; в других случаях - более громкими молитвами и более экстравагантными жертвоприношениями в стиле, который достиг кульминации в Мексике вместе с властью варварского духовенства. Тем не менее, боги могут быть упрямыми; и, вероятно, оправдание неудачи умиловивления капризом богов с самого начала рассматривалось как приемлемый прием:^[277] не замечая, что каприз богов был несовместим с безопасностью их почитателей; и, следовательно, находился в конфликте с тем желанием безопасности, которое является корнем всего сверхъестественная структура, будь то магическая или религиозная. Этот конфликт должен иметь последствия.

Таким образом, религия, весьма вероятно, возникла позже Магии; но является ли анимизм, как вера в отдельных (или отдельных) духов, людей или других, более поздним явлением, чем Магия, или нет, доказательств недостаточно. Во всяком случае, их происхождение независимо. Возможно, мое собственное предпочтение приоритету Магии зависит, по крайней мере частично, от удобства этой точки зрения при изложении следующих соображений.

§ 3. Идеи и практики магии, принятые анимизмом

(a) Фундаментальной в Магии, где бы она ни практиковалась, является идея силы, невидимой и неосязаемой, которая может действовать на расстоянии без какого-либо видимого или осязаемого средства. Эта идея, возможно, сформировалась (как мы видели) по аналогии с несколькими природными явлениями, такими как ветер, лучистое тепло, звук, запах, и она связана с верованиями дикарей относительно эффективности чар, ритуалов и заклинаний. Когда человек умирает, он лежит безмолвный и неподвижный, никак больше не проявляя свою обычную силу; но, если его увидеть во сне, он все еще говорит и действует, возможно, борется со сновидцем. Вот, значит, та сила, которая покинула тело: она видна и осязаема только во сне или, возможно, иногда в сумерках; или для одаренных провидцев, или для собак или свиней. Сила, проявляемая призраком или духом, - это то же самое, что сила магическая, за исключением одного свойства: ее действие непостоянно, в зависимости от доброй или злой воли призрака или духа; тогда как чисто магические силы имеют единообразные тенденции. Таким образом, магия подготавливает и частично развивает эту идею таинственной силы, без которой появление мертвеца во сне после того, как его тело было похоронено или сожжено, не имело бы реальности или практических последствий для живых. Сравнение с тенями и отражениями не могло бы придать реальности снам, ибо они требуют присутствия тела и сами по себе не имеют механического значения. Их связь с духом или привидением, вероятно, вытекает из использования их имен для описания образов сновидения, у которых поначалу не может быть собственного названия. Поскольку одни и те же названия используются для тени или отражения, а также для духа или души сновидения, эти вещи в какой-то мере отождествляются; и тогда идея силы может быть связана с тенями и отражениями; так что падение тени на человека может ранить или убить его.

Магическая сила и сила духа - это одно и то же, поэтому вопрос о том, является ли *мана* магическим или анимистическим понятием, вводит в заблуждение. Разные племена будут воспринимать это тем или иным образом в зависимости от относительной распространенности в том или ином племени анимистического или магического способа объяснения.

(b) Разумно ожидать, что по мере распространения теории о привидениях магическую силу вещей иногда следует рассматривать как духовную; так что амулеты и талисманы стали бы рассматриваться как обязанные своей силой либо контролирующему духу, либо внутреннему духу, свойственному каждому из них: в последнем случае амулет является фетишем. Когда, таким образом, рассматривается заклинание, его эффективность больше не ожидается одинаковой, а зависит от настроения внутреннего или контролирующего духа. Тот факт, что его эффективность, хотя ранее предполагалось, что она единообразна, никогда таковой не была, благоприятствует новой интерпретации; и после того, как это было принято, культ (или дисциплина) духа склонен следовать. Таким образом, маг становится колдуном или священником.

На севере Центральной Австралии короткие палочки или кости используются для указания на врага и направления против него магической силы. Только гуанги и другие племена побережья Мексиканского залива изготавливают из костей мертвецов (бедренной или малоберцовой кости) наконечники; но ими торгуют на юге, и они считаются более действенными, чем другие наконечники.[278] Таким образом, палка - это примитивный талисман, часто "воспеваемый" заклинанием словами Алчеринга, которые сам оператор не понимает; и она действует с помощью чистой магии. Кость мертвеца обладает большей силой, поначалу, возможно, только потому, что она более гнетуще ужасна; нам не говорят, что она несет в себе силу призрака своего бывшего владельца; но насколько близка должна быть эта мысль! На юго-востоке Австралии очень распространено указывать костью (малоберцовой костью человека); указывая, вы называете свою жертву и говорите, как она умрет; но то, что эффективность ритуала не зависит от духа, доказывается тем, что при указании вы туго обвязываете веревку из человеческих волос (прикрепленную к кости) вокруг плеча, чтобы кровь поступала в кость. Однако в других ритуалах, в которых используется жир умершего человека, считается, что призрак умершего помогает операции, поскольку жир человека, особенно жир почек, является средоточием его доблести и других добродетелей.[279] Простое расширение идей по аналогии позволило бы интерпретировать обряд, в котором используется кость мертвеца, и который по этой причине является более действенным, поскольку его превосходящая сила обусловлена помощью призрака мертвеца. Это кажется простым, но сопротивление прогрессу объяснения не свойственно цивилизованному уму.

Опять же, в Юго-Восточной Австралии *крупцу* — камешек, обычно черный и округлый, — волшебники носят с собой в качестве могущественного талисмана. Одному туземцу приснилось, что он увидел двух призраков у своего лагерного костра, а проснувшись, обнаружил на том месте, где они стояли, *громаду*. [280] Как мог такой впечатляющий опыт не пробудить веру в связь между призраками и *громадами*: и тем, и другим, столь привлекательными для воображения, и одинаково таинственными и могущественными? Многие подобные ситуации должны убедительно указывать на расширение теории о привидениях, как только она будет сформирована, для объяснения влияния чар и обрядов. У некоторых племен наступает время, когда активность и вездесущность духов становятся настолько само собой разумеющимися, что их присутствию можно приписать любую таинственную силу. Если человек или вещь изначально были табу, либо из—за присущей им добродетели, либо из—за силы заклинания или проклятия - талисмана, опасного для каждого, кто нарушил его святость, - анимизм объясняет опасность гневом духа-покровителя. Граница долгое время была табу, и считается, что дух защищает границу и становится богом Терминусом. Болезни, сначала приписываемые Магии, позже объясняются анимизмом; так что, в то время как австралийский волшебник довольствуется тем, что высасывает магически имплантированный камень или занозу из тела своего пациента, священник даяков, высосав подобный предмет, называет его духом.[281] Удивительно, что на этой стадии мышления может выжить любая чисто магическая сила.

(с) Предзнаменование рассматривается как предупреждение о каком-либо событии, хотя между событием и предзнаменованием нет прослеживаемой связи - в этом сходство со многими магическими операциями; и поначалу предзнаменования, возможно, всегда воспринимались именно так и лишь постепенно отличались от чар и заклинаний. Но в большинстве частей мира к предзнаменованиям стали относиться как к божественным или духовным предчувствиям; и признаки, отличающие предзнаменования от остальной Магии, таковы, что способствуют росту

веры в то, что они посылаются духами. Однако этот предмет настолько обширен, что ему следует посвятить отдельную главу.

(d) Поскольку заклинания, обращенные к какому-либо объекту, имеют тенденцию к его персонификации, персонифицированный объект может, по мере того как теория о призраках набирает силу, приобретать пребывающего в нем или контролирующего духа, и обращенное к нему заклинание может стать молитвой. Не то чтобы это единственный способ возникновения молитвы; ибо (как отмечалось выше) нет ничего проще или менее нуждающегося в объяснении, чем призыв духа своих родственников (поскольку была установлена теория о привидениях), чтобы помочь кому-либо или, по крайней мере, не преследовать. В самом деле, вполне разумно предположить, что это часто пытались сделать, но не настаивали на этом из-за отсутствия ответа; так что установившемуся обычаю молитвы предшествовал долгий период проб. Также нелегко понять, как вообще могла утвердиться вера в действенность молитвы (начинающейся таким образом), если только она не была подтверждена случайным совпадением — точно так же, как Магия. Однако, поскольку самая ранняя форма молитвы и заклинания (какой бы она ни была более ранней) была одной и той же — простым выражением желания, — из-за чего молитва и заклинание были дифференцированы, может оказаться невозможным решить, относится ли данная эякуляция к одному классу или к другому. Так, г-н Р. У. Уильямсон рассказывает нам, что у племени мафулу в Новой Гвинее, ловя рыбу в реке Адуала, рыбаки, соорудив запруды, но прежде чем закрепить сеть, все вместе произносят что-то вроде молитвы или обращения к реке: “Адуала, дай нам побольше рыбы, чтобы мы могли хорошо питаться”. [282] Но он прямо говорит, что, хотя они верят, что определенные части реки, такие как водопад или глубокий бассейн, населены духами, они не верят в это в отношении самой реки, [283] и что в целом их анимизм очень отсталый. Следовательно, семяизвержение кажется заклинанием. Сравните с ним заклинание Якун, чтобы подвести обезьян на расстояние выстрела:

“Спускайтесь с душами, зачарованными,
Обезьяны, зачарованные моими заклинаниями”. [284]

Таким образом, если первоначальная форма молитвы и заклинания часто одна и та же, то единственное различие между ними заключается в намерении говорящего. Один из курнаев, чтобы остановить шторм, воскликнул: “Пусть западный ветер утихнет”, [285] и это, очевидно, команда и заклинание; но если бы он считал, что ветер управляется духом, изменение тона превратило бы это в молитву. И все же, станет ли заклинание молитвой с распространением анимизма, должно зависеть от того, считается ли, что к духу, к которому обращаются, легче приставать или принуждать.

Табу, которое часто накладывается на имена умерших и других духов, вполне могло быть выведено из магической практики призывания по имени или наречения имени жертвы в ходе ритуала. Обращение к живому человеку по имени привлекает его внимание и часто приводит его в чувство; магическое присвоение имен (исходя из характера Магии) одинаково эффективно; так что, чтобы избежать такого контроля, имена хранятся в секрете; и когда верят в призраков, присвоение имен имеет над ними ту же власть и, следовательно, чрезвычайно опасно. Следовательно, в Колдовстве (опасном искусстве) использовать имена духов в заклинаниях - значит обеспечить их присутствие и помощь; а в молитве использование

истинного имени духа или бога, к которому обращаются, может быть необходимым; намерения молящегося недостаточно.

(е) С распространением анимизма магические обряды часто становятся религиозными. Это может произойти путем простого добавления вызова духа к магическому ритуалу (как может быть добавлено заклинание), чтобы усилить его — при этом два действия остаются совершенно разными; или может иметь место некоторая степень слияния, более или менее скрывающая первоначальный характер практики. Каи (папуасы северной части Новой Гвинеи) “вызывают дождь”, произнося заклинание над камнем и в то же время призывая Балонга и Бату прогнать Йондими, женщину, которая удерживает дождь; а когда выпадает достаточно дождя, они посыпают камень горячей золой или кладут его в огонь, чтобы остановить дождь.[286] Анимистический призыв, поскольку он опущен из процесса прекращения дождя, по-видимому, является просто вспомогательным при его создании. И снова: “Когда в стране ораонов очень хочется дождя, ораоны каждой деревни назначают день для церемонии вызывания дождя. Утром назначенного дня женщины деревни во главе с женой сельского священника или пахана направляются к деревенскому источнику или резервуару, и там, после омовения, каждая женщина наполняет свой кувшин водой, и все вместе направляются к священному дереву пипар.... Подойдя к священному дереву, все женщины одновременно выливают воду из своих кувшинов на корень дерева, приговаривая: “Пусть на землю прольется такой дождь”. Жена деревенского священника теперь наносит на ствол дерева следы киновари, разведенной в масле. После этого женщины уходят, а пахан или деревенский священник продолжает приносить красного петуха в жертву богу Баранде на этом месте.... В данном случае, по-видимому, путем прямого союза жертвоприношение и помазание дерева киноварью были наложены на то, что когда-то, возможно, было чисто церемонией имитационной магии”.[287] Г-н Вард Фаулер сообщает нам, что древний игувийский документ содержит инструкции по люстрации людей перед кампанией: мужской население собралось по своим военным подразделениям; вокруг воинства трижды прошла процессия; в конце каждого круга читалась молитва Марсу и двум женщинам-помощницам его силы, чтобы они благословили народ Игувиума и прокляли их врагов: и он замечает, что религия здесь была наложена на первоначальную магическую церемонию. Ибо идея, должно быть, заключалась в том, что, нарисовав магический круг вокруг воинства, оно было бы защищено в стране врага от враждебной магии, став священным. “Более поздняя анимистическая эпоха считала бы их (солдат) нуждающимися в защите от враждебных духов, о повадках и причудах которых они, конечно, были в полном неведении”. Отсюда и молитва Марсу.[288]

Точно так же обряды, связанные со временем посева и сбора урожая, изначально магические, становятся религиозными, поскольку растут верования в духов риса, кукурузы или виноградной лозы, или в богов земледелия или плодородия. Таким образом, поскольку магическая сила - это то же самое, что и духовная сила, магические практики могут быть не только предпосылками, но даже основой религиозных практик. Долгое время после развития анимизма магические практики поддерживались естественным консерватизмом; если священники существуют, они, конечно, пытаются присоединить такие практики к поклонению своему богу; и если аннексия осуществлена, будь то жреческим руководством или народным движением, долгое время не может ощущаться несоответствия между единообразием Магии и причудами анимизма; все празднование называется Религией и пронизано религиозным чувством.

§ 4. Ретроградация

С другой стороны, во всех этих случаях анимистическая интерпретация силы фетишей, предзнаменований, молитв, обрядов, будь то оригинальные (как считает проф. Вундт придерживается) или приобретенные, могут быть утрачены, и останется только магическая интерпретация. Ибо ум человека становится настолько поглощенным объектами или практиками (такими как фетиши или молитвы), которые считаются необходимыми для удовлетворения любого властного желания, что могут быть забыты не только не относящиеся к делу идеи, но и любые идеи, не являющиеся необходимыми для связи между объектами или практиками и получаемыми удовольствиями; и по мере того, как объекты или практики приобретают интерес сами по себе, могут быть забыты даже ранее желанные удовольствия. Точно так же, как такие средства, как деньги или книги, бизнес или учеба, могут стать целями, исключая дальнейшие наслаждения, так и изображения или ритуалы, поначалу вспомогательные для получения демонической помощи в любви или мести, могут оберегаться с таким рвением, что исключается мысль о каких-либо вмешивающихся средствах для достижения этих целей (особенно о таких средствах, как капризный дух, который может подвести человека), и могут даже использоваться со смутным страхом или дискомфортом из-за их отсутствия, когда больше не вспоминается о какой-либо конкретной цели. Руководствуясь принципом наименьшего усилия, мы уделяем внимание только тому, что необходимо.

(a) Сустав пальца святого сначала может храниться как фетиш, обладающий силой святого спасти от кораблекрушения; через некоторое время его можно носить как амулет, не думая о вмешательстве святого; в то время как зло, которое нужно предотвратить, представляется все более и более смутно. Видя, что духовные и магические силы - это одна и та же невидимая, непостижимая сила, как легко их поменять местами!

(b) Подобным же образом предзнаменования из божественных посланий, каждое из которых относится к определенному начинанию, могут превратиться просто в события, которые ободряют или обескураживают человека или племя в любое время; потому что, по традиции, они бывают удачливыми или неудачливыми. Или практически того же результата может достичь философия: как в случае с теми стоиками, которые объясняли, что предзнаменования являются пророческими не потому, что посланы богами, а потому, что вовлечены в ту же череду роковых событий. Судьба, до того как были открыты какие-либо законы природы, была не чем иным, как всеобъемлющей Магией, которая исключала или опосредовала богов, потому что с философской точки зрения мира они хуже, чем бесполезны.

(c) Что касается молитв, то при любом рациональном их понимании форма слов, передающих их, не может иметь значения для бога, пока они имеют благочестивый смысл и благочестиво обдумываются. И все же повсюду наблюдается тенденция сводить их к строгим формулам, любое отклонение от которых, как опасаются, может снизить их эффективность. Поскольку это происходит, их действие носит магический характер; они стали заклинаниями. Таков результат обычаев, когда умственная инертность слишком тупа, чтобы думать; нерелигиозного темперамента, быстро справляющегося с неподходящей задачей; суеверного духа, лишённого воображения, боящегося упустить какие-либо традиционные средства обеспечения безопасности и для которого молитвенное колесо - путь к миру. Чтобы лишить молитву ее религиозного смысла, есть вездесущий пример магических заклинаний, которые действуют сами по себе. Форма слов, будь то магическая или просительная, которая была одной из

предпосылок мирного или прибыльного времени, по-видимому, является одной из его причин и повторяется для того, чтобы такое время могло продолжаться. Из бесчисленных случаев, когда молитвы превращались в заклинания, ни один не является более поучительным, чем тот, который зафиксирован доктором Риверсом в его отчете о молочном ритуале тогда. Молитвы, возносимые во время этого ритуала, произносятся гортанно, так что слов не разобрать; и они разделены на две части: во-первых, список священных существ и предметов, упоминаемых под священными именами, большая часть которых неразборчива; и, во-вторых, прошение о защите и благополучии буйволов: первое сейчас важнее; второе может быть невнятным или, возможно, опущено. [289] О римских публичных молитвах г-н Вард Фаулер говорит: “Идея о том, что произносимая формула (заимствованная из эпохи магии) была эффективной только в том случае, если не было допущено ошибок, кажется, набрала силу, а не ослабла, как мы могли бы ожидать по мере развития цивилизации”. [290] Чтобы оправдать веру в формулы, можно утверждать, что их предписали сами боги: оправдание суеверного страха перед изменением того, что является традиционным, и убеждения, что сама форма обладает таинственной силой.

(d) То, что другие религиозные церемонии, повторяющиеся из века в век, имеют ту же тенденцию, что и молитвы, превращаться в мертвые формы, из которых ушел дух причастия или набожности — хотя при благоприятных условиях он может время от времени возвращаться, — слишком хорошо известно; и если в их пустоте все еще верят, что они каким-то образом служат своей цели, это может быть только как магические обряды. Можно быть удивленным, обнаружив, на какой ранней стадии культуры эта тенденция полностью реализована. Уильям Эллис, знаменитый миссионер, говорит о жителях Раиатеа: “Эффективность их [религиозных] служб заключалась в строгой точности, с которой соблюдались священные дни и совершались религиозные церемонии, без малейшего учета мотивов и склонностей преданных.... В их идолопоклонстве, каким бы дорогостоящим ни было жертвоприношение и как бы близка ни была церемония к завершению, если священник опустил или поместил не на свое место какое-либо слово в молитвах, или если его внимание каким-либо образом было отвлечено так, что молитва была прервана, все оказывалось бесполезным: он должен был приготовить другие жертвы и повторить свои молитвы с самого начала”. [291] О том, что такая забота о деталях должна быть возвращением к магическим представлениям, можно прочитать в описании ритуалов по прекращению дождя в Торресовом проливе; где (как нам сказали), если волшебник опускает какие-либо детали, дождь продолжается. [292] Возможно, представление о совершенной определенности причинно-следственной связи (хотя и не всегда соблюдаемое в других вопросах) возникло из-за этой тщательной озабоченности суевериями: оно также, однако, служит оправданием неудач как священникам, так и волшебникам.

(e) В Магии должно быть что-то глубоко удовлетворяющее средний ум: это предшествует Религии, обеспечивает основу и каркас религиозных практик и остается, когда религия лежит в руинах; и когда люди меняют свою Религию, они сохраняют свою Магию. Среди фиджийцев, [293] те, кто были обращены в христианство, потеряли свой страх перед колдовством последними из всех пережитков своего язычества. У чероки “Гахуни, как и некоторые другие их шаманы, совмещал профессии индийского фокусника и методистского проповедника”. [294] В Норвегии, после всеобщего принятия христианства, лапландское колдовство все еще ценилось. Считалось, что победа повстанцев при Стиклестаде, где пал святой Олаф, произошла благодаря волшебным доспехам из оленьей кожи, которые Тор Хунд привез из Лапландии; хотя все люди святого Олафа носили крест на шлеме и щите. [295]

Поскольку с тех пор одухотворение Магии и деспиритуализация Религии являются реальными процессами эволюции, может быть трудно или даже невозможно сказать о какой-либо конкретной магической практике без конкретного знания ее истории, является ли она примитивной или остаточной. Сэр Э. Б. Тайлор пишет: “Формулы заклинания в очень многих случаях являются настоящими молитвами и как таковые понятны. Там, где они являются просто словесными формами, оказывающими свое воздействие на природу и человека посредством какого-то необъяснимого процесса, не могут ли они или типы, по образцу которых они были созданы, изначально быть молитвами, с тех пор превратившимися в мистические предложения?”[296] Обстоятельства каждого дела должны определять наше суждение. Что мы скажем, например, об обращениях к духам в Меланезии, где трудно найти ни на одном диалекте слово для обозначения молитвы, “так тесно понятие эффективности привязано к форме используемых слов”?[297] Там заклинания переходят в молитвы или молитвы снова превращаются в заклинания?

§ 5. Духи знают Магию, учат ей и вдохновляют Магов

Призраки знают Магию, потому что они знали ее во плоти; и, по аналогии, подобное знание, вероятно, приписывается духам, которые, как считается, никогда не были во плоти. Поскольку страх возвышает все силы призрака выше его прежней досягаемости, можно ожидать, что он повысит его магическую силу, особенно если он уже был знаменит таким образом. И, как правило, так оно и происходит; но, в порядке исключения, мы читаем, что среди индейцев ленгуа (к западу от Парагвая), хотя любой человек может заниматься магией, профессиональные “знахари” многочисленны и могущественны; однако им не приписывают экстраординарных способностей после смерти.[298] Однако в другом месте мертвый волшебник не забывает своего искусства. Там, где преобладает шаманизм и сила Магии или Колдовства достигает наибольшего социального значения, дух умершего шамана делает некоторый шаг навстречу обожествлению. У бурят умершим шаманам поклоняются с молитвой и жертвоприношениями.[299] Согласно “Калевале”, знаменитому сборнику финской поэзии, в Туонеле (Аиде), куда нисходят все умершие шаманы, накапливаются их мудрость и магическая сила, превосходящие мудрость любого живого адепта; так что даже Вяйнямейнен, герой-волшебник, спускается туда, чтобы выучить магические слова, которых он не знает.[300]

Духи, знающие Магию, также учат ей и делают магов и пророков. В Юго-Восточной Австралии профессия волшебника может передаваться по наследству старшему сыну; или быть получена через инициацию другим волшебником — (выкапывают труп, растирают кости, чтобы неофит их пожевал; его обмазывают экскрементами и т.д., пока он не придет в бешенство, его глаза нальются кровью, поведение станет маниакальным);[301] или человек может стать волшебником, встречающийся с духом, который вскрывает его бок и вставляет кристаллы кварца и т.д.; или черпающий силу из Дарамулуна; или спящий на могиле, где умерший вскрывает его, вынимает и заменяет кишечник. Здесь у нас есть список наиболее распространенных способов, которыми магические силы могут быть приобретены где угодно — по наследству, путем обучения, с помощью призраков или духов; и это наводит на мысль о гипотезе, что сначала магическое искусство наследовалось или изучалось у бывшего волшебника; и что с ростом анимизма в некоторых случаях стало предпочтительнее, поскольку более впечатляюще (и дешевле) приобретать его у призрака или духа. Ибо это более вероятно, чем то, что на ранней стадии

существования анимизма в Юго-Восточной Австралии должна была произойти ретроградация; так что создание волшебников, ранее приписывавшееся только духам, в некоторых случаях должно было быть передано по наследству или профессиональному обучению. То, что, несмотря на большой престиж, который может придаваться диплому, полученному в spirits, право практиковать по наследству или за счет обучения часто все еще сохраняется, хотя, без сомнения, отчасти из-за тупого консерватизма, также можно понять, приняв во внимание семейные и профессиональные мотивы. За обучение колдовству взимается высокая плата, помимо прибыли, получаемой некоторыми племенами от продажи контроля над знакомыми духами; профессия прибыльная, и волшебная семья заинтересована в своей монополии; которая должна быть нарушена, если любой человек, заблудившийся в буше, может вернуться с какой-нибудь нелепой историей о призраке и его новом метафизическом нутре, и сразу же обзавестись эквивалентами медной тарелки и красного фонаря. Среди болоки в Конго профессии кузнеца и знахаря открыты только для родственников ныне живущих адептов. По крайней мере, практически (за исключением нескольких исключительно хитрых и негодяйских незваных гостей, которые подкрадываются, вторгаются и забираются в чужие руки) должность знахаря передается по наследству: отец обучает своего сына и будет обучать (за большую плату) любого юношу, в семье которого уже появился знахарь. Но кандидату, не связанному с семьей, говорят, что сначала он должен убить с помощью колдовства всех членов своей семьи в качестве подношений фетишу той отрасли профессии, к которой он стремится.[302]

Не только духи примитивного анимизма, но и боги более зрелых религий знают Магию и учат ее. В мифологии маори Туматауэнга, один из богов первого поколения, придумал заклинания для приготовления всевозможной пищи в изобилии и для управления ветрами, а также молитвы к Небесам, подходящие для любых обстоятельств человеческой жизни; а бог Ронготакавин, создав героя Вакатау из фартука Апакуры, научил его Магии и колдовству всех видов.[303] Проф. Рис рассказывает нам, что валлийский бог Мат аб Матонви, или Мат Хен (древний), был первым из трех великих магов валлийской мифологии; и он научил магии героя культуры, Гвидиона аб Дона, с помощью которого он создал женщину из цветов.[304] Тевтонский эквивалент Гвидиона - Воден, или Отин; и он тоже был магом, "отцом заклинаний", который приобрел свою мудрость, заглядывая в бездну, пока провисел девять ночей на дереве, принося жертву самому себе (и другими способами); и, в свою очередь, он учит Зигфрида предзнаменованиям.[305] Он также научил северных людей изменять облик и с помощью заклинаний управлял огнем и ветрами.[306] В Египте Магии учил Тот, в Вавилонии - Меродах, а в Японии - бог земли Охономачи. В самом деле, откуда, если не от божественных существ, могла быть получена эта драгоценная мудрость?

Духи также вдохновляют мага или овладевают им, так что через него, как через их рупор или инструмент, произносятся пророчества или совершаются чудеса. Мы видели, что в Юго-Восточной Австралии обряды посвящения в волшебство, проводимые волшебником без помощи духов, доводят кандидата до бешенства или маниякальности. С ростом моды на анимистическую интерпретацию такое поведение (наряду с безумием) приписывается одержимости духом. Распространенные верования в то, что душа человека может входить в него и выходить из него и что человек может перевоплощать дух предка, облегчают эту идею одержимости. Сны о духах также укрепляют веру в то, что торговец чудесами обязан им своими сверхъестественными способностями. Тунгусы Турнхауска говорят, что человек, которому суждено стать шаманом, видит во сне дьявола, совершающего обряды, и таким образом узнает секреты его ремесла. У забайкальских тунгусов тот, кто желает стать шаманом, заявляет, что

такой-то умерший шаман явился ему во сне и приказал ему стать его преемником; и он показывает себя сумасшедшим, ошеломленным и робким. Якутский шаман предназначен служить духам, хочет он этого или нет: он начинает с того, что беснуется как сумасшедший, бормочет, теряет сознание, бежит по лесу, в огонь и воду, наносит себе увечья оружием. Затем старый шаман обучает его.[307] В Конго человек может стать волшебником, заявив, что является медиумом умершего человека; и медиум впадает в неистовство, кричит, дрожит всем телом, его тело сотрясается, на губах выступает пот, пена, глазные яблоки закатываются: он говорит на архаичном языке, если он его знает.[308] В Санта-Крусе (Меланезия) пророчеством занимаются люди, чьими телами завладевают призраки, а их голосами пользуются Аналогично с Пифией: поведение одержимых везде одинаково. Но поскольку такое же поведение характерно для юношеской подготовки волшебника до того, как была принята теория одержимости или вдохновения, ясно, что анимистическая теория не создает феномены, а просто, на определенном этапе мышления, является их неизбежным объяснением.

Способность впасть в безумие может быть проверкой на пригодность к волшебству; профессор боконго, обучающий ученика, бьет в свой барабан, потрясает погремушкой и пытается вселить в него силу фетиша; если ученик остается невозмутимым, он дисквалифицируется; но если он раскачивается под музыку барабана, прыгает как сумасшедший и т.д., он проходит.[310] Эти выходки поначалу поражают наблюдателя, укрепляют веру пациентов в знахаря, а знахаря в самого себя и часто обладают своего рода гипнотическим очарованием как для него, так и для них; и они приобретают ценность в анимизме, являясь также доказательствами сверхъестественной помощи или контроля: и являясь важным признаком адепта на определенных этапах развития искусства. развиваясь, они иногда вызываются ритмичным барабанным боем, пением и танцами, иногда голоданием или наркотиками.

“Черная магия” - это, поначалу, просто использование Магии в антиобщественных целях; очень рано было признано различие между волшебниками, вызывающими болезни, и теми, кто их лечит.[311] “Черные” и “белые” волшебники иногда открыто враждуют.[312] Когда начинают признавать племенных богов, “черными” волшебниками становятся те, кому помогают или вдохновляют низшие боги или демоны, которые могут быть противниками высших богов. Следовательно, тот же самый бог, который, будучи верховным, помогает или вдохновляет благородным образом, может, в случае низложения или вытеснения, стать пособником Черной Магии — как это случилось с нашими собственными богами и с другими до и после прихода христианства; ибо древними божественными источниками силы и пророчеств стали дьяволы и мастера ведьм. Маги нашего Средневековья, прообразом которых является Фауст, были “черными” и в духе шаманизма притворялись, что правят дьяволами; но, находясь в тени христианства, они — по крайней мере, в народном представлении — покупали свою власть дорогой ценой.

§ 6. Духи действуют с помощью Магии

Духи могут действовать через людей, которыми они обладают, или своей обнаженной душевной силой, или словами (то есть заклинаниями), или просто мыслью:

(а) Когда человек одержим духом, это душевная сила этого духа, которая вошла в него и взяла под контроль его голос или конечности; и мы видели, что эта душевная сила такая же, как сила

магическая. Действие духа такое же, как *убугина* или волшебника, который хвастался, что сел на лошадь и ускакал галопом.[313]

(b) Согласно анимизму, до философских размышлений дух не понимается как строго бестелесный; его сила, которая является магической, квазимеханична. Следовательно, на юго-востоке Австралии духи могут унести человека в мешке[314] (сделанный, без сомнения, из материала для сумки-души). Но духи могут действовать на человека очень эффективно, не будучи ощутимы механически; как среди экоев, где призраки бывают либо хорошими, либо плохими, и обычно хорошее сопутствует плохому, чтобы противодействовать его злобности; но если плохой бродит один, и если человек без дара видеть призраков (который зависит от того, что у него четыре глаза) столкнется с ним на улице, призрак не отступит в сторону, а ударит человека в лицо; у того тогда сжимаются челюсти, и он умирает.[315] Поскольку у нас есть основания полагать, что это не естественная этиология запертых челюстей, действие призрака явно магическое: подобно действию свечи-трупа, с которой не так давно на склоне Плинлиммона одной дождливой ночью случайно столкнулся человек и был “сбит замертво, как лошадь”. [316] Само появление призрака (по крайней мере, для любого, у кого не четыре глаза) волшебное. Посылать птицу в качестве предзнаменования - это волшебное.

Эта непосредственная сила богов нигде не проявляется так ярко, как в их метаморфозах: то, что они иногда вызываются заклинаниями или другими чарами, доказывает, что это действие магическое. Австралийские волшебники превращаются в кенгуру и других животных; и, согласно мифологии арунта, в ранний период Алчеринги (период мифических предков) унгамбикула, названные так из—за того, что возникли из ничего, каменными ножами вырезали людей из рудиментарных масс неорганизованной материи (инапертуа), а затем превратились в маленьких ящериц.[317] Таким образом, можно сказать, что такого рода самовнушение начинается с самого начала; и нет необходимости накапливать примеры метаморфоз.

Было предложено несколько объяснений этой веры в возможность изменения формы собственного тела или в то, что она может быть изменена другими людьми, но, возможно, ни одно из них не является полностью удовлетворительным. Нас здесь не интересует переход души из одного тела в другое — из человека в волка или в змею, или наоборот: учитывая концепцию отделимой души, это легко понять. Что должно быть объяснено, так это вера в магическую смену самого тела, как в распространенное европейское суеверие о том, что человек может превратиться в волка и обратно, как Зигмунд и его сын в *Саге о Вельсунгах*. Было указано (i), что дикарь может наблюдать поразительные изменения в природе: например, форму облаков и дыма, горение дерева в пламя, дым и пепел, испарение воды; превращение яиц в гусениц, рептилий, птиц или куколки в имаго; появление червей в разлагающихся телах и так далее.[318] Имея перед собой такие факты, почему бы дикарю не вообразить себя также способным к трансформации? (ii) Образы сновидения также чудесным образом переходят один в другой. (iii) Поскольку людей часто называют именами животных, как легко предположить, что временами они действительно могут быть этими животными. Как легко спутать человека с его тотемом. Во многих танцах дикарей имитируются животные, и воображение - вера в реальность пантомимы становится очень сильной. (iv) Дикарь, когда его воображение возбуждено, не способен разгадывать фокусы и переодевания; и некоторые люди, поначалу в своих собственных целях, возможно, маскировались под животных и выдавали себя за животных; и в подтверждение этого объяснения можно заметить, что животное, в которое люди превращаются, чаще всего вызывает наибольший страх в их округе — волк, леопард или тигр; и,

конечно, в один случай верят, другие следуют по аналогии. Простое сообщение о подобном событии может породить веру силой страха. (v) В дикой стране человек (скажем, тот, кого преследуют) часто исчезает и его невозможно обнаружить; так что может показаться, что он превратился в кенгуру, или в камень, или в дерево, которое появляется на его месте, как Дафна успешно спряталась в лавровых зарослях: или, если такое происшествие не породило веру в метаморфозу, оно, возможно, помогло подтвердить ее. (vi) При психическом заболевании пациент иногда считает себя каким-то животным и действует соответственно: возможно, в результате распространенного убеждения, но, несомненно, также подтверждая это.[319] Взвешивая все эти гипотезы, я склоняюсь к мнению, что, исходя из того факта (как основы аналогии), что в природе и сновидениях наблюдаются поразительные изменения, вера в метаморфозу как магическую операцию основывается главным образом на обмане и уверенных утверждениях волшебников о том, что они могут изменять свою форму, что они и делают, подкрепленная их репутацией чудотворцев и способностью творить чудеса. страхи перед своими соседями. Теперь, если волшебники могут менять свой облик, то, конечно, и боги могут.[320]

(с) Известно, что духи и боги используют амулеты и талисманы, не придуманные поэтами как символы, а ценимые как инструменты своей силы, подобно тому, как чародей ценит свою волшебную палочку. Таковы кадуцей Гермеса, цестус Афродиты, молот Тора Мьельнир, копье Водена Гунгуир и его посох желаний. Боги Египта и Вавилона также носили амулеты. Поскольку вожди часто бывают волшебниками, а также становятся богами, из этого следует, что боги - волшебники; хотя, действительно, как замечает Гримм, их силу скорее следует назвать чудесной, чем магической. Но Магия, будучи высшей силой, известной людям, и самой желанной, конечно же, приписывается духам и богам.

Однако самые обширные способности духов зависят от использования слов или заклинаний. Герой Западных островов Торресова пролива Квоям использовал магические формулы.[321] Боги и полубоги маори совершили свои необычайные приключения с помощью заклинаний. Мауи с помощью заклинаний выуживает сушу со дна моря и превращает своего шурина в собаку; Тавхаки и его брат Карахи с помощью заклинаний становятся невидимыми и мстят за своего отца Хему его врагам; и так далее.[322] Кельтские и тевтонские божества творили чудеса с помощью песен и заклинаний. Исида была величайшей чародейкой, которая когда-либо жила. Она сделала из слюны Ра змею, которая укусила и отравила его; а затем она исцелила его заклинанием, сначала заставив его открыть ей свое имя, знанию которого сам бог был обязан своей властью над богами и людьми; так что она обрела власть над всеми богами.[323]

Как заклинания, используемые людьми, могут быть более эффективными, когда их произносят вполголоса, чем когда они произносятся вслух, так и они могут сохранять свою силу, когда молчаливо желают или думают; то же самое и с духами: для управления событиями им может быть достаточно думать. И эта вера возникает не на очень высоком уровне анимизма; она не нуждается в философском обучении таинственной энергии идей. У индейцев Сиа (Северная Мексика) есть Общество кугуаров, которое собирается на двухдневную церемонию перед охотничьей экспедицией, чтобы умиловить кугуара (пуму), потому что он великий отец и хозяин всей дичи. Считается, что он привлекает к себе всевозможную дичь, неподвижно сидя

со скрещенными руками и мысленно требуя их присутствия; и тем же способом он посылает дичь тому, к кому благоволит.[324]

Таким образом, очевидно, что Магия - это искусство, предшествующее существованию духов и готовое к их использованию; и они находятся в тех же отношениях к ней, что и люди.

Анимистические обычаи изначально магичны — заклинания, обряды, метаморфозы; и все анимистические идеи магичны, кроме одной — капризности духовной воли.

§ 7. Духи управляются с помощью Магии

Дикое воображение, создавшее из снов и других странных переживаний мир невидимых и могущественных существ, которые могут быть дружелюбными или враждебными, — настолько человеческими, что они должны быть доступны для молитв, но часто остаются глухи к ним, должны желать жертв, но часто отвергают их, — капризными и непостижимыми, — стало необходимым, чтобы восстановить доверие во всех отношениях жизни, каким—то образом преодолеть их каприз; и для достижения этого были открыты три пути: во—первых, увеличивать молитвы и жертвы до тех пор, пока их назойливость и дороговизна не станут непреодолимыми - и этот путь привел ко всем великолепию и всем ужасам религиозных обрядов; во-вторых, воздействовать на страхи или уязвимость духов путем избиения, морения голодом, убийства, изгнания или унижения их; или, в-третьих, сдерживать их, как часто сдерживают людей, с помощью магических ритуалов и формул. С самого начала ощущается эта необходимость.

Ограничение духов страхом или насилием характерно для фетишизма. Колдуны Конго ловят духов в ловушки; или загоняют их в животных, которым обезглавливают; или пронзают их копьем в каком-нибудь темном углу, а затем выставляют их кровь на наконечнике копья. Пройдя из Конго через многие века прогресса, мы прибываем в Китай и обнаруживаем, что во время засухи, если бог-город пренебрегает положить ей конец, к нему обращаются с мольбами в первую очередь; но если это не удастся, его идола раздевают догола и выставляют на солнце; или ему вешают на шею железную цепь — знак преступника — до тех пор, пока не пойдет дождь; или его могут вообще свергнуть с престола.[325] Однако такая грубая практика нас сейчас не беспокоит.

Контроль духов с помощью магии, особенно заклинаний — или других духов, которые, в свою очередь, контролируются заклинаниями, — в своей более ранней форме характерен для шаманизма: действительно, это суть шаманизма; хотя, конечно, во многих шаманских племенах, общающихся с народами другой культуры, часто встречаются другие верования, приписывающие духам независимую или даже превосходящую силу. Духи могут быть настолько полностью подчинены заклинаниям, что не вызывают особого страха. У юратов и остяков шаманы обращаются со своими духами без церемоний и даже покупают и продают их.[326] Так поступают эскимосы-ангекоки. В Гренландии “всеми явлениями управляют духи, и эти духи управляются с помощью формул или чар, которыми в основном владеют знахари, хотя некоторыми простыми чарами может владеть и использовать любой человек”. Следовательно, “ничто подобное молитве или богослужению невозможно”;[327] ибо зачем молить духов, которыми ты можешь повелевать? “Господство человека — не всех людей, а одного особо

одаренного (шамана) - над Природой или над высшими существами, которые ею управляют, является фундаментальной идеей шаманизма”.[328] Сила шамана зависит от знания имен, природы и происхождения всех вещей и духов, а также от слов, которые ими управляют; но также и от его собственной экстраординарной личности, проявляющейся в оргиастическом исступлении. Мания величия, тщеславное представление о себе как о “сверхчеловеке”, как правило, характерно для магов. Ничто не может быть более противоречащим тому, что большинство из нас понимает под религией.

Одним из условий распространенности шаманизма среди любого народа или группы народов, по-видимому, является отсутствие среди них вождей, достигших сколь-либо высокой степени политической власти, и, как следствие, несуществование авторитетных богов. Следовательно, он распространяется по племенам Северной Европы и Азии, от Финляндии до Камчатки, и с менее интенсивным влиянием среди индейцев Северной и Южной Америки. При таких условиях шаман никому не подчиняется ни в этом мире, ни, следовательно, в мире духов. Но там, где есть авторитетные вожди, к соответствующим им авторитетным богам обращается группа людей, которые являются скорее жрецами, чем магами, то есть считается, что они занимаются не столько магией, сколько молитвой и жертвоприношениями. И такое положение дел способно привести к росту пышности и экстравагантности обрядов, которым нет видимых пределов; так что в некоторых случаях, как в Ашанти и Мексике, богослужение превратилось в убийство, и установилось своего рода национальное безумие. Ибо от такой практики нет никакой уверенности в удовлетворении желаний; каприз богов такими средствами не может быть преодолен; их аппетит растет от того, чем они питаются, как и фанатизм жрецов.

Теперь в политических делах происходит нечто подобное: каприз деспотических правителей становится невыносимым; и в некоторых странах подчинение их тирании приравнивается к своего рода национальному безумию. В других местах были приняты меры по ограничению власти правителей. Было обнаружено, что, избегая убийств или революций, можно наложить на короля ограничения, основанные на его собственной святости и божественной силе. Одним из таких приемов было окружить его бесчисленными табу, которые, в конце концов, мешают ему что-либо делать. Верно, что очевидной причиной этого было не ограничение его власти, а сохранение его жизнеспособности, от которой зависело благополучие всего мира; и, вероятно, поначалу это было сознательной целью; но одним из следствий этого было ограничение его власти, и полезность этого была ее естественной санкцией. В жизни человека есть много случаев, когда раса получала огромное преимущество средствами, которые, по замыслу сознательных агентов, должны были привести к совершенно иному результату.[329] В нескольких странах, где король был связан табу, другой человек под каким-либо предлогом узурпировал его власть; так что этот способ сдерживания деспотизма не является хорошим. Но в Японии, где это было принято политическим народом, Магнат, унаследовавший власть обремененного табу Микадо, сам, наконец, попал под аналогичные ограничения, в то время как делами руководили его министры. Такова естественная тенденция этого приема среди позитивистов, таких как японцы; в других местах он может передавать королевскую власть воинам или священникам.[330] Другой способ обуздать короля - установить принцип, согласно которому он правит по законам, и что законы, хотя и созданные им самим, не могут быть изменены. И это, возможно, было целью неизменности законов мидян и персов; и согласно Книге Даниила[331] именно таким образом использовался; хотя, конечно, более древний авторитет Геродота[332] показывает, что в некоторых случаях советники короля могли найти выход для своего хозяина. Наши собственные предки, без сомнения, были мудрейшими

людьми, когда-либо жившими; и их план состоял в том, чтобы полностью признать божественность, покровительствующую королю, заявить, что на самом деле он не может поступать неправильно, а затем возложить все беззакония правительства на его министров.

Если короли нуждаются в сдержанности, то невидимые боги нуждаются в ней гораздо больше: и многие народы стремились ограничить их прерогативы либо с помощью Магии, либо с помощью юридических фикций, которые по отношению к богам могут иметь только магическое действие. В то время как тон Ригведы поистине религиозен (хотя даже там “часто выражается идея о том, что мощь и доблесть богов проявляются в гимнах, жертвоприношениях и особенно в подношениях сомы”), “в Яджурведе само жертвоприношение стало центром мысли и желания, его правильное выполнение в каждой детали имеет первостепенное значение. Его сила теперь настолько велика, что он не только влияет, но и заставляет богов исполнять волю исполняющего обязанности жреца”.[333] В египетских обрядах жертвоприношения и молитвы вид жертвы и способ ее умерщвления и разделки были четко и неизменно определены. “Формулы, сопровождающие каждое действие жреца, совершающего жертвоприношение, содержали определенное количество слов, должная последовательность и гармония которых не могли подвергнуться ни малейшему изменению даже самим богом под страхом потери их эффективности. Они всегда произносились в одном и том же ритме, в соответствии с системой мелодии, в которой каждый тон имел свое достоинство в сочетании с движениями, подтверждающими смысл и производящими неотразимый эффект; одна фальшивая нота, один диссонанс между последовательностью жестов и произнесением сакраментальных слов, любое колебание, любая неловкость при выполнении обряда - и жертва была напрасной ”.[334] Но если бы все было в порядке, бог был обязан удовлетворить прошение. Вавилонские религиозные церемонии “имели по большей части ту же цель, что и магический текст, используемый при них; они были не столько общением с небесными божествами, сколько попыткой заставить их определенными словами избавить верующего от неприятностей или даровать ему какую-то пользу”. Церемонии, следовательно, были бесполезны, если не были точно выполнены словом и делом; “ритуал был своего рода действующей магией”. [335] Эти описания религиозных церемоний высших варварских цивилизаций изложены почти теми же словами, которые использует Уильям Эллис в своем отчете о богослужении в Раиатеа примерно в начале девятнадцатого века; за исключением того, что Эллис не говорит, что полинезийские боги были обязаны удовлетворить представленные таким образом просьбы. Соответственно, я рассматривал пример Раяте в условиях Ретроградности, а также примеры Египта и Вавилона как примеры полусознательной политики. Несомненно, и ретроградство, и политика присутствовали во всех случаях; но представляется разумным предположить, что последнее преобладало там, где порядок был более устоявшимся (аналог порядка, требуемого на небесах) и мышление было лучше подготовлено.

Кто-то может задаться вопросом, почему следует отдавать предпочтение магическому ритуалу и доверять ему, а не подлинно религиозному поклонению; поскольку на самом деле оно так же часто должно приводить к разочарованию. Но, во-первых, что касается священства, то сложный ритуал, трудный для выполнения, благоприятствует их власти, потому что только профессионалы могут выполнить его; так что они обязательно должны быть наняты; и чем более сложным и требовательным он является, тем более они необходимы. Но, в таком случае, чем больше внимания требует ритуал, тем меньше остается времени на размышления о богах. Во-

вторых, что касается людей, поскольку неспособность богослужения достичь наших целей может быть вызвана либо (анимистически) капризом богов, либо (магически) ошибкой священника, неудивительно, что люди должны доверять специалисту, чье образование хорошо засвидетельствовано, а не богу, чей характер непостижим. В-третьих, магический ритуал апеллирует к ожиданию единообразия, единственному основанию уверенности в будущем и, следовательно, к тому, чего люди больше всего желают. Тем не менее, религиозная форма обрядов (хотя и лишенная религиозного чувства) сохраняется; отчасти потому, что вся политическая и церковная ткань держится на анимистической традиции; отчасти потому, что анимизм настолько завладел умами людей, что немногие остаются набожными; в то время как даже те, кто считает обряды магическими, не понимают, что магия является антитезой религии, и жестко исключают ее. Лишь немногие естественные позитивисты и философы рассматривают общественное богослужение всего лишь как политический институт.

Идея сделки, юридически связывающей богов, — такая большая помощь для такого большого поклонения — может присутствовать во всех магических ритуалах; но в некоторых религиях аналогия человеческих отношений в соответствии с законом явно распространяется на отношения людей с богами. Еврейская религия была основана на завете; и, по мнению некоторых теологов, то же самое относится и к христианской. Часто говорили, что римская религия подразумевала веру в юридические обязательства, налагаемые на богов должным образом выполняемыми обрядами; и м-р Вард Фаулер, который более высокого мнения, чем некоторые, об искренности религиозных чувств римлян, по крайней мере в частном богослужении, все же говорит, что в *воме публичной* мы находим нечто вроде сделки или соглашения с божеством от имени государства.^[336] Юридическое обязательство подразумевает эффективные санкции, которые могут быть применены к нарушителям, богам или людям; и на низкой стадии анимизма, когда ни один дух не превышает ранга демона, не может быть ничего неуместного в том, чтобы образумить непокорного духа, прекратив его питание или надругавшись над его изображением; но когда высшие боги получили почтение мужчины, чтобы наказать *их*, требуется большая смелость или очень тонкое управление. Китайцы восхитительно справились с этим делом. Император Китая признавал себя подвластным духам Земли и Неба; но он сам был сыном Неба, и все другие духи были подвластны ему. Он одинаково правил как мертвыми, так и живыми. Он создал божества и назначил им их функции; продвигал их по службе и раздавал им почетные титулы, если они совершали добрые дела; или, если они не справлялись со своими обязанностями, унижал их. В "Пекинской газете" можно найти, что "божества фигурируют, не время от времени, а очень часто, в каждом отделе официальных дел, и с ними обращаются так, как если бы они были весьма респектабельными чиновниками высшего ранга, получившими повышение в какой-то верхней палате, чьи способности и влияние, тем не менее, все еще находились на службе государства".^[337] Нигде единство Церкви и государства не было реализовано так полно, а *мир божий* так окончательно установлен. Можно интерпретировать факты по своему усмотрению: анимист может воспринимать их буквально и серьезно; приверженец Магии может рассматривать указы в "Пекинской газете" как заклинания, обладающие принудительной силой в мире духов; мандарин-конфуцианец подумает, что был разработан превосходный план привлечения суеверных людей к поддержке закона и порядка. Мы можем предположить, что для него анимизм - всего лишь эпизод в истории человеческой мысли.

Другой способ исключить духовный каприз, который, как мы могли бы предположить, был открыт философами, но который, по-видимому, старше того, что мы обычно называем

“философией”, заключается в подчинении богов Судьбе. Астрономам или астрологам Вавилона приписывалась идея о том, что Судьба должна быть выше богов, как постоянное небо с неподвижными звездами выше планет:[338] аналогия, характерная для магической мысли. Но корни идеи Судьбы гораздо древнее и шире распространены в медленном, неуклонном росте веры в единообразие, которое является общей основой Магии и Науки; и (как я уже говорил) до того, как были открыты законы природы, Судьба была всеобъемлющей Магией. Судьба низводит богов до статуса колесиков в машине; предзнаменования и оракулы, вместо того чтобы быть посланными или вдохновленными богами, также являются частью механизма и могут указывать на их разрушение; молитвы и жертвоприношения - это другие части механизма и, самое большое, могут быть средством утешения тревоги в собственном сердце. Суровый взгляд на мир: но он дает не только защиту от богов, но также смирение и спокойствие.

Философское христианство рассматривает действия Бога как всегда проявляющиеся в физическом порядке через “вторые причины” или, другими словами, в “законах природы”; а в духовном порядке как всегда соблюдающие моральные законы, которые являются принципами божественного Разума; в любом случае не может быть ни изменчивости, ни тени перемены.

Магия, как и наука, верит в единообразие природы и стремится с помощью знания о них управлять событиями; но Магия так стремится управлять событиями, что ей не терпится узнать истинное единообразие; ею движет не любопытство к истине, как наукой, а слепое стремление к текущим результатам. Культ духов стремится управлять событиями не знанием их естественных причин, а апеллируя к гиперфизическим причинам, и это напоминает веру в Свободу воли, с помощью которой люди надеются, благодаря притоку некоей неизвестной энергии, избежать рабства своих собственных пороков: ибо Кант справедливо рассматривал “Свободу” как космологическую проблему, предполагаемое вмешательство трансцендентной причины, а не хода природы. Вмешательство Свободной Воли (божественной или человеческой) требуется для того, чтобы предотвратить пагубную судьбу, реализовать наши личные или социальные планы быстрее и дешевле, чем это возможно нашими собственными усилиями, избежать последствий наших собственных действий, среди которых рабство нашим собственным порокам: все это дает нам изменчивость, чудо, каприз. Но предвидеть и контролировать физические или социальные события, включая поведение других людей, быть уверенным в последствиях наших собственных действий в соответствии с нашими целями и в стабильности нашего собственного характера: во всем этом должно быть единообразие. В конечном счете последние соображения определяют наши мысли; и необходимость единообразия для рациональной жизни может быть одной из причин нашей веры (пока превосходящей доказательства) в единообразие причинно-следственной связи, пространственных отношений и всего того, что мы подразумеваем под естественным законом.

ГЛАВА VII

ПРИМЕТЫ

§ 1. Распространенность предзнаменований

“Когда на государство или нацию вот-вот обрушатся великие бедствия, часто случается, что есть какое-то предупреждение”, - говорит Геродот.^[339] Действительно, это случается не только с государствами и нациями, но и с выдающимися людьми или даже с простыми мужчинами, детьми и пожилыми женщинами. Пожилая женщина, которая в Англии впервые видит новолуние через стекло, не удивится, когда на следующее утро рыночная корзина выпадет у нее из рук посреди улицы. На Фиджи, если женщина, кладущая бананы в кастрюлю, позволяла одному из них выпасть наружу или если хлебный плод лопался при обжаривании, она в смятении заламывала руки и громко плакала.^[340] весь мир состоит из таких знамений, и уже много тысяч лет, и нет более сильного опровержения вульгарная ошибка, что возраст-это мать мудрости, чем этот, что постарше гонки растет, тем меньше она присутствует в них: или, вернее, в то время как он посещает их все более и более активными вплоть до некоторого критического час—пришли греки (допустим) 400 г. до н. э., и по Западной Европе (мол) А. Д. 1600—она потом начинает игнорировать, быстро забывает их, пока в сравнительно короткое время то, что называется “просвещенная” часть человечества забывает учесть их вообще; хотя хорошо известно, что затмение Луны незадолго до восхода солнца в знаке Лев был знак, что Дарий должен быть побежден в Эрбиле; что в первый день, что Юлий Кесарь восседал на золотом троне, носил пурпурные робы, вол, жертвы, было обнаружено, что нет сердца, при которой Кесарь сам был удивлен, и только после того, как он был убит; и то, что многие знамения и чудеса объявили совсем недавно приходу испанцев в Мексику; Монтесума имел видения и росла тоска, кумир Quetzalchoatl заявил, что странный человек подошел, чтобы завладеть его королевством, а так же ведьм и колдунов; камень говорил и предостерегал его; озеро вышла из берегов; пирамида огонь был замечен в небе; монстры родились с двумя головами, были и другие предзнаменования, все бестолку.^[341]

Предзнаменования, которыми со страхом и трепетом пользовались все люди во все века, иногда рассматривались как результат магической силы, но гораздо чаще как послания демонов или богов; хотя тот факт, что они редко приносят какую-либо пользу получателю или даже понятны ему до окончания события, делает крайне маловероятным, что они связаны с вмешательством какой-либо разумной причины. И что мы должны думать об интеллекте человечества, которое, несмотря на свой опыт обращения с предзнаменованиями на протяжении стольких веков, все еще стремилось наблюдать за ними?

§ 2. Приметы и природные приметы

Дикарю, ищущему дичь или насторожившемуся в ожидании врагов, необходимо распознавать все признаки присутствия врагов или дичи по соседству: следы ног, сломанные ветки и примятая трава, обрывки перьев, волос или экскрементов, остатки пищи или признаки жилья мгновенно бросаются в глаза; шумы или запахи притупляют другие его чувства. Его мир полон этих знаков, и он всегда должен быть настороже в ожидании их: птицы внезапно замолкают, подняв глаза, он видит ястреба; перемена ветра или вида облаков предвещает дождь или хорошую погоду; прилет и отлет определенных птиц — как у нас ласточки и кукушки —

предвещают смену времен года. Во всех этих случаях причинно-следственная связь активна и иногда очевидна, но часто очень неясна: кажущийся порядок может быть обратным реальному порядку: ведь прилет ласточек является предшествующим тому, чтобы мы наслаждались летом; но в природе смена времен года определяет миграцию птиц. О том, что истинная связь может быть понята неправильно, свидетельствует поведение некоторых австралийских аборигенов, которые, заметив, что ржанки кричат перед дождем, принимают их крик за причину дождя и поэтому имитируют его при выполнении своих дождевых ритуалов.^[342] Мы можем наблюдать, насколько неясно различие между знаком и причиной даже среди нас самих, в общем убеждении, что “смена луны” каким-то образом связана с изменением погоды; ибо в чем заключается эта связь, никто, кажется, ясно не представляет.

Связь между природными знаками и означаемыми событиями, будучи неясной, может быть и таинственной; и соответственно ее неясность использовалась для защиты веры в Приметы. В *De Divinatione*^[343] Квинт, которому его брат недоброжелательно дал должность апологета всей этой чепухи (следуя, я полагаю, софистике какого-нибудь стоика), цитирует описание Аратом того, как определенные движения моря предвещают надвигающийся шторм; чайка тоже, и ворона своим поведением: и карканье вой лягушек и мычание крупного рогатого скота предвещают дождь. Я не могу объяснить, говорит он, откуда у животных такие знания, так же как не могу объяснить предсказания авгуров; да в этом и нет необходимости: в обоих случаях есть факты.

Поэтому неудивительно, что дикарь, зависящий в своей жизни от знания знаков, движимый рвением и тревогой наблюдать их и неспособный отличить совпадение от причинно-следственной связи и переплетения причинно-следственных связей, воображает, что обнаружил гораздо больше знаков, чем предусмотрено в порядке вещей в природе. Так, в Торресовом проливе птичка-птичка своим появлением объявляет, что ямс готов к употреблению (что кажется излишним), а крик коко предсказывает хорошую погоду (что правдоподобно); но, кроме того, птица-солнце может предсказать прибытие лодки,^[344] и это должно быть плодом воображения.

§ 3. Некоторые знаки, воспринимаемые как магические

Можно предположить, что очень постепенно стало ощущаться различие между двумя классами знаков: (1) знаками обычного типа, такими как следы дичи, возвращение ласточек, кваканье лягушек, которые почти постоянно предшествуют интересным событиям, таким как добывание пищи, приход весны или дождя; последовательности, которые повторяются снова и снова, некоторые из них, как и следы дичи, легко понятны; все они, соответственно, принимаются как нечто само собой разумеющееся и согласуются со здравым смыслом. (2) Менее обычные события, такие как странные животные, молнии, затмения, падающие звезды; которые начинают рассматриваться как знаки, поскольку связаны в воображении с интересными событиями, которые происходят вскоре после них, такими как неудача на охоте, нападение врагов, смерть в племени, крушение каноэ; хотя связи нерегулярны и никогда не поддаются объяснению и принимаются не как нечто само собой разумеющееся, а как таинственные, магические и зловещие: это предзнаменования. Они приобретают власть над людьми, которая принадлежит растущему числу суеверий. Хотя они и нерегулярны, их относят к тем связям, которые считаются наиболее регулярными, и на неудачи не обращают внимания. К ним

добавляются и накапливаются в традиции, по аналогии или капризу, бесчисленные другие знаки и предостережения.

То, что предзнаменования приобретают неразрывную связь с клубком суеверных верований, является результатом сильного желания людей предвидеть будущее, особенно в социальных условиях, полных опасностей и неопределенности, без устоявшейся организации, которая у нас в обычные времена делает один год так похожим на другой. Действительно, на многих людей это желание оказывает тот же эффект и по сей день, и становится более активным в такие беспокойные времена, как нынешнее. Желая узнать, выйдут ли они замуж, или услышат о смерти, или получат деньги или какое-то другое продвижение, они надеются узнать это, посетив миссис Отстойник в душной камере или (как вы можете видеть в Лондоне) консультацией с канарейкой на углу улицы. Когда навязчивая идея любви, честолюбия или тревоги овладевает умом и не дает ему покоя, мы готовы испробовать любое средство, которое обещает снять напряжение, и совершаем поступки глупее, чем могли бы предсказать даже те, кто знал нас лучше всех.

Вера в предзнаменования и практика их соблюдения утвердились, и список зловещих событий становится все больше. (а) В подавленном настроении будущее выглядит мрачным; в возбужденном - жизнерадостным. Ощущение, такое как дрожь или потливость, сопровождающее страх, может вызывать страх. В страхе или депрессии человек действует слабо и терпит неудачу; в надежде и уверенности он действует энергично и побеждает: ожидания, порожденные такими настроениями, оправдываются сами собой, и поэтому настроения зловещи. Возможно, это причина, по которой, когда люди враждуют и происходит какое-то двусмысленное Предзнаменование, тот, кто первым заявляет о своей благосклонности или обличает своего врага в его угрозе, получает преимущество;^[345] ибо другой может быть обескуражен и не сможет собрать свои силы. Но это зависит от характера.

Эта субъективная ценность Предзнаменования, делающая его силу функцией расположения получателя, иногда становилась настолько заметной, что затемняла его поистине магический характер; согласно которому оно должно быть каким-то образом неразрывно связано с событием и может не иметь ничего общего с отношением получателя. Таким образом, можно было бы считать, что Предзнаменование, если бы оно глубоко затронуло воображение человека, сбылось; но, если им пренебречь, оно могло бы и не сбыться. Плиний говорит,^[346] что, согласно авгурам, покровительство не имело значения для того, кто в любом предприятии заявлял, что не будет считаться с ними. Или, опять же, значение Предзнаменования может быть определено по тому, как оно принимается: Юлий Цезарь, высадившись в Африке, упал; и это, должно быть, казалось очень плохим предзнаменованием; но он, имея присутствие духа (хотя и не свободный от суеверий), воскликнул: "Африка, я держу тебя!" изменил его значение;^[347] и, несомненно, сильно изменил его воздействие на умы его офицеров и солдат, а также на всех, кто слышал о нем; и это было важным вопросом. Надежда, желание и тревога создавали Предзнаменования, а также обладали способностью направлять события и искажать интерпретацию Предзнаменований. Фактически, существовали традиционные формулы для принятия хороших предзнаменований и отклонения плохих: *Accipio omen*, *Absit omen*, *Tibi in caput redeat*; которые были противодействующими заклинаниями; и принято считать, что Магию можно преодолеть более сильной Магией.

Такое отношение ума, при котором Предзнаменование подчиняется его принятию, может объяснить абсурдную в других отношениях практику повторения Предзнаменований снова и снова, когда предыдущие были неблагоприятными, пока не будет получено одно, которое льстит надеждам спрашивающего. Не только среди искушенных народов, которые, как можно было бы предположить, относятся к Предзнаменованиям формально и небрежно, но даже на низших ступенях варварства Предзнаменования таким образом искажаются. Карены с Борнео, консультируясь с печенью свиньи, чтобы санкционировать экспедицию, если появление одной свиньи вызывает отвращение, приносят в жертву вторую, третью или четвертую; хотя без удовлетворительного прогноза они не отправятся в путь. Затем, отправившись в путь, они стараются не слышать крика дятла (в котором есть две ноты: одна предвещает добро, другая - зло), чтобы это не противоречило их планам. И такие же простодушные люди верят в магическую действенность знака, каким бы образом он ни был получен. Предвосхищая полет ястреба, человек попытается, крича и махая ему рукой, повернуть его полет влево, что для них является благоприятным направлением.[348] Воображение-убеждения пропитаны неискренностью; их бессознательная максима гласит: “Верь так, как перечисляешь”.

Хотя может быть общим принципом, что на дикарей больше воздействуют внешние, чем внутренние переживания, все же содержащееся в предыдущих параграфах предположение о том, что нахождение предзнаменований в собственных ощущениях вторично и зависит от роста веры в предзнаменования, представленные физическими событиями, не является тем, на что я сильно полагаюсь. Возможно, ощущения и настроения являются отдельным и примитивным источником этого суеверия, поскольку оно было замечено в Австралии, где знания о Предзнаменованиях в целом продвинулись лишь незначительно. Совершая племенные церемонии в состоянии сильного волнения, аборигены думают, что их внутренности иногда обретают “зрение”; так что они знают, были ли их жены неверны или они чувствуют приближение опасности.[349] На западных островах Торресова пролива дрожь и беспокойство чувства - это предчувствия; а на восточных островах - сухость кожи или чихание:[350] в Новой Гвинее, если болит правое плечо, ждите хороших новостей; если левое, то плохих.[351] И эти простейшие из всех капризов живут дольше всех; ибо среди нас у многих женщин внезапно возникает предчувствие, “как будто кто-то ходит по ее могиле”.

(b) Как настроение восторга или депрессии само по себе зловеще, так и все, что вызывает такое настроение. Объектами, вызывающими депрессию, являются калеки, старухи, больные люди, пугливые зайцы, отвратительные жабы, змея, идущая навстречу военному отряду, обескураживающие слова, уродливые сны; тогда как приятные сны, ободряющие слова, змея, идущая впереди нас на врага, ястребы, волки и цветущая молодежь - все это возбуждает: список варьируется от племени к племени. Многие зловещие вещи сулят добро или зло в зависимости от того, находятся они на правой или на левой руке: левую обычно считают зловещей, потому что (говорят), что левая рука неуклюже и слабее; и это может быть правдой. Но мы видели, что на Борнео предпочтение отдается левой руке; и в то время как греки следовали общему правилу, приписывая зло левой руке, римляне считали, что правая рука - это направление опасности. И это противоречие было объяснено разницей в ориентации при формальном восприятии Предзнаменований; ибо грек тогда смотрел на север и имел место восхода солнца по правую руку от себя; в то время как римлянин смотрел на юг и имел по правую руку место захода солнца: так что это было как-то связано не с его собственным телом, а с направлением, откуда появлялось солнце и продвигалось с растущей силой и великолепием, которые каждый из них считал обнадеживающими, в отличие от того, куда солнце заходило и

ослабевало к его смерти. Иллюстрировать эти фантазии было бы бесконечной задачей и излишним трудом, поскольку нет ничего более известного.

(с) Совпадение, совпадение двух интересных событий рядом друг с другом, несомненно, заставляет людей думать, что между ними должна быть какая-то связь; и более раннее событие будет классифицировано, в зависимости от обстоятельств, либо как причина, либо как знак более позднего; и если связь таинственная, это должна быть либо магическая сила, подобная силе талисмана, либо тот особый вид Магии, который является предзнаменованием. Какие обстоятельства определяют это различие, я сейчас попытаюсь показать. Возможно, все предзнаменования, которые не проистекают из субъективных настроений и ощущений или из вещей или событий, вызывающих такие настроения, изначально были основаны на совпадении. На это, по-видимому, египтяне полагались в записях, которые они вели (согласно Геродоту) о предзнаменованиях и их исполнении; и Квинт Цицерон представлен[352] как полагающий, что вавилоняне вели такие записи в течение 470 000 лет: так что, по их мнению, это была индуктивная наука; но мы никогда не слышали о том, что они вели учет неудач и разочарований.

Поскольку некоторые предзнаменования были установлены путем субъективного прогнозирования или по совпадению, многие другие могут быть добавлены по аналогии или с помощью своего рода рассуждений. Аналогию с противопоставлением правой и левой руки можно заметить во всех противоположностях: например, дятел на Борнео издает два крика, и один из них является предупреждением, разве другой не должен быть поощрением? Вера в приметы овладела общественным сознанием, каждый находится в поиске знамений и чудес; и все необычное, что он видит, или слышит, или о чем ходят слухи, становится возможным Предзнаменованием чего-либо другого, и люди спрашивают друг друга, что это предвещает. Суеверное воображение жадно относится к своей привычной пище. В таких условиях предзнаменования также обнаруживаются ретроспективно: общественное бедствие, такое как смерть короля, поражение армии или эпидемия (или в частной жизни какое-то частное несчастье), заставляет нас вспомнить о каком-то предшествующем событии или событиях, которые должны были бы предупредить нас, если бы мы умели интерпретировать значение хода Времени.

§ 4. Отличие предзнаменований от общей Магии

Разум дикаря, чувствительный к сходству отношений, не может упустить из виду аналогию между знаками и предостерегающими криками; многие предзнаменования - это крики; а с распространением анимистических объяснений их стали рассматривать как послания духов или богов. Но, поначалу, с помощью простого магического мышления, под давлением тревоги узнать будущее и беспомощности здравого смысла предсказать что-либо вне повседневной рутины, Предзнаменования постепенно отделяются от обычных вероятных знаков (таких как следы дичи) как необходимые безошибочные знаки (или тенденции), если хитрость может их обнаружить, связанные каким-то сверхъестественным законом с неизвестным будущим, которое, несомненно, ожидает нас, и как своего рода Магия. Можно предположить, что магический склад ума возник в результате слияния верований, касающихся нескольких воображаемых операций — с помощью чар, заклинаний, ритуалов, — причем каждый класс верований имеет свои собственные случаи, причины или ошибочные основания. Эти операции имели общие признаки связи событий, обусловленной воображаемыми силами таинственного

рода, и поэтому группировались в умах людей в виде Магической апперцептивной массы. Предзнаменования имели эти знаки и, следовательно, были приравнены к Магии. Предзнаменование - это событие, рассматриваемое как магический знак хорошего или плохого успеха какого-либо предприятия, приближения удачи или бедствия. И исходя из принципа, согласно которому идеи отделяются от запутанной матрицы, вполне вероятно, что Предзнаменования, поначалу перепутанные с другими магическими предпосылками событий, лишь постепенно были снова отделены от них. Но существовало важное различие, которое, наконец, выявилось: чары, ритуалы и заклинания являются причинами событий, тогда как предзнаменования - это всего лишь знаки, а не причины. Разница в том, что в то время как чары, ритуалы и заклинания непосредственно воздействуют на ход вещей, Предзнаменования сами по себе не оказывают никакой силы, а показывают только, что действует некая сила, которая приведет к тем или иным результатам.[353]

Сравнивая предзнаменования с другими видами магии, можно заметить несколько особенностей: (а) Сами по себе предзнаменования (кроме приготовления жертв и т.д.) Не предполагают вмешательства человека, тогда как обряды и заклинания должны выполняться или декламироваться кем-то одним, и даже амулеты носят при себе, или используются в ритуалах, или торжественно прикрепляются к дверям, животным или другому имуществу. (b) Отчасти как следствие этого, Предзнаменования, рассматриваемые сами по себе, обычно (как я уже сказал) не несут в себе намека на силу. Действительно, этого нельзя сказать о затмениях и грозах; но крик птицы, появление внутренностей, простая дрожь или другая перемена ощущений, хотя и зловещие, не предполагают энергичного действия; в то время как обряды и заклинания часто выполняются с большой затратой энергии, и даже чары, хотя и не проявляющие явного действия, обязательно считаются могущественными каким-то своим собственным неясным способом. (с) Предзнаменования часто настолько далеки по времени, равно как и по месту, от указанных событий, что вряд ли можно думать о каком-либо квазимеханическом определении результата с их помощью; но в случае с обрядами и заклинаниями, хотя они могут и не действовать открыто в час их начала, все же ожидается, что задержка не будет большой, и (как уже говорилось) их импульс или *impetus* часто очень впечатляющ; а чары действуют непрерывно и немедленно. (d) Предзнаменования, как правило, не предсказывают точно, что должно произойти, а только успех или неудачу какого-либо предприятия (не “как” это сделать), счастье или несчастье; тогда как обряды и заклинания имеют какую-то определенную цель, и большинство чар наносят какой-то определенный вид зла, болезни или кораблекрушения или предохраняют от них; хотя другие (это правда) приносят удачу или убытки в целом. Таким образом, предзнаменования сильно отличаются от других магических состояний; и хотя маловероятно, что обычный дикарь или даже волшебник когда-либо сознательно проводит эти различия или суммирует их, тем не менее они оказывают влияние на его разум, и наблюдение за предзнаменованиями и их прочтение становится, наконец, особой отраслью Магического искусства - Гаданием.

§ 5. Приметы, интерпретируемые анимизмом

Таким образом, предзнаменования, будучи всего лишь знаками, а не причинами будущих событий, сами по себе не обладающие силой, должны быть связаны с какой-то действенной силой, иначе предсказанные события не могли бы произойти. Как следует понимать эту силу?

Вероятно, долгое время не существовало четкого представления о ней: связь таинственна. Но есть два способа, которыми это можно интерпретировать: (а) Следуя безличному магическому способу мышления, мы приходим к идее потоков силы, в которых уносятся как Предзнаменования, так и события; и, наконец, к концепции фатального порядка в мире, в котором все события занимают свои необходимые места. Там за А всегда следует В; так что, хотя А не оказывает никакой власти над В, все же (если мы знаем закон последовательности) появление первого является безошибочным предзнаменованием последнего. Действующая сила - это Судьба; и к этой идее я должен вернуться, ибо в своем полном развитии она приходит поздно в истории.

(b) Другой и гораздо более простой способ объяснения Предзнаменований - приписать их вмешательству духов, которые, независимо от того, контролируют они события или нет, по крайней мере, предвидят их и посылают человечеству предостерегающие послания. С распространением анимизма это стало само собой разумеющимся. Искушенный век может спросить, как духи могут видеть будущее; и может ответить, что духи, обладающие большими, чем у нас, знаниями о нынешнем состоянии мира и его законах причинно-следственной связи, способны рассчитать результат, точно так же, как астроном предсказывает солнечное затмение. Драгоценное объяснение! Для необразованного дикаря это не составляет труда. Предвидеть будущее - очень распространенное занятие: всякий раз, когда мы формируем ожидание, которое исполняется (а это происходит много раз в день), мы совершаем этот подвиг; и по большей части мы не осознаем оснований, на которых мы сформировали это ожидание. Дикарь всегда находится в таком положении: он не анализировал отношения "основания и следствия" и не исследовал психические состояния, предшествующие заключению. Следовательно, для него предвидение в определенных пределах даже не является таинственным; и, конечно, духи обладают этим даром в гораздо более высокой степени. В Меланезии *ивуи* (дух) знает тайные вещи, не видя; [354] и здесь начинается роль интуиции в философии. Позже высший бог может давать предупреждения не только о том, что он предвидит в ходе развития мира, но и о том, что он по своей собственной воле осуществит; или меньший бог может объявить о том, что, как он знает, является волей высшего; или, еще позже, все духовные предупреждения могут вернуться к беспомощным случаям в ходе Судьбы.

Предзнаменования (как уже упоминалось) напоминают предупреждения: (а) Подобно предупреждениям, они предшествуют событиям, но не вызывают их. (b) Иногда они предшествуют событию на значительный промежуток времени, как бы для того, чтобы дать время на предосторожность. (c) Они не сообщают подробностей какого-либо события (о котором дружелюбный консультант может и не знать), а только его характер как хорошего или злого. Тогда, если это предупреждения (подразумевающие предвидение), поскольку они не являются действием какого-либо человека, они должны быть даны каким-то духом или другим разумом. Таким образом, как только вера во вмешательство духов в мирские дела становится распространенной в каком-либо племени, нет ничего более естественного, чем рассматривать Предзнаменования как духовные послания. Тем не менее, такому образу мышления, возможно, предшествовала склонность приписывать Предзнаменования доброй воле животных, особенно Тотемов, поскольку животные часто мудрее нас. В Австралии племя турбал считало, что щебетание насекомых предвещает появление чернокожих; вакелбва, которому приснился кенгуру, ожидал на следующий день появления представителя подкласса банбе; видеть во сне кенгуру-старика, сидящего вокруг костра, предвещало опасность. [355] Среди племени юин (Западная Австралия) член клана Черной утки думал, что черные утки предостерегают его от

врагов; а мужчины курнаи, у которых были личные тотемы, думали, что они защищают предупреждениями.[356] Однако очень рано призраки или духи иногда приходят сами, чтобы наставлять нас; как среди курнаи, Бираарки (волшебники) проводят *спиритические сеансы* по ночам, когда их посещают призраки, и сообщают новости о врагах или отсутствующих друзьях.[357] В Новой Гвинее призраки умерших соплеменников посылают своим выжившим родственникам знамения в виде рыб или птиц.[358]

Согласно этой анимистической теории, Предзнаменования тесно связаны с оракулами и Снами, поскольку они тоже являются посланиями из мира духов. Сны являются главной причиной веры в духов, и у многих людей они еще не утратили характера сверхъестественных посещений. Вероятно, на протяжении веков в каждом поколении было несколько рационалистов, которые трактовали сны в манере Артабана (как сообщает Геродот[359]— который, однако, покажет, что событие опровергло его), считая, что “о чем бы человек ни думал в течение дня, оно обычно витает вокруг него в видениях его снов ночью”. Разгневанные против прорицателей, рационалисты на самом деле слишком сильно презирали сны и пренебрегали ими.

Оракулы и Сны относятся к числу феноменов “одержимости”. Духи, демоны, боги, бродящие по миру и обитающие или преследующие различные тела или местности, иногда находят свое пристанище в камнях или мешочках с амулетами, которые затем становятся фетишами; или достигают большего достоинства в изображениях и храмах; или вселяются в мужчин и женщин, поражая их болезнями, или снами, или пьянством, или безумием, или пророчеством, или поэзией;[360] ибо эти вещи трудно отличить друг от друга. И иногда люди, пораженные таким недугом, скитаются на свободе, иногда их можно найти только у какого-нибудь дерева, или источника, или пещеры, или храма, где решил поселиться дух, делающий их мудрее других, возможно, потому, что там было похоронено его тело.

Предзнаменования, Оракулы и Сны имеют, помимо их зависимости от духов, еще одну общую черту, а именно неясность смысла. Когда вы удостоились одного из этих сообщений, что оно обещает или угрожает? Чтобы ответить на этот вопрос, обычному человеку недостает ума; и, следовательно, некоторые выдающиеся умы берут на себя важную функцию Прорицателей и, чтобы направлять свои суждения, с бесконечной изобретательностью на протяжении веков развивают Искусство Прорицания.

§ 6. Естественные и искусственные приметы

Прежде чем обсуждать гадание, нам лучше напомнить себе об огромном расширении знаний о предзнаменованиях, выходящем за рамки раннего распознавания таинственных природных знаков (раскаты грома или поведение птиц и т.д.), За счет подготовки различными способами условий, при которых предзнаменования могут быть получены по желанию (бросание костей, запекание лопаток, принесение в жертву свиней и т.д.). Люди стремятся узнать будущее, по крайней мере, общий вид его как счастливого, так и несчастливого; и для этой цели им нужны предзнаменования. Но естественные предзнаменования не всегда проявляются, когда этого хотят, хотя, вероятно, простое желание их значительно умножило; поэтому очень удобно обнаружить устройства, с помощью которых Предзнаменования всегда могут быть получены любым человеком для любой цели. Обычная практика состоит в том, чтобы подбросить полпенни и решить, что делать в сомнительном случае, головой или хвостом: подкрепляя слабоумие суевериями. Мы никогда не узнаем, как возникли такие соглашения, но можем

предположить, что более ранние были предложены по какой-то случайности, а многие из более поздних - по аналогии. У варрамунга есть очень простой план, как после смерти человека выяснить, кто же с помощью злой магии убил его. Они разравнивают землю вокруг места, где произошла смерть, и на следующее утро приходят осмотреть ее; и если они находят там след змеи, они знают, что убийцей был человек с тотемом Змеи.[361] Разумно предположить, что в первом случае они обнаружили такой след змеи или другого животного на неподготовленной земле, а затем выровняли землю, чтобы сделать такие знаки более четкими: таким образом, они начали готовить условия для получения Предзнаменований. У новозеландского волшебника была простая конструкция для того, чтобы заранее определить, кто одержит верх в битве: он ставил рядом две палки, одну для своей партии, другую для противника, и бросал их вниз: какая бы палка ни упала сверху на другую сторону, за которую она выступала, должна была победить в битве.[362] С течением веков, когда все больше и больше интеллекта концентрируется на проблеме предвидения, обнаруживается все больше и больше способов подготовить условия для получения Предзнаменований, все более дорогих и сложных; ибо чем сложнее подготовка и интерпретация, тем более необходимо нанять профессионального авгура. Бросание костей, жеребьевка, использование своего шанса со стихами Вергилия или Библии могут показаться простыми, но даже такие приемы могут усложниться из-за накопления правил толкования. Священные курицы, чьи капризы в кормлении время от времени с благодарностью отвлекают от напряженной страницы римской истории, не могли требовать высококвалифицированных манипуляций, но для наблюдения за ними был необходим профессиональный глаз; и когда жертвоприношения используются как возможность извлечь предзнаменования из поведения жертв, способа их умирания и состояния их внутренностей, технический специалист высокой квалификации становится незаменимым. Это привело к интенсивному изучению внутренностей, особенно печени (гепатоскопия, гепатомантия), с некоторым приобретением знаний в области анатомии. Это изучение было широко распространено; но еще более широко, возможно, было распространено искусство предсказания по линиям, которые можно наблюдать на лопатках, треснувших при обжаривании на огне (Скапуломантия).

Там, где ничего не сделано или не может быть сделано для изменения физических условий предупреждающих знаков, все же был проведен кропотливый анализ этих условий, чтобы методично интерпретировать их; и это исследование может потребовать гораздо большего мастерства, чем предсказание. В хиромантии линии и возвышения руки были точно нанесены на карту и определены, и им было присвоено несколько значений. Это действительно сложное исследование, к которому нельзя приступать с легким сердцем, но в то же время простое и очевидное по сравнению с астрологией. Астролог, который брался предсказывать будущую судьбу людей или наций или восстанавливать забытые факты древности, такие как дата рождения героя (поскольку считалось, что разница во времени вперед или назад не должна препятствовать научным расчетам), должен был учитывать все видимое убранство небес, звезды в их созвездиях, особенно знаки Зодиака; семь планет, каждая со своими собственными качествами и силами, предполагаемыми произвольно или по причудливым аналогиям, все не поддающиеся количественному определению и все изменяющиеся в Двенадцати Небесных Домах. Какая ученость, какие колоссальные способности требовались для выполнения такой задачи! Фактически, любой, кто сейчас слышит об этом, сразу понимает, что это невозможно. Но до тех пор, пока многие проблемы не были решены и метод их решения не был оценен по достоинству, никто не мог понять, какие проблемы являются неразрешимыми. Между тем, в этом исследовании, столь почитаемом веками, смесь подлинной астрономии и парада

систематических процедур (сила которых хорошо известна философам) сделала правдоподобным фатализм.

§ 7. Гадания и оракулы

Предзнаменования и оракулы, без сомнения, являются безошибочными предзнаменованиями чего-либо, если это удастся выяснить; но часто они настолько неясны или двусмысленны, что человек не получает от них никаких указаний, и действительно, иногда невозможно судить, сбудутся ли они когда-нибудь или нет. Поэтому наиболее важно, чтобы кто-то был способен их истолковать; и здесь, как и в любой области человеческих усилий, мы можем быть уверены, что из многих, кто пытается истолковать, один добьется большего успеха, чем другие; и тогда к нему все люди устремляются за просветлением, особенно если он высказывает верную догадку о каком-нибудь Предзнаменовании или Оракуле, представляющем общий интерес. Таким образом, такой человек становился Прорицателем и основателем профессии или (по крайней мере) ответвления или функции великой волшебной профессии. Это случилось давным-давно, ибо в дикости большинство волшебников уже являются Прорицателями.

Со временем профессия больше не может довольствоваться толкованием с помощью догадок, но разрабатывает принципы предмета, Искусства гадания, на которое, возможно, было затрачено столько же кропотливости и изобретательности, сколько на промышленность и науку, вместе взятые. Ученые, проводившие такую работу, вероятно, были (многие из них) настолько честными, насколько могут быть фанатики; но результатом всегда было повышение репутации профессии благодаря оккультным знаниям и таинственным озарениям.

Прорицатели - это либо свободные и независимые провидцы, прорицатели, гадалки, в основном бедные и пользующиеся дурной репутацией, хотя иногда выдающиеся и влиятельные, такие как Тиресий и Эпименид; либо чиновники (гораздо меньшая группа), прикрепленные к какому-либо храму или правительству. Официальные прорицатели часто пользовались огромной властью в обществе и политике. Конечно, их нет на нижней ступени культурной лестницы, где нет правительства в Церкви или государстве; но на низших ступенях варварства, среди племен банту (например), Прорицатели занимают весьма влиятельное положение. Вождь племени обычно имеет особо доверенного Прорицателя, а также консультируется с другими людьми в поиске колдунов и предсказании будущего.^[363] В клане мазайя из племени тонга есть официальный Прорицатель, который один знает точный состав королевского "лекарства", от которого зависит благополучие всего племени. Его очень боятся: никто не осмеливается спорить с ним, и он имеет право проклинать даже самого вождя.^[364] Такой могущественный предмет, естественно, возбуждает зависть вождя, который иногда пытается заполучить в свои руки все лекарства и оккультные способности, которыми обладает любой из его соплеменников.^[365] Опасность противостояния Церкви и государства ощущалась также в Меланезии и Полинезии; а на Гавайях она была решительно преодолена; ибо, когда требовалось обратиться к оракулу, король, скрытый в плетеной раме, сам давал ответы.^[366]

В Греции (шестой и пятый века до н.э.) оракулы были еще более могущественны: запись об этом можно прочитать у Геродота. Самые процветающие государства следили за Знаменами и никогда не отваживались начинать войну, не посоветовавшись с Оракулами; а Оракулы

брались давать советы по вопросам войны, мира и союзов, разрешать спорные претензии на суверенитет и конституцию штатов, санкционировать новые законы и основание колоний, отдавать приказы о возведении новых храмов и даже о поклонении новым божествам — некоторые из них имели очень сомнительную репутацию, не говоря уже о бесконечных масштабах их частной практики. Их высказывания часто были невразумительны; иногда было известно, что они брали взятки; и все же самые просвещенные люди в мире продолжали консультироваться с ними: то ли из добрых побуждений, то ли из-за их воздействия на простолюдинов, как друзей, так и врагов, или, возможно, чтобы разделить ответственность за поступок с богами, или даже потому, что тогда кто-то чувствовал себя более комфортно, чем оставляя их одних. Но распространение философии оказалось для них непосильным трудом; и, как говорит Цицерон, [367] репутация даже Дельфийского оракула упала, но не потому, что со временем божественная добродетель утратила те выдохи, которые вдохновляли жрицу, а когда люди стали менее доверчивыми. Возможно, это было еще и потому, что при римском правительстве общественная жизнь стала более безопасной, устоявшейся и регулярной, так что разумная степень предвидения могла проявляться без сверхъестественной помощи. Тем не менее, после того, как Оракулы, казалось, лишились дара речи, они время от времени возрождались в течение двух или трех столетий; Плутарх был далек от скептицизма; и эквивалент их (я полагаю) будет продолжать возрождаться время от времени, если только безумное желание, тревога, малодушие, удивление и смятение ума однажды не исчезнут.

В великих империях высшего варварства маги у мидян и персов, а также в Египте, Вавилонии и Индии священнослужители, которые практиковали прорицание наряду с другими своими функциями, получили еще больший контроль над национальной жизнью. Развитие астрологии всегда приписывалось халдеям; а важность сновидений и их толкования в Египте и Вавилоне отражена в историях Иосифа и Даниила, а также на нечестивых страницах Геродота.

Характер Предзнаменований и способ получения Оракулов и получения вдохновения в Греции были просто модификациями тех, которые были в моде у дикарей. Представления о воображении, несмотря на их экстравагантность, на самом деле имеют короткую привязь и распространяются в узких кругах, постоянно обновляя одни и те же темы. Бред одержимой Прорицательницы, который, как говорят, иногда пугал священников, возможно, изучался на Фиджи. Вот что происходит, когда священник получает вдохновение: он “погружается в размышления ... через несколько минут он дрожит; на его лице видны легкие искажения, а конечности подергиваются. Они усиливаются до сильного мышечного напряжения, которое распространяется до тех пор, пока все тело не сотрясается сильными конвульсиями, и человек не начинает дрожать, как при сильном приступе лихорадки. В некоторых случаях это сопровождается шумом и рыданиями; вены сильно расширяются, и циркуляция крови ускоряется. Священник теперь одержим своим богом, и все его слова и поступки считаются больше не его собственными, а божеством, которое вошло в него. Пронзительные крики *Кои ау!* *Кои ау!* ‘Это я! Это я!’ - наполняют воздух, и предполагается, что таким образом бог оповещает о своем приближении. Во время ответа глаза священника выпучиваются и закатываются, как в исступлении; голос у него неестественный, лицо бледное, губы мертвенно-бледные, дыхание сдавленное, и весь его вид напоминает разъяренного безумца. Пот течет из каждой поры, из его напряженных глаз текут слезы, после чего симптомы постепенно исчезают. Священник оглядывается вокруг отсутствующим взглядом и, когда бог произносит ‘Я ухожу’, объявляет о своем фактическом уходе, яростно бросаясь на циновку или внезапно ударяя дубинкой по земле.... Судорожные движения не исчезают полностью в течение некоторого времени”. [368]

Чтобы обрести вдохновение посредством видений или снов или наделиться способностями пророка или прорицательницы, очевидный план состоит в том, чтобы отправиться в места, часто посещаемые духами, а именно в гробницы, пещеры и храмы. Оракул Трофония в Беотии находился в пещере, в которую спустился консультант, и там увидел видения или услышал странные звуки и лишился чувств: вернувшись наверх, он сел в Кресло Памяти и доложил жрецам о случившемся; и они передали его друзьям, “охваченного страхом и совершенно не сознающего себя и своего окружения”.^[369] Впоследствии он пришел в себя. В Оропе находилось святилище Амфиарая, который (вопреки своему здравому смыслу) присоединился к экспедиции Адраста против Фив и, среди общего поражения армии, бежал и был поглощен землей. Его смерть должна была произойти там, где находилось его святилище; ибо это был знаменитый Оракул, и, чтобы посоветоваться с ним, вы очистились, принесли в жертву барана и, расстелив под собой шкуру, уснули там, ожидая откровения во сне.^[370] Также в храме Пасифеи, недалеко от Спарты, можно было надеяться на божественное послание во сне; и пастух, спавший у могилы Орфея в Либетре, был тронут, чтобы спеть стихи Орфея.^[371]

Потеря памяти и последующее восстановление рассудка являются второстепенными аспектами многих церемоний посвящения, а темнота и секретность пещер, которые, к тому же, часто являются местами захоронений, всегда глубоко поражали наше воображение. Среди арунта есть способ обрести магические способности и прорицание, ложась спать у входа в пещеру; когда ирунтариинии (разновидность духов), которые живут там, протыкают голову спящего копьями, затаскивают его в пещеру, выпотрошают и дают ему новые внутренности. Он просыпается ошеломленный и глупый, и духи ведут его домой, где постепенно к нему возвращается здравый рассудок.^[372] Среди курнаев, опять же, человек может стать волшебником и прорицателем, если будет спать на могиле; ибо ночью мертвец выпотрошит его и даст новые внутренние органы.^[373] В другом месте Австралии кандидата в профессию волшебника привязывают ночью на племенном кладбище, и его посещают духи, которые вставляют ему в голову камень - по—видимому, своего рода кристалл, глядя в который волшебник способен видеть прошлое, отдаленное и будущее.^[374]

Поиски просветления там, где духи обитают в пещерах или могилах, потеря разума в результате контакта с ними и последующее выздоровление — все это может напомнить нам истории Павсания; но как насчет выпотрошения и обновления внутренностей? Спенсер и Гиллен рассказывают нам, что во время исполнения определенных традиционных церемоний эмоции австралийца очень велики, так что, по его словам, его внутренние органы “завязываются в узлы”, а иногда приобретают “зрение” и дают знамения;^[375] и Ховитт говорит нам, что почечный жир считается средоточием мужской доблести и других качеств добродетели.^[376] Следовательно, извлечь и обновить внутренности человека - значит обновить его дух, точно так же, как мы метафорически говорим о “изменении сердца”, чтобы у него были более яркие эмоции, более твердое мужество, более ясное понимание. Фактически, это магический эквивалент вдохновения; кристалл Эвахлайи тоже является магическим источником; и это все, что есть у австралийцев:^[377] грубый материализм, который прогресс или (по крайней мере) движение анимистической мысли счастливо вытеснил концепциями более утонченными, если не более правдивыми.

§ 8. Очевидная несостоятельность Предзнаменований

Хотя по своей природе предзнаменования непогрешимы, они не всегда сбываются — по крайней мере, их исполнение не всегда можно установить. Но это легко объясняется; ибо каким бы ни было Предзнаменование само по себе, наше знание о нем зависит от наблюдения, которое может быть поверхностным и неполным, так что мы можем не знать, что это было. Что это была за птица? В какую сторону она улетела? Сколько криков она издала? Эти вопросы касаются сути дела; однако каждый из них указывает на возможность ошибки. Но, даже допуская совершенство наблюдений, нам еще предстоит узнать, что предвещает Предзнаменование; и хотя простой ум, доверяющийся простым правилам, может быть готов к ответу сразу, с развитием искусства Гадания это становится все более и более сложным, требующим длительного опыта и глубокой эрудиции — того, за что стоит заплатить. Общеизвестно, что мечты сбивают с толку как руководство к жизни. Следует ли принимать их за чистую монету или все наоборот? Какая разница, случаются ли они рано ночью или утром, или мы спим в белой или цветной ночной одежде? На этот счет существует обширная казуистика. Толкования Предзнаменований обычно основывались на аналогии: длина и направление трещин на лопатке указывают на продолжительность и продолжительность жизни человека. Оракулы, опять же, часто были отвлекающе неясными; из Дельф они очень походили на загадки; но, как говорят, оракулы Зевса в Додоне иногда приводили к Аполлону в Дельфы, чтобы спросить, что они означают. Ясно, что, помимо возможных ошибок наблюдения, существовали и другие подводные камни интерпретации; если врач или лоцман иногда ошибается в своих расчетах, почему бы не ошибиться и прорицателю? Так что Предзнаменование вполне может исполниться и без того, чтобы мы точно знали, что это было или на что оно указывало.

Но это еще не все; ибо мы видели, что любая магическая сила непогрешима только как тенденция; ей можно противодействовать, и обычно считается, что так обстоит дело с Предзнаменованиями. Точно так же, как ритуалы одного мага могут быть сорваны более могущественными действиями другого, так и Предзнаменование указывает на ход событий, который, возможно, можно повернуть вспять. То, что предвидено одним духом, может быть предотвращено другим, вмешательство которого не было предвидено; ибо духи ни в коем случае не являются непогрешимыми. Следовательно, как бы хорошо ни наблюдалось и ни интерпретировалось Предзнаменование или сила, которую оно проявляет, могут быть отклонены или обращены вспять по какой-то неизвестной причине. Более того, мы сами не хотим отказываться от всякого контроля над делами. Мы видели, что эффективность Предзнаменований зависела (не без причины) от способа их получения; и что мы можем встретить их нашим собственным магическим влиянием, принимая их или отвергая заклинанием.

И далее, мы видели, что Магия часто работает с помощью символов, и что символическое действие вызовет реальное событие; и точно так же считается, что событие, предсказанное Предзнаменованием, может быть символически исполнено; что какое-то безвредное подобие события может быть заменено им, поглотить (так сказать) яд угрозы и позволить человеку, которому угрожают, выйти на свободу. Астиагу приснился сон, который волхвы истолковали как означающий, что ребенок его дочери (вышедшей замуж за перса) должен править Азией вместо него, подразумевая, что царство должно перейти к мидянам. Поэтому он принял меры, чтобы уничтожить ребенка; но по счастливой случайности Кир, ребенок, спасся и вырос; и в детстве Астиаг узнал, кто он такой, и был сильно встревожен. Поэтому он снова послал за

волхвами; но они, узнав, что мальчишки из деревни, где вырос Кир, в играх назначили его своим царем, решили, что это исполнило мечту; ибо, сказали они, “он не будет царствовать во второй раз”.[378] Итак, Кир жил, и господство в Азии перешло к персам; ибо волхвы в этом случае переоценили значение символов. Но все эти способы расстроить Предзнаменование несовместимы с интерпретацией их ходом Судьбы, и верить в них могут только более слабые собратья.

§ 9. Извинение за предзнаменования

Некоторым оправданием предзнаменований может служить то, что их интерпретация была своего рода гимнастикой для изобретательности и средством, с помощью которого сообразительные люди сохраняли себя в мире насилия. Более того, изучение социальных и политических условий - это дело тех, кто берется за такую работу, точно так же, как врачи-дождевики изучают погоду. Поэтому их суждения часто могут быть лучше, чем у людей, погруженных в дела и увлеченных особыми интересами. Даже на низших ступенях дикости прорицателям удается знать больше, чем другим. В Квинсленде, когда в лагере собирается большая толпа, считается, что прорицатели держат глаза и уши открытыми, не спят — чтобы узнать, у кого есть кости смерти, кто оперировал с ними, на кого указывали пальцем и т.д.;[379] а в Южной Африке (на две или три ступени выше в культуре) прорицатели прилагают все усилия для получения информации как средства “открываю врата дистанции”. [380] В Дельфах также приветствовали новости со всех концов света, и способные люди пристально следили за делами Греции и Азии. Конечно, гадание, как и любое другое суеверие, эксплуатировалось политиками. Римское правительство, по словам Цицерона, поддерживало Коллегию авгуров в интересах государства в гражданских делах, хотя в его время военачальники перестали обращаться к предзнаменованиям:[381] и Полибий считали, что религия была самым полезным институтом Рима.[382] Закон о том, что комитии не должны собираться, когда Юпитер гремит и зажигает молнии, был особенно удобен, когда это собрание было неудобным; должностному лицу, в функции которого это входило, было достаточно заявить, что он видел молнию, и после этого комитии распадались. Вероятно, даже те, кто таким образом злоупотреблял суеверием, все же верили (по крайней мере, во времена опасности), что “в этом что-то было”. К предзнаменованиям и оракулам прибегали, чтобы развеять страх и обрести уверенность, и часто они придавали уверенность и силу, которые сопутствуют уверенности; или, возможно, опрометчивость и безрассудство, которые сопутствуют уверенности, и таким образом предавали приверженца; или, опять же, они лишали мужества храбрых людей и сеяли смятение, недоверие и слабость.

Никакое превосходство простого интеллекта, по-видимому, не защищает людей от участия в этих заблуждениях. Многие стоики, хотя и были очень дисциплинированы в логике, поддерживали практику гадания и астрологии. Панетий, действительно, отверг их; а Эпиктет по моральным соображениям не поощрял Гадание. “Ибо, - сказал он, - то, что предсказывает прорицатель, на самом деле нас не касается. Внутри нас есть прорицатель, который говорит нам, что такое добро и зло и каковы их признаки. Понимает ли это прорицатель после всех своих исследований внутренних органов? Не то, что должно произойти в будущем, а поступать так, как мы должны, что бы ни случилось, - вот наша истинная забота”.[383] Но большинство членов секты отказались от этого подлинного выражения стоической мысли в своем желании

как можно больше защищать популярную религию. Они даже ставили существование богов на подлинность Прорицания: утверждая, что если Прорицание существует, то должны быть боги, посылающие Предзнаменования; и что если Прорицания не существует, то не может быть и богов - поскольку, если есть боги, которые знают будущее, заботятся о человечестве и способны давать предупреждения, они непременно это сделают. Следовательно, ни Гаданий, ни богов.[384] Действительно, широко распространено жалкое убеждение, что должны были быть приняты какие-то меры, позволяющие человеку предвидеть свое будущее; и в некотором смысле так оно и есть; ибо существование порядка в природе подразумевает возможность предвидения; и фантазирующий ум мог бы рассматривать Гадание как упреждающее проявление инстинкта в игре, прежде чем способности стали способны к серьезному упражнению. Но пьеса была воспринята слишком серьезно; и хуже всего было то, что ее бессмысленные методы отвлекали внимание от единственно возможного метода — если не всегда со стороны прорицателя, то, по крайней мере, со стороны огромного множества людей, его обманутых. М. Х. А. Юно говорит о племенах банту: “Прорицание убивает любую попытку использовать разум или опыт в практической жизни”. [385] И, очевидно, это повсеместная тенденция, будь то вопрос консультации с канарейкой на углу улицы, стоит ли нам жениться, или скорее с предсказателем, чем с опытным генералом, стоит ли сейчас вступать в бой с врагом.

Сенека[386] рассматривал предзнаменования как необходимое следствие всеобщей Судьбы: ибо, если все события являются факторами одного predetermined порядка, все в настоящем является знаком или предзнаменованием всего, что произойдет в будущем; и некоторые события, такие как полет птиц, были выбраны в качестве Предзнаменований просто потому, что их значение или последствия оказались неверными. соблюдается; и независимо от того, уважают Предзнаменования или презирают их, Судьба определяет весь ход событий. Таким образом, поскольку было предначертано, что римляне потерпят поражение при озере Тразимен, было также предначертано, что Предзнаменования будут объявлены неблагоприятными и что предупреждение не будет принято; и если было предначертано, что римляне потерпят поражение при Каннах, было также предначертано, что предзнаменования будут объявлены благоприятными и что они будут приняты. Вера в Судьбу делает Приметы бесполезными.

Если, однако, вместо Судьбы (всеобъемлющей Магии) или предопределения (верховным Богом) мы рассматриваем ход мира как определяемый естественной причинностью, то могут ли Знамения или Оракулы быть полезными или нет (предполагая, что они возможны), зависит от природы предсказанного события — от того, касается ли оно нас только условно или безоговорочно. Предзнаменования, которые условно предостерегают нас от событий, могут быть достаточно полезными, и мало кто сочтет серьезным недостатком то, что они препятствуют использованию разума. Царь Дейотар, отправившись в путешествие, был предупрежден орлом, чтобы он не отправлялся с ним дальше, и он повернул назад; и в ту же ночь дом, в котором он должен был ночевать, рухнул; так что он спасся.[387] Опасность была обусловлена продолжением его путешествия; и в процессе причинно-следственной связи предупреждение об опасности, будь то объявленное предзнаменованием или нашей собственной проницательностью, часто может позволить нам избежать ее. Причины будущего существуют и (в определенных пределах) находятся в нашей власти. Если у меня есть основания полагать, что сегодня вечером в Опере будет пожар, или я предчувствую там какую-то беду, мне незачем туда идти, и тогда я не сгорю заживо. Пришло ли это предзнаменование ко мне в виде

Предзнаменования, или послания от бога, или в анонимном письме от одного из поджигателей, который оказался моим другом, не имеет значения. Нет, если бы существовали боги, обладающие интуицией относительно будущего или лучшими, чем у нас, знаниями о текущих фактах и большей способностью просчитывать последствия, они могли бы оказаться полезными. Согласно этой гипотезе, в учении о предзнаменованиях нет *априори* никакой абсурдности.

Но с Предзнаменованиями или Оракулами магического или божественного авторитета, которые безоговорочно предсказывают нашу собственную судьбу, дело обстоит иначе. Если, например, человеку говорят, что он умрет от падения крыши собственного дома, это должно быть его концом; и любой, кто впоследствии проанализирует его карьеру, обнаружит, что все его попытки спастись, все его малодушные приседания и изворачивания были всего лишь несколькими причинно-следственными ступенями на пути к неизбежной гибели. Такое предзнаменование служит лишь для того, чтобы наполнить последние дни жертвы тревогой и ужасом: это так же плохо, как жестокое обращение с животными.

Защита Предзнаменований - это простая рационализация. Они овладели умами людей не в эпоху разума, а тогда, когда верования свободно рождались из надежды и страха, были полностью практичными, никогда не обдумывались и не проверялись. Независимо от того, понималась ли связь Предзнаменования с событием магически или анимистически, она всегда была таинственной и по этой причине более впечатляющей и приемлемой. Единообразие таких связей действительно предполагалось — иначе они были бы бесполезны; один и тот же крик птицы на той или иной руке всегда имел одно и то же значение; но каждый случай поначалу стоял сам по себе; это было то, что мы называем “чудом”. Даже такое допущение причинности в обычных случаях, как предполагает здравый смысл, не заставляло размышлять о том, что каждая причина сама по себе должна быть следствием других причин, и так далее, и так далее до бесконечности. Предположение о том, что духи могут предвидеть будущее, также не требовало, чтобы они предвидели все будущее, чтобы подразумевать нерушимый порядок в мире. Подобные соображения были оставлены для того, чтобы позабавить или озадачить более поздний возраст. Большой прогресс отмечен словами принца Бечуаны Казалису о том, что “одно событие является следствием другого, и мы никогда не должны забывать генеалогию”.^[388] Но совсем недавно среди нас причинно-следственная связь ценилась настолько слабо, даже самыми образованными, что свидетельства о чудесах все еще можно было использовать как основание для дальнейшей веры во что-то. Не без сочувствия рассматриваешь все эти чудесные окаменелости души, которые мертвы и все же живы. Что касается меня, то я свободен признаться, как обычно говорили в парламенте, что предзнаменования и предчувствия все еще преследуют темные уголки воображения в виде смутных очертаний и бормотания о грядущем зле, которое, когда оно приблизится, будет (я полагаю) таким же суровым и определенным, как дневной свет.

ГЛАВА VIII

РАЗУМ ВОЛШЕБНИКА

§ 1. Взлет и падение волшебства

При описании оккультных искусств и тех, кто их практикует, термины используются настолько свободно, что может быть удобно предположить, что под "Волшебником" (или Знахарем) здесь подразумевается либо маг, либо чародейка; то есть либо тот, кто приводит в действие безличные магические силы (или в той мере, в какой он это делает), либо тот, кто полагается на помощь (или в той мере, в какой он это делает) призраков или духов, находящихся под магическим контролем. Возражением против такого использования слова "колдун" является то, что оно часто применяется к тем, чья практика в основном пагубна; но, по-видимому, не существует слова, используемого только в более общем смысле; и разница между пагубными и благотворительными волшебниками, будь то маги или чародейки, здесь будет обозначена, при необходимости, знакомыми эпитетами "черный" и "белый".

В отсталых обществах волшебством занимается или может заниматься каждый мужчина или женщина; и, действительно, в своих более простых действиях или обрядах это верно на любой стадии развития культуры. Но в любом деле оказывается, что некоторые люди справляются с ним лучше других, и они привлекают внимание остальных; и, вероятно, это начало дифференциации профессионального волшебника: поначалу он просто тот, кого другие просят помочь им в определенных делах, потому что они верят, что он больше, чем они сами, в этом разбирается. По мере того как оккультные искусства становятся сложными и опасными, превосходство главного разума становится все более очевидным. Нам говорят, что среди тасманийцев не было профессиональных волшебников или знахарей, но что некоторые люди практиковали больше, чем другие. С самого начала это искусство вызывает удивление, а удивление - легкое верие; и один старик, у которого случались приступы сокращения мышц одной груди, воспользовался этой таинственной привязанностью, чтобы внушить ее своим соседям.^[389] Удивление и почтение, которое оно с собой приносит, с порождаемым им самообманом силы, поначалу являются единственной наградой волшебника; и до конца они остаются его главной наградой. В Австралии волшебник проходит инициацию (фактически или по слухам) и в некотором смысле является человеком, отличным от других; однако в нескольких случаях сообщается, что он не получает никаких гонораров. За магические услуги среди арунта "никакой награды не дается и не ожидается".^[390] Иногда волшебник не ожидает вознаграждения, если он не добьется успеха, как у тунгусов, якутов и бурят.^[391] Как правило, волшебник зарабатывает себе на жизнь, как и другие люди, и просто дополняет ее гонорарами и подарками. Он редко достигает профессионального достоинства, живя исключительно своим искусством и тайной.

Тем не менее в простых обществах волшебник является лидером или вождем. Преобладание стариков в совете зависит скорее от их оккультных способностей, чем от их житейской мудрости: даже наследственные вожди могут иметь большой престиж благодаря Магии, чем благодаря королевскому происхождению.^[392] Я полагаю, что после того, как организация примитивной охотничьей стаи была по разным причинам ослаблена или уничтожена, именно благодаря вере в Магию были восстановлены своего рода лидерство и подчинение: возможно, во многих экспериментальных социальных формах, некоторые образцы которых можно найти в

Австралии, а остатки других - во всех частях света. Среди масс Тробрианских островов наследственное вождство развито лучше, чем где-либо на юге или западе; и все же “за властью каждого вождя над своим народом стоит страх перед колдовством, без которого, я уверен, он немногим больше, чем шифр”.^[393] Или знахарь может выступать в качестве соперника вождя, как у индейцев верхней Амазонки, описанных капитаном Дж. Уиффен, который замечает, что в состязании между знахарем и вождем перевес в пользу первого, поскольку смерть его противников наступает быстро (от яда). Он оказывает огромное влияние на международную политику: война никогда не развязывается без его совета. Здесь мы видим начало той борьбы между светскими и духовными силами, которая продолжается с чередованием побед и поражений на протяжении всей истории. Callaway^[394] описывает вождя банту как введенного в должность прорицателями, чтобы он мог быть “действительно вождем”, а не просто по происхождению. Опасная уступка! Но другие вожди банту сами являются волшебниками и стремятся собрать все лекарства племени в свои руки; а Чака заявил, что он единственный прорицатель в стране.^[395] Однако рост и распространение политической власти волшебников были полностью проиллюстрированы сэром Дж. Дж. Фрейзером в шестой главе "Магического искусства".

Поскольку в любом обществе преобладает анимистическая интерпретация, так что чудеса Магии начинают приписывать духовным причинам, маги, как правило, становятся колдунами, и, будучи таким образом связанными с духами, их нелегко отличить от священников. У бурят шаман был жрецом, поскольку знал волю богов и руководил жертвоприношениями, но он также был экзорцистом и прорицателем.^[396] Подавляющее большинство тех, кто имеет дело с духами, более или менее открыто полагаются как на принуждение, так и на умиловление; но в целом мы можем сказать, что служитель является колдуном в той мере, в какой он полагается на принуждение духов с помощью магии; священником в той мере, в какой он полагается на умиловление их молитвой и жертвоприношением. Колдун агрессивен и властен по отношению к сверхъестественным силам; священник исповедует смирение. В любом случае характер культа со временем может меняться от одной стороны к другой; и в одно и то же время два человека могут совершать одни и те же обряды, и в глубине души один из них может быть священником, а другой колдуном. Обычай называет жрецом того, кто по достижении определенной стадии в развитии анимизма, когда боги признаны, служит более общественным и уважаемым духам и приносит им жертвы. Затем между ним и колдуном вспыхивает конфликт.

В то время как магические верования значительно укрепляют власть вождя, религия, не ослабляя магической санкции, усиливает ее другими идеями и, следовательно, имеет политическое преимущество. Бог часто является предком царя и основой его владычества; и сам царь или его брат могут быть первосвященниками. Жречество приобретает командное достоинство; оно разделяет культуру высшего социального ранга и может стать почти единственным хранилищем знаний и искусства. Тогда волшебники теряют свое место под солнцем. Благотворная практика волшебства (или Белой магии) более или менее включена в религиозные обряды; пагубная практика (или Черная магия) запрещена и наказывается: при политеизме, потому что “она разрушительна для человеческой жизни или благосостояния”; при монотеизме, как оскорбительная для Бога.^[397] Колдун объявлен вне закона и посвящает себя тайному исполнению нечестивых обрядов в мрачных и нездоровых обстоятельствах. Он может быть в полном антагонизме к официальным богам, призывая демонов или старых погранных богов, еще не забытых людьми, и, служа демонам, извращая и профанируя обряды общественного богослужения. Но запрещать и наказывать черную магию - значит наказывать

преступление, а не преследовать Магию как таковую; чьи благотворные практики все еще процветают под другим названием. Проф. Ирв Хирн показал, что во время всех невежественных и суеверных преследований ведьм в Европе публичные религиозные церемонии и обряды были пронизаны магическими идеями.[398] Несмотря на антагонизм между священником и колдуном, между религией и колдовством нет полной противоположности, которая существует между анимизмом и Магией - между признанием каприза и верой в единообразие, — поскольку сами боги действуют с помощью Магии и могут быть подвластны ее силам. Это не принципиальный антагонизм, а отчасти из-за преданности и отчасти из-за амбиций.

Влияние волшебников обычно распространяется с помощью клубов и тайных обществ: волшебники образуют особый класс, хорошо осведомлены об этом и естественным образом стремятся к взаимопониманию. В Австралии, по-видимому, не существовало регулярных обществ, но знахари узнавали друг друга, посвящали и обучали новичков профессии, имели эзотерическую традицию ритуалов, методов и выдумок и иногда встречались для консультаций. Среди дикарей Торрессова пролива *мейделейги* собираются вместе в кустах по ночам, чтобы творить свое колдовство, и группа колдунов может контролировать отдельного *мейделейга*; но у них, похоже, нет четко организованного общества.[399] Однако в Меланезии существует множество регулярных обществ;[400] и среди северных индейцев они были многочисленны и могущественны. Мидевинское общество оджибвеев является типичным примером таких институтов. Это был клуб настоящих профессионалов, в отличие от частнопрактикующих врачей, о которых говорили (конечно), что они пользуются благосклонностью злых *манидо*. Чтобы вступить в общество, необходимо пройти обучение, уплатить взносы и сделать подарки его членам. В нее входила примерно десятая часть племени, и что с влиянием, что с привилегиями дела обстояли очень хорошо.[401] В Африке также процветают такие общества.

Каждая профессия, организованная или неорганизованная, при условии взаимопонимания между ее членами, склонна приобретать антиобщественные интересы и устанавливать тайные традиции; и до тех пор, пока моральное чувство очень несовершенно, антагонизм профессии к обществу может быть смертельным злом, как мы видим из истории волшебства и жречества. И профессия, и ее традиции начинаются с практик, общих для всех членов племени; и традиция растет, накапливая открытия и изобретения профессионалов. Эксперименты и наблюдения используются ими (в соответствии с их освещением), вероятно, с самого начала. Доктор Хэддон говорит, что при управлении ветром и дождем процедура волшебников на восточных островах Торрессова пролива варьировалась, как, несомненно, и заклинания, и эксперты полагались на свои собственные варианты;[402] и проф. Дж. Селигман[403] отмечает, что в Британской Новой Гвинее знания “ведомственного эксперта” (волшебника, контролирующего дождь, или плодородие сада, или что-то еще) традиционно передаются от отца к сыну, частично состоящие из магических процессов или формул, частично из результатов многолетних наблюдений и размышлений. Все усовершенствования в науке, искусстве, промышленности и мошенничестве делаются отдельными людьми. Совокупная традиция становится более объемной, заклинания - более замысловатыми, обряды - более изощренными; поскольку таким образом сужается возможная принадлежность к профессии, повышается самооценка посвященных, усиливается удивление и доверчивость мирян: становится возможным распространение такой части доктрины и дисциплины, что этот последний эффект достигает максимума. В то время как племенная вера в Магию является необходимой основой

существования волшебника, он, будучи однажды признанным, с тех пор подтверждает, развивает и направляет племенную веру.

§ 2. Притязания Волшебника

В то время как общества создаются для продвижения общих интересов волшебников, слишком суровой конкуренции между ними в какой-то мере удастся избежать благодаря специализации людей в различных областях их мистерии. В чистой Магии есть место для разделения труда, связанного с погодой, плодородием или болезнями, но распространение анимизма и умножение фетишей и демонов открывает перед магами широкое поле для размножения специалистов. Среди белоки, говорит мистер уикс,[404] существует восемнадцать классов специалистов; в нижнем Конго - пятьдесят.

С помощью заклинаний, обрядов и амулетов волшебники осуществляют общий контроль над Природой. Они вызывают дождь или засуху, определяют восход солнца и с этой целью могут каждое утро подниматься на вершину холма, чтобы призвать его. Австралийский волшебник утверждал, что прогнал комету с помощью своих священных камней.[405] Адепт создает благоприятный ветер для своих друзей или неблагоприятный для своих врагов; способствует процветанию посевов или губит их; контролирует дичь охотника и скот пастуха. О высоте таких претензий можно прочитать в хвастовстве Медеи в "Метаморфозах".[406]

Сам по себе волшебник может обладать способностью превращаться в какое-нибудь животное или в любое другое животное. Он может полететь по воздуху в небесную страну, чтобы посетить Дарамулун; или, чтобы помочь притупленному воображению, он бросает веревку и взбирается по ней вверх, или бросает нить (как у паука) и взбирается по ней вверх.[407] Или он может полететь на Луну, чтобы быть гостем человека, которого мы там видим;[408] или в область смерти, чтобы навестить Эрлик хана.[409] При дневном свете он летает только духом, во время транса; но когда совсем темно, он может летать телесно. И, вероятно, это указывает на происхождение таких верований: ведь видеть во сне, что кто-то летит, не редкость; и поскольку во сне мы посещаем отдаленные места, а при пробуждении нам кажется, что мы внезапно вернулись неизвестным образом, аналогия с полетом предлагает самое простое объяснение таких переживаний. Летать - одно из самых древних и стойких занятий профессии: европейские ведьмы летали на метлах (выродившихся из сибирских конских посохов); доктор Фаустус - на своем волшебном плаще; а "левитация" была продемонстрирована недавними "медиумами".

Волшебники вызывают и излечивают любовь и другие формы болезней; убивают душу или возвращают ее в привычное место обитания; иногда один и тот же человек убивает и излечивает; иногда он творит только зло или только против зла; черные и Белые маги могут стать хорошо известными враждебными сектами. Волшебники обнаруживают воров и убийц или продают фетиш, благодаря силе которого злодей становится невидимым, если он заботится о том, чтобы его не видели. Они вершат это испытание, и в их власти жизнь каждого, кто ему подвергается. Они истолковывают сны и пророчествуют по полету птиц, выпадению костей, формированию лопаток и расположению звезд.

Колдун общается с призраками умерших или с духами природы и с их помощью выполняет все, что можно сделать с помощью Магии. Он одержим ими и действует или говорит с помощью их силы или вдохновения; он изгоняет их из других, которыми они обладают, или посылает их с поручениями, контролируя их либо с помощью более сильных духов, либо благодаря своему

глубокому знанию чар. Считается, что многие из этих вещей он лучше всего выполняет во время припадков или экстаза, которые он вызывает в себе ритмичным барабанным боем и танцами, или наркотиками, или добровольным контролем дисциплинированного темперамента, к удивлению и убеждению всех зрителей.

Таковы притязания волшебника, настолько известные, что краткого их изложения достаточно; и хотя они кажутся нам слишком абсурдными, чтобы кто-либо мог в них поверить, меньше всего сам волшебник, тем не менее наблюдатели уверяют нас, что он часто верит в них, и большинство его соплеменников, безусловно, принимают их за подлинные. Для них его действия настолько замечательны, что ставят под сомнение достижения научных изобретений; и, вероятно, это отчасти объясняет частые сообщения о том, что дикарям не хватает чуда. “Требуется немало усилий, чтобы удивить дикаря, - говорят Спенсер и Гиллен. - он воспитан на Магии, и то, что поражает нас, он рассматривает просто как проявление Магии, более могущественной, чем любая, которой обладает он сам”.^[410] Тем не менее, чернокожие были поражены фонографом. Подобным образом Стефансон говорит нам^[411], что необычные, но понятные вещи — лук, стреляющий на пятьдесят ярдов дальше, чем любой другой, — могут вызывать бесконечное изумление среди эскимосов; но то, что кажется чудесным — выстрел из винтовки или бинокль - сравнивается с предполагаемыми способностями шамана, который может убить животное по другую сторону реки, подняться на гору или увидеть то, что должно произойти завтра. Наша хирургия тоже сильно уступает шаманской, которая может удалить больное сердце или позвоночный столб и заменить их здоровыми.

§ 3. Характеристики Волшебника

(1) Наблюдатели в целом согласны с тем, что волшебник или знахарь отличается в своем племени умом и проницательностью, или, по крайней мере, хитростью. Он склонен произвести впечатление на несимпатичного свидетеля как на “человека с большим умом и меньшим трудолюбием, чем у его собратьев”. Волшебник среди огнеземельцев, по словам Фицроя, самый хитрый и лживый в своем племени и имеет большое влияние на своих товарищей.^[412] Среди баконго знахари, по словам мистера Уикса, обладают острым зрением, острым знанием человеческой природы и тактом.^[413] Шаманы-самоеды “, как правило, самые умные и хитрые из всей расы”.^[414] Хитрость явно необходима для жизни волшебника, а для некоторых его функций - гораздо больше, чем просто хитрость. Во многих племенах к нему обращаются за советом при каждой трудности и в каждом начинании. Сэр Э. им Турн сообщает, что *пиман* араваков изучает и передает традиции своего племени и является хранителем его медицинских и охотничьих знаний.^[415] Хирургическое мастерство знахарей племени чероки при лечении ран было значительным.^[416] Еще более великими, по-видимому, были фиджийцы, неплохо разбиравшиеся в анатомии, приобретенной во время их непрекращающихся войн.^[417] Индейские знахари открыли полезные свойства коки, халапеньо, сарсапарильи, чинчоны и гуйакума,^[418] подразумевая с их стороны превосходство в любопытстве и наблюдательности. Врачи-банту в Южной Африке используют алоэ, *nux vomica*, касторовое масло, папоротник, ревень и другие лекарства.^[419] Ливингстон говорит,^[420] что врачи, унаследовавшие свою профессию, обладают “ценными знаниями, являющимися результатом длительного и пристального наблюдения”, и что они, к счастью, научились у него — когда их пациентов не было рядом. По-видимому, во всех частях света маги обладали некоторыми знаниями о лекарствах и определенных методах лечения, таких как потогонные ванны и массаж, лигатуры, прижигание и разжигание. Как метеорологи и хранители урожая, они заложили первые основы

астрономии и метеорологии. Все их знания такого рода - это, конечно, не Магия, а опыт и здравый смысл; хотя наука происходит не от Магии, ученый происходит от мага: однако не в той мере, в какой маг оперирует Магией, а в той мере, в какой он оперирует здравым смыслом. Среди племен лушай имя колдуна, *пуитиам*, означает “великий знаток”, [421] эквивалент нашего “волшебник”. Но колдовство принижает магическое искусство медицины, подавляя своей теорией “одержимости” всякий импульс рационального любопытства и заменяя эмпирическое лечение (каким бы грубым оно ни было) ритуалами изгнания нечистой силы и умиловствования.

В таких отдаленных друг от друга частях света, как Сибирь, Гренландия, глухие леса Бразилии и Южной Африки, волшебники открыли секрет чрево вещания. Повсюду они обучались искусству колдовства, без которого (особенно трюку с “пальмингом”) многие их представления, и особенно сосательное лечение, были бы невозможны. Их практика, как правило, неуклюжа и легко обнаруживается искушенными белыми, но навязывается их пациентам и местным жителям. [422] В Индии это доведено до гораздо большей степени иллюзии. Волшебники часто обладают практическими знаниями в некоторых малоизвестных областях психологии; таких как сила внушения и различные средства его передачи, а также эффект непрерывных ритмичных движений и звуков при вызывании состояния экзальтации или диссоциации.

Соплеменники волшебника, конечно, верят, что он обладает знаниями, абсурдно превосходящими реальность. Он хвастается этим как основой своей власти над природой или над духами; часто как сверхъестественным даром духов, которых он посетил или которые посетили его и которые инициировали его; или же как тайным традиционным знанием. Именно благодаря знанию человеческой природы он управляет своими собратьями; и он утверждает, что знание названий и происхождения вещей и духов дает ему такой же контроль над ними. В малайской магии мистера Скита заклинания, обращенные шахтером к духам или металлам, заклиная духов уйти с его “участка” или собрать там крупницы металла, содержат устрашающий и подчиняющий стих:

-Я знаю источник, из которого ты произошел!

Та же самая непреодолимая сила использовалась — если мы можем доверять “Калевале — финскими волшебниками; ибо “каждая вещь или существо теряет способность творить зло, как только находится кто-то, кто знает, кто провозглашает ее сущность, ее происхождение, ее генеалогию”. “Тиетаджа, что этимологически означает мудрый или ученый, обычно используется для обозначения мага”. [423] Считалось, что средневековые маги контролировали демонов с помощью глубокой науки; и любого, кто прославился наукой, подозревали в колдовстве: например, Гроссетеста, Альберта Великого, Роджера Бэкона, Аквинского и Раймонда Луллия; чья репутация поддерживала авторитет таких людей, как Парацельс и Джон Ди.

Изящные искусства в своих зачатках многим обязаны волшебникам. Заклинания в стихах часто достигают высокого уровня лирического пыла. *Словаруна, кармен, лаулаа* свидетельствуют о магии поэзии. Вергилий и Талиессин были известны не только природными способностями: тот - суеверной репутацией, а этот - собственным хвастовством. [424] Танцы и пантомима культивировались из-за их магических свойств. Примитивная резьба и живопись во многих случаях используются для того, чтобы воздействовать на духов, или животных, или природные

силы, которые они представляют; и если мотивом недавно обнаруженных изображений животных, датируемых древним каменным веком, была магия, то ее эффективность в поощрении искусства в тот отдаленный период соперничала с эффективностью религиозного покровительства в некоторые более поздние эпохи.

(2) В большинстве племен волшебнику требуется большая сила воли и настойчивость в достижении цели — будь то из—за осознанного выбора или из-за увлечения профессией - чтобы пройти суровое обучение, которого часто требуют от кандидатов на должность; большая смелость, чтобы побудить и поддержать его в практике его искусства, которому мешают табу и (особенно колдуну) всегда сопутствуют сверхъестественные ужасы и часто более реальные опасности; и необычное присутствие духа, чтобы выпутаться из очень неловких ситуаций. Это правда, что в некоторых случаях, когда должность волшебника передается по наследству или может быть присвоена якобы благодаря благосклонности духов или каким-либо другим тайным уловкам — возможно, на основании свидетельств видений, или простым обманом, или сочетанием того и другого — мы мало слышим о действительно серьезных обрядах посвящения; но часто эти формальности очень болезненны или очень дороги. Среди арунта есть три класса волшебников: первый и второй, созданные духами, не подвергаются суровым испытаниям - за исключением просверливания дырки в собственном языке и сохранения ее открытой, как свидетельство профессиональной истории о духах, которые убивали их копьями, вырезали внутренности и заменяли их новыми наборами и определенными волшебными камнями. Но третий класс иницируется двумя волшебниками первого и второго класса, которые притворяются, что вгоняют хрустальные камни[425] в их кровоточащие тела от передней части ноги до грудной кости, в макушку головы и под ноготь указательного пальца правой руки. Они должны страдать в совершенном молчании, три раза в день в течение трех дней подряд, вместе с другими пытками, за которыми следуют различные табу; и, в конце концов, они не так хорошо относятся к племени, как те, кого посвятили духи.[426] Могут ли быть какие-либо сомнения в том, что обряды посвящения третьего класса представляют собой более древний магический обычай, и что сказочное посвящение духами является переростком анимизма? Есть четкие мотивы для изменения; поскольку последний метод легко выполняется самостоятельно, он гораздо менее болезненный и в большей степени стимулирует воображение мирян и, следовательно, более внушительен. Для обратного изменения нет никаких мотивов. И поэтому, вероятно, волшебники третьего класса действительно менее компетентны, чем остальные; ибо человек, который после открытия нового духовного пути все еще предпочитает старую дорогу через боль и лишения, должен быть (сравнительно) лишенным воображения, тупым, честным, неполноценным человеком.

Старые волшебники Варрамунги, принимая нового кандидата в профессию, не дают ему во время процесса отдыха; он должен стоять или ходить до полного изнеможения, когда едва осознает, что с ним происходит; лишенный на долгое время воды и пищи, он становится ошеломленным.[427] На западных островах Торресова пролива инструктор отвел новичка в кусты, где тот испражнился в раковину с водой и заставил его выпить ее с открытыми глазами; затем он должен был жевать определенные фрукты и растения, от которых у него болели внутренности и чесалась кожа; затем мясо акулы и, наконец, разлагающуюся плоть мертвеца, полную воды. личинки. Он сильно заболел и впал в полубезумие. Мало кто решался пройти эти обряды; некоторые отказались от этого начинания; некоторые умерли от этого.[428] В Британской Гвиане стремящийся к волшебству подвергается длительным голоданиям, бродит в одиночестве в буше (полном ужаса для робкого индейца) и приучает себя делать большие

глотки табачного сока, смешанного с водой, что вызывает временное помешательство.[429] По ту сторону водораздела, на Юго-западе, должность знахаря передается по наследству; однако Уотертон сообщает, что стажерам приходится переносить изнуряющие испытания.[430] Суровые тренировки знахаря банту убивают многих новичков.[431] В таких условиях только люди с необычной силой воли или постоянством увлечения (качества, которые не всегда легко распознать) могут стать волшебниками. Подготовительный ритуал к должности шамана у сибирских бурятов сложен, дорог и устрашающ: община помогает кандидату из бедной семьи добыть животных для жертвоприношения и предметы, необходимые для обрядов; но многие уклоняются от испытания, “страшась огромной ответственности, которую оно налагает; ибо боги сурово обходятся с теми, кто прошел посвящение, и карают смертью за любую серьезную ошибку”. В этой профессии существует девять степеней, каждая из которых требует особого посвящения.[432] Таким образом, во многих случаях испытание инициацией отвращает слабых и некомпетентных и поддерживает в профессии волшебника высокий уровень решимости и выносливости. В более развитых обществах аналогичный результат достигается верой в то, что достижение магических сил зависит от длительного аскетизма в учебе или от лишений и пыток, которые дают мистическое право на сверхъестественную силу: суеверие, на основании которого Саути навел Проклятие Кехамы — наименее нечитаемый из его романов.

Что касается мужества, которое может потребоваться для продолжения практики волшебника, то, когда он наводит ужас на своих соседей, их отношение к нему у разных племен различается - от кротчайшей терпимости до кровожадного антагонизма. Таким образом, профессор Хэддон никогда не знал, что на западных островах Торресова пролива колдуны подвергались нападениям толпой или жестокой казни из-за своих магических практик.[433] В Новой Каледонии, когда колдун вызывает всеобщий голод, люди просто делают ему подарки, чтобы вернуть изобилие.[434] Среди тогда человек, ставший жертвой колдуна, платит ему за снятие проклятия.[435] В таких случаях колдуну нужна только наглость. С другой стороны, недалеко от Финш-Харбора в Новой Гвинее часто казнят опасного колдуна; и поэтому он находится среди соседних кайс.[436] На самом деле такова более общая практика;[437] и волшебник, продолжающий свою профессию с риском для жизни, должен опираться на бесстрашие, которое преступники часто проявляют.

Столкнувшись со сверхъестественными опасностями, потребность мага в мужестве должна зависеть от искренности его собственной веры в них: этот вопрос будет обсуждаться в четвертом разделе этой главы. Если его исповедания правдивы, то отношение такого человека к духовным силам не может быть поддержано никакой обычной смелостью. У северо-западных амазонок шаман - единственный из своего племени, кто осмеливается в одиночку отправиться в лес с привидениями. Зулусские врачи, которые специализируются как “небесные стада”, сражаются с грозой копьем и щитом, пока она не убегает.[438] Повсюду колдун сражается с демонами болезни с безрассудной отвагой. В Конго он загоняет их в какое-нибудь животное, а затем отрубает ему голову. В Северной Америке он запугивает, усмиряет и изгоняет бесов яростным хвостовством. В Сибири, чтобы поймать мимолетную душу пациента, он следует за ней по суше и морю в царство мертвых. Гренландские иннуиты признают Седну верховным Существом и создательницей всего живого; однако их ангакоки покоряют даже ее: один выманивает ее из Адливуна волшебной песней; в то время как другой, когда она появляется, пронзает ее копьем из тюленьей кожи, которое затем оказывается измазанным кровью.[439] Чтобы получить помощь даже от высших духов, волшебник обманывает их; или, чтобы убить

врага, он узурпирует их силы. Малаец мстит за себя, заворачивая свою жертву в саван и молясь над ней, как над мертвой; затем он закапывает ее на тропинке к дому своей жертвы и говорит:

“Мир тебе, хо пророк Тап, в чьем ведении находится земля!
Вот, я хороню труп (имя жертвы)
Пророк Мухаммед повелел мне,
Потому что он (жертва) был мятежником против Бога.
Вы помогаете в его убийстве.
Если ты не убьешь его,
Ты станешь мятежником против Бога,
мятежником против Мухаммеда.
Это не я хороню его.
Это Габриэль хоронит его.
Даруешь ли ты мою молитву в этот день:
Даруй ее по милости моего прошения в рамках вероучения Ла илаха и т.д.”[440]

Можно было бы предположить, что дерзость богохульства не могла подняться выше этого; но египтянку во время родов научили объявлять себя Исидой и призывать богов себе на помощь. “Если они откажутся прийти, ”Тогда вы будете уничтожены, вы, девять богов; небеса больше не будут существовать, земля больше не будет существовать, пяти дней в году больше не будет; приношения богам, владыкам Гелиополиса и т.д. больше не будут делаться”. [441] Если бы факты не были перед нами, это было бы невероятно что постоянная цель получения сверхъестественной помощи должна, таким образом, исключать из ума все мысли о божественных атрибутах и о собственной незначительности.

(3) Какие мотивы побуждают человека избрать эту странную и опасную профессию или поддерживают его среди всех опасностей и разочарований, связанных с ее занятием? Во-первых, некоторых людей угнетает тяга к волшебству; точно так же, как среди нас некоторые люди имеют непреодолимое призвание быть поэтами, хотя таким образом бедность смотрит им в лицо. Обычным людям это кажется делами для убежища. И все же мы можем понять “приверженца муз”, приняв во внимание, что поэт, как мастер ритма, хранитель традиции, вершитель славы, занимал необходимое место в древней культуре племен и величайшее в самых благородных племенах. Племя, производящее поэтов, имеет преимущество в жизненной борьбе; и, соответственно, в племени передается кровь поэтов, которая проявляется в определенном количестве юношей в каждом поколении. Я думаю, то же самое должно быть верно и в отношении волшебников. Их часто “призывают”; алтайцы верят, что ни один человек по своей воле не становится шаманом. [442] Подобно поэтам, они священны и одержимы. Они также очень полезны: их функции во многих отношениях перекрывают функции поэта, например, в сохранении традиций; и часто они сами являются поэтами. Они вселяют уверенность в своих товарищей среди ужасных воображаемых опасностей дикой жизни. Их нервный темперамент может повысить жизненный уровень племени. Они поддерживают веру в табу и подобные таинственные опасности, от которых зависят порядок и мораль дикарей; и во многих случаях они становятся лидерами и вождями. Таким образом, вера в Магию и анимизм,

по-видимому, была необходимым фундаментом социальной жизни.[443] И будь это все, полезность wizards была бы понятна. Но они часто творят так много и такого ужасного зла, запрещая всякое улучшение и распространяя всеобщий террор, что в таких случаях трудно судить, нарушают ли их действия баланс добра или зла. Возможно, иногда зло может превзойти само себя, и племя может вырождаться и погибнуть из-за этого. В целом, однако, безусловно, существует баланс добра, особенно со стороны руководства на ранних стадиях социального развития; и это объясняет расцвет волшебной профессии из века в век и привлекательность, которую она имеет для тех, в ком течет волшебная кровь, которые вступают в нее, потому что это обещает удовлетворить врожденную предрасположенность. Даже в цивилизованной стране эта склонность все еще у немногих людей проявляется по-старому; но по большей части она была “сублимирована” в других профессиях. Конечно, неопита в волшебстве привлекает не полезность профессии, точно так же как молодого поэта привлекает полезность поэзии. То, что привлекает волшебника с врожденным гением, - это (помимо потворства его личным способностям) тайна волшебства; которая возбуждает в его душе комплекс, состоящий главным образом из любопытства к неизвестным силам, управляющим природой и духом, восхищения страхом при приближении к ним и возвышенного самосознания при перспективе достижения сверхчеловеческой мудрости и авторитета. Статья о шаманизме,[444], которую я так часто цитировал, описывает шамана как иногда глубоко убежденного, что он был избран для служения духам; и говорит, что некоторые чувствуют непреодолимое призвание и терпят преследования за свою веру; они не могут не заниматься шаманизмом. Упоминается, что один из них был одарен чувствительной натурой и пылким воображением, он твердо верил в духов и в свое собственное таинственное общение с ними.

Я полагаю, что люди с таким темпераментом выделяются среди других, когда каждый мужчина занимается магией или колдовством, основывают эту профессию и всегда являются ее жизненным ядром, хотя со временем они могут стать лишь небольшой частью ее членов. Под влиянием искреннего увлечения они установили его обряды — посты, страдания, аскезы, видения и безумие посвящения, будь то в магические знания или духовную одержимость; доведение себя во время совершения обряда до оргиастического опьянения, в котором они ощущали собственное величие и доминировали над своей аудиторией; и они открыли некоторые способы воздействия с помощью наркотиков и внушения, а также некоторые реальные средства. Но эта профессия, однажды сформировавшись, вскоре привлекла людей совсем другого сорта, движимых совсем другими мотивами; которые видели в ней путь иногда к богатству, но всегда к репутации и власти. Поскольку у очень примитивных людей мало богатств, которые можно собрать, и иногда (как мы видели) вознаграждение за магические услуги не дается и не ожидается, более ранним из этих мотивов, должно быть, была любовь вызывать удивление и страх, к силе, которую давали страхи их собратьев, и к репутации, которая, следовательно, распространилась повсюду. В Моте (Меланезия) человек, владеющий магическими способностями, будет оказывать услуги без вознаграждения, просто чтобы повысить свою репутацию за обладанием *магической силой*. [445] Поначалу у них, похоже, не было привилегий, но сила приобретает привилегии: так что среди варрамунга волшебники свободны от сексуальных табу; [446] в Гвиане нет соплеменник осмеливается отказать колдуну в чем угодно, даже в своей жене; [447] среди болоки колдуна никогда не обвиняют во вредном колдовстве и, следовательно, ему никогда не грозит испытание. [448]

Иногда, действительно, волшебника могут уважать не в частной жизни, а только при исполнении им своих служебных обязанностей. Страх и изумление, на самом деле, не всегда полностью закрывают соседям глаза на его недостатки. Спенсер и Гиллен говорят нам, что Магия отдаленных мест, будучи менее известной, вызывает больший страх.[449] Преподобный Дж. Х. Уикс даже говорит, что в Конго деревенский знахарь редко бывает дома; ибо люди знают, что его фетиш не может защитить его или ее близких от вреда, и поэтому нанимают кого-нибудь из другой деревни, о ком они знают меньше.[450] Точно так же племя склонно бояться своих собственных адептов меньше, чем адептов другого племени с более низкой культурой, чьи обычаи менее известны и более таинственны: как малайцы особенно боятся якунов;[451] ранее племя Шведы - финны, а финны - лопари; тоды - курумба;[452] а в Македонии магические монахи-мусульмане пользуются гораздо более высокой репутацией, чем христиане.[453]

Тем не менее, волшебник, будь то местного или иностранного происхождения, становится необходимым в каждом жизненном кризисе, при рождении и вступлении в брак, при несчастье, болезни и смерти; в любом начинании - охоте, сельском хозяйстве или торговле; и по своим предзнаменованиям он может определять войну или мир. После своей собственной смерти он иногда может надеяться на то, что его обожествят. Обладая такими способностями, окруженный запуганной и зависимой толпой и часто наслаждающийся долгой карьерой сознательного или бессознательного самозванца, он кажется себе, как и другим, “сверхчеловеком”; его *Самомнение* доходит до мании величия, а хвастовство становится чудовищным и ошеломляющим.

(4) Чтобы поразить воображение всех зрителей и укрепить свою репутацию, волшебник обычно использует костюм, или поведение, или странное общение с животными, которое отличает его от остальных членов его племени. Не всегда; для мисс Чаплицкой[454] говорит, что в Сибири шаман в повседневной жизни ничем не отличается от других, за исключением иногда надменного поведения; но правило иное. А. W. Хауитт[455] рассказывает, что один австралийский знахарь приобрел влияние, всегда нося с собой кружевную ящерицу длиной в четыре фута; другой лелеял ручную коричневую змею; а пожилая женщина держала местного кота (*Дайсур*): “фамильяров”, которые соответствуют черным кошкам и козам наших собственных ведьм. Знахарь Арунта продлевает дырку в своем языке, появляется с широкой полосой толченого древесного угля и жира поперек переносицы и учится выглядеть сверхъестественно серьезным, как человек, обладающий знанием, скрытым от обычных людей.[456] В лесу верхней Амазонки знахарь не делает депиляцию, хотя остальные члены его племени делают это, чтобы отличить себя от обезьян; и он пытается представить в своем костюме что-то оригинальное и бросающееся в глаза.[457] В Южной Африке также одежда знахаря часто очень бросается в глаза. Так происходит на протяжении всей истории: чародей своим жезлом, одеждой, аскетизмом, поведением рекламирует себя как человека, выделяющегося из толпы. Ритуалы посвящения отмечают это превосходство: как племенная инициация отделяет мужчину от женщин и мальчиков, так инициация волшебника делает его “сверхчеловеком”.

(5) Такой характер не выносит противодействия и ревниво относится к соперничеству; человек, которым он движет, живет в постоянном страхе неудачи и дискредитации и, следовательно, полон подозрительности и жестокости. В Южной Африке профессиональная ненависть среди фокусников доведена до крайних пределов. Они тестируют своих коллег, крадут лекарства друг у друга или молятся богам, чтобы искусство их соперника стало неэффективным.[458] Дикий

колдун недоброжелательно смотрит на европейца, который, слишком очевидно, обладает необычайной Магией. Капитан Уиффен говорит[459] о колдуне среди южноамериканцев, который много знает о ядах, что для поддержания своей репутации, если он заявляет, что не может вылечить пациента, он его отравляет. О колдуне из Нижнего Конго мистер Уикс говорит, что “его лицо становится уродливым, отталкивающим, полотном, на котором с отталкивающей точностью изображены жестокость, коварство, ненависть и все дьявольские страсти”. [460] Возможно, это крайний случай; но, подводя к нему, можно сказать, что существуют все степени озлобленности и злобности по отношению к тем, кто препятствует нашим амбициям; и только у исключительных магов мания величия совместима с внимательностью и великодушием.

(6) Поскольку большая часть практики волшебника - это обман (верит он в себя или нет), он должен быть актером; и его успех должен во многом зависеть от степени, в которой он обладает особыми актерскими способностями и темпераментом: аудитория должна быть для него стимулом, а не сдерживающим фактором; он проявляет себя охотно. Мисс Чаплицкая сообщает нам, что "шаману", [461] аудитория полезна, хотя присутствие европейца угнетает. Шаман чукчи, не имеющий своего рода хора, считает себя неспособным выполнять свои обязанности: новички на тренировках обычно приглашают брата или сестру отвечать за их упражнения. И действительно, выставки волшебника часто представляют собой без оформления то же развлечение для общества, что и выставки актера. Невозможно читать о пантомимическом путешествии шамана верхом на лошади на Юг, через замерзшие горы, пылающие пустыни и по мосту из одного волоска, протянутому через пропасть над пенящимися водоворотами, к обители Эрлик-хана, а затем обратно домой на спине летящего гуся, не понимая, что в дебрях Сибири такое развлечение, какими бы другими достоинствами оно ни обладало, восполняет недостаток театров и мюзик-холлов и что из таких представлений могла бы зародиться профессия драматурга.

Но есть два типа актеров; и они достаточно хорошо соответствуют двум типам уже описанных волшебников — профессиональным и эксплуататорским. Говорят, что некоторые актеры отождествляют себя со своим предполагаемым персонажем и ситуацией настолько глубоко, что оправдывают вымысел: концентрация воображения, доходящая до диссоциации, делает роль, которую они играют, пока она длится, более реальной, чем что-либо другое; и поднимает их на это время в энергии мысли, чувств и действия намного выше их обычных способностей; так что они привлекают внимание, сочувствие и веру аудитории. Но другие изучают свою роль и заранее определяют, какие именно интонации, жесты, выражения являются наиболее эффективным подкреплением каждого слова, и после этого хладнокровно разыгрывают на сцене весь драматический урок, который они выучили сами. Возможно, более распространенным, чем любой из этих крайних типов, является актер, который начинает с изучения под влиянием своего рода вдохновения и после нескольких вечеров экспериментов повторяет то, что, по его мнению, отвечает наилучшим образом. Нам не нужно рассматривать тех, кто не может делать ничего, кроме того, чему их научили другие. Что ж, волшебник по призванию, вероятно, ведет себя как актер первого типа: приступает к любой должности, на которую его могут призвать, с исключительной преданностью своей задаче; доводит себя до исступления, стонет, корчится и потеет под властью своего демона; произносит заклинания на архаичном языке; часами барабанит и танцует, впадает в безмолвный транс - в соответствии с профессиональным шаблоном — и все это с тем, что можно описать как драматическую добросовестность. Благодаря врожденному расположению и практикуемому самовнушению он достигает временной диссоциации. Волшебник противоположного типа, эксплуатирующий

свою профессию, видит все это и имитирует с такими усовершенствованиями, какие только может изобрести. О вмешивающейся толпе шарлатанов, которые смешивают самообман с обманом во всех возможных пропорциях, нельзя дать определенного отчета.

Согласно Дидро,^[462] величайшие актеры принадлежат ко второму классу, к обдуманым и дисциплинированным художникам. Мы можем быть уверены, что боги в галерее, если бы они понимали, что происходит у них на глазах, всегда предпочли бы вдохновенных исполнителей. Вероятно, они на самом деле величайшие в свои лучшие часы, но на них меньше можно положиться, они менее уверены в том, что всегда равны самим себе. И то же самое может быть верно для волшебников соответствующего типа. Во всяком случае, осознанный самозванец с меньшей вероятностью будет смущен непредвиденными трудностями и неловкостью неудачи, с меньшей вероятностью будет окружен толпой, убит и пригвожден к своей могиле осиновыми кольями.

(7) Волшебники очень часто являются людьми, у которых проявляется истерический или эпилептоидный диатез; и кандидаты в эту профессию, у которых проявляются его признаки, часто пользуются предпочтением врачей. Согласно мисс Чаплицкой, истерия (распространенная в Сибири) лежит в основе призвания шамана: но это не просто вопрос климата; ибо преподобный Э. Т. Брайант пишет о зулусах: “подавляющее большинство прорицателей явно невротического типа”;^[463] и со всех сторон мы получаем от описаний волшебников одно и то же впечатление. Слово “шаман” происходит, как обычно предполагается, не от санскритского (*шрамана* = работа, религиозный нищенствующий), а от *саман*, что по-маньчжурски означает “тот, кто взволнован, тронут, возвышен”.^[464] Воздействие шаманизма на аудиторию в значительной степени зависит от припадков, экстаза, конвульсий, вызываемых на определенном этапе представления и приписываемых одержимости духами. О подобных выставках сообщали все наблюдатели за волшебством. Профессор Отто Столл из Цюриха описал^[465] феномены, происходящие во всех странах и во все эпохи; и он приписывает их, а также галлюцинации и обезболивание (как при хождении по огню), которыми также владеют волшебники, силе самовнушения, приобретенной практикой и тренировками, на основе (конечно) естественной предрасположенности. Калиостро заявлял, что чувствует атеистов и богохульников; “исходящий от них пар повергает его в эпилептические припадки; в это священное расстройство он, как истинный жонглер, владеет искусством впадать, когда ему заблагорассудится”.^[466] Приступы у волшебника вызываются добровольно; но с момента возникновения приступа развитие его симптомов становится автоматическим. Однако в промежутках между приступами, говорит мисс Чапличка, он должен уметь владеть собой, иначе он становится неспособным к своей профессии: нервный и возбудимый, часто на грани безумия, и если он переходит эту грань, ему приходится уйти на пенсию.^[467] Короче говоря, его экстаз - это кульминационная сцена его драматического представления, все это должно быть передано с дисциплинированной точностью художника. Мы не должны думать о шамане как об истеричном пациенте: если бы это было так, было бы больше, а не меньше оснований подозревать его в обмане. Несомненно, тренировка, которая дает контроль над нервным приступом, защищает субъекта от его нездоровых последствий; по-видимому, нет особой предрасположенности к заболеваниям или сокращению жизни. Раньше в Сибири, до того, как власть этой профессии была подорвана верованиями и практиками иммигрантов, было необходимо, чтобы шаман был хорошо развит умственно и физически (как часто требовалось от священников); и такое телосложение ни в коем случае не является несовместимым с сильным театральным темпераментом.

Необходимым дополнением к суггестивным приемам мастера является внушаемость его клиентов. Существует такая вещь, как склонность к согласию или несогласию — внушаемость или противопоставляемость; но последняя, как и первая, представляет собой тенденцию реагировать без рефлексии и с таким же успехом может контролироваться соответствующими внушениями. Способность любого данного внушения контролировать ход мыслей и действий человека зависит от сопротивления (помимо противоповнушаемости), которое оно встречает в его сознании; а это зависит от объема, качества и интеграции его апперцептивных масс и от легкости, с которой они вступают в действие. На уровне восприятия разум дикаря хорошо организован, и соответственно его внушаемость низка; но на уровне представлений он в большинстве случаев плохо организован, плохо поддается анализу, классификации, обобщению, беден знаниями, изобилует воображаемыми представлениями о Магии и анимизме; так что, за исключением прирожденных скептиков (которые, как мы увидим, существуют среди дикарей), предложения волшебника встречают небольшое сопротивление со стороны здравого смысла и с готовностью принимаются магическими и анимистическими предрассудками. Но даже у здравомыслящего человека предположение, каким бы абсурдным оно ни было, может на какое-то время возобладать, если его умственная реакция замедлена; хотя, имея время на размышление, он, несомненно, отвергнет его. Искусство мастера состоит в том, чтобы так завладеть вниманием своего клиента, что, как в гипнозе, сила рефлексивного сравнения приостанавливается, а критика отменяется. В этом искусстве много мастеров. Душевное состояние клиента очень часто проявляется в эффектах ораторского искусства, театра, историй о привидениях и вообще в распространении мнений, подозрений и предубеждений.

§ 4. Волшебник и скептик

Поскольку хвастовство волшебника, заклинание, чрево вещание, драматизация и применение всех видов искусства внушения кажутся несовместимыми с искренностью, в то время как, тем не менее, он предан своему призванию, некоторые наблюдатели объявили его расчетливым самозванцем, в то время как другие утверждают, что он в той или иной степени верит в себя и разделяет распространяемые им иллюзии. Можно найти примеры в поддержку любой позиции.

Некоторые говорят, что волшебник верит в себя, потому что в него верят все остальные; что на определенном уровне культуры существует всеобщая социальная одержимость определенными идеями, от которых индивид не может убежать и за последствия которых, следовательно, он не несет ответственности. Согласно этой теории, преобладает своего рода племенное безумие. Доктор Мерсье говорит, что у индивидуума паранойя характеризуется систематизированным бредом: “существует организованная совокупность (ложных) знаний, и она отличается от других бредовых идей тем фактом, что она окрашивает всю жизнь пациента; она регулирует его повседневное поведение; она дает ему объяснение всего его опыта; это его теория космоса”. И еще: “до тех пор, пока сохраняется высочайший уровень мышления, пока мы можем признавать и признаем, что наши ошибки - это ошибки, а наши расстройства, будь то психические или поведенческие, - это расстройства, до тех пор здравый смысл остается неизменным, а наши ошибки и расстройства - нормальными. Однако, как только мы становимся некомпетентными для внесения этой корректировки ... Устанавливается безумие ”.[468] Эти отрывки точно описывают состояние волшебника и его племени, страдающих социальной паранойей: можно сказать, что их теории магии и анимизма и отношений волшебника с невидимыми силами действительно образуют организованную совокупность (ложных) знаний,

окрашивают всю их жизнь, объясняют все, что с ними происходит; а их ошибки и расстройства являются неисправимыми путем размышления или опыта. Я полагаю, что такие условия общественного сознания существовали (и, возможно, существуют до сих пор), стремясь к уничтожению племени, а иногда и заканчиваясь им. То, что в таком случае должно быть единодушие, необязательно; достаточно, чтобы поток веры в определенных направлениях был подавляющим. Но такие крайние случаи редки. Обычно даже в отсталых племенах можно встретить значительную долю недоверия и того, что можно назвать примитивным рационализмом или позитивизмом.

Значительные части племени иногда сотрудничают в обмане, мужчины против женщин и детей или старики против молодежи; и нельзя предполагать, что там, где это происходит, преобладает что-либо похожее на всеобщее заблуждение. Арунта, которые учат своих женщин и детей, что Тваньирики - это дух, живущий в диких краях, который посещает инициации, и что шум ревущего быка - это его голос; в то время как они открывают юношам при посвящении, что пучок чуринга - это истинный Тваньирики, [469] не могут быть слепы к существованию социальных связей. выдумки. Открытие, сделанное посвященными юношами в некоторых частях Новой Гвинеи, что Балум, чудовище, которое, как считается, проглатывает их во время посвящения, не что иное, как букашка, и что его рычание - всего лишь рев быка, должно быть шоком для их доверчивости. [470] Действительно, разочарование в некоторых популярных суевериях является общей характеристикой церемоний инициации. [471] На материке Новой Каледонии каждые пять месяцев проводится ночь духов; когда люди собираются вокруг пещеры и призывают к пению призраков, которые, как предполагается, находятся внутри нее; и они действительно поют - преобладает гнусавый писк стариков и женщин. [472] В таких случаях происходит не какой-либо естественный рост социальных заблуждений, подчиняющих индивидуальный разум, а заранее организованное сожительство; и волшебник в таком окружении, вместо того чтобы утвердиться в подлинности своего искусства, всего лишь читает там метод своего собственного самозванства, набранный крупным шрифтом. [473]

Воспитанные дома волшебники, которым доверяют меньше, чем тем, кто живет дальше, или чем представителям низшего племени, не черпают уверенности в себе из единодушного одобрения своих соседей.

Опять же, общая распространенность заблуждений в племени не подавляет скептицизм отдельных людей. Разумно ожидать, что такой скептицизм будет наиболее распространен среди высокопоставленных людей, которые сравнительно свободны от гнета народных санкций; и, вероятно, это факт. Такое исключение, заключающееся в сохранении ядра относительно здравомыслящих людей, является одной из величайших социальных выгод ранга. Вождь басуто Мокатчане, окруженный крайне суеверными людьми, подчинился их обычаям; но, платя своим прорицателям, он не колеблясь заявлял, “что считает их самыми большими самозванцами в мире”. [474] На Фиджи сомнительно, верили ли высшие вожди в вдохновение священников, хотя их политике соответствовало делать вид, что верят. Между двумя орденами существовало взаимопонимание: один получал жертвы (пищу), другой - хороших оракулов. Вождь, получив неблагоприятного оракула, сказал жрецу: “Кто ты? Кто ваш бог? Если ты устроишь переполох, я тебя съем” [475] — не в переносном смысле. На Тонге “даже за семнадцать лет до прибытия первых миссионеров вожди не заботились скрывать свой

скептицизм”. В Вавоу Тауфахан, долгое время скептически относившийся к вере своих предков, узнав о христианстве, повесил за шею пятерых идолов, избил жрицу и сжег дома духов.[476] Говорят, что викинги, подобно героям Гомера, сражались со своими богами; а в других случаях заявляли о полном неверии в них. Отсюда и легкое обращение Севера в христианство. Скептицизм, возможно, был моден при дворе гораздо раньше: “Едва ли возможно сомневаться, — говорит м-р Чедвик, — что фамильярность, чтобы не сказать легкомыслие, в обращении с богами характеризовала Героическую эпоху [Тевтонскую - 350-550 гг. н.э.] в той же степени, что и викингов”. [477] Пародийные изображения богов в некоторых отрывках “Илиады” представляют собой разновидность атеизма: они поразительно контрастируют с возвышенным благочестием, выраженным в других местах. И неадекватность такой литературной религии (подобной религии Валгаллы) может объяснить поверхностное восприятие (или возрождение) Мистерий в шестом веке до н.э. История изобилует примерами правителей и священников, которые в сговоре использовали религию для политического удобства таким образом, что подразумевали свое собственное неверие и непреднамеренно открывали двери неверия другим.

Но не только вожди и герои иногда освобождают свой разум от популярных суеверий. Старый австралиец, в обязанности которого входило присматривать за костями мертвеца и поддерживать возле них огонь, продал их за немного табака и томагавк, сильно опасаясь, что об этом узнают его соплеменники; но он “очевидно, не страдал от угрызений совести”: [478] то есть он боялся живых, но не мертвых У. Стэнбридж говорит об аборигенах Виктории, что “есть врачи или священники нескольких профессий: от дождя, рек и человеческих болезней ... но есть туземцы, которые отказываются становиться врачами и вообще не верят в притязания этих людей”. [479] Джон Мэтью пишет о племени, с которым он был лучше всего знаком: “хотя у черных был термин для обозначения призраков, и за ними стояли духи умерших, ... отдельные люди сказали бы вам при запросе, что они верили, что смерть была последней из них”. [480] Недалеко от мыса Кинг—Уильям в Новой Гвинее существует общая вера в духов и привидения, а также в одного Помощника; но некоторые шепчутся, что такого существа не существует. [481] Жители деревни Баконго не верят во все виды колдовства; но некоторых колдунов уважают, а к другим относятся с большим или меньшим презрением: однако каждый человек должен исповедовать веру, иначе “его жизнь будет омрачена обвинениями в колдовстве”. [482] До прихода миссионеров среди балоки многие люди не верили в знахарей, но не выступали против них из страха быть обвиненными в колдовстве. [483] Религиозные убеждения зулусов были очень поверхностными; вера в мир духов зависела от процветания: “полнота утверждает, что итонго существует; несчастье говорит, что его не существует”. ... “Со своей стороны, я говорю, что Амадлози из нашего дома умер навсегда”. [484] Капитан . Уиффен сообщает о племенах южноамериканских индейцев, которые он посетил, что “среди людей есть скептики всех мастей”. [485] В то время как все дакоты почитают великую, неосязаемую, таинственную силу Таку-Вакон, что касается конкретных божеств, любой человек может поклоняться некоторым и презирать других. “Один говорит о целебном танце с уважением, другой улыбается при упоминании этого названия”. Ассинибойны обычно верят, что добрые духи мигрируют на юг, где много дичи; в то время как злые уходят на север; но некоторые думают, что смерть кладет конец всему. [486] В Урепарапаре (острова Бэнкс) еду хоронят вместе с трупом; и “если ее слишком много, часть подвешивают над могилой, откуда более смелые люди тайно берут ее и съедают”. [487] Неверие выражается в действиях более решительно, чем на словах; разграбление гробниц было повсеместным. Идолопоклонник Маэвы заверил Эллиса, что “хотя

временами он думал, что все это обман, и занимался своим ремеслом только ради наживы, все же иногда он действительно думал, что боги, которых он сам создал, были могущественными существами”.[488] На Тонге считалось ортодоксальным, что вожди и их вассалы бессмертны, сомневались в том, что таковыми были люди третьего ранга, уверенные, что люди низшего ранга, Туа, таковыми не были; их души умирали вместе с телом; однако некоторые из этих Туа отваживались думать, что они тоже будут жить снова.[489] Скептически настроенный кайан вряд ли мог поверить, что люди продолжают существовать после смерти; ведь тогда они вернулись бы навестить тех, кого любят. “Но, ” заключил он, “ кто знает?” Традиционные знания кайанцев отвечают на многие глубокие вопросы; но более проникательные люди задаются дальнейшим вопросом: “Почему мертвые становятся видимыми только во сне?” и т.д.[490] Один тангул сказал мне, говорит мистер Т. К. Ходсон, что никто никогда не видел Лая (божество): когда что-то происходило, люди говорили, что это сделал Лай. “По его мнению, очевидно, что Лай был всего лишь гипотезой”.[491]

Таких примеров возникновения “свободомыслия” во всех частях света, без сомнения, небольшое исследование выявило бы гораздо больше. Повсюду какие-нибудь дикари думают самостоятельно; хотя, подобно цивилизованным людям, они не всегда отваживаются открыто заявлять о своих выводах. Мы не должны предполагать, что вера так же единообразна, как обычай или общепринятая доктрина: обычай и условности препятствуют мышлению у тупых людей, но не поработают его у “более острых умов”. Не обладая завидным преимуществом личной близости с дикарями, я, читая о них, сложил впечатление, что они обладают значительной степенью индивидуальности — в той же степени, что и менее образованные европейцы, — и не являются просто порождениями социальной среды.

Самые отсталые дикари обладают большим запасом здравого смысла относительно свойств тел, ветра, воды и огня, растений, животных и человеческой природы; ибо это необходимая основа их жизни. У этого здравого смысла есть определенные персонажи, которые находятся в конфликте с их суевериями; факты, известные здравому смыслу, регулярны, пропорциональны, одинаковы для всех; они не часто терпят неудачу и не нуждаются в оправданиях, не экстравагантны и разрозненны, не зависят от присутствия какого-нибудь фантастического шарлатана. Дикари не проводят явных сравнений, которые делают этот конфликт очевидным; но его можно почувствовать, не давая определения. Особенно некоторые из них (как и среди нас) от природы склонны к позитивному образу мышления; их здравый смысл преобладает над внушениями Магии и анимизма, и они, более других осознающие конфликт, становятся протоскептиками или рационалистами. Леки замечает, что убеждения и изменения убеждений зависят не от определенных аргументов, а от привычек мышления. В семнадцатом веке новый образ мышления победил веру в колдовство и чудеса;[492] и во многих других столетиях это повсеместно делало то же самое для тех, в ком “апперцептивная масса” здравого смысла стала более или менее ясно и устойчиво стандартом веры, отталкивая апперцептивные массы Магии и анимизма со всем их содержанием и союзами. У них были более определенные представления, чем у других, мало любви к чудесному, мало подчинения страху, желанию, воображению.

Иногда здравый смысл диктуется необходимостью. У моту (папуасов) была привычка натирать копья имбирем, чтобы они летели прямо. Однако было обнаружено, что никакое количество Магии не превратит бедного копейщика в меткого метателя.[493] Метание копья - слишком серьезная проблема, чтобы не оценивать ее по достоинству, какими бы интересными ни были свойства имбиря. Целое племя может в каком-то жизненно важном вопросе, выполняя

суеверный обряд, пренебречь его значением: подобно калимам, которые проводят праздник урожая в январе, а затем принимают предзнаменования относительно того, какая земля будет обработана для следующего урожая; “но это кажется пережитком старых времен, ибо круг возделывания никогда не прерывается, какими бы ни были предзнаменования”.^[494] Это молчаливый триумф здравого смысла.

Влияние всего этого на характер волшебника заключается в следующем: поскольку повсюду встречаются скептики, и некоторые люди идут дальше других в открытом или тайном отрицании суеверий, почему бы волшебнику или чародейке, который является одним из самых умных и отважных представителей своего племени, самому не быть рационалистом и, следовательно, сознательным самозванцем? Никто не оспаривает, что многое в его искусстве - обман; и поскольку это так, он рассматривает это как часть обычного хода событий. Колдун в Конго, который загнал духа в темный угол хижины, заколол его там и показал кровь на своем копье, выпустив кровь (как признался его сын мистеру Уиксу), поцарапав собственные десны, сам этим поступком руководствовался здравым смыслом.^[495] Он совершенно ясно увидел в этом обычный ход событий, “рутину опыта”, в то время как зрители были озадачены. Разве тогда у него не должно быть больше здравого смысла, чем у других людей?

На самом деле, он признает ход природы и свое собственное бессилие всякий раз, когда попытка колдовать ставит под угрозу его репутацию. Знахари племени Арунта проявляют большие драматические способности в лечении различных болезней, но не тратят время на очевидное старческое увядание.^[496] Знахарь Торресова пролива признает, что он не может вызвать “сильный ветер” с юго-востока в сезон северо-запада.^[497] Полинезийские маги признавали, что их практики безвредны для европейцев;^[498]— которые не поддавались внушению на этом плане идей. Якутские шаманы не пытались вылечить диарею, оспу, сифилис, золотуху или проказу и не занимались шаманизмом в доме, где побывала оспа.^[499] Эти любители чудес иногда отличают ястреба от ручной пилы. Таким образом, кажется разумным предположить, что у волшебников больше здравого смысла, чем у других людей; поскольку, помимо наставлений, основанных на обычном опыте, они знают в своей профессиональной практике (по крайней мере, поверхностно) реальный ход событий, который скрыт от мирян. И, без сомнения, это верно для тех, чье искусство - преднамеренный обман. Но увлечение тех, кто волшебник по призванию, может быть неисправимо любыми доказательствами, особенно в том, что касается подлинности действий другого человека. Доктор Риверс говорит о слепоте человека грубой культуры к лживым действиям со стороны других, с которыми он знаком по своим собственным действиям.^[500] Для волшебника существуют устоявшиеся предрассудки, профессиональный и личный интерес, боязнь доверять собственному суждению, сверхъестественная ответственность, стремление к сверхчеловеческой силе, иногда даже страстное желание облегчить страдания своих соплеменников и все остальное, что подтверждает волю к вере.

§ 5. Убеждение волшебника

Многие практики волшебников включают представление хода событий как чего-то сильно отличающегося от реальности; и нет сомнений в том, что часто, или даже в большинстве случаев, волшебники осознают это, например, при проведении лечения сосанием или посещении человека на луне. Но некоторым антропологам не нравится слышать, как такие

практики описываются как “мошенничество”, “самозванство” или “обман”; и для определенных классов волшебников кажется (как я покажу) несправедливым говорить в этих терминах об их профессии. Тем не менее, рассматривая профессию и ее действия в целом, трудно найти в популярном языке термины, более точно описывающие ее. Здесь мы сталкиваемся с неудобствами, с которыми сталкиваются другие социальные или моральные науки, когда они пытаются использовать общеупотребительные слова в особо ограниченном смысле. В экономике, например, “рента”, “заработная плата”, “прибыль” имеют определенные значения, сильно отличающиеся от общепринятых. В этике какие противоречия, какая путаница в определении “добродетели” и “блага”? В метафизике, что означает “причина”; что означает “интуиция”? Термины должны быть определены в каждой системе. Итак, если на этих страницах поведение человека, который, направляясь вылечить страдальца от “колющей боли в боку”, прячет во рту кусочек кости или камешек и, потанцевав и пососав достаточно сильно живот пациента, извлекает эту кость или камешек в качестве причины боли, описывается как “мошенничество”, или “самозванство”, или “обман”, то эти слова используются только для описания факта, без какого—либо такого вменения в вину характеру человека, как они передаются в популярном обиходе. С научной точки зрения, поскольку человек и его обстоятельства таковы, каковы они есть, его действия являются необходимым следствием; в этой ограниченной области мысли моральное порицание неуместно.

Есть некоторые волшебники, так сказать, из второстепенных орденов, таких, как профессор Селигман называет “ведомственными экспертами”, особенно человек, который благословляет сады, настолько серьезные и безобидные, что никто не станет злоупотреблять ими. Они посещают сад по просьбе владельца, немного упражняются в фокус-покусе, бормочут несколько заклинаний, берут небольшую плату и мирно расходятся по домам. Владелец действительно полагает, что покупает плодородие, а получает только душевный покой - высшее благо, говорят моралисты. Волшебник делал то, чему научился у своего отца, то, что одобряют респектабельные соседи; всегда найдется какой-нибудь урожай, оправдывающий его служение, и множество злых сил, оправдывающих случайные фитофторозы или засуху. Если он убежден в том, что является действительно незаменимым человеком, это легко понять.

Что касается профессии в целом, небольшое количество волшебников — волшебников по призванию — могут быть твердо убеждены в подлинности искусства; гораздо большее количество людей смешивает доверчивость в различных пропорциях с мошенничеством; и немало таких, кто является преднамеренным мошенничеством. Некоторые из величайших мастеров волшебства недовольны своими коллегами: та выдающаяся шаманка, Царапающаяся Женщина, сказала Богорасу путешественнику: “В нашем призвании много лжецов”.^[501] С другой стороны, волшебник, продемонстрировавший “указательную палочку” господам Дж. Спенсер и Гиллен, не имея объекта, на котором можно было бы применить свою Магию, подумал, что она пришла ему в голову, и после этого заболел, безусловно, был верующим;^[502] таким же был и волшебник, который почувствовал, что потерял свою силу после того, как выпил чашку чая, потому что горячие напитки были для него табу.^[503] Теперь мошенничество не нуждается в объяснениях — по крайней мере, на Енисее не больше, чем на Темзе; а разнообразие тех, кто смешивает доверчивость с мошенничеством, слишком велико, чтобы иметь с ним дело. Что в первую очередь необходимо учитывать, так это убеждение тех, кто — несмотря на столь многие обстоятельства, которые, кажется, делают разочарование неизбежным, — в некотором роде являются истинно верующими — в манере, то есть образной

веры, основанной на традиции и желании, в отличие от перцептивной веры, основанной на здравом смысле.

(а) Люди, имеющие призвание к волшебству, конечно, начинают с полной веры в это. Вероятно, они обладают богатым воображением и театральным темпераментом, который, как мы видели, способствует возвышению как волшебника. Их призвание состоит в теплом сочувствии и соперничестве, с которыми перед собственным посвящением они наблюдают за подвигами великих практиков и которые обычно подразумевают пробуждение их собственных скрытых сил; точно так же многие актеры начинали с того, что “выходили на сцену”. Человек с таким темпераментом склонен к самообману не только относительно своих собственных сил, но и в других отношениях. Волшебник часто начинает с голодания и видений, тем самым ослабляя свое понимание разницы между фактом и фантазией. Навязчивая идея о его призвании порождает в его воображении историю о том, что произошло при его посвящении, явно ложную, но не фальшивку — “рационализацию” в соответствии с волшебными представлениями о том, что он может вспомнить о том времени. Если его посвящают в пытку, которую он переносит ради своего призвания, он утверждает в ней. Когда его призывают выступать, он “заводит себя” музыкой, танцами и любыми другими искусствами, которым он, возможно, научился или открыл для себя, приводя в состояние диссоциации, во время которого его суждение обо всем, что не имеет отношения к его задаче, приостанавливается; и его драматическое поведение, не сдерживаемое страхом или стыдом, не смущенное никакими задними мыслями, производит яркими жестами, гримасами и волнующим тоном глубокое впечатление на пациентов, клиентов и свидетелей. Его выступления могут черпать некоторые оригинальные черты из его собственного гения, но в целом должны соответствовать традиционному образцу и вытекающим из этого ожиданиям аудитории. На практике он приобретает — как и положено всем художникам, поэтам и актерам для выполнения своих собственных задач — способность вызывать состояние диссоциации (более или менее строгое), при котором работа продвигается гладко при исключительном доминировании определенной группы идей и настроений. Верит ли он в этом состоянии в себя и свое призвание или нет, вопрос бессмысленный. Пока длится оргазм, нет места для сравнения или сомнений. И поскольку он действительно производит своим безумием или одержимостью большое впечатление на зрителей — хотя и не всегда такое, как излечение пациента или управление погодой, к чему он стремился, — нам не нужно удивляться, что он считает себя способным на гораздо большее, чем когда-либо достигал. Темперамент, наиболее благоприятствующий успеху волшебника, вряд ли будет сопровождаться склонностью к позитивному или скептическому настрою ума. Более того, энтузиасту, которому необходима вера, также необходимо создавать доказательства. То, что цель оправдывает средства, не является его явной максимой, но само собой разумеющимся. Гиббон комментирует “превратности благочестивого мошенничества и лицемерия, которые можно наблюдать или, по крайней мере, подозревать, в характерах самых добросовестных фанатиков”.^[504] Действительно, после неудач или вялости, которая следует за его восторгом, может прийти много леденящих душу размышлений; однако, только которые рассеиваются неодолимым желанием поверить в свои силы и в профессию, которой он предан.

“Белый” волшебник может успокоить обеспокоенную совесть, размышляя о том, что, во всяком случае, он выполняет полезную социальную функцию; что, собственно, он и делает, поскольку рассеивает страхи своих соплеменников и вселяет в них уверенность. Чтобы понять “черного” волшебника, мы должны обратиться к темной стороне человеческой натуры. То, что человек

прибегает к магии или колдовству, чтобы отомстить за себя или своих родственников или удовлетворить свою похоть, ревность или честолюбие, понятно каждому; но то, что он делает профессию помощи другим за плату в предательстве, причинении вреда или уничтожении тех, с кем у него нет ссор, кажется почти слишком неестественным, чтобы в это можно было поверить. И все же это допускает очень простое объяснение. Любовь к нанесению увечий и убийствам глубоко укоренилась в нас: люди, страдающие неврозом убийства, известны в приютах и уголовных судах всех цивилизованных стран; наемные убийцы часто пользовались дурной славой. Хладнокровно убивать с помощью насилия или даже яда кажется, однако, менее отвратительным, чем убивать с помощью колдовства и непристойных обрядов. Но очарование этого занятия можно лучше понять, рассмотрев, насколько притягательной для многих людей является тайная сила и доказательство их собственной хитрости. Убивать приятно; но древний охотник больше полагался на стратегию, чем на лобовую атаку; и никакая стратегия не является такой секретной и не требует такого большого мастерства, как Черное Искусство. Наконец, если колдовство преследуется, оно возбуждает противоположанную внушаемость, которая у некоторых невротиков становится страстью, способной поддержать их на костре. Следовательно, злонамеренный волшебник может чувствовать призвание, может верить в свои собственные силы; и, конечно, страх, возбуждаемый везде, где распространяется его репутация, укрепит его в этой вере. Если вы поставите себя на его место, совершая какой-нибудь нечестивый ритуал, вы можете осознать, что скрытность, хитрость, опасность, подлость и восторг от всего этого обладают особым очарованием, и что это усиливается грязными и ужасными обычаями, такими как обращение к извращенным аппетитам безумия.

(b) Обман, к которому прибегает волшебник при заклинании, чревоуещании, переодевании, содержании “фамильяра”, выборе благоприятных возможностей для своего *сеанса* и доведении себя до безумия, кажется несовместимым с искренностью; но хотя он знает, что такие действия являются уловками, он также знает, что они необходимы для эффекта, который он производит. Ибо этот эффект, поскольку он зависит от магических практик, а не от таких средств, как массаж, яды или наркотики, всегда субъективен - влияние на веру других людей. Разве мы не требуем от него большей разборчивости, чем он, вероятно, получит, если ожидаем, что он увидит пустоту своей профессии, потому что некоторые средства, с помощью которых он работает, не такие, какими их представляют его клиенты? Если скажут, что обычные оправдания волшебника за неудачу — что в ритуалах допущена ошибка или что другой волшебник противодействовал его усилиям — принадлежат человеку, который предвидел разоблачение в мошенничестве и подготовил способ побега, можно ответить, что, согласно общепринятым принципам, касающимся волшебства, эти оправдания разумны и не обязательно являются уловками.

Профессиональное отношение может побудить человека оправдать себя и своих коллег в определенных сомнительных сделках ради общественной пользы их должности в целом; это так очевидно для него и для них, а также признано общественностью. Ибо вера волшебника в свое искусство подтверждается свидетельствами других волшебников, в которых он также верит, и верой всего племени в силу профессии, даже если сам он не пользуется большим уважением. “Кто я такой, ” спросит он, “ чтобы у меня была собственная совесть?” И если такое отношение несовместимо с острым умом и манией величия, такая непоследовательность не противоречит нашему опыту познания человеческой природы.

(с) Эффекты, производимые чарами, заклинаниями и ритуалами, простыми или до последней степени изощренными, чисто магическими или усиленными духами, всегда субъективны, но, как полагают, имеют гораздо более широкий диапазон. Волшебник, кажется, заставляет солнце восходить, когда он призывает его каждое утро точно вовремя; заставляет облака собираться на небе, когда он призывает их непосредственно перед сезоном дождей; и так далее. Такие представления убеждают других, но нам кажутся слабым доказательством для любого, кто посвящен в тайну. Однако он не остается без дополнительных доказательств трех видов:

(i) от последствий естественных причин, которые являются частью его профессиональных ресурсов. Некоторые практики волшебника действительно хороши; например, при лечении больных он может использовать массаж, или потогонные ванны, или искусную хирургию, или лекарственные снадобья, или внушение, и таким образом добиться успеха без какой-либо Магии; в то время как он не способен четко отличить эти средства от бесполезных ритуалов и заклинаний. Он не понимает досконально, почемулюбой метод эффективен, и поэтому не может осознать пределы своей власти. Все его искусство эмпирическое. Даже в современной науке объяснение всегда рано или поздно (и часто довольно скоро) заканчивается указанием на некоторую связь явлений, которую мы вынуждены принять как факт: волшебник всегда приходит к этому на первом этапе. У него нет общепризнанного общественного стандарта того, что может произойти: только в сознании прирожденного позитивиста стандарт здравого смысла вырастает из опыта без явного обобщения; и этот стандарт непередаваем. Следовательно, волшебник всегда пытается экспериментально расширить свою власть — конечно, по образцу своего традиционного искусства; всегда желает власти и верит, что он ее получил, потому что он этого желает.

(ii) Искусство волшебника оправдывается действием естественных причин, приведенных в действие его клиентами. Он готовит охотника и его оружие к экспедиции; охотник делает все возможное, и его успех повышает репутацию волшебника. Аналогично в сельском хозяйстве и на войне. И во всех этих случаях волшебнику на самом деле ничего не причитается, кроме большей уверенности, которую его клиенты черпают из его услуг: рука охотника тверже; сеятель и жнец работают веселее; а воин сражается более отважно, веря, что его враги наверняка преданы адским богам. Но волшебник, с общего молчаливого согласия, требует гораздо большего, чем это, и поднимается в своем собственном уважении, а также в уважении своего племени.

(iii) Настойчивому волшебнику часто помогают совпадения. Австралийский скваттер из Мортонс-Плейнс после засухи пообещал туземцу, вызывающему дождь, половину быка, мешок муки и немного чая, если тот наполнит для него новый резервуар до завтрашней ночи. Вызывающий дождь привел в действие свои ритуалы и заклинания, наполнил резервуар и получил награду.[505] В то время как господа . Спенсер и Гиллен были в племени урабунна: “ведущий вызыватель дождя провел церемонию, и в течение двух дней прошел ливень — возможно, связанный с тем фактом, что в этой части страны обычно выпадают дожди”. Репутация вызывателя дождя была прочно закреплена, как и, без сомнения, его уверенность в себе. Уже упомянутый австралийский волшебник, который думал, что его Магия проникла в его собственную голову, утверждал, что прогнал комету с помощью своих волшебных камней. Конечно, комета исчезла, и на какую другую причину кто-либо мог указать? “Однажды порывы ветра были очень неприятными, и один из мужчин сказал человеку-ветру, чтобы он прекратился. Соответственно, он крикнул ветру, и через минуту наступило затишье; и никто не

сомневался, что это произошло благодаря силе человека-ветра”.[506] Может быть приведено много подобных случаев.[507] Поразительные совпадения не так уж редки: существует нелогичное предубеждение, что они редки, потому что вызывают удивление. Более того, как я заметил, столь отдаленное сходство с событием, описанным шаманом или предсказанным пророчеством, может рассматриваться как свершение, и это свершение не является чем-то необычным. При толковании предзнаменований, где есть только альтернатива хорошему или плохому успеху, половина догадок должна быть верной; а при рассмотрении сомнительных случаев более половины будут казаться верными. А что касается эффекта совпадения, мистер Бэзил Томпсон говорит: “Тонганцы никогда не допускают совпадений”[508]— то есть в нашем смысле этого слова: для них в том, что мы называем совпадением, должна быть причинность; и это, по-видимому, в целом верно для неискушенного ума. У чурачей профессия шамана обычно передается по наследству, но человек может стать шаманом против своей воли. Достаточно “сделать удачное предположение относительно сути какого-либо события, и люди стекаются к нему за советом со всех сторон”.[509] Сколько неудач необходимо, чтобы дискредитировать одну удачную догадку?

Эти три вида доказательств в пользу силы волшебника - естественные причины, приведенные в действие им самим, естественные причины, введенные его клиентами, и чисто благоприятные совпадения — имеют такой вид доказательства восприятия или апелляции к здравому смыслу, что дикий позитивист, способный противостоять им, должен иметь более твердое суждение, чем большинство наших образованных цивилизованных людей. Рассудительность - это врожденный индивидуальный характер, на который воспитание оказывает мало влияния, за исключением особого отдела воспитания человека. Научный эксперт, например, может превосходно разбираться в доказательствах в своих собственных поисках и в других местах быть совершенно беспомощным; ибо там, где он силен, им руководит не набор правил, а масса его особого опыта. То, что из массы общего опыта, каким бы беспорядочным и фрагментарным он ни был, некоторые умы способны извлекать здравый смысл, несмотря на искажения Магии и анимизма, очень примечательно и очень удачно для всех нас.

Тот факт, что все три вида доказательств, которые так хорошо служат для подтверждения веры в волшебство, являются полностью случайными — в том, что касается связи между обрядами или заклинаниями волшебника и самим событием, — подтверждает гипотезу о том, что совпадения являются основой веры в магию.

Принимая во внимание, что практика волшебника иногда включает в себя реальные причины, и что его поверхностные знания не позволяют ему отличать причинность от фокуса-покуса; что в магию или колдовство обычно верят те, кто находится рядом с ним, кто ищет его помощи или помощи других людей его класса; что и они, и он искренне желают, чтобы его претензии были обоснованными; что он производит поразительные субъективные эффекты; что в таких случаях его уловки являются условием его успеха, и что множество совпадений, полных или частичных, кажется, доказывают, что его искусство оказывает дальнейшее необычайное влияние на людей и природу — неудивительно, что некоторые волшебники заблуждаются вместе со своими обманутыми, особенно невротичные энтузиасты или люди с богатым воображением и театральным темпераментом.

Объяснять возможность того, что некоторые люди искренне занимаются колдовством, - это не значит принижать профессию, не говоря уже об антисоциальных практиках колдовства. По

большей части эти методы обманчивы. Они не являются изобретением дикого общества; общество ничего не изобретает; изобретает только индивид. Это изобретение и традиция волшебников, которые хранят секрет настолько, насколько это им выгодно: волшебников, становящихся все более и более профессиональными и играющих на страхах и надеждах, тревогах и доверчивости своих собратьев. Духсуеверия присущ всему племени, но его профессиональная эксплуатация - дело рук тех, кто извлекает из этого выгоду.

С удовлетворением отмечая, что даже среди дикарей позитивный ум иногда может освободиться от распространенных суеверий и проникнуть под личину любителей мистерий, спрашиваешь, почему природа не могла породить целые племена людей с таким мышлением и пощадить безумие, ужас и беззаконие, которые занимают так много места в ретроспективе человеческой жизни. Потому что здравый смысл связан только с реальным опытом и не мог оценить необходимость правительства и социальной координации как условия любого улучшения человеческой жизни, пока они уже не существовали. Следовательно, такая координация должна была вырасти, не будучи понятой; и она действительно выросла под защитой определенных верований, которые побуждали человеческие племена держаться вместе и подчиняться вождям: среди верований немалую роль играли суеверия, эксплуатируемые волшебниками.

ГЛАВА IX

ТОТЕМИЗМ

§ 1. Значение и сфера применения тотемизма

Тотемизм, имеющий гораздо меньшее значение в истории культуры, чем анимизм или Магия, интересуется нас своей странностью. Мы думаем, что быть потомком крокодила, или кровным братом вороны, или “таким же, как кенгуру” - это должно быть гротескным представлением о сумасшедшем. Мы никогда не встречаем людей, которые верят в подобные вещи; они не имеют опоры в наших собственных сердцах. Тем более удивительно, что это, тем не менее, широко обсуждается. Действительно, он далеко не универсален среди человечества, вероятно, гораздо менее древний, чем анимизм, и уж точно гораздо менее долговечный. Там, где она преобладала, о ней иногда совершенно забывают; а на более высоких стадиях человеческого развития она не имеет никакого влияния. Но каждый изучающий ранние учебные заведения считает необходимым дать себе какой-то вразумительный отчет о его природе и источниках.

“Тотем, - говорит сэр Джеймс Фрейзер, - это класс материальных объектов, к которым дикарь относится с суеверным уважением, полагая, что между ним и каждым представителем этого класса существует интимная и совершенно особая связь”.^[510]

Это определение составлено с научной точки зрения таким образом, чтобы включать то, что является общим для всех тотемов, и не включать никаких символов, которые не связаны с ними повсеместно. Это верно для тотемов индивидуумов (или духов-хранителей), очень распространенных среди северных индейцев; а также для половых тотемов (скажем, Летучая

мышь для мужчин и Сова для женщин), которые встречаются в Австралии; и для тотемов кланов, встречающихся во многих частях света, из которых австралийский, как можно предположить, наиболее близко представляет первоначальный институт. Когда кто-то говорит о тотемах без оговорок, он имеет в виду эти Клановые тотемы, которые являются несравненно самыми важными: другие, вероятно, происходят от них.

“Клановый тотем” (цитирую тот же источник) “почитаются группой мужчин и женщин, которые называют себя именем Тотема, считают себя одной крови, потомками общего предка и связаны общими обязательствами друг перед другом и общей верой в Тотем”.^[511] Это определение также строго: в то время как авторы, посвященные тотемизму, нередко включают в свое понятие тотема других персонажей, которые более или менее часто ассоциируются с ним случайно: например, клан считает себя происшедшим от Тотема; хотя во многих случаях клан ведет свое происхождение от чего-то, что не было ни тотемом, ни человеком, или рассматривает тотемное животное как произошедшее от тотема. от их собственной человеческой прародительницы, или рассказывает какую-нибудь историю о превращении человека в животное, или животного в человека, или о дружбе предка с тотемным животным; ибо этот институт является обильным источником поясняющих мифов. Опять же, может быть написано, что ни один член клана не может убить или повредить Тотем, или съесть, или использовать его (если это животное или растение); и это часто, но не всегда верно. Если Тотемом является вода или самая важная пища в округе — дюгонь, черепаха, кокос, саго, — воздержание невозможно или невыносимо неудобно. Следовательно, у кайтиш член клана Воды, когда он один, может пить; но если с ним другие, он может пить только тогда, когда воду ему дает человек другого Тотема. И священно съесть немного Тотема, чтобы подтвердить свою идентичность с ним, может быть разрешено или (скорее) обязательно. Среди варрамунга Змеиный клан может убивать змей. В обязанности клана может даже входить уничтожение или изгнание своего Тотема; как это происходит с кланом москитов какаду в Северной Австралии и с кланом Рептилий среди омахас. Точно так же члены клана иногда, но далеко не всегда, подражают Тотему в характере, костюме, танцах или носят татуировку или иной значок Тотема, чтобы продемонстрировать общность природы. Можно подумать, что они обладают особой магической силой влиять на его плодородие или контролировать его действия (действия дичи, ветра или дождя), и могут использовать эти силы на благо племени. После смерти душа члена клана может перейти в Тотемное животное или появиться в виде него. Тотем может быть защитником членов своего клана, а в некоторых случаях кажется, что он стал богом. Эти случайные проявления тотемизма, однако, распространены очень неравномерно, и некоторые из них редки.

Наиболее важной в социальном плане является связь между тотемизмом и брачными обычаями. В подавляющем большинстве случаев мужчины и женщины одного и того же Тотема не могут вступать в смешанные браки; считается, что тотемные кланы экзогамны; но даже из этого правила есть исключения. Во многих частях света — Америке, Африке, Индии, Индонезии, а также Австралии — племена делятся на не вступающие в смешанные браки или экзогамные классы (мойеты или фратрии); иногда классы подразделяются и даже снова образуются подклассы (в некоторых частях Австралии), так что во всех экзогамных классах насчитывается восемь; и правила, касающиеся этих классов, таковы, чтобы предотвратить браки братьев и сестер, родителей и детей, а также двоюродных братьев и сестер. Тотемные кланы обычно распределяются между брачными классами; вероятно, будучи более старым институтом (независимо от того, экзогамны они изначально или нет), можно сказать, что они были подчинены образованию классов; и в вопросе брака они следуют классовым правилам. Но

арунта и некоторые соседние племена Центральной Австралии, хотя и разделены на восемь экзогамных классов, не подчинили себе тотемные кланы; которые, соответственно, не являются экзогамными. Если экзогамия изначально была жизненно важной функцией тотемизма, то этот институт подрывается брачными классами, независимо от того, подчиняются ли кланы классам и просто повторяют их правила, или не подчиняются и теряют свою экзогамию. Это может объяснить, почему классы преобладают шире, чем тотемы, и их можно обнаружить там, где тотемизм, по-видимому, вымер.

§ 2. О происхождении тотемизма

Уже говорилось, что тотемизм не преобладает повсеместно среди человечества. Существует очень мало свидетельств того, что он существовал у предков индоевропейских народов; и, по-видимому, он неизвестен многим наиболее примитивным из сохранившихся племен — босманам, веддам, пуранам (Борнео), андаманцам, яганам (Огненная Земля) и калифорнийским индейцам. Следовательно, это не является чем-то заложенным в самой природе человека, но должно было возникнуть (в одном или в нескольких местах) при определенных условиях.

Существует некоторая вероятность того, что самыми ранними тотемами были животные. Везде, где встречаются тотемы, большинство из них - животные. Список тотемов, признанных в Северной Австралии, приведенный Спенсером и Гилленом,^[512] всего содержит 202: Животные 164,^[513] Растения 22, Неодушевленные предметы 16. Животные (кроме насекомых) и растения почти все съедобны. Для охотников животные, должно быть, были самыми интересными из всех вещей; далее, некоторые растения, особенно для женщин. Животные придают наибольшее правдоподобие любому представлению о кровном родстве. К неодушевленным тотемам относятся некоторые, которыми очень желательно управлять с помощью Магии, такие как Вода, Ветер, Огонь, Солнце, Луна и Бумеранг.

В целом, без сомнения, тотемизм древен; но в некоторых случаях существующие тотемы должны быть недавними, как у бахима в Уганде.^[514] Почти все их тотемы представляют собой коров разного цвета или какую—то часть коровы и, должно быть, были приняты с момента перехода к скотоводческой жизни - следовательно, на стадии культуры, намного выше австралийской. “Разделенные тотемы”, возникающие при разделении клана путем деления его тотема (поскольку омахас состояли из голов буйволов, хвостов буйволов и т.д.^[515]), вероятно, были сформированы по преднамеренному соглашению и имели то побочное преимущество, что пищевое табу члена клана распространялось не на всего буйвола, основного продукта питания племени, а только на голову или хвост.

Среди австралийских аборигенов группа верований и практик, включенных в тотемизм или связанных с ним, имеют такое сильное и широко распространенное социальное значение, что они, должно быть, преобладали среди них на протяжении многих поколений. Северные индейцы настолько опережают австралийцев в социальной организации, культуре и менталитете, что, если их тотемизм перешел к ним из того времени, когда они жили на австралийском уровне, его история должна уходить в глубь не просто многих поколений, но и тысячелетий. И если египетские боги, такие как Хатхор и Анубис, раньше были тотемами, то ретроспектива становится еще длиннее. Мне неизвестно о каких-либо прямых доказательствах существования тотемизма в доисторические времена, таких, какие мы имеем в некоторых

древних захоронениях, свидетельствующих о существовании анимизма; но некоторые палеолитические резные фигурки или картины, возможно, имели тотемическое значение.

Отсюда следует, что любое объяснение происхождения тотемизма может быть только гипотетическим. Если бы это было все, то, действительно, это было бы наравне с Магией и анимизмом; но это еще не все. То, что Магия должна возникать из веры в таинственные силы и из запутанного совпадения с причинностью, или что анимизм должен быть результатом путаницы между снами и объективным опытом (с помощью магических идей), весьма вероятно; потому что такие ошибки активны по сей день, и они, по-видимому, возникают в примитивных умах по психологической необходимости; хотя, возможно, нет внутренней необходимости в том, чтобы ошибки увековечивались и систематизировались, как это было в целом. Но случай тотемизма иной; ибо мы не видим — по крайней мере, никто еще не доказал — какой-либо необходимости, почему в определенных случаях кланы должны были носить имена определенных животных: и в этом корень всего вопроса. Действительно, эта практика, не будучи универсальной, не может быть необходимой; и она могла иметь несколько различных истоков. Следовательно, любая соответствующая гипотеза может претендовать только на то, что она согласуется с известными фактами лучше, чем конкурирующие гипотезы; мы не можем ожидать, что выведем ее из законов человеческой природы; в то время как другая гипотеза, столь же хорошая, может быть в любой день выдвинута каким-нибудь умозрительным гением; и всегда должно оставаться сомнение, не были ли утеряны некоторые важные факты тотемизма, которые, если бы их удалось восстановить, доказали бы, что все наши догадки были сделаны напрасно.

Несмотря на эти обескураживающие соображения, было предложено несколько гипотез: для нас это тоже своего рода психологическая необходимость. Они могут быть сгруппированы в два класса в зависимости от того, насколько они предполагают, что тотемические имена изначально были именами отдельных людей или целых кланов. Похоже, все предполагают, что одно объяснение должно быть справедливым для всех случаев.

Из гипотез, которые связывают тотемические имена с отдельными людьми, есть, во-первых, гипотеза Спенсера; а именно, что название животного или растения было сначала дано индивидууму, а затем унаследовано его семьей; которая через некоторое время забыла его личность, помнила только свое происхождение от такого имени и предположила, что их предком, должно быть, было животное или растение, которое все еще носило это имя. Во-вторых, есть объяснение, предложенное профессором. Францем Боасом, что первые тотемы были духами-хранителями отдельных людей, и что они стали Клановыми тотемами их потомков. В связи с этим можно сказать, что среди северных индейцев вера в духов-хранителей отдельных людей (обычно некоторых животных) распространена повсеместно и, возможно, имеет большее значение, чем Клановые тотемы, поскольку они подчинены Брачным классам: более того, тотемы редко, если вообще когда-либо, считались предками. С другой стороны, в Австралии духи-хранители отдельных людей редки, в то время как тотемизм универсален. Так что, если мы предполагаем только одно происхождение этого института, более разумно рассматривать духа-хранителя как производного от Кланового Тотема. На Борнео мы находим духа-хранителя с некоторыми чертами, сходными с американскими, но гораздо менее общими, хотя в настоящее время нет четко выраженного тотемизма: но есть несколько верований, родственных тотемизму, которые могут быть признаками его прежнего существования; и, если это так, дух-хранитель также может быть одной из его реликвий.^[516] В-третьих, гипотеза Фрейзера о том, что тотемы

возникли в фантазиях беременных женщин, которые, не зная физиологических причин, предположили, что то, что шевельнулось в них, должно быть каким-то животным или растением, попавшим в них; так что ребенок при рождении не мог быть ничем иным, как этим животным или растением.

Из гипотез, которые рассматривают тотемические названия как производные от первых названий групп, у нас есть, во-первых, гипотеза Макса Мюллера о том, что они произошли от клановых знаков.^[517] Но в Австралии знаки клана встречаются не часто. Во-вторых, профессор Ф. Б. Джевонс утверждает, что изначально тотемом было какое-то животное, принятое племенем как дружественная природная сила, помогающая им в борьбе за существование.^[518] Но, если это так, то этот символ, похоже, был утрачен или сильно ослаблен в Австралии, а в Америке принадлежит духу-хранителю, а не Тотему. В-третьих, мнение доктора Хэддона о том, что название Тотема было получено группой от животного или растения, которые были ее основной пищей; но случаев, подтверждающих это предположение, очень мало. В—четвертых, Эндрю Лэнг утверждает, что названия групп были получены каким-то образом - возможно, навязаны каждой группе другими и приняты; и что названия животных или растений были получены любым способом, а происхождение забыто, вероятно, возникли бы именно такие верования относительно отношения группы к ее тезке, что мы и находим среди тотемистов.^[519]

Из-за нехватки места для обсуждения всех этих доктрин я буду иметь дело главным образом с доктринами Фрейзера и Ланга.

§ 3. Концептуальная гипотеза

Сэр Дж. Дж. Фрейзер, после того как он очень откровенно отказался от двух ранних предположений — отнюдь не фантастических — относительно происхождения тотемизма, как не подкрепленных достаточными доказательствами, выдвинул третье — “концептуальный тотемизм”, — которое пришло ему в голову после открытия мессиром Дж. Спенсер и Гиллен о доктрине тотемического происхождения, распространенной среди арунта и союзных племен. Говорят, что эти племена не осознают связи между половым актом и беременностью. Они говорят, что ребенок является результатом вхождения в женщину духа какого-то ранее существовавшего соплеменника того или иного Тотема; который, следовательно, также будет принадлежать ребенку. Какой это Тотем, зависит от места, где женщина впервые осознает оживление; ибо туземцам известны определенные места, где люди того или иного Тотема “уходили в землю” [возможно, были похоронены]; и, проходя мимо такого места, любая женщина может забеременеть от одного из развоплощенных духов; которые всегда ищут возможности вернуться в смертное состояние. Это истинная причина беременности, для которой брак - всего лишь подготовка.^[520] Молодая женщина, которая не стремится к достоинству матроны, проходя мимо такой призрачной местности, пробегает, пригнувшись, и кричит, что она старая женщина; ибо легкость быть обманутой - спасительная благодать духа. В измененных формах эту доктрину “отсутствия отцовства и перевоплощения” исповедуют племена по всему центру и северу континента, в Квинсленде и в некоторых частях Западной Австралии.^[521]

Доктрина Арунты о зачатии духами животных или растений, однако, не может быть источником тотемизма; потому что, как указывает сэр Джеймс Фрейзер, оплодотворяющие духи уже являются тотемами. Следовательно, следует предположить (говорит он) более раннее положение вещей, при котором женщина, не знающая об истинных причинах родов,

вообразила при первых симптомах беременности (под которыми, по—видимому, подразумевается оживление), что в нее вошел какой-то предмет или дух какого—то предмета, который привлек ее внимание в то время или который она, возможно, ела - валлаби, эму, сливу или семена травы - и позже поверила, что ребенок, которого она родила, должен быть или являться воплощением этого предмета или духа, а на самом деле не чем иным, как животным. валлаби, эму, семена сливы или травы с внешностью человека. Если бы у других женщин был подобный опыт общения с другими животными или растениями, и если бы потомки их детей помнили эти истории и считали себя валлаби, семенами травы и так далее, гипотеза полностью объяснила бы ту идентификацию групп мужчин с группами вещей, которая характерна для тотемизма; и естественно, за ней следуют другие персонажи. Такова концептуальная теория тотемизма, выводящая этот институт из “болезненных фантазий беременных женщин”.^[522]

Обстоятельства, которые сэр Джеймс Фрейзер считает очень похожими на те, которые, как он предполагал, преобладали в прежние времена среди арунта, были обнаружены доктором Риверсом в Моте и Мотларе на островах Бэнкс. Там многим людям “по обычаям острова” не разрешается есть определенных животных или фрукты или даже прикасаться к определенным деревьям; потому что считается, что они *являются* этими животными или растениями — их матери подверглись некоторому влиянию таких животных или растений при зачатии или в какой-то последующий период беременности. “Ход событий обычно таков: женщина, сидящая в своем саду, или в кустах, или на берегу, находит животное или плод в своей набедренной повязке. Она поднимает его и несет в деревню, где спрашивает, что означает это явление. Люди говорят, что она родит ребенка, у которого будут черты этого животного, или даже (как оказалось) он сам будет этим животным”.^[523] Она относит его в надлежащий дом, пытается сохранить и кормит; но через некоторое время он исчезает, и тогда считается, что он вселился в нее. Нет веры ни в физическое оплодотворение животным, ни в то, что оно вторгается в женщину как физический объект; такое животное, по-видимому, с самого начала рассматривается как “более или менее сверхъестественное, животное-дух”. “Вера не сопровождается каким-либо незнанием физической роли человеческого отца”. Очевидно, запрет на употребление в пищу животных или растений, таким образом связанных с человеком, основан на идее, что это было бы равносильно поеданию самого себя — своего рода каннибализму. Человек разделяет его физические и психические характеристики. Но сходство с определенным животным и табу на употребление его в пищу - это индивидуальные вопросы; нет никакой веры в то, что они передаются чьим-то потомкам. Уже в одном этом вера в Моту не дотягивает до тотемизма. “И все же это происходит у людей, чья социальная система в настоящее время не имеет тотемических черт, какими бы они ни были в прошлом”.^[524] Возможно, бывшие тотемные кланы были объединены в тайные общества, но явных доказательств этого нет. В Меланезии тотемизм встречается на Фиджи, островах Шортленд, архипелаге Бисмарка (вероятно), островах Риф, Санта-Крус, Ваниколо и в некоторых регионах Соломоновых островов, но не на островах Бэнкс и не на островах Торрес к югу.

Эта гипотеза о том, что тотемизм проистекает из фантазий женщин относительно причин их собственной беременности, предполагает несколько неблагоприятных соображений. Во-первых, мне кажется невероятным, что арунта действительно ничего не знают об отцовстве; молодые женщины и дети, возможно, и знают, но не пожилые люди. Мои основания изложены в Д. Р. А. И., 1819 (стр. 146), а именно, что факты роды будут слишком интересны, чтобы быть

проигнорировано или неправильно истолковано, и это хорошо в пределах досягаемости дикарей понимания; что те, кто считает arunta не способен на такие глупости прошли тоже исключительно к конкретным случаям беременности, особенно первые шевеления, и не учли, что есть определенный ряд тесно связанных инцидентов; что есть свидетельства, чтобы не быть слегка отставлены в сторону, что старики знали правду в случае с людьми, и это знание из параллельных явлений среди животных разделяют даже Аранда детей, что знания, чтобы подвергнуться репрессиям догма не погашена; что это старик догма, и что мы не должны считать, что в Австралии больше чем в Европе, к чему привыкли люди говорят это хорошее доказательство того, что они действительно верят;^[525] , что и другие племена на том же уровне культуры, в Юго-Восточной Австралии, настолько убеждены в важности отцовства, что мол ребенок переходит от отца; что те, кто отрицает отцовство, показать их обычаи и мифы о том, что они тайно осознаем; и, наконец, что в некоторых случаях они имеют четкие мотивы для сохранения догм и замалчивании правды.

Во-вторых, наблюдения доктора Риверса на островах Бэнкс не дают ни малейшей поддержки концептуальной гипотезе. Ибо (a) вера островов Бэнкс “не сопровождается каким-либо незнанием физической роли отца-человека”. (b) Вера заключается в том, что ребенок, родившийся у женщины, которую посетило растение или животное, каким-то образом находится под “влиянием” этого опыта; а не в том, что это полностью связано с ним (за исключением некоторой “подготовки” со стороны отца), как в случае с Арунтой. (c) Прежде чем вера в острова Бэнкс может привести к возникновению тотемизма, должна быть вера в непрерывное наследование влияния растений или животных; и это не только отсутствует, но и существует сильная тенденция предотвращать это. Женщина, подвергшаяся влиянию угря, ее ребенок - угорь; но если этот ребенок - девочка, дальнейшей передачи качеств, подобных угрям, не происходит; девочка, забеременев, может подвергнуться влиянию батата, и тогда ее ребенок будет бататом. Это препятствует формированию группы людей, таинственным образом связанных с животным или растением, как это предполагает тотемизм. Но (d) концептуальная гипотеза относит происхождение тотемизма к невежественным фантазиям самих женщин, которые думают, что в них вселилось то или иное; тогда как на островах Бэнкс вера женщины во влияние животного или растения на ее потомство вызвана не ее собственной фантазией, а популярным суеверием. Ибо, когда она отнесет в деревню предмет, найденный в ее набедренной повязке, - говорят люди, - она родит ребенка, который будет обладать качествами или даже будет этой вещью; и ребенок, родившийся впоследствии, не может есть или прикасаться к этой вещи “по обычаю страны”. Было ли тогда у арунта до тотемизма такое суеверие и обычай для руководства матерями? Если это так, то история этого суеверия и обычая должна быть более темной, чем сам тотемизм. Но на островах Бэнкс их происхождение может быть широко раскрыто; ибо, хотя говорят, что сейчас там нет явных следов тотемизма; однако, учитывая, что австралийцы, папуасы, полинезийцы и меланезийцы на севере - все они исповедуют тотемизм или явные его остатки, маловероятно, что у меланезийцев на островах Бэнкс его никогда не было, и разумно предположить, что суеверие о влиянии животных или растений на беременных женщин и табу на употребление в пищу такого животного или растения местными жителями очень велико. потомство представляет собой не возможное происхождение тотемизма, а его пережиток.

Эти соображения поднимают еще один вопрос относительно применения Сравнительного метода. Туземцы островов Бэнкс намного опережают арунта во всех жизненных искусствах, а также в отношении тотемизма, который они, по-видимому, изжили. Допустимо ли брать какую-

то черту их жизни в качестве примера того, что могло существовать среди арунта на той стадии культуры, которая, как обычно предполагается, была ниже даже современной? Когда предпосылки института были утеряны среди какого-либо данного народа, и мы намереваемся восполнить их из параллельных случаев среди других народов, разве мы не должны требовать того же относительного порядка развития? Если социальное явление обнаружено на островах Бэнкс, его возможность доказана; но строго говоря, оно было возможно только там, где оно имело место: в других местах мы можем ожидать только чего-то подобного, в соответствии со сходством других соответствующих обстоятельств. Сравнивая острова Бэнкс и их жителей с Центральной Австралией и ее жителями, практически не обнаруживаешь у них ничего общего. И традиция арунта (какой бы ценной она ни была) не имеет никаких признаков чего-либо похожего на южную меланезийскую культуру: предки алчеринга представлены как уже бывшие тотемистами. Предполагать, однако, что прежнее состояние арунты было даже хуже нынешнего, возможно, и не оправданно: социальное вырождение не редкость. Было бы чем руководствоваться в наших суждениях, если бы мы знали, насколько недавно истощение их страны приблизилось к своей нынешней остроте. Но, в любом случае, можем ли мы предположить, что он был вообще похож на меланезийский?

§ 4. Гипотеза Эндрю Лэнга

В какую—то очень отдаленную эпоху — резюмируя утверждение Лэнга - на уровне культуры, более низком, чем у нынешних австралийцев, отличительные имена были приобретены небольшими группами человечества. Поскольку группа нуждается в названиях для других групп больше, чем для себя (для себя она состоит из “людей” в отличие от других видов животных), имена, возможно, сначала были даны каждой группе кем-то другим или другими по соседству — вероятно, названиями животных или растений — и приняты каждой; к таким названиям не может быть порицания. В "Социальном происхождении" Лэнг предлагает доказательства того, что имена (даже пренебрежительные и насмешливые) были присвоены таким образом и приняты; но в "Тайне тотема",^[526] он говорит, что то, как группы получили свои названия, не имеет существенного значения для его теории. Они могли быть даны или приняты из-за основного продукта питания группы (Хэддон); или из-за какого-либо животного или растения, характерного для территории группы; или из-за некоторого воображаемого сходства ее членов с каким-либо животным. Важным моментом является то, что с самого начала это были названия групп, а не производные от имен отдельных людей. В ранний период, предполагаемый для этих событий, у людей не было достаточно долгой памяти, чтобы сделать их имена традиционными; и, действительно, учет происхождения по женской линии (который Лэнг повсеместно считает самым древним обычаем), должно быть, препятствовал наследованию имен предков мужского пола.

Что бы ни послужило причиной первого закрепления имен, с течением времени обстоятельства были забыты; и группы мужчин и женщин получили имена — названия животных или растений, — сами не зная почему. Ношение общего названия с животным или растением неизбежно наводило дикаря на мысль о таинственной связи с этим видом — возможно, о том, что у них одинаковая душа. Это породило объяснительный миф, и аналогия с семейными отношениями наводила на мысль о кровных узах: животное или растение должно быть чьим-то предком, братом или первичной наследственной формой. Из этой идеи вытекает уважение к нему: его нельзя убивать, есть или каким-либо образом использовать; его можно защищать, он может быть полезным; это Тотем.

Связь тотемизма с экзогамией (обычаем вступать в брак вне группы или рода) Лэнг представляет себе таким образом. Принимая предложение Дарвина,^[527] и схему его двоюродного брата Дж. Дж. Аткинсона в “Первобытном праве”, согласно которой первичная человеческая группа состояла из могущественных самцов с одной или несколькими женами и их детьми, он утверждает, что ревность главы этой семьи наложила правило — “Ни один самец не должен прикасаться к самкам в моем лагере”. Сыновья, следовательно, как и все остальные, они выросли, были изгнаны и должны были найти жен в другом месте. Это было началом экзогамии и, возможно, предшествовало возникновению тотемизма; но тотемизм, однажды утвердившись, укрепил обычай экзогамии таинственными санкциями. Как Тотем нельзя было есть, каким-либо образом использовать или прикасаться к нему, так и женщина с тем же Тотемом не могла быть замужем; и это не только в пределах их ближайшей семейной группы, но даже не за мужчиной из какой-либо группы, имеющей тот же Тотем.

Отстаивая эту гипотезу против тех, кто выводит тотемы из имен и традиций отдельных людей, Лэнг, как мне кажется, слишком сильно подчеркивает трудность установления традиции происхождения среди людей, которые ведут происхождение (как он сказал бы) “со стороны веретена”. Если традиция началась с женщины (а это могло бы быть), в этом нет никаких трудностей; и даже если она началась с мужчины, вполне возможно, что его женщины должны перенять ее. Более того, по мнению как Вестермарка, так и Фрейзера, не было доказано, что учет происхождения по женской линии является оригинальным и универсальным. Тем не менее, чем дальше мы отодвигаем происхождение тотемизма, тем труднее понять рост традиции происхождения и наследования имени и личных качеств индивида; и этой трудности удастся избежать с помощью гипотезы, которая выводит тотемизм из названий животных или растений групп мужчин и женщин. То, что такие названия были присвоены каждой группе другими людьми по соседству, является разумным предположением;^[528] поскольку это самые ранние названия групп, их нельзя называть прозвищами; а названия животных или растений никоим образом не должны были быть оскорбительными. Еще разумнее настаивать на том, что, будучи усыновленными группой, обстоятельства их приобретения через несколько поколений будут забыты, и что тогда они станут основой мифов и таинственных тотемических верований. Но думает ли кто-нибудь, что теперь когда-нибудь будет возможно с уверенностью решить, где, когда, как и почему имена были даны изначально? Я не думаю.

Что касается происхождения экзогамии, я не могу поверить, что примитивные человеческие группы были такими, как описал Лэнг; а если нет, то следует искать какое-то другое происхождение этого обычая.

§ 5. Тотемизм и брак

Как правило, мужчины и женщины одного и того же Тотема не могут вступать в брак. Племена, такие как арунта, которые не соблюдают это правило, настолько малочисленны, что разумно считать их отклоняющимися от нормы; так что в каждом случае несовпадение тотемизма и экзогамии представляет собой отдельную проблему.

Тем не менее, есть основания полагать, что эти институты имеют разное происхождение. Ибо у нескольких примитивных племен, некоторые из которых уступают в культуре среднему австралийцу, существуют обычаи экзогамии или (по крайней мере) запрещающие браки между

индивидами определенного типа, которые не признавали и, как известно, никогда не признавали тотемизма. Опять же, многие племена, которые по своему этнологическому положению, как можно предположить, когда-то исповедовали тотемизм, отказались от него, но все еще поддерживают экзогамию посредством брачных классов (фратрий) или иным образом. Далее, невозможно доказать, что многие народы с развитой культурой когда-либо были тотемистами, но они всегда (насколько можно проследить) насаждали экзогамию настолько, что запрещали браки внутри определенной степени родства. И на то, что связь между тотемизмом и экзогамией не изначальна, а приобретена, указывает соображение, что наиболее очевидной тенденцией тотемизма было бы предпочтение эндогамии (практика не вступать в брак вне определенных пределов) на основе очевидного принципа, согласно которому, как животное кенгуру спаривается с животным кенгуру, так и человек-кенгуру должен жениться на человеке-кенгуру. Это настолько очевидно, что противоположное правило, согласно которому человек-кенгуру не должен жениться на другой особи, а (зоологический парадокс!) только на эму или ведьминой личинке, кажется извращенным и может быть объяснено только влиянием какого-нибудь суеверия или случайного обычая. Согласно традиции арунта, их предки в Алчеринге были эндогамны.

Зародилась ли экзогамия во времена охотничьих стай — что настолько вероятно, что бошманы соблюдали ее, — или во время восстановления общества после распада стай, или даже позже, или в одних регионах в один период, в других - в другой, боюсь, мы не в силах достоверно предположить. Лучшей гипотезой относительно оснований этого обычая является гипотеза Вестермарка, а именно о том, что между ближайшими родственниками возник инстинкт взаимного избегания. Это требует, чтобы во время его возникновения беспорядочные половые связи не преобладали в человеческой популяции, поскольку это разрушило бы условия, необходимые для возникновения такого инстинкта. Если промискуитет когда-либо широко практиковался, то это, должно быть, произошло после распада охотничьих стай. То, что на каком-то этапе жизни человека и, по-видимому, у некоторых не столь отдаленных австралийских племен установился промискуитет, утверждается (на основании некоторых австралийских обычаев) с большим правдоподобием; но в своей "Истории человеческого брака", [529] Вестермарк очень тщательно изучил это мнение и пришел к выводу, что оно несостоятельно. Его рассуждения кажутся мне во всем хорошими; и, не имея ничего важного, что можно было бы к ним добавить, я отсылаю читателя к его работе.

Преобладает ли среди антропоидов какое-либо инстинктивное избегание, предотвращающее то, что мы считаем инцестом, никто не знает. В их одиночных семьях развитие такого предрасположения может быть более трудным, чем среди стадных животных (такими, какими стали наши предки задолго до того, как их можно было назвать "людьми"), которые находят другие семьи под рукой, чтобы вступать в браки; хотя группы примитивных людей, вероятно, не были большими. Дикари, находящиеся сейчас на самом низком уровне, такие как ведды или яганы, редко образуют группы численностью более тридцати-сорока человек. Босманы, до того как их племенные обычаи были уничтожены в первые годы прошлого столетия, хотя иногда собирались в больших количествах для большой охоты с помощью частоколов-ловушек, все же обычно были рассеяны группами по несколько семей. Маловероятно, что их далекие предки жили в большем количестве: восьми или десяти семей могло быть достаточно для сотрудничества в охоте или взаимной обороне. В каждой семье, составляющей такую группу, тенденция к экзогамии, возможно, впервые проявилась.

Гипотеза Вестермарка относительно экзогамии была впервые опубликована в "Истории человеческого брака", [530] и была повторно изложена в "Происхождении и развитии моральных идей". [531] В предыдущей работе он полностью обсуждает доказательства воздействия скрещивания ближайших родственников и приходит к выводу, что это, вероятно, вредно. Свидетельства противоречивы, но его вывод кажется мне обоснованным. И он справедливо указывает, что если среди цивилизованных народов вред инбридинга проявляется не всегда, то среди первобытных дикарей он, вероятно, был гораздо сильнее: (1) потому что кровь племени была чище; ибо в современной Европе (например) каждый брак объединяет множество различных линий. (2) Потому что сообщества были тогда намного меньше; так что в эндогамных условиях любой порок, который мог бы сопровождать инбридинг, поколение за поколением сохранялся бы и преувеличивался без какого-либо облегчения. Можно добавить, что при эндогамии молодые особи, вероятно, начнут размножаться раньше — возможно, на два или три года, — чем при экзогамии; и нет никаких сомнений в том, что браки незрелых особей крайне вредны для расы.

Но если инбридинг был вредным, Естественный отбор благоприятствовал любой семье или группе, практикующей экзогамию. Невозможно предположить, что кто-либо должен был сделать это на рациональных основаниях, чтобы избежать наблюдаемых пагубных последствий инбридинга. Мотив, должно быть, был слеп к последствиям и мог принимать форму холодности по отношению к представителям противоположного пола, с которыми человек рос с младенчества, или отвращения к мысли о браке с ними. Такие предрасположенности сохранились Естественным отбором, и они перешли к нам самим; ибо таково было начало отвращения к кровосмешению.

Я предполагаю, что это чувство впервые проявилось в семье и побудило семьи одной группы обменивать своих дочерей; и что позже оно распространилось на всех членов одной и той же группы, и что тогда жен искали в других группах. Вероятно, жен добывали иногда путем пленения или соблазнения, иногда путем обмена, поскольку преобладали дружеские отношения с соседями: ибо свидетельства далеки от того, чтобы показать, что "браки по пленению" когда-либо был распространенным обычаем; в то время как наши знания об австралийцах и босманах показывают, что соседние группы дикарей не всегда враждебны.

Такое положение вещей, возможно, существовало за века до возникновения тотемизма и среди рас, которые никогда не принимали тотемизм. Когда названия животных были впервые даны или приняты различными группами, где-то (возможно, в нескольких местах) возник тотемизм как вера в магическую или духовную связь между людьми и животными с таким же именем. Но группы, принявшие тотемизм, уже были экзогамны, испытывая отвращение к браку с другими представителями той же группы; и практика экзогамии, таким образом, была поставлена под таинственное влияние тотемических идей. Затем он был бы расширен, чтобы запретить браки с представителями того же Тотема в других группах.

Тотемные санкции, возможно, были полезны для подтверждения экзогамии некоторых групп, но все суеверные средства, способствующие правильному поведению, подвержены извращениям, и в лучшем случае они второстепенны. Тотемизм предотвращает кровнородственные браки, но также предотвращает браки с тысячами людей, в которых не прослеживается кровное родство. Если какие-либо расы были способны понять, что интерес

экзогамии заключается в предотвращении браков между ближайшими родственниками, а затем учитывать родство и вести себя соответственно, они выбирали лучшую часть.

Некоторые исключения из правила о том, что тотемные кланы экзогамны, возможно, можно объяснить предположением, что определенные группы не приняли экзогамию, когда стали тотемистами — не могло ли это произойти среди арунта?—и что с тех пор они научились экзогамии при других условиях у соседних народов или путем завоевания. Среди других возможных условий существуют замечательные брачные классы, или фратрии, которые преобладают в Австралии, Северной Америке и менее регулярно в других частях света. Некоторые этнологи считают эти брачные классы преднамеренным учреждением — реформой для регулирования экзогамии; и Спенсер и Гиллен, которые так близко знали австралийцев, думали, что такой закон — хотя его сложность поражает большинство европейцев и многих смущает — был не за пределами их понимания. На этот счет было бы абсурдно с моей стороны иметь какое-либо мнение. Но предполагать преднамеренное намерение противоречит обычному методу интерпретации институтов дикарей: язык дикарей представляет собой систему обычаев, гораздо более сложных и утонченных, чем Брачные классы, и обычно считается, что они возникли не в результате преднамеренного введения правил грамматики. Я предполагаю, что эти классы возникли сначала в результате объединения экзогамных тотемных кланов, которые выросли по обычаю, и что единственная преднамеренная работа заключалась в некоторых незначительных корректировках клановых отношений. Браки двоюродных братьев и сестер запрещены в Центральной и Северной Австралии признанием восьми подклассов; но тот же результат достигается в других племенах обычаем, который просто запрещает это. Экзогамные классы, установившиеся в одних племенах, возможно, имитировались и в других.

Одним из результатов классификационной системы брака, как бы она ни развивалась, является широкое использование родственных имен для обозначения всех лиц одного и того же или соответствующего поколения — “отец” для всех мужчин, которые по обычаю могли бы жениться на вашей матери; “брат” и “сестра” для всех мужчин и женщин, происходящих от тех, за кого могли выйти замуж ваши отец или мать; “муж” или “жена” для любого мужчины или женщины, за которых, согласно обычаю, вы могли бы выйти замуж. Когда в культуре был достигнут дальнейший прогресс, отличительные названия стали использоваться для выражения кровного родства и классовых отношений. Возможно, стоит задуматься, не являются ли в Австралии некоторые обычаи, которые, как предполагалось, свидетельствуют о первоначальном состоянии промискуитета, на самом деле результатом классификационной системы именования отношений: супружеские права были заявлены на основании имен “муж” и “жена”, используемых в этой системе.

§ 6. Член клана и его тотем

Отношение члена Клана к Тотему может быть понято как дружелюбие, защита, кровное родство или даже идентичность; и это последнее, я полагаю, имеет место в эпоху, когда тотемизм наиболее жив и могуществен. Но в каком смысле человек может быть таким же, как эму? У него может быть то же имя; но само по себе это ничего не значит. Необходимо учитывать не имя, а идентичность, которую оно стало обозначать. Некоторый свет на проблему может пролить высказывание уроженца Спенсера и Гиллена, указывающего на свою фотографию: “Этот человек точно такой же, как я; как и кенгуру”. Фотография может быть “такой же”, как он сам, в смысле сходства; но в этом смысле кенгуру не тот же самый. Некоторые, действительно,

размышлявшие о разуме дикарей, предполагают, что он не только неспособен рассуждать, но даже воспринимать имеющиеся перед ним факты, находясь под влиянием какой-либо сильной веры; и я допускаю, что иногда это верно. Но все действия дикаря по отношению к своему Тотему показывают, что он осознает разницу: не в последнюю очередь его усилия в определенных случаях помочь своему воображению установить идентичность, маскируясь и подражая действиям этого странного другого "я", а также съедая немного этого, чтобы обеспечить физическую идентичность хотя бы в этой степени. Он также стремится приумножить его, чтобы другие могли есть свою порцию, и для любой теории его отождествления с Тотемом это должно быть загадкой.

Но фотография может быть такой же, как вы сами, и в другом смысле, нежели простое внешнее сходство: она может, подобно тени или отражению, быть (или содержать) душой человека или ее частью. И точно так же кенгуру или другой Тотем может быть воспринят как то же самое, что и человек, то есть как имеющий ту же душу. Возможно, это самое близкое, что мы можем сказать об австралийском значении слова в процитированном выше исповедании веры. Это согласуется с церемониальным поеданием какой-либо части Тотема, поскольку это передает как духовные, так и физические свойства; и чтобы согласовать это с умножением Тотема, который могут есть другие, я указываю на биологическую необходимость того, чтобы Тотем каждого клана был пищей для других соплеменников. Если все съедобные животные и растения являются Тотемами, то как еще они могут существовать? Но мы уже несколько раз видели, что биологическая необходимость накладывает ограничения на веру и что можно найти оправдания необходимым действиям, которые противоречат вере. То, что члены клана отдают племени свой собственный Тотем (поскольку они не могут его защитить), является гениальным компромиссом.

Сообщается, что среди племени зуахлайи встречаются личные тотемы (или хранители, редкие в Австралии) под названием юнбеи, которыми владеют в основном волшебники. Человек может съесть свой наследственный Тотем, но не свой Юнбей, который в этой привилегии, по-видимому, вытеснил Тотем. Его дух пребывает в Юнбее, а его дух - в нем.^[532] Следовательно, у них одна и та же душа; и, хотя это верование не является строго тотемизмом, оно, вероятно, происходит от него. Член клана Юин (Западная Австралия) имел своим Тотемом Черную Утку, которая предостерегала его от врагов; и он рассказал, что однажды, пока он спал, человек-Кружевная Ящерица послал его Тотем, который попал ему в горло и чуть не съел Черную Утку, живущую у него в груди; так что он чуть не умер.^[533] Разве его Черная Утка и его душа не были одним и тем же?

Эта гипотеза очень хорошо согласуется с верой в то, что тело и душа человека происходят от того же предка, что и душа Тотема; и что после смерти человек переходит к Тотему или становится им; и оправдывает выдумку о том, что оживление беременной женщины может быть вызвано вселением в нее духа какого-либо тотемного растения или животного.

На Золотом побережье и в других местах Западной Африки у человека не одна душа, их может быть целых четыре; и одна из них обитает с каким-нибудь животным в буше; отсюда и название его "душа буша". Первая гипотеза сэра Джеймса Фрейзера относительно тотемизма заключалась в том, что он, возможно, был выведен из представления о внешней душе, которая может быть помещена во что угодно (например, в животное в буше) для обеспечения безопасности. Теперь он считает связь "души куста" с тотемизмом неопределенной.^[534] Если

здесь была какая-то связь, не может ли быть так, что “душа куста” происходит от тотемизма, и что каждый тотем является своего рода “душой куста”, то есть у него есть душа, которая такая же (по крайней мере, того же вида), что и у члена клана?

§ 7. Тотемизм и магия

Отождествление человека со своим именем, как это обычно предполагается дикарями, будь то его личное или тотемическое имя, само по себе не является магической верой, а неизбежным результатом ментальной ассоциации на низком уровне интеллекта: возможно, более раннем, чем любые представления, которые можно должным образом назвать магическими. Имя человека, о котором всегда думают наряду с другими его качествами, кажется таким же одним из них, как шрам на его шее или любая особая черта лица или длина конечностей. Это, должно быть, так же старо, как наречение. Но такое усложнение имени другими знаками сформировалось, и оно становится основой магических верований и практик. Упоминание имени человека или духа гарантирует его присутствие и участие в любом ритуале, будь то действие или страдание; или там, где известно письменное обращение, его имя на листе бумаги так же хорошо, как обрезки его ногтей. Использование имени - это не просто анимистический призыв (которому можно не подчиниться), но немедленное установление данного индивидуума. Такая магия может входить в тотемические обряды.

Происхождение клана от Тотемного животного, или животного от праотца клана, или обоих от *tertium quid* предполагает метаморфозу; и это, опять же, само по себе не является магической идеей; ибо реальные метаморфозы обычны в жизни птиц, амфибий, насекомых, и было бы неразумно ожидать, что дикари ясно поймут, что это не параллельные случаи. Однако существует разница между превращениями, которые можно наблюдать, такими как превращение куколки в бабочку, и теми, которые никогда не наблюдались, а просто воображались и утверждались. Последние более загадочны, а таинственность - это один из символов магии. Например, у клана ведьмовских личинок среди племени арунта есть пара - птица чантунга, которую они не едят, потому что, по их словам, в старину некоторые взрослые ведьмовские личинки превращались в этих птиц.^[535] Это изменение имеет магический характер, хотя магическое агентство не назначено. Но если бы была предпринята какая-либо попытка объяснить, как произошла великая перемена, возможно, пришлось бы прибегнуть к силам магии. Даже когда предоставляется свобода действий, это не всегда волшебство. В самой ранней Алчеринге двое Унгамбикула (“из ничего”) увидели на берегу соленой воды группы инапертва, рудиментарных людей, просто округлые массы, без органов или средств питания, и они вырезали из них людей каменными ножами, следовательно, не с помощью магии.^[536] Но, опять же, у племени на реке Дарлинг (Вати-вати) есть предания о букумури, которые жили давным-давно, преуспели в Магии и превращались в животных; и здесь утверждается магическая сила, хотя способ ее действия неопределен. Но Медвежий клан Тшимшианов (Британская Колумбия) объясняет свою позицию историей о том, что однажды давным-давно индеец во время охоты встретил медведя, который забрал его к себе домой, где он пробыл два года. Вернувшись в свою деревню, он был похож на медведя; но после того, как его натерли лечебными травами, он принял человеческий облик.^[537] И здесь магия столь же очевидна, как в любом рецепте для оборотня или той ложной мази, с помощью которой Люциус достиг своего незабываемого превращения.

Также, кроме того, запрет убивать, наносить увечья или есть Тотем вообще не имеет никакого магического значения; ибо он просто ставит Тотем в положение члена клана. Но ситуация, будучи странной и загадочной, приобретает магическую атмосферу; и соблюдение табу с помощью наказаний безошибочно волшебное. У племени Унтмайера (Северо-Центральная Австралия) есть легенда о человеке-Личинке жука прежних времен, который ел личинки жука, после чего у него появились язвы, он исхудал и умер. Или у человека могут поседеть волосы; или, согласно самоанской вере (не строго тотемистической), запрещенная пища может вырасти внутри человека в целое животное или растение, уничтожив его хозяина. Подобные верования, основанные на аналогии с ядами и их физиологическими последствиями, являются магическим вымыслом: табу имеет тот же характер, что и условное проклятие.

Аналогичным образом, запрет на брак внутри Тотемного клана, если он возник (как я предположил) из слияния тотемизма и экзогамии в обычаях различных ранних групп мужчин и женщин, не основан на Магии; но наказания за нарушение табу носят магический характер. Таким образом, среди эуахлайи и их соседей мужчины и женщины клана игуаны не могут вступать в смешанные браки, хотя и происходят из разных частей страны и без какого-либо прослеживаемого кровного родства; потому что, если бы они это сделали, их дети, поскольку их предки с обеих сторон были одним и тем же животным, “вернулись бы” к форме или атрибутам игуаны.[538] Гротескное предвосхищение научных идей.

Но наиболее примечательная связь между тотемизмом и магией прослеживается в тех обрядах, с помощью которых члены клана в нескольких частях света, но особенно в Австралии, считают себя способными влиять на свои тотемы: когда они съедобны, размножать их; когда вредны, отгонять или уничтожать; или, как в случае с ветром и дождем, управлять ими для общего блага. Спенсер и Гиллен[539] дают удивительные описания обрядов умножения (или интичиума), тщательно подготовленных и регламентированных, включая переодевание членов клана в подобие тотемов, рисунки тотемов на земле, танцы, заклинания и церемонии, иногда представляющие традиционную историю, с помощью которых члены племени выполняют эту свою функцию. Они полагаются главным образом на миметическую (образцовую) Магию, которая, драматизируя какой-либо естественный процесс, приводит его в реальное действие. Отождествляя себя с Тотемом, они до предела напрягают свое воображение и с этой целью могут съесть немного Тотема, что в другое время запрещено. Это предположение, что, съев немного какого-либо животного, растения или человека, вы становитесь с ним единым целым или приобретаете его качества, или, далее, что два человека, употребляя вместе одну и ту же пищу, становятся союзниками (что в некотором смысле материально верно, но абсурдно интерпретируется), является еще одним из тех понятий, которые проще Магии и предшествуют ей, которые обеспечивают основу для магических операций.[540] Эти торжества длятся месяцами и проводятся с добросовестным усердием и серьезностью: увлечение глубокое и всеобщее. Здесь, как и на большинстве высших ступеней культуры, мы обнаруживаем самые сильные эмоции, на которые способны люди, возбуждаемые участием в коллективных упражнениях воображения, которые непосредственно, в соответствии с их ожиданиями, не имеют абсолютно никакого результата. Действительно, чрезмерное увлечение бесполезными занятиями имеет тенденцию исключать все идеи, которые могли бы быть полезными, которые могли бы привести (например) к увеличению количества пищи путем выращивания растений или одомашнивания животных. Сэр Джеймс Фрейзер указал, что выполнение ритуалов клана

Семян Травы, при которых семена травы разбрасываются по земле, могло бы привести к возделыванию, но психическое состояние клана неблагоприятно для хладнокровного наблюдения. Что касается животных, то некоторым оправданием отсталости австралийской культуры является то, что сумчатые не представляют собой ни одного вида, который мог бы окупиться приручением. Косвенно и незаслуженно эти представления имеют очень полезные последствия: они ежегодно восстанавливают единство племени, собранного со всех концов для великого события; способствуют взаимной доброй воле и духу сотрудничества, для чего предоставляют главную возможность; поддерживают социальную организацию и традиции обычаев, усиливая влияние Вождей, которые играют ведущую роль во всем, что происходит, и от авторитета которых зависят весь порядок и дисциплина; разнообразием интересов нарушают монотонность дикой жизни; стимулируют изобретательность и заполняют время, которое иначе могло бы быть потрачено впустую на праздность или ссоры, с помощью художественное и драматическое развлечение.

На этих обрядах размножения и контроля тотемов сэр Джеймс Фрейзер основал свою вторую гипотезу о происхождении тотемизма, а именно, что это была система сотрудничества между частями дикого племени для магического снабжения пищей и т.д.: клан эму, размножающий эму, клан кенгуру кенгуру, Ведьмовские личинки клан ведьмовские личинки и так далее.^[541] Но впоследствии он подумал, что такой дизайн выходит за рамки представлений дикарей. И, без сомнения, поскольку план был продуман и сознательно принят в целом, большинство этнологов сочли бы его превышающим возможности австралийских аборигенов. Но если это так — хотя и не сложнее, чем изобретение Классификационной системы брака, — это показывает, какие сложные договоренности, имитирующие замысел, могут возникнуть в результате роста обычаев; ибо кланы, безусловно, сотрудничают в магическом снабжении пищей.

Каким бы ни было происхождение тотемизма, этот институт, по-видимому, использовался некоторыми племенами в амбициозной попытке контролировать всю природу путем объединения (по очень неясным принципам, если таковые вообще были) различных классов явлений с помощью тотемов, так что тот или иной клан несет ответственность за все. За исключением этого, совершенно необходимо контролировать ветер, дождь, град и молнию. Контроль тотема животного не всегда благожелателен по отношению к самим животным. В племени какаду долг клана Москитов - спасти остальных от комаров; они делают имитацию комаров, танцуют и поют и воображают, что убивают их.^[542] В Северной Америке были обнаружены сходные верования и практики как для поощрения, так и для противодействия Тотему, но иногда и нерегулярно. Птичий клан омахаса, когда птицы угрожали посевам, предотвращал их опустошение, пережевывая кукурузу и разбрасывая ее по полям; когда комары доставляли беспокойство, народ Ветра хлопал одеялами, чтобы поднять ветер и сдуть вредителей; когда черви нападали на посевы, клан рептилий (черви и рептилии путают в примитивной зоологии) противодействовал их приближению, растирая некоторых из них с небольшим количеством кукурузы в суп и поедая его.^[543] Самые замечательные американские ритуалы увеличения количества пищи — танцы бизонов и фестивали кукурузы манданов - не были тотемическими, а проводились всем племенем. Танец охоты на бизонов, чтобы привлечь стадо в пределах досягаемости, продолжался, при необходимости, неделями - фактически до тех пор, пока не приходили животные; так что Магия всегда оказывала действие.

§ 8. Тотемизм и анимизм

Если единство членов клана с их Тотемом очень рано понималось как состоящее в обладании одной и той же душой или одним и тем же видом, то с этого момента оно по существу является анимистическим. Тем не менее, эта идея, по-видимому, лишь очень медленно привела к какому-либо чувству зависимости от Тотема как духовной силы или к какому-либо ожиданию, что он поможет членам клана, или (следовательно) к какому-либо обращению к нему, за исключением магического принуждения. Возможно, самым ранним способом, которым Тотем, как предполагалось, помогал членам своего клана, были предзнаменования; как человек-Черная Утка из племени юин (Западная Австралия), думал, что черные утки предостерегают его от врагов; но это больше характерно для духов-хранителей, чем для Клановых тотемов. Иногда в Австралии мы встречаемся с чем-то вроде молитвы к Тотему. На реке Талли (Квинсленд) мистер У. Э. Рот рассказал нам, что перед сном или при пробуждении утром человек тихим голосом произносит название животного, которое он носит, или которое принадлежит к его группе; и что тогда, если оно съедобно, он добьется успеха в охоте на него или, если опасно, оно не причинит ему вреда без предупреждения.

У профессора Дюркгейма есть сложная теория развития божеств из тотемов в Австралии, особенно на примере Bungil, Орла-ястреба, крупного фратрийского животного, носящего имя в нескольких племенах.^[544] Он убедительный писатель, но извращенный и изобретательный. Бангил не получает ни молитв, ни жертвоприношений (они, действительно, по мнению автора, не являются необходимыми для религии), и нет ничего, что указывало бы на то, что он отличается от других прославленных Вождей, которые встречаются в Австралии. Наиболее вероятным из этих высших существ является Бьямиз из племени Эуахлайи, который является не Тотемом, а источником Тотемов, которые происходят из разных частей его тела. На похоронах к нему обращаются с молитвами за души умерших; и, опять же, по окончании Бураха (обряд инициации) о долгой жизни, поскольку соплеменники соблюдали его закон.^[545] Нам сказали, что ближайшая миссионерская станция находится в сотне миль отсюда и недавно основана; но, читая дальше, что только прошедшие посвящение могут отправиться в небесный лагерь Байами, и что грешники в следующей жизни будут наказаны в Элеанба Вунде, месте темном, если не считать костров,^[546] мы не можем не задуматься о том, что миссионеры - не единственные проводники здравого учения.

Наиболее достоверным примером возвышения тотема до чего-то вроде божественного ранга является Воллункуа, великая змея Варрамунга, которая отличается от других тотемов тем, что является не реальным животным, а мифологическим чудовищем. К нему не обращаются с молитвой или жертвоприношением; но он является объектом обрядов, частично умиловительных, частично принудительных, и, безусловно, к нему относятся с суеверным благоговением, таким же, каким мог бы быть демон. Чтобы угодить воллункуа, клан возводит длинный курган и рисует на нем свое изображение, которое, однако, впоследствии подвергается "жестокому разрушению". Приблизившись к Тапанерлу, священному озеру, где он обитает, они прошептали ему, "чтобы он вел себя тихо и не причинял им вреда".^[547]

В целом, погребальные церемонии в Австралии, направленные на обеспечение умерших предметами первой необходимости, едой, посудой, теплом — даже мерами предосторожности против привидений — ближе к религиозным идеям, чем что-либо связанное с тотемизмом. Среди юпагалков (Виктория) человек, испытывающий сильную боль, призывал какого-нибудь

умершего друга прийти и помочь ему, навестить его во сне и научить песне против злой магии, которая причинила ему боль.[548]

На острове Ям (Торресов пролив) существует культ двух братьев, Майоу и Сигаи, которые, как говорят, прибыли из Австралии. У них есть святилища за оградой; женщинам и непосвященным юношам вход воспрещен, и они не знают, что Майоу - это крокодил (Кодал), а Сигаи - молотоголовая акула (Курси); ибо к ним всегда обращаются и говорят о них по именам, как о героях, а не по названиям животных или тотемов. Святилища содержат изображения животных, сделанные из панциря черепахи; и под каждым изображением находится камень, в котором обитает жизнь или дух Тотемного героя. Местные жители во время северо-западного муссона танцевали и пели перед ними в хорошую погоду, а также, отправляясь на войну, молились: "О Тотем Сигай и Тотем Майу, вы оба закройте глаза этим людям, чтобы они не могли видеть нас".[549] Это, бесспорно, Религия; однако это не чистый тотемизм, а, по-видимому, сплав поклонения героям с тотемизмом героев. Другому герою более позднего времени, Квоиаму, поклоняются на соседнем острове Мабуайг. Он был родом из Северного Квинсленда; и его дом и пирамида из камней до сих пор изображены на вершине холма. Его тотемом был лопатоносый скат, но он не претерпел слияния с этим животным. Мы можем быть склонны сделать вывод, что герой может выстоять в одиночку, в то время как Тотему нужен союз героя, чтобы очеловечить его.

Такой вывод, в целом, подтверждается состоянием религии на Фиджи. Там, среди прибрежных племен, тотемизм находится в упадке и нерегулярен; хотя даже на побережье Вити-Леву есть божества с атрибутами животных, и особенно с способностью превращаться в животных; и животное, связанное с богом, не должно употребляться в пищу людьми района, где ему поклоняются.[550] В горных районах тотемизм все еще процветает, и поклоняются богам-животным, которые, как предполагается, произошли от тотемов. Доктор Риверс сообщает нам, что [551] что он ранее предполагал это, но склонен пересмотреть свое мнение. Фиджийский бог-змея Нденгей, согласно традиции, был человеком, прибывшим на остров откуда-то извне; вероятно, он произвел большое впечатление и был возведен в культ. Его характер бога-Змеи может быть обусловлен тем, что змея была его Тотемом. Вероятно, богоподобные существа на Фиджи во многих случаях были героями, но тесная связь со своим Тотемом наделяла их чем-то от животной природы. "Эволюция шла бы не просто от Тотема к богу, но от героя и Тотема вместе к богу".

Боги, присутствующие в животных, иногда в растениях, были признаны на Самоа, Таити, Гавайях, Тонге; и, фактически, Полинезия - это регион, где, если вообще где-либо, тотемы вносят значительный вклад в популяцию богов. Риверс не отрицает (см. цит. по), что, возможно, имела место прямая эволюция богов из тотемов; но он указывает, что, например, на Самоа бог-осьминог (Ole Fe'e) был, согласно традиции, привезен на остров фиджийским вождем. Был ли тогда моллюск или главный корень, из которого вырос бог? В Саваи были боги, воплощенные в людях: один - в настоящем мужчине, который был канибалом, умиловленным человеческим мясом; другой, невидимый для людей, хотя незнакомцы видели его в виде красивого молодого человека, одетого в пояс из листьев, назывался королем Фиджи (Туифити). Другие боги, описанные Тернером[552] - это Оле алии Фити (вождь Фиджи), который проявлялся в виде угря; и Тиналии (король вождей), который ассоциировался с морским угрем, осьминогом, кефалью и концами банановых листьев. Слияние, по-видимому, было обычным делом.

Не следует, конечно, предполагать, что все боги-животные являются тотемами. Среди возможных путей возникновения богов-животных мы не можем отрицать некоторого места гипотезе Спенсера о том, что героям иногда поклонялись как животным, потому что они носили имена животных; и после их смерти одноименные животные, всегда присутствующие перед глазами людей, вытеснили героев, были связаны с их легендами и трансформировали их. Также возможно, что герою поклонялись в виде животного или растения, потому что он объявил, что после смерти он будет в таком животном или растении; ибо в Улаве (Соломоновы острова) бананы были *буто*, вещами, которые нельзя есть, к которым нельзя приближаться или на которые нельзя смотреть (согласно доктору Коддрингтону[553]), потому что один влиятельный человек запретил есть их, сказав, что после смерти он окажется в банане; и с таким большим влиянием он мог бы, при благоприятных обстоятельствах, стать богом бананов. И, опять же, по мнению профессора Вестермарка, “распространенность поклонения животным, без сомнения, объясняется загадочностью животного мира; самое жуткое из всех существ, змея, также является тем, кому поклоняются чаще всего”.[554]

Но эти соображения усиливают вероятность того, что Тотем иногда может стать богом; для начала, при всеобщем уважении клана. Некоторые тотемы были обожествлены с помощью героев, другие, возможно, могут быть возвышены силой аналогии; или, как только было достигнуто представление о духовном существе — главным образом (как мы предполагаем) путем размышления о снах — и животные и даже неодушевленные предметы стали считаться имеющими духовных двойников, если тогда Тотем считается имеющим дух, и даже такой же, как душа члена клана, если к нему обращаются за помощью, если он посылает предзнаменования, слушает молитвы и принимает жертвы, что это, как не бог?

В Северной Америке Тотему, по-видимому, нигде не поклонялись; и любая тенденция, которая могла существовать, чтобы умиловать его, была отклонена превосходящим очарованием личного гения-хранителя, которому иногда приносились дорогостоящие жертвы и даже наносились увечья; как у манданов, которые часто отрезали палец, чтобы заручиться его благосклонностью.[555] С другой стороны, класс духов был распознан в “старшем брате” каждого вида животных (или наиболее интересных видов — медведя, оленя, змеи и т.д. — всего тотемического класса), существе (по словам одного раннего миссионера, 1634 г.), “которое является как бы принципом и источником всех индивидуумов” и “удивительно великий и могущественный”:[556] он наблюдает за видом и мстит за причиненные ему обиды. На Северо-Западе Америки и по всей Сибири Медведь и Ворон являются объектами религиозного почитания; на самом деле, не как клановые тотемы, а для всех мужчин. Среди народов Персидского залива ючи являются тотемистами, и юноша при инициации отдается под опеку своего кланового тотема, а не личного гения-хранителя, как у северных племен; однако он ищет защиты не у живых животных тотемного вида, а у высших существ, таких как “старшие братья” вида.[557] Подобными им должны быть боги-звери индейцев зуни, которым они предлагают часть всей дичи, молясь, чтобы те заступились за них перед Отцом-Солнцем. В Южной Америке тоже патагонцы и арауканцы учат, что у каждого вида животных есть дух-хранитель, который живет в пещере, и что сами индейцы после смерти уходят жить к нему. Едва ли можно сомневаться, что во всех этих случаях духи-животные каким-то образом связаны с тотемическими верованиями: если не боги, то, по крайней мере, божественные существа, и они являют собой пример благородного мистицизма, естественного для воображения индейцев.[558]

Африка - главная родина зоолатрии. Религия народов банту Южной Африки - это, действительно, поклонение предкам; и их культ змей, по-видимому, является результатом поклонения предкам (поскольку они думают, что их умершие возвращаются в виде змей различных видов в зависимости от ранга); если, конечно, он не был перенесен на столь второстепенное место из какого-то более древнего суеверия. В Западной Африке обитает множество богов-зверей, особенно леопард, гиена, крокодил и питон. Они, однако, не дают особых указаний на тотемическое происхождение; и сэр Джеймс Фрейзер отмечает, что, поскольку наследственное поклонение животным в определенных районах (например, гиене в Аккре) не было тотемическим, нет необходимости, чтобы подобные практики были таковыми и в других местах.^[559] Следовательно, то, что египтяне поклонялись определенным животным и что в районе поклонения какому-либо животному его не убивали и не ели, не может доказать, что поклонение было тотемическим, если только не будет показано, что тотемизм - это единственный путь к зоолатрии; ибо, если есть другие пути, любое животное, которое становится божественным, естественно, не будет убито или съедено. С другой стороны, то, что египтяне не были экзогамистами, не доказывает, что они не были тотемистами, поскольку некоторые известные тотемисты не являются экзогамистами. Естественное впечатление исследователя, который просто среди прочего знакомится с египетской религией, состоит в том, что тотемизм был одним из ее источников; но это предмет, о котором более строго, чем о большинстве, могут судить лишь несколько специалистов.

В целом вклад тотемизма в религию, по-видимому, сильно преувеличен. По сравнению с влиянием умерших героев и предков или с олицетворением великих проявлений природы — Неба, Солнца, Грома — это было неэффективно, не дотягивая до создания высших богов; или, если, как в Полинезии, иногда кажется, что оно приблизилось к этому достижению, можно заподозрить, что его успех во многом был связан с поклонением героям.

ГЛАВА X

МАГИЯ И НАУКА

§ 1. Их общая позиция

Нередко говорят, что Наука произошла от Магии, и этот догмат укрепляется выдающимися именами; и это не вызывает неудовольствия у некоторых наблюдателей, чье отношение к Науке является неполным сочувствием; но мне кажется, что это связано с неправильным пониманием вопроса. Магия и Наука, действительно, имеют некоторую общую основу; ибо обе являются продуктами нашего бедного человеческого разума, который сильно озабочен объяснением своего опыта понятием “сил”, которые каким-то образом вызывают события, и которые вообще не могут ужиться, не предполагая единообразия отношений. Магия предполагает постоянную связь событий благодаря действию, силе, влиянию или действительности чар, обрядов и заклинаний; однако эти связи обнаруживаются только как тенденции одних событий возбуждать другие, поскольку они могут быть разрушены противодействующими чарами, обрядами или заклинаниями. Это читается как карикатура на научные идеи. Не так давно также

“силы” были в большой моде среди ученых; и с такими загадками, как “жизненная сила” и “психическая сила”, еще предстоит встретиться. Но очевидно, что мы никогда не узнаем больше, чем то, что при определенных условиях происходит изменение; и когда мы пытаемся объяснить это изменение путем анализа условий, мы никогда не находим никакой “силы”, отличной от расположения и движения тел или частиц. “Сила” может быть технически и формально использована в различных предложениях, но эта идея никогда ничего не вносит в объяснение событий; в то время как тот факт, что многим людям кажется, что это так, часто создает помехи. То, что это, по-видимому, имеет какое-то объяснение, связано с постоянным влиянием Магии, которая, хотя и всегда была антитезой Науке, все же на протяжении очень многих веков ассоциировалась с Наукой. Магия полностью состоит из представлений о силе, иногда неистовой, как при метании зачарованного копья; иногда тонкой, как действенность опала; неосязаемой, невидимой и действующей на расстоянии в пространстве и времени, как заклинания ведьмы, которые затмевают солнце или луну. Эти силы имеют лишь одностороннее отношение к повседневному миру; они не встречают сопротивления со стороны того, что мы принимаем за “свойства материи”, такие как вес и непроницаемость; но сами по себе полностью свободны от законов природы: то, что мы называем “реальным миром”, не имеет над ними власти; они живут в своем собственном мире. Они абсолютно неизмеримы; и, следовательно, причинно-следственная связь, которая, безусловно, подразумевается в понятии их действия, неопределенна и становится все более и более расплывчатой по мере развития магической системы; и все это противоположно тому, что происходит в истории науки. Несмотря на наличие необходимой общей основы в человеческом сознании, Магия и Наука противопоставлены с самого начала, в своем развитии они расходятся все больше и больше, их методы и идеи все более и более противоположны. Если можно сказать, что одно из них предшествует другому, то именно Наука (по крайней мере, в ее самой ранней и грубой форме) предшествует Магии.

Однако нам лучше начать с рассмотрения третьего, более раннего, чем любой из них, и которое я назвал Здравым смыслом: я имею в виду накопление определенных элементов позитивного знания (которое, как таковое, является первой формой науки), приобретенного первобытным человеком и в меньшей степени высшими животными: фактов о холоде и жаре, солнечном свете и дожде, силе воды и огня, жизни деревьев и животных, свойствах дерева и камня и так далее, которые неизменно подтверждаются дальнейшим опытом. Изучение жизни дикарей обнаруживает, что это их положительное знание имеет огромное значение и что они способны использовать его “и рассуждать не пренебрежительно”. Исходя из этого, Наука, основанная на Здравом смысле, и значительная часть Магии дифференцируются, и они расширяются с очень неодинаковой скоростью в противоположных направлениях. Каждый из них отталкивается от него; но в то время как Магия быстро искажает и мистифицирует его до неузнаваемости в бесчисленных фантазиях, Наука медленно соединяет его фрагменты воедино, исправляет, определяет и расширяет его, никогда не изменяя его первоначального положительного характера. Разница между Магией и Наукой заключается (как мы видели) в причинах, которые устанавливают веру в них; в характере их идей — соответственно, бессвязных и расплывчатых, последовательных и определенных; и, как следствие, в их ложности и истинности.

§ 2. Дифференциация

В то время как магией среди диких народов более или менее занимаются почти все, она особенно развита профессиональным волшебником, и в его искусстве и традиции ее наиболее

удобно изучать. Волшебник или (по крайней мере) лидер среди волшебников - это человек превосходящих способностей, проницательности и предприимчивости; сангвинический и амбициозный темперамент склоняет его к экстравагантным фантазиям и обману, но он обладает гораздо более реальными знаниями, чем остальные члены племени. Он часто прилагает усилия, чтобы расширить свои знания, ибо это истинная основа его силы: “Сила ангокока, - говорит мистер Тернер, автор ”Эскимоса”, [560] “имеет некоторую основу в опытных знаниях погоды и повадок животных, с помощью которых он консультирует охотников”. Но это знание часто является отправной точкой его заблуждений, причем не по его собственной вине, а в результате его попыток применить знание к новым случаям без какого-либо понимания необходимости осторожности или условий обоснованного вывода, а также доказательств и опровержений. Он никогда не знает, почему он прав или почему он неправ. Следовательно, рядом со скромным зданием своего реального знания он выстраивает в одном направлении несколько подлинных дополнений, подтвержденных здравыми умозаключениями и наблюдениями; в то время как в другом направлении он возводит, в основном по аналогии, с помощью “сочувствия” и духовных сил, возвышающуюся структуру воображения, которая отбрасывает его маленькую хижину Здравого смысла совершенно в тень.

(а) Например, волшебник часто буквально является знахарем или врачом и знает применение определенных лекарств; и он может открыть другие лекарства и больше применений для них, и в этом направлении лежит фармакология. Но в другом направлении он применяет в совершенно фантастических случаях великое множество других рецептов, которые не служат никакой цели, кроме шарлатанства и мистификации. Плиний, большая часть Естественной истории которого является справочником по древней медицине, описывает сотни средств, полученных из животных, овощей и минералов; а Бертон [561] цитирует Галеотта, который перечислил 800 лекарственных трав и других лекарств. Некоторые из них были хороши и до сих пор используются, но большинство были бесполезны или хуже, чем бесполезны. Разница между этими двумя классами лекарств зависела от разницы в методе определения их применения: разница, которая существовала, но еще не была понята (а именно), с одной стороны, доказательство опытом, дающее меньшему классу зачатки медицинской науки; и, с другой стороны, признание на основании поверхностного сходства или доктрины о качествах, добродетелях и признаках, которые делали больший класс по существу магическим.

Таким образом, все виды драгоценных камней и металлов считались лекарственными не потому, что было известно, что они излечивают какие-либо болезни, а потому, что в те дни казалось очевидным, что драгоценные вещи должны обладать всевозможными желательными эффектами благодаря какой-то оккультной силе. Золото, самое совершенное из всех веществ (по мнению алхимиков), должно быть, в частности, благоприятным и мощным восстанавливающим средством. Так Чосер говорит о своем Докторе физики:

“Ибо золото в физике - это сердечное средство, поэтому он особенно любит золото”.

И в настоящее время по всей Индии золото является надежным ингредиентом в любом рецепте. Вера в силу драгоценных камней, вероятно, восходит к очень древним временам; поскольку мы обнаруживаем, что в Австралии кристаллы обладают не только магической силой, но и

являются великими первичными источниками Магии, имея их внутри себя, волшебник приобретает и поддерживает свою силу.

Что касается трав, то, опять же, в то время как полезность некоторых из них, таких как хинин или сенна, была вопросом опыта, другие в равной степени ценились из чистой фантазии. Дракункулус, растение, окрашенное в различные цвета, похожие на кожу гадюки, считалось средством от всех видов змеиных укусов.[562] Индейцы чероки давали своим детям отвар из бура, чтобы укрепить их память; поскольку бур прилипает ко всему, разум человека с бур внутри него будет цепляться за любую полезную информацию. У тех же индейцев были и другие средства, которые иллюстрируют характер магической медицины. Они приготовили глистогонное средство из красных мясистых стеблей рябины, которые чем-то напоминают червей и, следовательно, должны оказывать на них определенное воздействие; и они погрузили в это варево кремневый наконечник стрелы, чтобы его острота, сообщенная вареву, могла разрезать червей на куски. Желчнокаменная болезнь, сопровождающаяся рвотой желтой желчью, излечивалась четырьмя травами — все с желтыми корнями, или стеблями, или цветками. Чтобы защититься от оспы, они ели мясо канюка: по их мнению, эта птица не подвержена оспе, потому что ее отвратительный запах удерживает дух болезни на расстоянии. Чтобы вылечить укус змеи, говорили они, потрите это место в направлении, противоположном тому, в котором змея сворачивается (вправо); потому что это то же самое, что разматывать ее.[563] Но здесь, кажется, есть некоторый пробел в мысли, поскольку как разворачивание змеи противодействует ее яду? Легко оценить ликование волшебника, которому впервые открылась эта идея, и его презрение к скучному процессу ее воплощения, когда ее место в гармонии вещей было самоочевидным.

В некоторых из этих случаев мы находим предположение (молчаливое у первобытных практиков, но явное в средневековой медицине), что “подобное вызывает подобное”: адгезия зубца передается памяти, острота кремневого наконечника стрелы - глистогонному средству, иммунитет канюка от оспы - тому, кто ест канюка. И это понятно: потому что, во-первых, есть много примеров (поверхностно рассмотренных), когда подобное вызывает подобное, таких как зарождение животных, распространение огня; горячие предметы нагревают, а холодные охлаждают и так далее; и, во-вторых, такие качества, как липкость и острота, считаются дикарями прекрасным материалом, подобным проклятиям и призракам, которые могут передаваться от одного предмета к другому. Нов других случаях предполагается, что “подобное лечит подобное”, как нутриция лечит глистов, а желтые травы желчегонные (как в Европе долгое время считалось, что куркума лечит желтуху); и это совсем другое дело — эквивалентно “подобное изгоняет подобное”. В обычном опыте, кажется, нет очевидных примеров этого; но в примитивной медицинской практике обнаружено, что разжигание уменьшает воспаление, растирание снегом полезно при обморожении, рвотное средство излечивает болезни, а понос касторовым маслом; и такова может быть эмпирическая основа этих магико-медицинских фантазий.

Сила трав может зависеть от обрядов, соблюдаемых при их сборе: когда волшебник племени чероки сорвал растение для приготовления лекарства, он бросил в лунку бусину, чтобы возместить земле кражу;[564] и когда греческий врач собирал *Панацею Асклепиона*, которая была лекарством от всех болезней, он засыпал лунку различными видами зерна в качестве компенсации земле за кражу. искупление.[565] При использовании лекарственных трав также важно помнить, *когда* их следует добывать, например, накануне летнего солнцестояния, в

новолуние или полнолуние, или при отливе; кем — ребенком или девственницей; и где — на вершине горы или у могилы. Иеработан был настолько силен, что всякий, кто натирался им, получал все, что желал; и, собирая его, вы сначала приносили земле мед в качестве искупления, затем очерчивали вокруг него железом круг и — следя за тем, чтобы на него не падали ни солнце, ни луна — при восходе Собачьей Звезды выдергивали его левой рукой и сушили отдельно в тени корень, стебель и листья. [566] Действительно, условия, при которых лекарство может быть законно приобретено для обеспечения его эффективности, могут быть настолько многочисленными, мелкими и неотложными, что выполнение их практически невозможно; поэтому нам не нужно удивляться, что лекарство иногда дает сбой. Рецепты часто включают мякоть или соки мертвых тел, или их растертые кости, или другие отвратительные ингредиенты, связанные с Черной магией, которым очень доверяют и которые все еще являются традиционными в некоторых слоях населения этой страны, где неопровержимо верят, что лекарство, чем оно противнее, тем эффективнее.

Если кто-то и задается вопросом, как такие рецепты могли сохраняться на протяжении веков, то это потому, что пациенты не всегда умирали. Выздоровление приписывали радикальной медицине, а смерть - злой Магии; и *vis medicatrix naturæ*, этот верный союзник честной медицины, иногда оказывался слишком сильным для всей фармакопеи волшебника.

(b) Опять же, волшебник - хирург, и он кое-что знает о строении и работе человеческого тела, и это начало Анатомии и физиологии. Он был особенно хорошо информирован в этих вопросах в такой стране, как Фиджи, где у него был доступ к двум великим источникам анатомических знаний — частым войнам и каннибализму. Он также знает определенные способы лечения ран и других повреждений, такие как повязки, лигатуры, шины, перевязки, массаж и разжигания, которые все допускают рациональное развитие и постоянно практикуются по сей день. Если бы он был доволен фактами, все могло бы быть хорошо; но он испытывает искушение распространить свои методы в различных направлениях на случаи, которые, по очень незначительным причинам, он считает похожими. Наиболее известным примером ошибочного расширения по аналогии со звуковым методом является лечение сосанием. Это практикуется или было применено во всем мире и, очевидно, основано на доказанной полезности отсасывания при извлечении из плоти шипов или ядов. В Австралии от укуса змеи иногда лечат, посасывая рану и прополаскивая рот водой. [567] Но операция постепенно применяется и к другим случаям, пока, какую бы боль вы ни испытывали, ее не приписывают чему-то вроде яда, или шипу (или, позже, духу), который проник внутрь вас, хотя и через невидимую рану, и может быть высосан. Волшебник, соответственно, берется высосать его, и иногда он показывает его вам — кусочек дерева или кости, который он принес к вашей постели за поясом. Иногда знахарь наслаждается огромной сосательной силой, имея ящерицу в своем собственном теле. [568]

Для извлечения инородного тела из человека альтернативным всасыванию методом является давление. Мистер Хауитт [569] сообщает о замечательном рецепте для лечения головной боли. Вырежьте из земли круглый дерн, положите голову пострадавшего в яму и накройте его голову дерном; затем сядьте или встаньте на него. Вскоре он может заявить, что чувствует облегчение; но, возможно, он только желает этого. Это факт, что пациент иногда чувствует себя лучше после такого лечения, хотя причиной его боли не было ничего, что могло бы поддаться всасыванию или давлению: иными словами, его разум поддается внушению. Но не все дикари одинаково внушаемы, не больше, чем мы. Доктор Коддрингтон говорит [570] что на острове Пятидесятницы ведьмы утверждают, что лечат боль припаркой из листьев, а снимая ее, устраняют причину

боли, возможно, змею или ящерицу. “Но, ” сказал туземец, - никто не видит этих вещей, кроме женщины, а боль остается” — один из этих беспокойных скептиков! Тем не менее, возможно, что если бы он только что перенес операцию, он бы не отрицал, что боль стала лучше. Между внушаемостью и здравым суждением существует определенное состояние ума, а именно согласие: нежелание или неготовность сформировать или изложить свое собственное мнение и, следовательно, видимость согласия с утверждением другого. Возникает замешательство и конфликт, от которых легче всего избавиться согласием. Это состояние ума для непосредственной работы знахаря или оратора может служить так же, как и внушаемость; но может вскоре пройти, когда к пациенту возвращаются его способности, и его следует отличать от внушаемости, которая создает относительно постоянное впечатление от претензий шарлатана. Сила внушения, однако, является одним из фактов, которые наблюдал волшебник, и он рассчитывает на ее помощь. Он также научился практиковать гипноз; и, видя, насколько таинственными были эти вещи для самых просвещенных современников, нам не нужно удивляться, что он использует их в магической терапии — танцы, барабанный бой, крики, чтобы подавить своего пациента и заставить себя проявить максимум энергии. Вероятно, нигде во всем его творчестве разница между Реальностью и Магией не была столь неясна для него самого.

Таким образом, волшебник, выполняя свои медицинские функции (и другие), приобрел определенное эмпирическое знание некоторых неясных фактов из психологии, и это знание сохранилось в его профессии в темных кругах до нашего времени; но с ростом позитивной науки ее таинственность была ошибочно принята за шарлатанство, до совсем недавнего времени, когда факты сами привлекли внимание некоторых людей, которым требовалось большое мужество, чтобы признаться в своих убеждениях. Грубая физиологическая психология также возникла в результате жестокого наблюдения связи между возбуждениями тела и разума. Очень рано различные умственные способности — умение, смелость, привязанность — были локализованы в особых частях тела — сердце, селезенке, почках, кишечнике, — как они до сих пор называются на популярном языке. Помимо простого наблюдения о том, что кишечник и сердце нарушаются во время эмоций (что верно и важно), эти доктрины не являются Наукой; и не совсем Магией, но принадлежат к области идей, вспомогательных Магии, — идей о качествах как материальных вещах. Дикарь, всегда стремящийся применить свои предполагаемые знания на практике, использует свою физиологическую психологию для совершенствования своего ума и не упускает возможности съесть сердце, селезенку, почку, язык или глаз врага (или, возможно, родственника), чтобы присвоить качества, которыми отличался покойный.

(с) Дикари (как мы видели в главе о предзнаменованиях) знакомы с великим множеством природных примет, по которым можно судить о вещах, которых сейчас нет, но которые произошли или вот-вот произойдут. Каждый охотник должен обладать большим запасом таких знаний, поскольку от этого полностью зависит охота на дичь. Это знание природных признаков является, с одной стороны, подлинным вкладом в естественную историю; оно приумножается, передается из поколения в поколение и составляет ядро ботаники и зоологии. Но, с другой стороны, на нем воспитывается, под влиянием надежды и страха, вера в Приметы, которые предупреждают о хорошем или плохом успехе во всех делах жизни. Предзнаменования, сначала просто знаки, таинственным образом связанные с событиями, позже рассматриваются как послания духов или богов, чьи оракулы предсказывают судьбу героев и народов. Поначалу, возможно, волшебник может сделать не больше, чем другие соплеменники, для

распространения этого конкретного суеверия; но именно он овладел великим искусством Предсказания, без которого Предзнаменования имели бы гораздо меньшее значение.

Самая известная отрасль гадания, а именно астрология, была изобретением сравнительно поздней эпохи, и ей, конечно, задолго до этого было открыто зачатки астрономии как части общего смысла ведения сельского хозяйства: некоторые знания о регулярности движения солнца и Луны и о постоянстве расположения звезд по сравнению с планетами. Это явно предполагается всеобъемлющей системой предсказаний, основанных на симпатической магии, произвольных предположениях и причудливых аналогиях, которые на протяжении последних четырех или пяти тысяч лет обещали раскрыть любой матери дальнейшую судьбу ее ребенка или любому монарху будущее его королевства. Но то, что сейчас кажется причудливым или произвольным, когда-то казалось разумным. Солнце явно управляет всеми вещами; прибывание и убывание луны должно усиливать и ослаблять все вещи; знаки Зодиака, несомненно, связаны со временами года; планеты обладают природой богов.^[571] Если боги существуют, у них должен, как утверждали стоики, быть какой-то способ общения с людьми; и какой способ может быть более соответствующим их природе, чем написание на поверхности небес? Но в целом идеи астрологии были скорее магическими, чем анимистическими. Определив силы и расположения небесных тел, давайте рассмотрим только то, что обязательно должно вытекать из их влияний в соединении или оппозиции и различных соотношений в трине, кватриле и секстиле. Таким образом, они мечтали и размышляли, но в то же время производили множество точных наблюдений за небом. И таким образом, астрономия достигла некоторого прогресса, несмотря на Магию.

(d) Более широко распространенным, чем астрология, и гораздо более древним является искусство управления погодой, особенно дождем; поскольку дождь, из-за его неопределенности во многих странах и его незаменимости, вызывает более глубокий интерес и тревогу, чем даже само солнце. “Вызывание дождя”, как его называют, распространенное в Австралии и других регионах с низкой культурой, выживает, когда общество поднимается на более высокие уровни, становится функцией самых выдающихся волшебников или священников, иногда обязанностью королей, и не вымерло среди нас. Но из какого знания фактов или здравого смысла можно вывести “вызывание дождя”? Я предполагаю, что это было из фактов, наблюдаемых в поведении огня.

Добывание огня было первым великим химическим экспериментом и основой всей химии. Создав огонь, самое замечательное из всех достижений, было бы мало поводов для удивления, если бы люди тогда подумали, что они также могут вызывать дождь; но, вероятно, они никогда так не думали. Мне кажется неправильным описывать обряды дождя как попытки “вызвать” дождь; ибо они явно направлены не на то, чтобы вызвать, спровоцировать или распространить его. Нам недвусмысленно говорят, что свази пытаются вызвать дождь, подбрасывая воду высоко в воздух, ожидая, что падающие капли будут стимулировать облака в согласии с ними.^[572] Можно сказать, что дикари “добывают” огонь; ибо пока они не натрут свои палочки или не постучат кремнями друг о друга, огня не существует. Но при так называемом “вызывании” дождя почти всегда для начала нужно немного воды; и суть обряда дождя заключается в разбрызгивании воды в воздухе или в выливании ее, иногда на определенный камень или на конкретного человека, со многими вариациями. В редких случаях о воде забывали: курнаи вместо воды пускают кровь и выбрасывают в воздух облака; но в другом ритуале они наполняют рот водой и брызгают ею в ту или иную сторону (в зависимости от клана)

и поют заклинание: чтобы остановить дождь, они бросают вверх огненные палочки.[573] Те, кто практикует такие ритуалы, надеются, что пролитие небольшого количества воды вызовет сильное падение или излияние воды, а именно дождь; и это согласуется с тем фактом, что волшебник будет действовать только тогда, когда приближается сезон дождей. Теперь, это разжигание многого понемногу, на самом деле, не аналогично *добыванию* огня; но это аналогично распространению огня; когда, произведя несколько искр, они распространяются через трут на дрова, и оттуда пожар может быть передан прерии или лесу. Таким образом, моя гипотеза заключается в том, что не создание (которое никогда не предпринимается), а вызывание или распространение дождя основано на аналогии с распространением огня и относится к классу образцовых или стимулирующих обрядов; которые следует понимать не как намерение установить прямую причинность событий, а скорее как побуждение Природы вызвать это: класс, описанный в [главе IV. § 8](#), такой как увеличение урожая с помощью обрядов плодородия или обеспечение успешной охоты или ведения войны с помощью драматического танца.

Поскольку ритуалы дождя очень часто не достигают своей цели, волшебнику грозит потеря репутации или какая-нибудь худшая участь. Поэтому его внимание привлекается к признакам погоды, характеру и смене времен года, связи дождя с видом неба и направлением ветра; так что он учится действовать на случай дождя только тогда, когда его можно разумно ожидать. Затем он изложил основы метеорологии, но путем наблюдений, а не фокусов-покусов.

§ 3. Почему Магия кажется Источником Науки

Таким образом, Наука ни в коем случае не является производной от Магии, но Наука, с одной стороны, и Магия, с другой, отличаются от здравого смысла,[574] и наука гораздо ближе к здравому смыслу, чем Магия, поскольку они состоят из одной и той же субстанции и различаются только формально. И в этом смысле она более ранняя, чем Магия, а иногда и формально более ранняя, как в случае с Астрономией и астрологией. Иллюзия, что Магия возникла раньше, возникает из-за неправильного толкования двух фактов: (а) Магия и Наука, по большей части и на протяжении многих веков, разрабатывались одними и теми же людьми — магами или священниками; и все, что они делают, ошибочно принимается за Магию, даже ими самими. И (b) Магия в большинстве своих отраслей претерпевает огромное развитие, в то время как Науки остаются рудиментарными; стареют и даже дряхлеют, пока они все еще находятся в зачаточном состоянии; так что, впервые попав в поле зрения общественности, они, кажется, выходят из матрицы Магии.

Причин относительной отсталости науки, опять же, в основном три: (а) Веками она находилась в руках волшебников, которые, хотя и высоко ценили знания, в основном стремились к власти и пророчествам. Это правда, что Наука дает власть, и надежда на власть является разумным стимулом для изучения науки; но это должен быть отдаленный стимул, строго исключенный из реальной исследовательской работы. Там, если истина не является единственной целью, процедура не будет чистой, будет ограничена непосредственной полезностью. Но это недавнее открытие. У волшебника нет таких идей: им управляют его желания и традиции. Следовательно, для проверки он довольствуется совпадениями; негативными примерами он пренебрегает или рассматривает неудачу просто как повод для оправданий. Он принимает связь событий, удаленных в пространстве и времени, и очень медленно осознает необходимость связывать события в как можно более тесной последовательности. Более того, поскольку он не понимает

даже известных ему фактов (таких как добывание огня), таинственность любой связи событий не является препятствием для его принятия этого; по мере роста магической стороны его практики растет и ее таинственность; пока, наконец, таинственность не становится убедительной рекомендацией и не становится признаком апперцептивной массы, которая усваивает и подтверждает все магические верования. Такое состояние ума всегда оказывает сильное сопротивление позитивным объяснениям.

(b) Другой причиной отсталости науки является медленное прояснение идеи Причинно—следственной связи, долгое время затемняемой впечатляющими совпадениями и ошибочными представлениями о магических и духовных силах: процесс все еще незавершенный. До тех пор, пока эта идея не достигла значительного прогресса в определенности (скажем, в древности с Архимедом, а в наше время с Галилеем), было невозможно понять необходимость анализа и исключения, испытывать абсолютное уважение к негативным примерам и всегда рассматривать любой пробел в серии событий как мгновенную проблему. И, наконец (c), для научного прогресса было необходимо отказаться от рассуждений по аналогии и открыть методологию параллельных и уравнительных рассуждений с аппаратом, который делает возможным точное исследование.

По мере того, как Науки становятся все более всеобъемлющими, точными и сплоченными, они образуют свою собственную апперцептивную массу, ассимиляция с которой является высшей проверкой всех соответствующих верований; и это, вместе с методологией, которая стала привычкой ума, имеет тенденцию создавать социальную атмосферу, в которой Магия больше не мыслима. Точные привычки мышления в торговле и промышленности в значительной степени способствуют этому результату. Поэтому мы испытываем искушение высмеять наших невежественных предшественников; но изучение условий их жизни показывает, что темнота была их виной не больше, чем просветление - нашей заслугой.

Ближайший подход, который может быть правдиво сделан к положению о том, что наука происходит от Магии, состоит в том, чтобы сказать, что ученый произошел от волшебника (или волшебника-священника) в той стороне его деятельности, в которой он полагался на фрагменты позитивного знания; но это, по своей природе, всегда противоречило его Магии. В течение тысячелетий некоторые люди стали больше интересоваться позитивной, чем магической стороной своей профессии, и стали учеными; в то время как другие придерживались причудливого и мистического. Примечательно, что подобно тому, как скептики встречаются в самых неожиданных кругах, так и чистых ученых иногда можно встретить как институт в варварских или даже дикарских сообществах. В племени банту есть класс врачей, которые не претендуют на силу с помощью духов или магии, но без всяких церемоний раздают несколько хорошо известных лекарств - алоэ, пух vomica, касторовое масло, корень папоротника, ревень и кору различных деревьев, слабительное или рвотное.[575] У канья на Борнео есть предсказатель погоды, который определяет подходящее время для посева; ожидается, что он не будет возделывать пади, но его обеспечивают остальные жители деревни. Не зная, сколько дней в году, и обнаружив, что времена года не соответствуют какому-либо определенному количеству лунных месяцев, он полностью полагается на наблюдение за высотой солнца с помощью вертикального шеста, верхний конец которого вырезан в виде человеческой фигуры.[576] Кроме резьбы на его шесте, нет ничего, указывающего на то, что Магия или анимизм нарушают метод этого Королевского астронома. Следовательно, приключение, хотя и самое удивительное, не имеет аналогов в более скромном мире, благодаря которому

выдающиеся граждане среди греческих мирян, с умами, почти свободными от Магии и анимизма, навсегда утвердили Философию и естественные науки как свободные науки.

§ 4. Анимизм и наука

Анимизм противостоит Науке, так же как и Магии,^[577] своим неприятием единообразия. Дух, действительно, обладает некоторым характером (хотя он может быть очень слабо выражен), ибо он является человеческим призраком или уподобляется ему. Но хотя предполагается, что у него есть причины для своих действий, они часто непонятны. До тех пор, пока он не попадет под контроль магических ритуалов и формул, он может отвергать подношения и молитвы, как будто руководствуясь чистым капризом или свободной волей. Его вмешательства неисчислимы. Следовательно, он может быть невидимым действующим лицом во всем, что происходит; и у него формируется привычка возлагать на него или на кого-то из ему подобных все происшествия, причина которых не очевидна: болезни, смерти, бури, засухи, шум в лесу, необычное поведение животных. Духовное существо с его телом из душевной материи, способное принимать любую форму, материальная вещь, обладающая механической силой, - нет ничего, что не могло бы быть ему приписано. Но, будучи полностью воображаемым, его предполагаемое действие может удовлетворить воображение только путем усвоения каждого вмешательства анимистической апперцептивной массой. Его никогда не видят и не знают, что он совершает какое-либо из приписываемых ему действий; для понимания, основанного на восприятии, классификации и анализе восприятий, это ничто. Более того, поскольку действия духа совершаются по свободной воле, или без мотивации, или по чистому капризу, нет четкого представления даже о духовной причине. Когда человек, страдающий болезнью или слышащий незнакомый шум, относит это к духу, в его голове обычно нет ничего, кроме слова с неясным значением и чувства благоговения, удивления или ужаса. Он не продвинулся дальше в понимании этого факта, и любопытство парализовано. Следовательно, сказать “это сделал дух” становится средством избежать труда объяснения; это хороший пример “принципа наименьшего усилия”. Но его ум может работать и в другом направлении. Он полон страха, а беспредметный страх должен порождать опасность, что легко сделать, предположив, что дух был движим гневом. Тогда, должно быть, было сделано что-то, что привело его в ярость: табу было нарушено, его обрядами пренебрегли, был совершен грех - в соответствии с обычаями племени. Должна быть проведена люстрация, умилоствление, искупление, возможно, с ужасающей жестокостью. Опять же, тогда, можем ли мы сказать, что человека отвлекли от важного расследования причин болезней или засухи? Но это смешно: как он может взяться за такую задачу? Трагедия мира в том, что на протяжении тысячелетий спекулятивные способности человека — некоторых людей — расширились, не имея никакой возможности, за исключением классической эпохи, отличать смысл от бессмыслицы. Поэтому, оглядываясь назад, мы повсюду видим суеверия и царство тьмы.

Анимизм никогда не мог напрямую обогатить Науку каким-либо одним естественным законом; но косвенно он послужил толчком ко многим исследованиям. С развитием религии строительство храмов и регулирование жертвоприношений и праздников в соответствии с их сезонами потребовали, по крайней мере, эмпирического изучения геометрии, арифметики и астрономии; а сохранение древнего языка священных формул ритуала требовало знания просодии, фонетики и грамматики. На протяжении тысячелетий эрудиция была ограничена жреческими орденами. Они также практиковали или были главными покровителями всех изящных искусств, архитектуры, Скульптуры, живописи, музыки и поэзии; и благодаря своей

связи с правительством они оставили в Египте и Ассирии памятники и надписи, историю или материалы по истории. Косвенно прогресс ментальной культуры, как в обучении, так и в эстетике, почти полностью зависел от развития анимизма; а это, в свою очередь, зависело от помощи, которую анимизм оказывал правительству и распространению закона и порядка, какими бы несовершенными они ни были, на обширные регионы земли. Это фундаментальная полезность, которой служат сначала Магия, а затем и анимизм, и ради которой — бессознательно, конечно — они возникают и преобладают. Человечество было покорено воображением; потому что народы, которые обладали воображением, необходимым для их политической организации и сотрудничества, имели преимущество перед другими.

Мы должны уточнить это, заметив, что другие представления, такие как преданность Семье и патриотизм, гораздо более прочные, чем анимизм, оказали огромное и растущее влияние на солидарность и цивилизацию некоторых ветвей человеческой расы, особенно нордической.

Философия почерпнула из анимизма большинство своих проблем — свободу воли и предопределение, конечные причины, творение и чудеса, эманацию и интуицию, идеализм и материализм, бессмертие, бытие и атрибуты Бога, вечность, бесконечность — в некоторых из которых, действительно, глубоко задействованы магические идеи: все они являются упражнениями самых выдающихся умов, упражнениями столь восхитительными и столь разочаровывающими. Рассматривая их источник, мы не можем удивляться тому, что эти проблемы остаются проблемами и что философские дискуссии в последние годы перешли от них к вопросам, касающимся теории познания.

Изучающий происхождение человека не обязан предсказывать будущее. К счастью: по ряду соображений задача кажется совершенно невыполнимой. Из них я упомяну три: (а) В то время как нации до сих пор подчинялись закону и порядку и обеспечивали их соблюдение, а также предпринимали дорогостоящие работы, полезные или великолепные, в значительной степени под влиянием анимистических иллюзий, теперь повсюду заметно, в более цивилизованных странах, что эти иллюзии рассеиваются, и очень трудно судить, как люди будут вести себя, когда их не станет. Действительно, верно, что наша обычная трудовая жизнь всегда зависела главным образом от здравого смысла, знания фактов в пределах обычного опыта и памяти. Анимистические или магические обряды и церемонии, связанные с трудовой жизнью, возможно, и повышали доверие и поощряли сотрудничество работников, но не были обязательными; хотя связь Магии с промышленностью, кажется, иногда становилась настолько тесной, что забыть о Магии означало разрушить промышленность. Однако, когда мы обращаемся к тем условиям социальной жизни, которые находятся за пределами компетенции здравого смысла, таким как сохранение племенных традиций и солидарности, а также будущее процветание, лояльность королю и повиновение его офицерам, становится ясно, что для усиления интересов целого против тенденции самоутверждения индивида преодолеть свои социальные установки требовалось нечто иное, чем здравый смысл, и что этот контроль был обнаружен главным образом в религии. Верно также, что в настоящее время, в то время как некоторые верования относительно сверхъестественных вещей утрачены, другие возрождаются; но исчезающие верования благородны и почитаемы и приобрели огромную общественную силу и авторитет; в то время как те, которые сейчас рьяно пропагандируются,

являются грубым увлечением шарлатанов, на уровне анимизма австралийского знахаря и, действительно, намного ниже его, поскольку не имеют морального влияния или авторитета. То, что из этого должно получиться, настолько сомнительно, что может обескуражить человека в отношении будущего мира.

(b) Размышления о легкомыслии, с которым воображаемые верования ускользают и теряются, или принимаются и перенимаются, ни при каких обстоятельствах, из простой поверхностности души, выдвигают на первый план второе соображение, которое делает будущее непредсказуемым, а именно, низкое среднее развитие человечества как в интеллекте, так и в характере. Это следствие того, что мы зависели, вероятно, с самого начала, от лидеров. Стае или племени требовалось достаточное разнообразие, чтобы произвести способных лидеров, и достаточная средняя способность следовать за ними и поддерживать их в толпе. Естественный отбор, следовательно, действовал первым, производя изменчивость; и все племена, даже самые низшие, производят относительно выдающихся людей. Средний интеллект или способности толпы, в которой индивидуальность может быть утрачена, гораздо менее важны. В результате каждая нация имеет свое военное дело, организацию промышленности, науку, изобретения, литературу и искусство, обеспечиваемые небольшим числом граждан; остальные пополняют ряды и учатся тому, чему их учат. Таким образом, ведущие страны за последние годы добились замечательного прогресса в науке и во всем, что может быть сделано с помощью машин; но нет никаких оснований предполагать, что что-либо было сделано для повышения среднего уровня интеллекта и характера; и в отсутствие этого, по моему мнению, ничего не было сделано для продвижения цивилизации. Мир ничуть не защищен от войны, революции, демагогии, деспотизма, вырождения. Величайшие усовершенствования были сделаны в средствах разрушения; следующим мы можем поставить изобретение летательных аппаратов; и их главным применением было разрушение. Разрушение теперь приостанавливается не потому, что антагонисты пресыщены; они просто истощены; и в мире больше ненависти, чем когда-либо прежде. Как же тогда нам судить о грядущем?

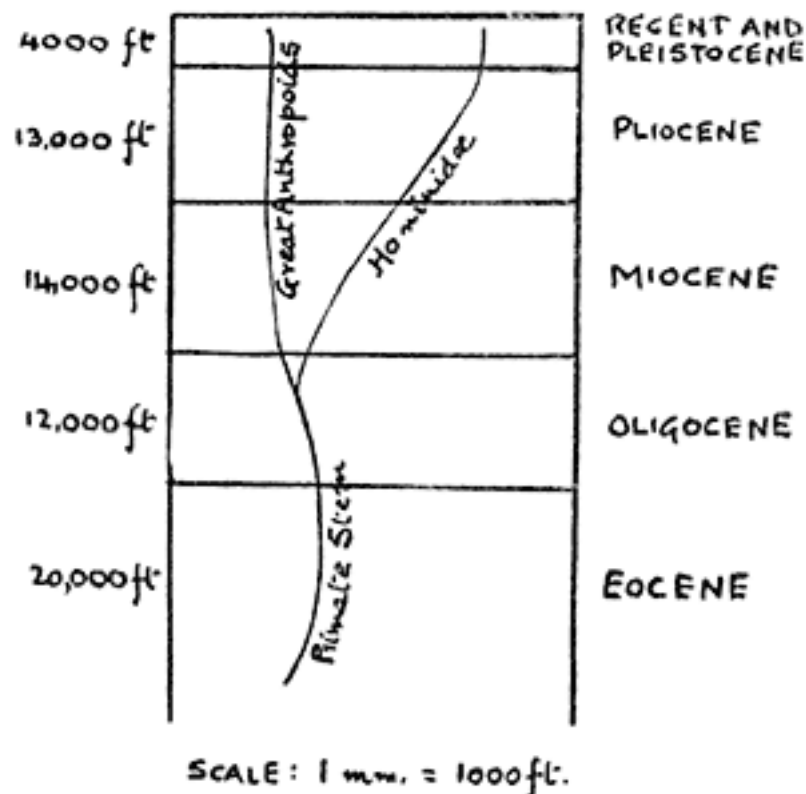
(c) Говоря о среднем человеке, мы обычно имеем в виду среднего европейца и североамериканца; но при рассмотрении того, каких изменений можно ожидать в мире, нельзя упускать из виду население Индии (800 000 000), Китая (350 000 000) и миллионы жителей остальной Азии, Восточного архипелага, Африки и Южной Америки; и их включение не повышает средний показатель. Каков будет их вклад в историю? Есть два рациональных предложения для повышения среднего уровня, а именно евгеника и преднамеренное устранение непригодных; и есть 1 600 000 000 человек, на которых можно оперировать.

Любой, кто страстно желает предвидеть будущее нашей расы, может посочувствовать древним. Поезжайте, наведите справки в Дельфах или Додоне; или поспите в Стоунхендже, или у гробницы Мерлина, или у курганов в Упсале и помечтайте о грядущем; или обратитесь к звездам, предскажите рождение Ликопитека и прочтите на небесах судьбу его потомства. Если эти методы не очень обнадеживают, любой из них все равно что угадывать. Единственное надежное объяснение заключается в том, что тот, кто проживет дольше всех, увидит больше всех.

СНОСКИ:

[1] Это было предложено мне мистером Г. А. Гарфиттом.

[2]

Предполагаемая продолжительность кайнозойского периода, предполагающая, что толщина отложений составляет около 63 000 футов и что отложения накапливаются со скоростью 1 фут за 100 лет. Нарисовано в масштабе от 1 мм. до 100 000 лет. Оценка дана и объяснена профессором. Соллас в Ежеквартальном журнале Геологического общества, LXV. (1909). “Дерево” основано на том, что дано доктором А. Китом в книге “Древность человека”, стр. 509.

Если мы предположим, что дифференциация *гоминид* началась до окончания олигоцена, то для эволюции существующего вида человека отводится около (скажем) 3 500 000 лет. Все эти расчеты носят предварительный характер.

[3] Предположение о том, что Человек с самого начала был охотником, было высказано несколькими авторами; но последствия этого предположения никогда (насколько я знаю) не были проработаны. У А. Р. Уоллеса в книге “Дарвинизм” (стр. 459) есть следующий отрывок: “Человекообразные обезьяны, как и большая часть обезьяньего племени, по своей структуре в основном древесные, тогда как главной отличительной чертой человека является его особая адаптация к наземному передвижению. Поэтому мы вряд ли можем предположить, что он происходил из лесной местности, где плоды, добываемые путем лазания, являются основной растительной пищей. Более вероятно, что он начал свое существование на открытых равнинах на высоких плато умеренного или субтропического пояса, где семена местных злаков,

многочисленные травоядные животные, грызуны, охотничьи птицы, а также рыба и моллюски в озерах, реках и морях обеспечивали его изобилием разнообразной пищи. В таком регионе он развил бы навыки охотника, траппера или рыбака, а позже — пастуха и земледельца - последовательность, признаки которой мы находим в палеолитических и неолитических расах Европы ”.

Профессор. Макбрайд в своем популярном введении в зоологию (стр. 84) также связывает специализацию человека с охотничьей жизнью.

My friend Mr. Thomas Whittaker has sent me the following extract from Comte's *Politique Positive*, I. pp. 604-5: "L'obligation de se nourrir d'une proie qu'il faut atteindre et vaincre, perfectionne à la fois tous les attributs animaux, tant intérieurs qu'extérieurs. Son influence envers les sens et les muscles est trop évidente pour exiger ici aucun examen. Par sa réaction habituelle sur les plus hautes fonctions du cerveau, elle développe également l'intelligence et l'activité, dont le premier essor lui est toujours dû, même chez notre espèce. A tous ces titres, cette nécessité modifie aussi les races qui en sont victimes, d'après les efforts moins énergiques, mais plus continus, qu'elle y provoque pour leur défense. Dans les deux cas, et surtout quant à l'attaque, elle détermine même les premières habitudes de co-opération active, au moins temporaire. Bornées à la simple famille chez les espèces insociables, ces ligues peuvent ailleurs embrasser quelquefois de nombreuses troupes. Ainsi commencent, parmi les animaux, des impulsions et des aptitudes qui ne pouvaient se développer que d'après la continuité propre à la race la plus sociable et la plus intelligente. Enfin, la condition carnassière doit aussi être appréciée dans sa réaction organique. Une plus forte excitation, une digestion moins laborieuse et plus rapide, une assimilation plus complète produisant un sang plus stimulant: telles sont ses propriétés physiologiques. Toutes concourent à développer les fonctions supérieures, soit en augmentant l'énergie de leurs organes, soit en procurant plus de temps pour leur exercice."

[4] Ф. Вуд Джонс, *Древесный человек*, стр. 117-22.

[5] На эти параграфы—(3), (4), (5), (6), (7)— смотрите "Происхождение человека" Дарвина, 2-е изд., стр. 49-54: откуда, конечно, я свободно позаимствовал.

[6] Могут быть приведены многочисленные ссылки, из которых я выбираю Хагенбек, "Звери и люди", стр. 63.

[7] Р. Л. Гарнер, "Гориллы и шимпанзе", глава vi.: где упоминаются такие значения, как "еда", "призыв к кому-либо", "привязанность", "хороший" (говорится, я полагаю, о еде), "предупреждающие крики", "холод или дискомфорт", "питье", "болезнь", "мертвый": весь словарь, пожалуй, не более двадцати знаков. Ценность работы Гарнера оспаривается.

[8] *Естественный отбор*, стр. 193.

[9] Эйвбери, *Доисторические времена*, 7-е изд., стр. 578.

[10] Спенсер и Гиллен, *Северные племена Центральной Австралии*, стр. 619.

[11] Самоа Тернера, стр. 285.

[12] Указ. соч., стр. 579.

- [13] Примитивный брак, глава ii.
- [14] Происхождение человека, 2-е изд., стр. 595-604.
- [15] Парерга и Паралипомены, Б. II, глава 27.
- [16] Натуралист из Никарагуа, глава xi.
- [17] Указ. соч., стр. 57.
- [18] Естественный отбор, стр. 195-7.
- [19] Сообщалось также о существовании голых пород собак в Китае, Маниле и Южной Африке; но я не могу узнать о них никаких подробностей.
- [20] У. Э. Линг Рот, Этнология Северного Квинсленда, Бюллетень V. § 81.
- [21] А. Кит, Древность человека, стр. 134.
- [22] М. А. Чаплицкая, "Мой сибирский год", стр. 230.
- [23] Рипли, "Расы Европы", стр. 76-7.
- [24] Дарвин, Одомашниваемые животные и растения, Поп. изд., II. стр. 308.
- [25] Содержание этого раздела выходит за рамки моих собственных исследований и взято из различных книг по геологии и палеонтологии. Возраст Осборна млекопитающих (1910) и профессор Наземные млекопитающие Скотта в Западном полушарии (1913). Я также извлек пользу, осмотрев Палеонтологическую галерею в Южном Кенсингтоне с помощью ее превосходного путеводителя.
- [26] А. Кит, Человеческое тело, стр. 58.
- [27] Путешествия и исследования в Западной Африке, глава vii.
- [28] Смотрите "Древность человека" Артура Кита.
- [29] Малайский архипелаг, стр. 46-7.
- [30] Однако, согласно Р. Л. Гарнеру, и гориллы, и шимпанзе полигамны. См. Гориллы и шимпанзе, стр. 54 и 214.
- [31] Эта точка зрения не противоречит предположению, которое я где-то видел, что коллекционирование женщинами, в то время как мужчины охотились, могло на каком-то этапе привести к приобретению собственности и одомашниванию растений и животных. Опять же, пастушеские и сельскохозяйственные состояния не обязательно сменяют друг друга: это зависит от местных условий. Превосходный обзор постепенного развития первобытной культуры и трудностей, с которыми она столкнулась, см. В книге Х. Спенсера "Промышленные институты, Принципы социологии", том. III.
- [32] Охотники на лис, безусловно, верят, что лиса кормит свою лисицу, когда она занята их семьей, и что "если лисицу убить, она будет сама воспитывать семью". - Томас Ф. Дейл, "Лиса", стр. 12, 13.

В этом нет ничего невероятного — как и в отношении волков. Может ли лисица самостоятельно обеспечивать себя и выводить потомство? Если нет, это должна сделать собака: иначе здесь не могло бы быть ни лис, ни волков.

Однако де Кантелеу отрицает, что волк принимает какое-либо участие в воспитании детенышей (La Chasse du Loup, стр. 30).

[33] У. П. Пайкрафт в своей книге “Занимательное ухаживание за животными”, предположив, что человек стал охотником ради острых ощущений, которые давала такая жизнь, продолжает (стр. 23): “Немного позже он осознал преимущества добрососедства, в основном ради большей легкости, с которой животные, участвующие в охоте, могли быть пойманы их совместными усилиями ; но это породило товарищество и некоторые из милостей, которые вытекают из него”.

[34] Происхождение человека, глава хх.

[35] См. выше, сноску на стр. 32.

[36] Эйвбери, Доисторические времена, 7-е изд., стр. 580.

[37] Исследования человеческих способностей, стр. 262.

[38] Охотничьи походы в Северной Америке, стр. 349.

[39] Г. В. Стоун, Коренные народы Южной Африки, стр. 91.

[40] Арктические прерии, стр. 20.

[41] Шассе-дю-Лу, стр. 21.

[42] Истории жизни северных животных, стр. 755.

[43] Дикие звери Индии, стр. 275-6. Ср. Кассерли, Жизнь на индийском аванпосте, стр. 94-5. Брем пишет в Тирлебене, что в России волки нападают на медведя и убивают его.

[44] Истории жизни северных животных, стр. 754.

[45] Натуралист из Ла-Платы, стр. 346.

[46] Развлечения американского охотника на свежем воздухе, стр. 70.

[47] Указ. соч., стр. 336-7.

[48] Хайрам С. Максим, Моя жизнь, стр. 57.

[49] Спенсер и Гиллен, По всей Австралии, стр. 388.

[50] Указ. соч., стр. 6-7.

[51] Указ. соч., стр. 78.

[52] Малайский архипелаг, стр. 43.

[53] Смотрите Отчет Британской ассоциации, 1900, стр. 711-30. С тех пор автор пересмотрел свои оценки, определив гораздо большую глубину залегания плиоценовых и миоценовых

отложений и пропорционально большее время для их формирования. См. Ежеквартальный журнал Геологического общества, LXV. (1909).

[54] Реконструкция доктора Смита Вудворда дает черепу эоантропа вместимость около 1300 куб.см.

[55] Смотрите Описание испытуемого образца Рэем Ланкестером. R.A.I., Отдельные статьи, № 4.

[56] Книга VII. главы. 69, 71, 74.

[57] Э. Томпсон Сетон, "Арктические прерии", стр. 304 и 352.

[58] Указ. соч., стр. 151, 239, 476.

[59] Древность человека, стр. 268.

[60] А. Кейт, указ. соч., стр. 408.

[61] Указ. соч., стр. 452.

[62] Указ. соч., стр. 414.

[63] Культы, мифы и религии, III. стр. 430.

[64] Примитивный брак, глава iii.

[65] Истории жизни северных животных, стр. 757.

[66] См. выше, § 3 (4), [сноска](#), стр. 37.

[67] Спенсер и Гиллен, По всей Австралии, стр. 198.

[68] Г. В. Стоун, Коренные народы Южной Африки, стр. 33.

[69] Происхождение человека, глава iii.

[70] Э. Томпсон Сетон, "Истории жизни северных животных", стр. 769.

[71] Э. Вестермарк, Происхождение и развитие моральных идей, II. стр. 52.

[72] Спенсер и Гиллен, коренные племена Северной территории Австралии, стр. 27.

[73] Королевская естественная история, I. стр. 72-3.

[74] Происхождение человека, глава iii.

[75] Спенсер и Гиллен, По всей Австралии, стр. 200.

[76] Принципы социологии, Том II.

[77] Человекообразные обезьяны, стр. 294-5.

[78] Происхождение человека, глава iv.

[79] Проповеди о природе человека.

[80] Стадный инстинкт.

[81] Тайлор, примитивная культура, II. стр. 89.

[82] А. Кейт, указ. соч., стр. 429.

[83] Г. М. Тил, История и этнология Южной Африки, стр. 11.

[84] Г. В. Стоун, Коренные народы Южной Африки, стр. 76.

[85] Трактат о природе человека, часть III. § 7. О современной психологии веры читайте в книге Джеймса Салли "Человеческий разум", глава xiii, и в книге Джеймса Уорда "Психологические принципы", глава xiv.

[86] См. ниже, глава viii. § 5.

[87] Логика чувств, II. § 4.

[88] Les Fonctions Mentales dans les Sociétés Inférieures, p. 40.

[89] Британский журнал психологии, Том I. стр. 393.

[90] Северные племена Центральной Австралии, стр. 462.

[91] Меланезийцы, стр. 247.

[92] Ниже, глава viii. § 4.

[93] Глава iv. § 8.

[94] Предполагая, что магических сил не существует, я не имею в виду, что фокусник не обладает профессиональными способностями, но что те реальные силы, которыми он обладает, не являются магическими.

[95] Чаплицкая, "Мой сибирский год", стр. 94. Другие примеры у Романцев, "Ментальная эволюция человека", стр. 351-3.

[96] Разум первобытного человека, Т. с. 150-52.

[97] Социологическое обозрение, январь 1910 г., стр. 9.

[98] Цитируется Фрейзером, "Духи кукурузы и дикой природы", I. стр. 105.

[99] У. Эллис, Полинезийские исследования, II. стр. 216

[100] Ф. М. Корнфорд в "Фемиде" мисс Джейн Харрисон, глава vii.

[101] История правления королем, стр. 38; ср. также "Магическое искусство", I. стр. 235, и сноска: "вера в магию, вероятно, старше, чем вера в духов".

[102] Скит и Блэгден, языческие расы Малайского полуострова, I. стр. 417.

[103] В "Американском журнале психологии", стр. 83 (1919), Э. С. Конклинг опубликовал поучительную статью о суеверных верованиях и практике среди студентов колледжей. Из большой группы обследованных 53% придерживались некоторых суеверий (40% М., 66% Ф.).

Когда-то, сейчас или раньше, 82%. подверглись такому влиянию (73%. М., 90%. Ф.). Половина отнесла свои прежние суеверия к возрасту от двенадцати до шестнадцати. Двадцать два процента. отнесли предрасположенность к внушению старших - 47%. к социальному внушению - 15%. к социальному наследованию - 15%. к эмоциям и чувствам, неподвластным разуму.

[104] Среди индейцев Гвианы, стр. 354.

[105] Цитируется Эймсом, "Психология религиозного опыта", стр. 60.

[106] Чары (и, возможно, обряды и заклинания) иногда раскрываются во сне (Хоуитт, "Коренные племена Юго-Восточной Австралии", стр. 378; и Хоуз и Макдугалл, "Языческие племена Борнео", I. стр. 110). Но это может произойти либо там, где вера в заговоры уже существует (как в приведенных случаях), либо при совпадении сна с хорошей или плохой судьбой. Связь событий должна прежде всего представляться как нечто наблюдаемое: безразлично, наяву или во сне.

Дополнительные иллюстрации влияния совпадений на формирование веры в магию см. [главу viii. § 5.](#)

[107] Р. Р. Маретт, Доанимистическая религия, фольклор, 1900.

[108] А. В. Ховитт, Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 371.

[109] Северные племена Центральной Австралии, стр. 472.

[110] А. К. Хэддон, Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, V. стр. 361.

[111] Коддрингтон, меланезийцы, стр. 118-19.

[112] Сравнение этих смежных понятий см. в книге Э. С. Хартленда "Ритуал и вера", стр. 36-51.

[113] Спенсер и Гиллен, коренные племена Центральной Австралии, стр. 548.

[114] У. Макдугалл, Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, II. стр. 199.

[115] Том II. стр. 2.

[116] Том II. стр. 124.

[117] Недели, Среди каннибалов Конго, стр. 311.

[118] Томас Уильямс, Фиджи и фиджийцы, стр. 79.

[119] *Имеет тенденцию к ассимиляции* — поскольку, если презентация имеет какой-то особый анимистический характер, она будет ассимилирована с анимистической системой; или если анимизм является более активной и модной теорией в социальной группе человека.

[120] Считалось странным, что такая вещь, как смерч, может возбуждать в дикаре либо страх, либо гнев. Чтобы объяснить это, мы должны рассмотреть природу чуда: это образное расширение удивления, временный паралич воображения с эмоциональным расстройством, но без собственного прогрессивного инстинкта. Оно либо беспомощно утихает, либо уступает место любопытству, либо переходит в какую-то другую эмоцию, связанную с инстинктом. Соответственно, это обычно переходит в любопытство или страх, но иногда и в гнев: какая из

этих эмоций должна быть вызвана, зависит отчасти от характера человека, который интересуется, отчасти от обстоятельств.

[121] Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, VI. стр. 321.

[122] У. Г. Астон, Синто, стр. 52.

[123] Этот процесс можно проследить в интересном сборнике заклинаний малайской магии Скита.

[124] Хауитт, Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 397.

[125] Селигман, меланезийцы Британской Новой Гвинеи, стр. 376.

[126] Тернер, Самоа, стр. 138. Для дальнейшего развития заклинания смотрите (помимо Скита, ор. cit.) собранные примеры в конце книги Сэйса "Религия древних вавилонян".

[127] Паркер, Эвахлайи, стр. 26.

[128] Селигман, меланезийцы Британской Новой Гвинеи, стр. 173-5.

[129] Меланезийцы, стр. 118-19.

[130] Тернер, "Этнология района Унгава", Ам. Б. по этнологии, XI. стр. 201; и Мердок, "Этнология Пойнт-Барроу", Ам. Б. по этнологии, IX. стр. 434.

[131] У.М. Ньютон, О палеологических фигурах Флинта, Журн. б. Арх. асс., март 1913г.

[132] "Песнь о Роланде", переведенная на английский К. Скоттом Монкриффом, CLXXIII.

[133] Т. К. Ходсон, Племена нага Манипура, стр. 88.

[134] Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, Т. 271.

[135] А. Э. Кроули, J.A.I., XXIV. стр. 123.

[136] Развитие моральных идей, I, с. 26.

[137] Карл Лумхольц, "Новые тропы в Мексике", стр. 350.

[138] Жизнь южноафриканского племени, стр. 528.

[139] Смотрите исчерпывающее рассмотрение этой темы в книге Фрейзера "Табу и опасности души".

[140] "Амбар" - это маленькая веретенообразная палочка, которую, как предполагается, волшебники бросают при магической атаке. Ховитт, Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 377.

[141] Хоуз и Макдугалл, языческие племена Борнео, I. р. 110.

[142] Цитируется Фрейзером, "Духи кукурузы и дикой природы", I. стр. 105.

[143] Священное святилище, стр. 33-9.

[144] Жизнь южноафриканского племени, стр. 340.

[145] Культы сиу, Am. B. of Ethn., XI. стр. 484.

[146] Новые маршруты в Мексике, стр. 61.

[147] Скит, Малайская магия, стр. 48.

[148] Цитируется Фрейзером, Вера в бессмертие, стр. 268.

[149] Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, Т. 325.

[150] В. Грубе, отв. ред. К. д. китайский, стр. 153.

[151] В письме Утра. Ethn., XIII. р. 374, Ф. Х. Кушинг, описывая “Мифы о сотворении мира зуни”, говорит, что драматургическая тенденция состоит в предположении, что Природа может быть приведена в действие людьми, если “они сначала сделают то, что хотят, чтобы сделали элементы”, в соответствии с тем, “как эти вещи были сделаны или должны были быть сделаны богами-предками творения”. Последнее предложение - это, возможно, анимистический лоск зунов, которые, конечно, были очень далеки от первобытного мышления.

[152] Психологическое исследование религии, стр. 165.

[153] Ср. С. Х. Рэй, “Люди и язык Лифу”, J.R.A.I. (XLVII.), стр. 296, который говорит, что женщина, чей сын или муж был на войне, клала на коврик кусочек коралла, изображающий его, двигала им правой рукой, как он мог бы двигаться в бою, а левой отмахивалась от воображаемого зла. Это защитило его (очевидно, с помощью образцовой Магии).

[154] У. Х. Р. Риверс, “Исчезновение полезных искусств”, также “История меланезийского общества”, II. стр. 445; а в “Самоа Тернера” (стр. 145) нам сообщают, что практика бальзамирования вымерла вместе с семьей бальзамировщиков.

[155] Ведды, стр. 126-7.

[156] Северные племена Центральной Австралии, стр. 170.

[157] Страна Зинг, стр. 219.

[158] Дж. О. Дорси, Американское бюро этнологии, 1889-90, XI. стр. 419.

[159] Mariner's Tonga, стр. 105.

[160] Миф, ритуал и религия, стр. 48.

[161] Тропы африканской дичи, стр. 333.

[162] Развлечения на свежем воздухе, стр. 77.

[163] Фрейзер, “Духи кукурузы и дикой природы”, I. стр. 183.

[164] Меланезийцы, стр. 249 и 356.

- [165] Языческие расы Малайского полуострова, II. с. 222.
- [166] Языческие племена Борнео, II. стр. 3.
- [167] Лагерь и бродяга в африканских дебрях, стр. 174.
- [168] Первобытный баконго, стр. 283.
- [169] Среди каннибалов Конго, стр. 275.
- [170] Среди индейцев Гвианы, стр. 355.
- [171] Два года с аборигенами Западной части Тихого океана, стр. 199. Что касается смерчей и падающих звезд, смотрите Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, VI. стр. 252.
- [172] Дж. Хернелл в "Ежеквартальном журнале Мифического общества" (Бангалор), IV. № 4, стр. 158.
- [173] А. А. Макдонелл, Санскритская литература, стр. 112.
- [174] Дж. Муни в отчетах Американского бюро этнологии, 1885-6, VII. стр. 341.
- [175] Дж. Э. Бурк в отчетах Американского бюро этнологии, 1887-8, IX. стр. 499-507.
- [176] Э. Ф. им Турн, Среди индейцев Гвианы, стр. 288, 354.
- [177] Принципы социологии, Том I. Главы. viii.-xii.
- [178] Первобытная культура, главы xi., xii.
- [179] Дж. Х. Уикс, Среди каннибалов Конго, стр. 262-3. Мой друг, мистер Тордей, говорит мне, что это поверье очень распространено в Африке.
- [180] См., например, А. У. Хоуитт, "Коренные племена Юго-Восточной Австралии", стр. 406; и П. А. Тэлбот, "В тени куста", стр. 83-8.
- [181] Индейцы Гвианы, стр. 344.
- [182] Щ. К. Хотри, "Индейцы Ленгуа", J.A.I., 1901.
- [183] Дж. Муни, "Священные формулы чероки", Am. B. of Ethn., VII. стр. 352.
- [184] К. Г. Селигман, меланезийцы Британской Новой Гвинеи, стр. 190-91.
- [185] С. Х. Рэй, "Люди и язык Лифу", J.R.A.I., LXVII. стр. 296.
- [186] Тернер, Самоа, стр. 277.
- [187] А. W. Хауитт, указ. соч., стр. 358.
- [188] Спенсер, Принципы социологии, § 53.
- [189] Дж. Х. Уикс, Примитивный баконго, стр. 238.
- [190] Дж. Х. Уикс, "Среди каннибалов Конго", стр. 233.

- [191] Т. К. Ходсон, Племена нага Манипура, стр. 160.
- [192] Коддрингтон, меланезийцы, стр. 269.
- [193] В. Стефансон, "Моя жизнь с эскимосами", стр. 57.
- [194] Хоуз и Макдугалл, Языческие племена Борнео, II. стр. 3.
- [195] Дж. Г. Фрейзер, Вера в Бессмертие, стр. 403.
- [196] Полинезийские исследования, I. стр. 523.
- [197] Первобытный баконго, стр. 371.
- [198] E. im Thurn, указ. соч., стр. 363.
- [199] Принципы социологии, §§ 165-93.
- [200] Дж. Г. Фрейзер, Вера в Бессмертие, стр. 220.
- [201] Франц Боас, Американское бюро этнологии, VI. 1884-5, стр. 583.
- [202] Каллауэй, Религиозная система амазулу, стр. 1 и 40. Ср. Коддрингтон, меланезийцы, стр. 150: Козваси, дух, никогда не был человеком, но в некотором роде стал зачинателем человеческой расы.
- [203] Э. Вестермарк, Брачные церемонии в Марокко, стр. 343.
- [204] J.R.A.I., 1909, стр. 163.
- [205] Смотрите его гениальные рассуждения в "Эволюции идеи Бога", глава xiii.
- [206] Языческие расы Малайского полуострова, II. iii. глава vi.
- [207] Среди каннибалов Конго, стр. 272.
- [208] Г. Ф. Эбботт, Македонский фольклор, стр. 236.
- [209] А. А. Макдонелл, Санскритская литература, стр. 44.
- [210] Т. К. Ходсон, Племена нага Манипура, стр. 126.
- [211] П. А. Тэлбот, "В тени куста", стр. 73.
- [212] Хауитт, коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 437.
- [213] Спенсер и Гиллен, Северные племена Центральной Австралии, стр. 483.
- [214] Сага о Греттире, глава xxxv.
- [215] Павсаний, VI, стр. 6.
- [216] Г. Ф. Эбботт, Македонский фольклор, стр. 217.
- [217] Первые шаги в Восточной Африке, стр. 52 примечание.

- [218] Американское бюро этнологии, I. стр. 200.
- [219] Миф и религия, 2-е изд., стр. 78.
- [220] Языческие расы Малайского полуострова, I. стр. 194.
- [221] Малайская магия, стр. 47.
- [222] Духи кукурузы и дикой природы, I. стр. 183.
- [223] У. Г. Астон, Синто, стр. 50.
- [224] В тени куста, стр. 230.
- [225] Дж. О. Дорси, "Культы сиуанов" в Американском бюро этнологии, 1889-90, XI. стр. 512.
- [226] Западноафриканские исследования, стр. 200.
- [227] Дж. Г. Фрейзер, Бальдер Прекрасный, II. стр. 196-208; где сообщается о других верованиях во множество душ; в одном случае тридцать, в другом тридцать шесть.
- [228] М. А. Чаплицкая, Аборигены Сибири, стр. 282.
- [229] Малайская магия, стр. 48.
- [230] Религия древних египтян, глава ix.
- [231] Языческие расы Малайского полуострова, I. стр. 194.
- [232] Монадология, 47.
- [233] Примитивный баконго, стр. 115.
- [234] Республика, 611a.
- [235] Хэддон, Кембриджская экспедиция в Торресов пролив, Том V. стр. 355.
- [236] К. Г. Селигман, Ведды, стр. 133.
- [237] Р. У. Уильямсон, "Мафулу", стр. 266.
- [238] Дж. Дж. Фрейзер, Вера в Бессмертие, стр. 396.
- [239] К. Г. Селигман, меланезийцы, стр. 658.
- [240] Дж. Х. Уикс, Примитивный баконго, стр. 224.
- [241] Линг Рот, "Аборигены Тасмании", стр. 57-61.
- [242] Геродот, V. стр. 93.
- [243] О смертности богов см. Фрейзер, Умиравший бог, глава i.
- [244] Первобытная культура, II. стр. 75-96.
- [245] Трактат Б. И., Часть III. § 9.

[246] Хауитт, коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 450.

[247] Скит и Блэгден, языческие расы Малайского полуострова, II. стр. 95-9. Похожие формулы отказа (которые, конечно, являются сдерживающими заклинаниями) см. У. Эллис, "Полинезийские исследования", I. стр. 522; и Дж. О. Дорси, "Культы сиуанов", Американское бюро этнологии, X. стр. 420.

[248] Стиганд, Страна Зинг, стр. 250.

[249] О практике назначения определенных сезонов, в которые все племя или нация объединяются для изгнания призраков или демонов силой оружия (иногда с помощью пушек и слонов), распространенной на всех уровнях культуры, от дикости Австралии до просвещения Китая и Перу, а также с соблюдением приличий в Афинах и Риме, см. Фрейзер, The Козел отпущения, глава iii. § 2.

[250] К. Г. Селигман, Ведды, стр. 131.

[251] Кембриджская экспедиция в Торресов пролив, VI. стр. 253.

[252] Вигфуссен и Пауэлл, *Corpus Poeticum Boreale*, I. стр. 417. Дополнительные примеры искреннего интереса к призракам см. в разделе "Первобытная культура", II. стр. 31-3.

[253] Ходсон, Племена нага Манипура, стр. 100.

[254] The Todas, стр. 363.

[255] Э. Р. Смит, арауканцы, стр. 172.

[256] Коддрингтон, меланезийцы, стр. 177.

[257] Мисс М. К. Стивенсон, "Sia" в Американском бюро этнологии, 1889-90, XI. стр. 121.

[258] Стефансон, "Моя жизнь среди эскимосов", стр. 397.

[259] Спенсер и Гиллен, Северные племена Центральной Австралии, стр. 497.

[260] Фрейзер, Вера в бессмертие, стр. 259.

[261] Миф и религия, стр. 78, 79.

[262] Указ. соч., стр. 125 и далее.

[263] Указ. соч., стр. 202 и далее.

[264] Такого же мнения придерживался и Спенсер, *op. cit.*, § 133.

[265] Указ. соч., стр. 263.

[266] Указ. соч., стр. 267.

[267] См. выше, стр. 100 и 119-24.

[268] Хьюм, Расследование, § vii.

[269] А. Х. Сэйс, Религия древних вавилонян, стр. 398.

[270] Книга II. стр. 82; Перевод Роулинсона.

[271] Том I. глава iv.

[272] Но посмотрите сноску на стр. 235 книги "Искусство магии", I.: "вера в магию, вероятно, старше, чем вера в духов". В том же примечании упоминается отрывок из "Философии религии" Гегеля, предвосхищающий доктрину приоритета Магии перед религией. Этот отрывок, переведенный в приложении (стр. 423-6), однако, не показывает концепции Магии как родственной естественному праву, как это описано в нескольких отрывках "Золотой ветви", но трактует ее как веру в любого человека, "как господствующую силу над природой в силу его собственной воли". Это скорее предвосхищение учения профессора. Учение Вундта о колдовстве; которое Гегель, похоже, не отличал от Магии. Вряд ли мне нужно добавлять, что вера в то, что человек является господствующей силой над природой в силу своей собственной воли, никогда не была обнаружена ни в одной части мира.

[273] Указ. соч., стр. 237-9.

[274] Первобытная культура, I. 116.

[275] Р. Х. Коддрингтон, меланезийцы, стр. 125.

[276] Х. А. Джайлс, Китайская литература, стр. 202.

[277] Анимизм давал священнику еще одно оправдание провалу обрядов (помимо тех, которыми пользуются простые маги), а именно, что во время празднования или после него было совершено какое-то новое преступление против богов.

[278] Спенсер и Гиллен, Северные племена Центральной Австралии, стр. 453, 463.

[279] А. В. Ховитт, Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 359-361-367.

[280] Ховитт, указ. соч., стр. 378.

[281] Э. Б. Тайлор, Примитивная культура, II. стр. 148.

[282] "Мафулу", стр. 193.

[283] Указ. соч., стр. 272.

[284] Отрывок из заклинания в книге Скита "Малайская магия", стр. 571.

[285] Ховитт, указ. соч., стр. 397.

[286] Дж. Г. Фрейзер, Вера в Бессмертие, стр. 288. Аналогичные примеры приведены в той же работе, стр. 335 и 375.

[287] Сарат Чандра Рой, "Магия и колдовство на плато Чота Нагпур", J.R.A.I., XLIV. стр. 330. Я немного изменил последнее предложение, которое, похоже, было напечатано с опечаткой.

[288] Религиозный опыт римского народа, стр. 215.

[289] Тоды, стр. 30, 213.

[290] Религиозный опыт римского народа, стр. 286. Но следует ли нам ожидать ослабления этой идеи по мере развития цивилизации, должно зависеть от того, росла ли разумная вера в богов. Возможно, в Риме этого не было.

[291] Полинезийские исследования, II. стр. 144 и 157 (1-е изд.).

[292] Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, VI. стр. 199.

[293] Томас Уильямс, Фиджи и фиджийцы, стр. 209.

[294] Дж. Муни, "Священные формулы чероки" в Am. B. of Ethn., VII. стр. 314 (1885-6).

[295] Хеймскрингла, Сага о Святом Олафе, гл. и ссxl.

[296] Первобытная культура, II. стр. 273 (2-е изд.).

[297] Кодрингтон, меланезийцы, стр. 145.

[298] С. Х. К. Хотри, "Индейцы Ленгуа", Журнал Королевского антропологического института, 1901.

[299] "Шаманизм", Журнал Королевского антропологического института, XXIV. (1894-5).

[300] Компаретти, Традиционная поэзия финнов, стр. 184.

[301] Ховитт, указ. соч., стр. 404. Соответствует ли этот тип поведения неопита, которому в определенных случаях придерживаются маги и вдохновенные священники в каждую эпоху и в каждой стране, естественному типу безумия или эпилепсии; и если да, то сознательно или бессознательно?

[302] Дж. Х. Уикс, Среди каннибалов Конго, стр. 145 и 276.

[303] Грей, полинезийская мифология, главы i и vii.

[304] Происхождение и развитие религии на примере кельтского язычества, стр. 225.

[305] Corpus Poeticum Boreale, стр. 24, 34, 181, 196.

[306] Сага о Хеймскрингле, Юглингасага, главы xvii-xviii.

[307] "Шаманизм", Журнал Королевского антропологического института, X., XIV. стр. 85.

[308] Недели, Каннибалы Конго, стр. 265.

[309] Самый полный и драматичный отчет о таком владении можно найти в книге Уильямса "Фиджи и фиджийцы", стр. 190. См. ниже, стр. 243.

[310] Недели, Примитивный боконго, стр. 215.

[311] Спенсер и Гиллен, коренные племена Центральной Австралии, стр. 480-8.

[312] "Шаманизм", Журнал Королевского антропологического института, XXIV. стр. 130.

[313] Ховитт, указ. соч., стр. 374.

[314] Там же, стр. 437.

[315] П. А. Тэлбот, "В тени куста", стр. 230.

[316] Г. Борроу, Дикий Уэльс, гл. lxxxviii.

[317] Спенсер и Гиллен, указ. соч., стр. 388.

[318] Х. Спенсер, Принципы социологии, § 55.

[319] Э. Б. Тайлор, Примитивная культура, I. 308 и далее.

[320] В статье о Людях-леопардах с холмов Нага, прочитанной на собрании Р.А.И. (9 декабря 1919 г.), мистер Дж.Дж. Хаттон сообщил, что такие люди не превращаются в леопардов; но иногда их души непроизвольно переходят в них. Если леопарда ранят или убьют, тот, чья душа была в нем— страдает или умирает, когда слышит об этом. Таких людей не боятся, потому что их леопарды причиняют очень мало вреда.

По этой причине (я полагаю) волшебники не эксплуатируют эту веру, которым ни к чему невинные суеверия, и она остается чистым фольклором. Возможно, нет никакой связи между этой анимистической доктриной о человеческих душах, вселяющихся в животных, и магической доктриной изменения облика. Если они связаны, то легко увидеть, что в определенной атмосфере популярной философии, если бы в изменение облика верили, теория одержимости могла бы быть принята как истинное объяснение, если бы ее просто предложили. Действительно, это сделало бы понятным такой случай, как этот: леопард человека замечен на окраине деревни; но известно, что он сам находится в своей хижине.

Анимистическое объяснение не всегда соответствует культуре: Европа придерживается метода изменения формы. Однако в "Саге о Вельсунгах" суеверие уже выродилось: Зигмунд и его сын превращаются в волков, надевая волчьи шкуры, принадлежащие двум оборотням, которых они находят спящими. Это рационализация—маскировка под шаг к переменам. Более ранний шаг - сказать, что человек, который хочет измениться, должен надеть пояс из волчьей шкуры.

[321] Хэддон, Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, V. стр. 329.

[322] Грей, цит. по: "Легенды Мауи и Тавхаки".

[323] Видеман, Религия древних египтян, стр. 54-8.

[324] М. К. Стивенсон, "The Sia", Am. B. of Ethn., XI. стр. 118.

[325] В. Грубе, рел. и. К. д. китайский, стр. 132.

[326] "Шаманизм", Журнал Королевского антропологического института, ч. xxiv. стр. 133.

[327] Стефансен, "Моя жизнь с эскимосом", стр. 391.

[328] Д. Компаретти, Традиционная поэзия финнов, стр. 26.

[329] Естественная и социальная мораль, глава ii. § 4.

[330] Смотрите много примеров в книге Дж. Дж. Фрейзера "Табу и опасности души", глава i.

[331] Глава vi.

[332] III. стр. 31.

[333] Макдонелл, Санскритская литература, стр. 73 и 183.

[334] Масперо, "На заре цивилизации", стр. 124.

[335] А. Х. Сэйс, Религия древних вавилонян, стр. 319.

[336] Религиозный опыт римского народа, стр. 202.

[337] Альфред Лайалл, Азиатские исследования, очерки о государстве и религии в Китае. В более мягкой форме эта система была принята Японией; У. Э. Астон, Синто, стр. 237.

[338] Франц Кумон, Астрология и религия.

[339] VI. с. 27 (Перевод Роулинсона).

[340] Уильямс, Фиджи и фиджийцы, стр. 152.

[341] Де Акоста, "История Индии", VII. с. 23 (перевод К. Р. Маркхэма).

[342] Спенсер и Гиллен, По всей Австралии, стр. 220.

[343] Книга I. сс. 7-10.

[344] Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, VI. стр. 260.

[345] У. Р. Холлидей, Греческое гадание, стр. 15.

[346] Естественная история, XXVII. стр. 4.

[347] Светоний: Юлий, ок. 59.

[348] Хоуз и Макдугалл, языческие племена Борнео, II. стр. 56-64.

[349] Северные племена Центральной Австралии, стр. 266.

[350] Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, V. стр. 361; VI. стр. 259.

[351] Селигман, Mel. of B. N. G., стр. 309.

[352] De Divination, I. с. 19.

[353] Безошибочный знак в формальной логике совпадает с причиной, согласно схеме *Если А, то В*; и вполне возможно, что при строгом мышлении вера в Предзнаменование может дать начало магической практике. "Ибо, - говорит лорд Эйвбери, - если допустить, что падение палки определенно предшествует падению человека, которого она представляет, из этого следует, что опрокидывание палки может привести к его смерти" (Происхождение цивилизации, стр. 166). Я не понимаю, почему не следует делать такой вывод, но не могу привести ни одного примера этого. Такая возможность показывает, насколько близки Магия и знания о Предзнаменованиях; но что касается данного конкретного случая, магический склад

ума уже подразумевается в первоначальной установке палки, падение которой должно предшествовать падению данного человека.

[354] Коддрингтон, меланезийцы, стр. 123.

[355] А. В. Ховитт, Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 401.

[356] Цитируется Фрейзером, Тотемизм и экзогамия, I. стр. 489 и 495.

[357] А. W. Хауитт, указ. соч., стр. 389.

[358] С. Г. Селигман, указ. соч., стр. 188.

[359] VII. с. 16.

[360] Поэт поначалу тесно связан с волшебником; ибо (помимо того, что величайшие заклинания и оракулы излагаются стихами) поэт вдохновлен. В Австралии призраки иногда переносят поэтов в небесную страну, где они разучивают песни и танцы. Некоторые сочиняют наяву; но преобладает мнение, что их вдохновляют во сне умершие и родственные души. Их песни далеко разносятся среди племен, которые больше не понимают этого языка. (Ховитт, "Коренные племена Юго-Восточной Австралии", стр. 389 и 413.) Аналогично и на Фиджи (Фиджи и фиджийцы, стр. 98). "Это стихотворение слишком прекрасно для меня" — таково смирение поэта; "его создали боги" — таково его высокомерие.

[361] Спенсер и Гиллен, коренные племена Центральной Австралии, стр. 526.

[362] Тайлор, Первобытная культура, I. стр. 125.

[363] Казалис, Бассутос, стр. 299 и 340.

[364] Жуно, "Жизнь южноафриканского племени", I. 361. Это "лекарство" является огромным запасом магической силы вождя: его основными ингредиентами являются ногти и волосы умершего вождя, скрепленные вместе чем-то вроде воска.

[365] Каллауэй, Религия амазулу, стр. 417.

[366] У. Эллис, Полинезийские исследования, II. стр. 235.

[367] De Div., II. с. 57.

[368] Томас Уильямс, Фиджи и фиджийцы, стр. 190.

[369] Павсаний, IX. с. 10 (Перевод Фрейзера).

[370] Павсаний, I. стр. 34.

[371] Там же, IX. стр. 30.

[372] Спенсер и Гиллен, коренные племена Центральной Австралии, стр. 523.

[373] А. W. Хауитт, указ. соч., стр. 404.

[374] Ланглох Паркер, Евахлайи, стр. 25.

[375] Северные племена Центральной Австралии, стр. 181.

[376] Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 367.

[377] Это несправедливо по отношению к австралийцам. Среди Диери (Л. Эйр) волшебники с обновленными внутренностями общаются со сверхъестественными существами, интерпретируют сны и обнаруживают убийц; но они также распознают духовное общение с обычными людьми в видениях; не обычные сны, которые являются просто фантазиями, а те, которые повторяются; и они исходят от Кутчи, злого духа (Ховитт, указ. соч., стр. 358). Мы можем быть уверены, что греки ошибались, полагая, что именно Амфиарай ввел гадание по снам.

[378] Геродот, I. cc. 107, 28.

[379] У. Э. Рот, Этнологические исследования, стр. 154.

[380] Кидд, Главный кафир, стр. 193.

[381] De Div., II. cc. 33, 35.

[382] Полибий, VI в. в. 2.

[383] Беседы, II. с. 7.

[384] De Div., II. с. 17; ср. с. 49.

[385] Жизнь южноафриканского племени, стр. 521.

[386] Естественные вопросы, II. с. 32.

[387] De Div., I. с. 15.

[388] Les Bassoutos, стр. 248.

[389] Линг Рот, "Аборигены Тасмании", стр. 65.

[390] Спенсер и Гиллен, По всей Австралии, стр. 336.

[391] Чаплицкая, Аборигены Сибири, стр. 177.

[392] Политическое значение волшебника, по-видимому, впервые было замечено Спенсером, "Принципы социологии", II. стр. 178 (§ 474).

[393] Беллами, цитируется Селигманом, Меланезийцы Британской Северной Гвинеи, стр. 694.

[394] Религия амазулу, стр. 40.

[395] Дадли Кидд, "Истинный кафир", стр. 114.

[396] Чаплицкая, Аборигены Сибири, стр. 191.

[397] Э. Вестермарк, Происхождение и развитие моральных идей, гл. xlix.

[398] Священная святыня.

[399] Отчет Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, V. стр. 322-3.

[400] Риверс, История меланезийской социологии.

[401] Am. B. of Ethn., VII., "Медицина оджибвеев" У. Дж. Хоффмана; XI., "Sia" М. К. Стивенсона; XIV., "Индейцы меномини" У. Хоффмана. Для подборки фактов см. Фрейзер, "Тотемизм и экзогамия", IV. глава XIX; и Хаттон Вебстер, "Первобытные тайные общества".

[402] Отчет Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, VI. стр. 200.

[403] Указ. соч., стр. 278.

[404] Среди каннибалов Конго, стр. 251.

[405] Спенсер и Гиллен, По всей Австралии, стр. 326.

[406] Книга VII. Ведьма, которой Ариосто, Тассо, Спенсер подражали в "Цирцее и Медее", стала традиционным романтическим мотивом.

[407] Хауитт, коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 388.

[408] Стефансон, указ. соч., стр. 403.

[409] Чаплицкая, указ. соч., стр. 240.

[410] По всей Австралии, стр. 51.

[411] Указ. соч., стр. 184.

[412] Путешествия Адвенчура и Бигля, II. стр. 178.

[413] Примитивный баконго, стр. 216.

[414] Журнал Антропологического института, XXIV., "Шаманизм", стр. 144.

[415] Среди индейцев Гвианы, стр. 335.

[416] А.М. Б. по этнологии, "Священные формулы чероки", Дж. Муни, стр. 323.

[417] Рассказ У. Маринера об островах Тонга, глава ххi.

[418] А.М. Б. по этнологии, IX, "Знахари апачей" Дж. Э. Бурка, стр. 471.

[419] Дадли Кидд, "Истинный кафир", стр. 135.

[420] Путешествия и исследования в Южной Африке, глава i.

[421] Дж. Шекспир, "Кланы Лушай Куки", стр. 80.

[422] Хоуз и Макдугалл, языческие племена Борнео, стр. 120, и Am. B. of Ethn., XI. стр. 417; XIV. стр. 97, 148.

[423] Д. Компаретти, Традиционная поэзия финнов, стр. 27 и 25.

[424] Рис, кельтское язычество, стр. 548-50.

[425] Кристаллы, насильно введенные в тело волшебника, будь то духами или другими волшебниками, необходимы для его профессии, и если они покидают его, его сила теряется. “Именно обладание этими камнями придает силу знахарю” (Спенсер и Гиллен, "Северные племена Центральной Австралии", примечание, стр. 480). Джон Мэтью говорит, что, согласно верованиям каби (Квинсленд): “Сила человека в оккультном искусстве, по-видимому, пропорциональна его жизненной силе, а степень жизненности, которой он обладал, зависела от количества священных камешков и количества *юрру* (веревки), которые он носил внутри себя” (Eagle-hawk and Crow, стр. 143). “Веревка” была собственностью знахарей высшего ранга (заменитель змей?), которые получили ее от Радуги в обмен на несколько своих камешков. Определенные камешки, особенно кристаллы, являются независимыми магическими силами по всей Австралазии и в других местах, вероятно, имеющими гораздо более древнюю репутацию, чем профессия волшебника; и волшебник получает свою личную силу, держа их внутри себя. Точно так же Юно описывает волшебников банту как “наделенных магической силой или, скорее, обладающих волшебными снадобьями” (“Жизнь южноафриканского племени”, стр. 293): тогда как нам часто говорят, что оккультное искусство начинается с экстраординарной личности волшебника.

[426] Коренные племена Центральной Австралии, стр. 522-9.

[427] Спенсер и Гиллен, Северные племена Центральной Австралии, стр. 485.

[428] Хэддон, Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, V. стр. 321.

[429] Э. им Турн, "Индейцы Гвианы", стр. 334.

[430] Томас Уиффен, "Северо-Западные амазонки", стр. 181.

[431] Дадли Кидд, "Истинный кафир", стр. 156.

[432] Журнал Антропологического института, XXIV., “Шаманизм”, стр. 87-90.

[433] Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, T. 322.

[434] Дж. Г. Фрейзер, Вера в Бессмертие, стр. 334.

[435] W. H. R. Rivers, The Todas, стр. 256-7.

[436] Вера в бессмертие, стр. 249, 269.

[437] Примеры см. Уикс, "Первобытный баконго", стр. 204; Дадли Кидд, "Истинный кафир", стр. 149; Каллауэй, "Религия амазулу", стр. 391; Хоуз и Макдугалл, "Языческие племена Борнео", II. стр. 115; Тернер, Самоа, стр. 342; Шаманизм, стр. 130; Карл Лумхольц, "Новые тропы в Мексике", стр. 24; Т. А. Джойс, "Археология Южной Америки", стр. 245; Э. Вестермарк, "Происхождение и развитие моральных идей", II. стр. 650-2.

[438] Каллауэй, "Религия амазулу", стр. 384-6 и 404.

[439] Франц Боас, “Центральный эскимос”, Am. B. of Ethn., VI. (1884-5), стр. 603.

[440] В. В. Скит, Малайская магия, стр. 571.

[441] А. Видеманн, Религия египтян, стр. 273-4.

[442] А. М. Чаплицкая, Аборигены Сибири, стр. 178.

[443] Дж. Дж. Фрейзер, "Задача психеи".

[444] Стр. 138-9.

[445] Риверс, История меланезийской социологии, II. стр. 156.

[446] Спенсер и Гиллен, северные племена Центральной Австралии.

[447] им Турн, указ. соч., стр. 339.

[448] Дж. Х. Уикс, "Среди каннибалов Конго", стр. 145.

[449] По всей Австралии, стр. 350.

[450] Примитивный Баконго, стр. 285.

[451] Скит, Языческие расы Малайского полуострова, I. стр. 563.

[452] Реки, Тоды, стр. 263.

[453] Аббат, Македонский фольклор, стр. 225.

[454] Указ. соч., стр. 203.

[455] Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 387-8.

[456] Спенсер и Гиллен, По всей Австралии, стр. 334-5.

[457] Уиффен, указ. соч., стр. 182-3.

[458] Жуно, "Жизнь южноафриканского племени", II. стр. 456.

[459] Whiffen, указ. соч., стр. 64 и 168.

[460] Примитивный Баконго, стр. 216.

[461] Аборигены Сибири, стр. 230, 240.

[462] Парадокс комедии. Мистер Уильям Арчер несколько лет назад опубликовал "Маски и лица", занимательную и очень поучительную книгу, в которой он (как настоящий, хотя и непрофессиональный психолог) обсуждает этот парадокс в свете доказательств, полученных с помощью *анкеты* и другими способами от живших тогда актеров.

[463] Человек, сентябрь 1817 г., стр. 144.

[464] Аборигены Сибири, стр. 197.

[465] Внушение и гипноз в психологии Фолькера.

[466] Майнерс, Краткое описание сверхъестественного (цитируется Карлайлом в "Эссе о графе Калиостро").

- [467] Аборигены Сибири, стр. 169, 172.
- [468] Учебник безумия, стр. 281 и 79.
- [469] Спенсер и Гиллен, Северные племена Центральной Австралии, стр. 497.
- [470] Дж. Г. Фрейзер, Вера в Бессмертие, стр. 250-60.
- [471] Другой пример см. В Rivers, History of Melanesian sociology, II. стр. 411.
- [472] Г. Тернер, Самоа, стр. 346.
- [473] Наиболее подробное из всех подобных представлений смотрите в Посвящении в общество призраков индейцев Квакингл в книге Фрейзера "Тотемизм и экзогамия", III. стр. 538.
- [474] Казалис, "Моя жизнь в стране Басуто", стр. 185.
- [475] Бэзил Томпсон, "Фиджийцы", стр. 158.
- [476] Бэзил Томпсон, "Развлечения премьер-министра", стр. 201 и 346.
- [477] Героический век, стр. 413.
- [478] Спенсер и Гиллен, По всей Австралии, стр. 374-5.
- [479] "Аборигены Виктории", Труды Этнологического общества, Новая серия, I. стр. 300.
- [480] Eagle-hawk and Crow, стр. 146.
- [481] Дж. Г. Фрейзер, Вера в Бессмертие, стр. 239.
- [482] Дж. Х. Уикс, Примитивный баконго, стр. 284 и 285.
- [483] Дж. Х. Уикс, "Среди каннибалов Конго", стр. 293.
- [484] Callaway, указ. соч., стр. 29-30.
- [485] Северо-Западные амазонки, стр. 218.
- [486] Дж. О. Дорси, "Культы сиуанов", стр. 431-2 и 485, Am. B. of Ethn., XI.
- [487] Коддрингтон, меланезийцы, стр. 270.
- [488] Полинезийские исследования, II. стр. 204.
- [489] Джон Мартин, Отчет У. Маринера об островах Тонга, II. стр. 105 и 137.
- [490] Хоуз и Макдугалл, Языческие племена Борнео, II. стр. 48 и 214.
- [491] Племена нага Манипура, стр. 126.
- [492] Введение в подъем духа рационализма в Европе.
- [493] К. Г. Селигман, меланезийцы Британской Новой Гвинеи, стр. 179.
- [494] Т. К. Ходсон, указ. соч., стр. 171.

[495] Среди каннибалов Конго, стр. 284.

[496] Спенсер и Гиллен, коренные племена Центральной Австралии, стр. 531-2.

[497] Хэддон, Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, VI. стр. 201.

[498] Эллис, указ. соч., II. стр. 232.

[499] Шаманизм, стр. 92.

[500] История меланезийского общества, II. с. 107.

[501] А. М. Чаплицкая, Аборигены Сибири, стр. 180.

[502] По всей Австралии, стр. 326.

[503] Спенсер и Гиллен, Северные племена Центральной Австралии, стр. 481.

[504] Упадок и низвержение, глава xvii—обсуждение характера Джулиана.

[505] Ховитт, Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 398.

[506] По всей Австралии, стр. 14, 326, 366.

[507] См. Хэддон, Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, VI. стр. 210; Стефансон, "Моя жизнь с эскимосами", стр. 88; Мердок, "Этнологические результаты экспедиции Пойнт-Барроу", в журнале Ninth Ann. Отчет Am. Eth., стр. 431; Фрейзер, "Задача психеи", стр. 55; Рисли, "Народ Индии", стр. 77; Ланглох Паркер, "Племя эуахлайи", стр. 48, 49, 82, 90; Дадли Кидд, "Сущностный кафир", стр. 116; Э. Казалис, "Лес Бассутос" (2-е изд.), стр. 302-3; У. Э. Рот, "Этнологические исследования на северо-западе Центрального Квинсленда", стр. 154.

[508] Диверсии премьер-министра, стр. 245.

[509] "Шаманизм", Журнал Антропологического института, XXIV. стр. 154.

[510] Тотемизм и экзогамия, I. р. 3. Определение встречается в перепечатке более раннего эссе. Более позднее определение (IV. стр. 3) гласит: "Тотемизм - это интимная связь, которая, как предполагается, существует между группой родственных людей, с одной стороны, и видом природных или искусственных объектов, с другой стороны, эти объекты называются тотемами человеческой группы". В Австралии эти отношения, по-видимому, основаны на дружбе и родстве, основанном на равенстве, а не на религии. В этой главе я свободно опирался на огромную массу фактов и предположений, собранных в области тотемизма и экзогамии; полагая, что в этой работе автор не только намеревался представить доказательства своих собственных выводов, но также имел благожелательную цель помочь трудам тех, кто может прийти после него. Это большой долг благодарности, который, действительно, вызывает некоторое смущение, если когда-либо кто-то чувствует себя обязанным расходиться с ним во мнении.

[511] Тотемизм и экзогамия, I. стр. 4; ср. IV. стр. 3, 4. Возможно, автор больше не одобряет слово "почитаемый". Тотем и клан скорее равноправны.

[512] Северные племена Центральной Австралии, приложение В.

[513] Животные: Человек - 2, другие млекопитающие - 31, Птицы - 46, Рептилии - 51, Амфибии - 1, Рыбы - 8, Насекомые - 24, Моллюски - 1.

[514] Тотемизм и экзогамия, II. стр. 535.

[515] Тотемизм и экзогамия, III. стр. 90-100.

[516] Хоуз и Макдугалл, языческие племена Борнео, II. стр. 96-110.

[517] Вклад в науку о мифологии, I. стр. 201.

[518] Введение в историю религии, стр. 101.

[519] Тайна тотема и социальное происхождение.

[520] Спенсер и Гиллен, Северные племена Центральной Австралии, стр. 330.

[521] Коренные племена Северной территории Австралии, стр. 263.

[522] Тотемизм и экзогамия, IV. стр. 57-63.

[523] Журнал Антропологического института, 1909, стр. 173.

[524] Журнал Антропологического института, 1909, стр. 175.

[525] На полуострове Газель в Новой Британии мужчина называет “матерью” свою настоящую мать, а также своих теток по материнской линии, которые принимают родство и могут утверждать: “Мы все трое родили его” (Тотемизм и экзогамия, примечание I. стр. 305). Это то, во что они верят, или то, что (следуя своей системе классовой номенклатуры) они привыкли говорить?

[526] Страница 125.

[527] См. выше, [глава ii. § 3.](#)

[528] Разумно предположить, что группа назвала другие группы, чтобы отличить тех, кто их окружает, прежде чем нужно будет назвать себя. Отсюда следует, что, вероятно, каждая группа иногда носила другое название, когда о ней говорили несколько соседей. Как среди такой путаницы могли быть зафиксированы отдельные имена? Возможно, потому, что обозначенная группа приняла одно из них; или путем исключения других имен по многим причинам с течением времени, в поколениях, через сотни лет. В те дни продвижение вперед было неторопливым.

[529] Главы iv., v., vi.

[530] Главы xiv, xv, Запрещение браков между родственниками.

[531] Гл. xl., Брак.

[532] Лангloch Паркер, племя эуахлайи, стр. 21.

[533] Тотемизм и экзогамия, I. стр. 489.

[534] Там же, IV. стр. 54.

[535] Тотемизм и экзогамия, I. стр. 254.

[536] Коренные племена Центральной Австралии, стр. 388.

[537] Тотемизм и экзогамия, III. стр. 13.

[538] Ланглох Паркер, Евахлайи, стр. 22.

[539] Коренные племена Центральной Австралии, глава vi.; Северные племена Центральной Австралии, глава ix.

[540] Существует, однако, другая возможная причина употребления кланом или его Главой некоторой части пищи, которую они якобы поставляют остальным членам племени, а именно, что это выражает предварительное требование на своего рода право собственности, от которого затем отказываются.

[541] Тотемизм и экзогамия, IV. стр. 55-7.

[542] Спенсер и Гиллен, коренные племена Севера. Тер. Авст., стр. 324.

[543] Тотемизм и экзогамия, III. стр. 104-5.

[544] Элементарные формы религиозной жизни, II. глава ix.

[545] Ланглох Паркер, племя эвахлайи, стр. 458, 478 и др. В Элеанбе Вунде они прижимают правые руки к бокам, что, по мнению А. Ланга, является замечательным изображением. По словам У. Э. Рота, это язык жестов, обозначающий болезнь. (Этнологические исследования на северо-западе Центрального Квинсленда, стр. 90.)

[546] Эвахлайи, стр. 4-8 и 78.

[547] Север. Цит. по С. Aust., стр. 253.

[548] Хауитт, Северные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 435.

[549] Хэддон, Отчеты об экспедиции в Торресов пролив, V. стр. 37, 38.

[550] W. H. R. Rivers, J. A. I., 1909, стр. 158.

[551] J. A. I., 1909, стр. 163.

[552] Самоа, глава iv, v.; особенно стр. 28, 48, 62-3, 70, 75. Фиджи в некотором роде произвели глубокое впечатление на воображение самоанцев.

[553] Меланезийцы, стр. 31.

[554] Происхождение и развитие моральных идей, II. стр. 590.

[555] Тотемизм и экзогамия, III.

[556] Цитируется Тайлором, Примитивная культура, II. стр. 244.

[557] Тотемизм и экзогамия, III. стр. 311.

- [558] О богах-видах см. Примитивную культуру Тайлора, II. стр. 242-6.
- [559] Тотемизм и экзогамия, II. стр. 574.
- [560] “Этнология района Унгава”, Am. B. of Ethn., XI. стр. 195. Другие примеры *ante*, глава viii. § 3.
- [561] Анатомия меланхолии, Часть II. Раздел IV. Часть 1, подраздел 3.
- [562] Плиний, XXV в., 6.
- [563] Дж. Муни, “Священные формулы чероки”, Am. B. of Ethn., VII. стр. 323-39.
- [564] Дж. Муни, указ. соч.
- [565] Плиний, XXV в., 11.
- [566] Там же, XXV. с. 59.
- [567] А. В. Ховитт, Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 384.
- [568] Спенсер и Гиллен, По всей Австралии, стр. 339.
- [569] Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 381.
- [570] Меланезийцы, стр. 199.
- [571] В защиту астрологии Проклом см. “Историю индуктивных наук” Уэвелла, книга IV. глава iii., 1-е изд., стр. 298-300.
- [572] Дадли Кидд, “Истинный кафир”, стр. 114.
- [573] А. В. Ховитт, Коренные племена Юго-Восточной Австралии, стр. 397-9.
- [574] Я не имею в виду, что Магия всегда является *прямым* производным от Здравого смысла: мы видели (глава vi. § 5), что иногда она происходит от анимизма путем ретроградации и (в других местах) часто от совпадений.
- [575] Дадли Кидд, “Истинный кафир”, стр. 134-5.
- [576] Хоуз и Макдугалл, Языческие племена Борнео, I. стр. 106.
- [577] *Ante*, глава vi. § 3.

Примечание переписчика

Нумерация сносок была изменена и перенесена в конец этой книги. В указатель была добавлена таблица переходов по алфавиту. Укажите номера страниц в индексе с буквой “n”. после нее укажите ссылку непосредственно на сноску, изначально размещенную на этой странице. Ссылки могут не работать на некоторых устройствах чтения.

Некоторые незначительные исправления были внесены без примечания, такие как отсутствие знаков препинания и номеров страниц в указателе. Также были внесены следующие исправления, на странице

13 “probaby” заменено на “вероятно” (вероятно, намного раньше)

93 “критицизм” заменен на “criticism” (неспособен к сравнениям и критике)

224 “shepherded” заменено на “shepherd” (и пастух, спящий у могилы Орфея)

348 “McDougal” заменено на “McDougall” (см. Также Hose и McDougall)

350 “недобросовестность” заменена на “беспринципность” (medicine-man's беспринципность)

350 “Видерманн” заменено на “Видеманн” (Wiedemann on Religion of Ancient Egyptian).

В остальном был сохранен оригинал, включая непоследовательную орфографию, расстановку переносов, заглавные буквы и возможные ошибки в иностранных словах. Дополнительно:

Имена некоторых цитируемых авторов в оригинале были написаны непоследовательно, например, Кодрингтон в большинстве случаев писался с двумя "д". Также имя Вильхьялмура Стефанссона (который родился как Уильям Стивенсон) было написано несколькими разными способами. Они не были исправлены. Также упомянутый Стивенсон - это кто-то другой. Также: индекс не проверялся на наличие ошибок, кроме тех, что указаны в списке выше.